

М. ГОРЬКІЙ.

Бола Гордъевъ.

Тоша Гардеевъ

ПОВѢСТЬ.

181

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая, 18.

1900.

БИБЛИОТЕКА ЖИЗНИ

№ 1. «Хельбекъ изъ Баннисдэля». Романъ въ 5 частяхъ. *Гемфри Уордъ*. Переводъ съ англійскаго подь ред. *Л. Я. Гуревичъ*. Цѣна 1 руб.

№ 2. «Оома Гордѣвъ». Повѣсть *М. Горькаго*. Цѣна 1 руб.

№ 3. «Умирающая Земля». Романъ *Ренэ Базена*. Переводъ съ французскаго подь редакціей *Е. Смирнова*. Цѣна 50 коп.

Печатаются:

№ 4. «Конецъ Андрея Ивановича». Повѣсть *В. Верещаева*. Цѣна 50 коп.

№ 5. «Христіанинъ». Романъ *Голль Кена*. Переводъ съ англійскаго *А. Н. Линдегрена*. Цѣна 1 руб.

Памяти великихъ поэтовъ:

№ 1. *Памяти Пушкина*. Иллюстрированный сборникъ. Изданіе «Жизни». Цѣна 1 руб.

Печатается:

№ 2. *Памяти Гете*. Иллюстрированный сборникъ. Изданіе «Жизни». Цѣна 1 руб.

Складъ изданій «Жизни» въ книжномъ магазинѣ *О. Н. Поповой*. С.-Петербургъ, Невскій, 54.

№ 3.—БИБЛИОТЕКА „ЖИЗНИ“.—№ 3.

№ 15804

М. ГОРЬКІЙ.

383961

Бола Гордъевъ.

ПОВѢСТЬ.

21284

882-34

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая, 18.

1900.

BUCURESTI

15804

CONTROL 1955

№ 3 - BIBLIOTECA "J. K. N. S. H. N. - № 3.

pe 46/06

1956

M. TORPIN

1961

L

Coma Topogres

BUCURESTI

B.C.U. Bucuresti

C21284

LIBRARY

For the full text of this document, please refer to the original source.

1961

Антону Павловичу Тихову.

М. Горький.

I.

Лѣтъ, шестьдесятъ тому назадъ, когда на Волгѣ со сказочною быстротой создавались миллионныя состоянія,—на одной изъ баржъ богача купца Заева служилъ водоливомъ молодой парень Игнатъ Гордѣевъ.

Богатырски-сложенный, красивый и не глупый, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которымъ всегда и во всемъ сопутствуетъ удача—не потому, что они талантливы и трудолюбивы, а скорѣе потому, что, обладая огромнымъ запасомъ энергіи, они по пути къ своимъ цѣлямъ, не умѣютъ, даже не могутъ задумываться надъ выборомъ средствъ и помимо своего желанія не знаютъ иного закона. Иногда они со страхомъ говорятъ о своей совѣсти, порою искренно мучаются въ борьбѣ съ ней, — но совѣсть—это сила непобѣдимая лишь для слабыхъ духомъ; сильные же быстро овладѣваютъ ею и порабощаютъ ее своимъ желаніямъ, ибо они безсознательно чувствуютъ, что если дать ей просторъ и свободу—она изломаетъ жизнь. Они приносятъ ей въ жертву дни; если же случится, что она одолѣетъ ихъ души, то они, побѣжденные ею, никогда не бываютъ разбиты и такъ же здорово и сильно живутъ подъ ея началомъ, какъ жили и безъ нея...

Въ сорокъ лѣтъ отъ роду Игнатъ Гордѣевъ самъ былъ собственникомъ трехъ пароходовъ и десятка баржъ. На Волгѣ его уважали какъ богача и умнаго человѣка, но дали ему прозвище—„Шалый“, ибо жизнь его не текла ровно, по прямому руслу, какъ у другихъ людей, ему подобныхъ, а то и дѣло, мятежно вскипая, бросалась вонъ изъ колен, въ стороны отъ наживы,

главной цѣли существованія этого человѣка. Было какъ бы трое Гордѣевыхъ, или—въ тѣлѣ Игната были какъ бы три души. Одна изъ нихъ, самая мощная, была только жадна, и когда Игнатъ жилъ, подчиняясь ея велѣнїямъ—тогда онъ былъ просто человѣкъ, охваченный неукротимой страстью къ работѣ. Эта страсть горѣла въ немъ дни и ночи, онъ всецѣло поглощался ею и, хватая всюду сотни и тысячи рублей, казалось, никогда не могъ насытиться шелестомъ и звономъ денегъ. Онъ метался по Волгѣ вверхъ и внизъ, укрѣпляя и настраивая на ней сѣти, которыми ловилъ золото: онъ скупалъ по деревнямъ хлѣбъ, возилъ его въ Рыбинскъ на своихъ баржахъ; грабилъ, обманывалъ, иногда не замѣчалъ этого, иногда—замѣчалъ и, торжествуя, открыто смѣялся надъ обманутыми имъ и въ безумїи своей жажды денегъ возвышался до поэзїи. Но, отдавая такъ много силы этой погонѣ за рублемъ, онъ не былъ жаденъ, въ узкомъ смыслѣ и даже порой обнаруживалъ непонятное, но искреннее равнодушіе къ своему имуществу. Однажды, во время ледохода на Волгѣ, онъ стоялъ на берегу и, видя, какъ ледъ ломаетъ его новую сорока-пяти-саженную баржу, притиснувъ ее къ обрывистому берегу, приговаривалъ сквозь зубы:

— Такъ ее... ну-ка еще... жми-дави!.. ну, еще разокъ!.. рры!

— Что, Игнатъ, — спросилъ его кумъ Маякинъ, подходя къ нему, — выжимаетъ ледъ-то у тебя изъ мошны тысячъ десять, эдакъ?

— Ничего! Еще сто наживемъ... а ты гляди, какъ работаетъ Волга-то! а? Здорово? Она, матушка, всю землю можетъ разворотить, какъ творогъ ножомъ... гляди, гляди! Вотъ-те и „Боярыня“ моя! Всего одну воду поплавала... Ну, справимъ что ли поминки ей?

Баржу раздавило на щепки. Игнатъ съ кумомъ, сидя въ трактирѣ на берегу, пили водку и смотрѣли въ окно, какъ вмѣстѣ со льдомъ по рѣкѣ неслись обломки „Боярыни“.

— Жалко посуду-то, Игнатъ?—спросилъ Маякинъ.

— Ну, чего-жъ жалѣть? Волга дала, Волга и взяла... Чай не руку мнѣ оторвало...

— Все-таки...

— Что—все-таки? Ладно хоть самъ видѣлъ, какъ все дѣлалось... впередъ наука. А вотъ, когда у меня „Волгарь“ горѣлъ—жалко, не видалъ я. Чай, какая красота, когда на водѣ, да темной ночью эдакій кострище пылаетъ, а? Большущій пароходина былъ...

— Будто тоже не пожалѣлъ?

— Пароходъ? Пароходъ... жалко было, точно... Ну, да вѣдь это

глупость одна—жалость. Какой толкъ? Плачь, пожалуй: слезы пожара не потушатъ. Пускай ихъ—пароходы горять... и хоть все стори—плевать! Горѣла бы душа къ работѣ... и все снова воздвигнется... такъ ли?

— Н-да, — сказали Маякинъ, усмѣхаясь. — Это ты крѣпкія слова говоришь... И кто такъ говорить — его хоть до-гола раздѣнь, онъ все богатъ будетъ...

Относясь такъ философски къ потерямъ тысячъ, Игнатъ зналъ цѣну каждой копейки; онъ даже нищимъ подавалъ рѣдко и только тѣмъ, которые были совершенно неспособны къ работѣ. Если же милостыню просилъ человѣкъ мало-мальски здоровый, Игнатъ строго говорилъ:

— Проваливай! Еще работать можешь... поди, вонъ, дворнику моему помоги навозъ убрать,—семишникъ дамъ...

Въ періоды увлеченія работой онъ къ людямъ относился сурово и безжалостно,—онъ и себѣ покоя не давалъ, лова рубли. И вдругъ — обыкновенно это случалось весной, когда все на землѣ становится такъ обаятельно красиво и чѣмъ-то укоризненно ласковымъ вѣетъ на душу съ яснаго неба—Игнатъ Гордѣевъ какъ бы чувствовалъ, что онъ не хозяинъ своего дѣла, а низкій рабъ его. Онъ задумывался и, пытливо поглядывая вокругъ себя изъ-подъ густыхъ, нахмуренныхъ бровей, цѣлыми днями ходилъ угрюмый и злой, точно спрашивая молча о чемъ-то и боясь спросить вслухъ. Тогда въ немъ просыпалась другая душа—буйная и похотливая душа раздраженнаго голодомъ звѣря. Дерзкій со всѣми и циничный, онъ пилъ, развратничалъ и спаивалъ другихъ, онъ приходилъ въ изступленіе и въ немъ точно вулканъ грязи вскипалъ. Казалось, онъ бѣшено рветъ тѣ цѣпи, которыя самъ на себя сковалъ и носить, онъ рветъ ихъ и безсилень разорвать. Всклоченный, грязный, съ лицомъ, опухшимъ отъ пьянства и безсонныхъ ночей, съ безумными глазами, огромный и ревущій хриплымъ голосомъ, онъ носился по городу изъ одного вертепа въ другой, не считая бросать деньги, плакалъ подъ пѣніе заунывныхъ народныхъ пѣсенъ и плясалъ и билъ кого-нибудь, но нигдѣ и ни въ чемъ не находилъ успокоенія.

Случилось какъ-то разъ—къ компаніи, кутившей вмѣстѣ съ Игнатомъ, присталъ, какъ пристаешь комъ грязи къ сапогу, разстрига-дьяконъ, низенькій и толстый человѣкъ въ дырявомъ подрясникѣ и съ лысой головой. Существо безличное, уродливое и гадкое—онъ игралъ роль шута: ему мазали лысину горчицей, заставляли ходить на четверенькахъ, пить смѣсь разныхъ водокъ, плясать циничные танцы; онъ дѣлалъ все это молча, съ идиотской

улыбкой на обрюзгломъ лицѣ и, сдѣлавъ, что было приказано, неизмѣнно говорили простирая руку ладонью кверху:

— Пожалуйте рубликъ...

Надъ нимъ хохотали и иногда давали ему двугривенный, иногда ничего не давали, но случалось, бросали по десять рублей и больше.

— Ты, мр-разъ!—крикнулъ ему однажды Игнатъ.—Говори—кто ты есть таковъ?

Дьяконъ испугался окрика, и, низко кланяясь Игнату, молчалъ.

— Кто? Говори!—ревѣлъ Игнатъ.

— Азъ есмь челоувѣкъ... для поруганія...—отвѣтилъ дьяконъ, и компанія расхохоталась надъ его словами.

— Мерзавецъ ты?—грозно спрашивалъ Игнатъ.

— Мерзавецъ... по нуждѣ и слабости духа моего.

— Иди сюда!—позвалъ его Игнатъ. — Иди и садись рядомъ со мной..

Робкими шагами, вздрагивая отъ страха, дьяконъ подошелъ къ пьяному купцу и всталъ противъ него.

— Садись рядомъ!—говорилъ Игнатъ, взявъ его за руку и усаживая испуганнаго рядомъ съ собой.—Ты мнѣ близкій челоувѣкъ... Я—тоже мерзавецъ! Ты—по нуждѣ, я—по озорству... я—отъ тоски мерзавецъ! Поняль?

— Поняль...—тихо сказалъ дьяконъ.

А компанія хохотала...

— Знаешь теперь, кто я?

— Знаю...

— Ну, скажи:—ты, Игнатъ, мерзавецъ!

Дьяконъ не могъ этого. Онъ съ ужасомъ посмотрѣлъ на огромную фигуру Игната и отрицательно потрясъ головой. Компанія же хохотала—точно громъ гремѣлъ. Не могъ Игнатъ приказать дьякону обругать его. Тогда онъ спросилъ его:

— Дать тебѣ денегъ?

— Дайте!—встрепенулся дьяконъ.

— А на что онѣ тебѣ?..

Дьяконъ не хотѣлъ отвѣчать. Тогда Игнатъ взялъ его за шиворотъ и вытрясъ изъ грязныхъ устъ его такую рѣчь, сказанную со страхомъ и тихо, почти шопотомъ:

— Имѣю дочь... дочку... шестнадцать лѣтъ.. въ духовномъ училищѣ. Для нея... кошлю... ибо, когда изыдетъ... даже наготу прикрыть будетъ нечѣмъ...

— А...—сказалъ Игнатъ и отпустилъ воротъ дьякона. Потомъ онъ долго сидѣлъ задумчивый и мрачный и все присматривался къ дьякону. Потомъ его глаза засмѣялись, и онъ сказалъ:

— Врешь, вѣдь, пьяница?

Дьяконъ молча перекрестился и опустилъ голову на грудь.

— Правда, есть! — подтвердилъ слова дьякона кто-то изъ компаніи.

— Есть? Ладно! — крикнулъ Игнатъ и, ударивъ кулакомъ по столу, обратился къ дьякону:

— Эй ты! Продай дочь! Сколько возьмешь?

Дьяконъ тряхнулъ головой и весь съезжился.

— Тыщу!

Компанія хохотала, видя, какъ дьяконъ ежится, точно на него льютъ холодную воду.

— Двѣ! — оралъ Игнатъ, сверкая глазами.

— Что вы?... Какъ это?... — лепеталъ дьяконъ, простирая обѣ руки къ Игнату.

— Три!

— Игнатъ Матвѣичъ! — тонкимъ звенящимъ голосомъ крикнулъ дьяконъ. — Господа Бога ради... ради Христа! Будеть... продамъ вѣдь! Для нея — продамъ!

Въ его крикахъ, болѣзненно рѣзкихъ, звучала угроза кому-то, и глаза у него, раньше никѣмъ незамѣченные, сверкали какъ угли. Но компанія пьяныхъ людей безумно хохотала надъ нимъ.

— Цыцъ! — грозно крикнулъ Игнатъ, выпрямляясь во весь ростъ и поводя бровями. — Не понимаете, дьяволы, въ чемъ дѣло? Отъ этого заплакать можно, а вы хохочете...

Онъ подошелъ къ дьякону, всталъ предъ нимъ на колѣни и твердо сказалъ ему:

— Дьяконъ! Теперь ты видѣлъ, каковъ я есть мерзавецъ. Ну, плюнь мнѣ въ рожу!

Произошло что-то безобразное и смѣшное. Дьяконъ тоже бросился въ ноги Игнату и, какъ огромная черепаха, ползаль около нихъ и цѣловаль колѣни и что-то бормоталь, всхлипывая. Игнатъ же, склонившись надъ нимъ, поднималь его съ пола и кричалъ ему, приказывая и прося:

— Плюй! Норови прямо въ безстыжіе глаза мои!

Ошеломленная на минуту грознымъ крикомъ Игната компанія снова хохотала такъ, что стекла дрожали въ окнахъ трактира,

— Сто цѣлковыхъ даю — плюнь.

А дьяконъ ползаль по полу и рыдалъ отъ страха или отъ счастья слышать, какъ этотъ человѣкъ проситъ его объ униженіи своемъ.

Наконецъ Игнатъ всталъ съ пола, толкнулъ ногой дьякона

и, бросивъ въ него пачкой денегъ, сказалъ угрюмо и умиляясь:

— Сволочь... Развѣ можно человѣку каяться предъ такими? Одни покаянія боятся слышать, другіе смѣются надъ грѣшникомъ... Я было расходился во всю... сердце дрогнуло... Дай, думаю... И ничего я не думалъ... такъ это! Пошелъ вонъ! И чтобы я тебя никогда не видалъ—слышь?

— Ахъ, чуд-дакъ!—умилялась компанія.

О его кутежахъ въ городѣ создавались легенды, его всѣ строго осуждали, но никто никогда не отказывался отъ его приглашенія на оргіи. Такъ онъ жилъ недѣлями. И неожиданно являлся домой еще весь пропитанный запахомъ кабаковъ, но уже подавленный и тихій. Со смиренно опущенными глазами, въ которыхъ теперь горѣлъ стыдъ, онъ молча слушалъ упреки жены, смиренный и тупой, какъ овца, уходилъ къ себѣ въ комнату и тамъ запирался. По нѣскольку часовъ кряду онъ выстаивалъ на колѣняхъ предъ образами, опутивъ голову на грудь; беспомощно висѣли его руки, спина сгибалась, и онъ молчалъ, какъ бы не смѣя молиться. Къ дверямъ на цыпочкахъ подходила жена и слушала. Тяжелые вздохи раздавались за дверью—вздохи лошади, усталой и больной.

— Господи! Ты видишь...—глухо шепталъ Игнатъ, съ силой прижимая къ широкой груди ладони рукъ.

Во дни покаянія онъ пилъ только воду и ѣлъ ржаной хлѣбъ. Жена утромъ ставила къ двери его комнаты большой графинъ воды, фунта полтора хлѣба и соль. Онъ отворялъ дверь, бралъ себѣ эту трапезу и снова запирался. Его ужъ такъ и не беспокоили ничѣмъ въ это время, даже избѣгали попадаться на глаза ему... Черезъ нѣсколько дней онъ снова являлся на биржѣ, шутить, смѣялся, принималъ подряды на поставку хлѣба, зоркій, какъ опытный хищникъ, тонкій знатокъ всего, что касалось дѣла.

Но во всѣхъ трехъ полосахъ жизни Игната не покидало одно страстное желаніе—желаніе имѣть сына и, чѣмъ старѣе онъ становился, тѣмъ сильнѣе желалъ. Часто между нимъ и женой происходили такія бесѣды. Поутру, за чаемъ, или въ полдень, за обѣдомъ, онъ, хмуро взглянувъ на жену, толстую, раскормленную женщину, съ румянымъ лицомъ и сонными глазами, спрашивалъ ее:

— Что, ничего не чувствуешь?

Она знала, о чемъ онъ спрашивалъ, но неизмѣнно отвѣчала:

— Какъ мнѣ не чувствовать? Кулаки-то у тебя — вона какіе какъ гири...

— Я про чрево спрашиваю, дура...

— Отъ такого бою развѣ можно понести?

— Не отъ бою ты не родишь, а отъ того, что жрешь много. Набьешь себѣ брюхо всякой пищей — ребенку и негдѣ зародиться.

— Будто я не родила тебѣ?..

— Дѣвокъ-то! — укоризненно говорилъ Игнатъ. — Мнѣ сына надо! Понимаешь ты? Сына, наслѣдника! Кому я послѣ смерти, капиталъ сдамъ? кто грѣхъ мой замолитъ? Въ монастырь, что-ль все отдать? Дадено имъ... будетъ ужъ! Тебѣ оставить? Молешица ты... ты и въ храмѣ-то стоя только о кулебякахъ думаешь. А помру я — опять замужъ выйдешь... и попадутъ тогда мои деньги какому-нибудь дураку... али я для этого работаю? Эхъ ты...

И его охватывала злобная тоска, ибо онъ чувствовалъ, что жизнь его — безцѣльна, если не будетъ у него сына, который продолжалъ бы ее.

За девять лѣтъ супружества жена родила ему четырехъ дочерей, но всѣ онѣ умерли. Съ трепетомъ ожидая ихъ рожденія, Игнатъ мало горевалъ объ ихъ смерти — все равно онѣ были не нужны ему. Жену онъ билъ уже на второй годъ свадьбы, билъ сначала подъ пьяную руку и безъ злобы, а просто по пословицѣ; „люби жену, какъ душу, тряси ее, какъ грушу“, но послѣ каждаго родовъ, у него, обманутаго въ ожиданіяхъ, разгоралась ненависть къ женѣ, и онъ уже билъ ее съ наслажденіемъ, мстя ей за то, что она не родитъ ему сына.

Однажды, находясь по дѣламъ въ Самарской губерніи, онъ получилъ изъ дома отъ родныхъ депешу, извѣщавшую его о смерти жены. Онъ перекрестился, подумалъ и написалъ куму своему Маякину:

— Хороните безъ меня, наблюдай за имуществомъ...

Потомъ онъ пошелъ въ церковь служить панихиду и, помолвившись о упокоеніи души новопреставленной Акилины, сталъ думать о томъ, что ему необходимо поскорѣе жениться.

Въ то время ему было сорокъ три года; высокій, широкоплечій, онъ говорилъ густымъ басомъ, какъ протодьяконъ; большіе глаза его смотрѣли изъ-подъ темныхъ бровей смѣло и умно; въ его загорѣломъ лицѣ, обросшемъ густой черной бородой и во всей его мощной фигурѣ было много чисто русской, здоровой и грубой красоты; отъ его плавныхъ движеній и гордой, неторопливой походки вѣяло сознаніемъ силы, твердой увѣренностью въ себѣ. Женщинамъ онъ нравился и не избѣгалъ ихъ.

Не прошло полугода со дня смерти жены, какъ онъ уже по-

сватался къ дочери знакомаго ему по дѣламъ уральскаго казака-молоканина. Отецъ невѣсты, несмотря на то, что Игнатъ былъ и на Уралѣ извѣстенъ какъ „шалый“ человѣкъ, выдалъ за него дочь, и къ осени Игнатъ Гордѣевъ пріѣхалъ домой съ молодой женой-казачкой. Ее звали Наталья. Высокая, стройная, съ огромными голубыми глазами и длинной темнорусой косой она была достойной парой красавцу Игнату. Онъ ликовалъ, гордился своей женой и любилъ ее страстной любовью здороваго самца, но вскорѣ началъ задумчиво и зорко присматриваться къ ней.

Улыбка рѣдко являлась на овальномъ, строго правильномъ лицѣ его жены,—всегда она думала о чемъ-то точно чуждомъ жизни, и въ голубыхъ ея глазахъ, всегда холодно-спокойныхъ, порой сверкало что-то темное, нелюдимое. Въ свободное отъ занятій по хозяйству время она садилась у окна самой большой комнаты въ домѣ и неподвижно, молча сидѣла тутъ по два и по три часа. Лицо ея было обращено на улицу, но взглядъ ея глазъ былъ такъ безучастенъ ко всему, что жило и двигалось тамъ, за окномъ, и въ то же время былъ такъ сосредоточенно-глубокъ, какъ будто она смотрѣла внутрь себя. И походка у нея была странная—Наталья двигалась по просторнымъ комнатамъ дома медленно и осторожно, какъ будто что-то невидимое стѣсняло свободу ея движеній. Домъ былъ обставленъ съ тяжелой и грубо-хващливой роскошью, все въ немъ блестѣло и кричало о богатствѣ хозяина но казачка ходила мимо дорогихъ мебели и горокъ, наполненныхъ серебромъ, какъ-то бокомъ и пугливо, точно боялась, что эти вещи схватятъ ее и задавятъ. Шумная жизнь большого, торговаго города должно быть не интересовала эту молчаливую женщину, и когда она выѣзжала съ мужемъ кататься—глаза ея были устремлены въ спину кучера. Если мужъ звалъ ее въ гости—она шла и тамъ вела себя такъ же странно, какъ дома; если къ ней приходили гости, она усердно поила и кормила ихъ, не обнаруживая никакого интереса къ тому, о чемъ говорили они, и ничего изъ нихъ не предпочитая другимъ. Лишь кумъ Маякинъ, умница и балагуръ, порой вызывалъ на лицѣ ея улыбку, неясную какъ тѣнь. Онъ говорилъ про нее:

„Дерево—не баба! Но жизнь, какъ костеръ неугасимый, и всѣ мы въ ней запылаемъ, вспыхнетъ и эта молоканка, погоди, дай срокъ. Тогда увидимъ, какими она цвѣтами расцвѣтетъ...“

— Эй, кулугурка!—шутливо говорилъ Игнатъ женѣ.—Что задумалась? Или по своей станицѣ скучаешь? Живи веселѣй!

— Она молчала, спокойно поглядывая на него.

— Больно ужъ ты часто по церквамъ ходишь... погодила бы! успѣешь еще грѣхи-то замолить... сперва натвори ихъ. Знаешь:

не согрѣшишь—не покаешься, не покаешься—не спасешься... Ты вотъ, и погрѣши, пока молода. Поѣдемъ кататься?

— Не хочется...

Онъ подсаживался къ ней, обнималъ ее, холодную, скупю отвѣчавшую на его ласки, и, заглядывая въ ея глаза, говорилъ:

— Наталья! Скажи — чего ты такая нерадостная? Скучно что ли со мной, а?

— Нѣтъ,—кратко отвѣчала она.

— Такъ что же—къ своимъ что ли хочется?

— Да нѣтъ... такъ это...

— О чемъ ты думаешь?..

— Я не думаю...

— А что же?

— Такъ...

Однажды онъ добился отъ нея болѣе многосложнаго отвѣта:

— Въ сердцѣ у меня... смутное что-то. И въ глазахъ... И все кажется мнѣ, что это—не настоящее...

Она повела вокругъ себя рукой, на стѣны, мебель, на все. Игнать не подумалъ надъ ея словами и, смѣясь, сказалъ ей:

— Это ты напрасно! Тутъ все самое настоящее... вещь все дорогая, прочная... Но захочешь—всю сожгу, распродамъ, раздарю и—новое заведу! Ну, желаешь?

— На что?—спокойно сказала она.

Его, наконецъ, удивляло, какъ это она, такая молодая, здоровая, живеть — точно спитъ, ничего не хочетъ, никуда, кромѣ церковей, не ходитъ, всѣхъ людей дичится. И онъ утѣшалъ ее:

— Вотъ погоди — родишь ты мнѣ сына и — совѣмъ другая жизнь у тебя пойдетъ. Это ты отъ того печалишься, что заботы у тебя мало, а онъ тебѣ дастъ заботу... Родишь, вѣдь, сына, а?

— Какъ Богъ дастъ...—отвѣчала она, опуская голову.

Потомъ ея настроеніе стало раздражать его.

— Ну, молоканка, что носъ повѣсила? Ходить — ровно по стеклу... смотреть—будто душу чью-то загубила! Э-эхма! Баба ты такая ядреная, а вкуса у тебя нѣтъ ни къ чему... дуреха!

Разъ, придя домой выпивши, онъ началъ приставать къ ней съ ласками, а она уклонялась отъ нихъ. Тогда онъ разсердился и крикнулъ:

— Наталья! Не дури, смотри!

Она обернулась лицомъ къ нему и спокойно спросила:

— А то что будетъ?

Игнать освирипѣлъ отъ этихъ словъ и ея безбоязненнаго взгляда.

— Что?—рявкнулъ онъ, наступая на нее.

— Прибить что ли хочешь?—не двигаясь съ мѣста и не моргнувъ глазомъ, спрашивала она.

Игнатъ привыкъ, чтобъ предъ гнѣвомъ его трепетали, и ему было дико и обидно видѣть ея спокойствіе.

— А вотъ...—крикнулъ онъ, замахиваясь на нее. Не быстро, но во-время, она уклонилась отъ его удара, потомъ схватила руку его, оттолкнула ее прочь отъ себя и, не повышая голоса, сказала:

— Ежели тронешь—больше ко мнѣ не подходи! не допущу до себя!

Большіе глаза ея сузились, и ихъ острый, рѣжущій блескъ отрезвилъ Игната. Онъ понялъ по лицу ея, что она тоже звѣрь сильный и, если захочетъ, — не допустить его до себя, хоть до смерти забей ее.

— У-у, кулугурка!—рыкнулъ онъ и ушелъ.

Но, отступивъ предъ нею однажды, въ другой разъ онъ не сдѣлалъ бы этого: не могъ онъ потерпѣть, чтобъ женщина и жена его не преклонилась предъ нимъ: это унизило бы его. Онъ тогда же почувствовалъ, что жена ни въ чемъ и никогда не уступитъ ему съ этой поры и что между нимъ и ею должна завязаться упорная борьба за преобладаніе.

„Ладно! Поглядимъ, кто кого“,—думалъ онъ на слѣдующій день, съ угрюмымъ любопытствомъ наблюдая за женой, и въ душѣ его уже разгоралось бурное желаніе начать борьбу, чтобъ скорѣе насладиться побѣдой.

Но дня черезъ четыре Наталья Оминишна объявила мужу, что она беременна. Игнатъ вздрогнулъ отъ радости, крѣпко обнялъ ее и глухо заговорилъ:

— Молодецъ Наталья! Наташа... ежели — сынъ! Ежели сына родишь — озолочу! Что тамъ! Прямо говорю — слугою тебѣ буду! вотъ какъ передъ Богомъ! Подъ ноги тебѣ лягу, топчи меня, какъ захочешь!

— Въ этомъ не наша воля, а Божья...—тихо и вразумительно сказала она.

— Да... Божья!—съ горечью воскликнулъ Игнатъ и грустно поникъ головой. Съ этой минуты онъ началъ ходить за женой, какъ за малымъ ребенкомъ.

— Пошто сѣла къ окну? Смотри — надуетъ въ бокъ, захвораетъ еще...—говорилъ онъ ей сурово и ласково.—Что ты скачешь по лѣстницѣ-то? Встряхнешься какъ-нибудь... А ты ѣшь больше на двоихъ ѣшь, чтобы ему хватало...

Наталью же беременность сдѣлала еще болѣе сосредоточенной и молчаливой; она какъ бы еще глубже ушла въ себя, поглощенная біеніемъ новой жизни подъ сердцемъ своимъ. Но улыбка

ея губъ стала яснѣе, и въ глазахъ порой вспыхивало что-то новое, слабое и робкое, какъ первый проблескъ утренней зари.

Когда, наконецъ, наступило время родовъ,—это было рано по утру осеняго дня,—при первомъ крикѣ боли, вырвавшемся у жены, Игнатъ поблѣднѣлъ, хотѣлъ что-то сказать ей, но только махнулъ рукой и ушелъ изъ спальни,— гдѣ жена корчилась въ судорогахъ,—внизъ въ маленькую комнатку, служившую моленной для его покойной матери. Онъ велѣлъ принести себѣ водки, сѣлъ за столъ и сталъ угрюмо пить, прислушиваясь къ тревогѣ въ домѣ и стомамъ родильницы, доносившимся сверху. Въ углу комнаты, тускло освѣщенные мерцающимъ огнемъ лампы смутно рисовались лики иконъ, безучастные и темные. Тамъ, наверху, надъ его головой топали и шаркали ногами, что-то тяжелое передвигали по полу, гремѣла посуда, по лѣстницѣ вверхъ и внизъ суетливо бѣгали... Все дѣлалось быстро и торопливо, но время шло медленно. До слуха Игната доносились подавленные голоса:

— Видно не разродится она такъ-то... въ церковь бы послать, чтобъ царскія врата отворили...

Въ комнату, сосѣдную съ той, гдѣ сидѣлъ Игнатъ, вошла приживалка Вассушка и громкимъ шепотомъ стала молиться:

— Господи Боже нашъ... благоволивый снити съ небесъ и родитися отъ святаго Богородицы... вѣдый немощное человѣческаго естества... прости рабѣ Твоей...

И вдругъ, заглушая всѣ звуки, раздавался нечеловѣческій вой, сотрясавшій душу, или продолжительный стонъ тихо плыль по комнатамъ дома и умиралъ въ углахъ, уже полныхъ вечерняго сумрака... Игнатъ бросалъ угрюмые взгляды на иконы, тяжело вздыхалъ и думалъ:

— Неужто опять дочь будетъ?

Порой онъ вставалъ, безтолково стоялъ среди комнаты и молча крестился, низко кланяясь иконамъ, потомъ опять садился за столъ, пилъ водку, неопьянявшую его въ эти часы, дремалъ, и — такъ провелъ весь вечеръ и всю ночь и утро до полудня...

И вотъ, наконецъ, сверху торопливо сбѣжала повитуха, тонкимъ и радостнымъ голосомъ крича ему:

— Съ сыномъ тебя, Игнатъ Матвѣичъ!

— Вре-ешь?—глухо сказалъ онъ.

— Ну, что это ты, батюшка!..

Вздохнувъ во всю силу своей широкой груди, Игнатъ рухнулъ на колѣни и дрожащимъ голосомъ забормоталъ, крѣпко прижимая руки къ груди:

— Слава Тебѣ, Господи! Не восхотѣлъ Ты, стало быть, чтобы

прекратился родъ мой! Не останутся безъ оправданія грѣхи мои предъ Тобою... Спасибо Тебѣ, Господи... охъ!—И тотчасъ же, подъявшись на ноги, онъ началъ зычно командовать:

— Эй! Позжай кто-нибудь къ Николѣ за попомъ! Игнатій, молю, Матвѣичъ, просить! пожалуйста, молю, молитву роженницъ дать...

Явилась горничная и тревожно сказала ему:

— Игнатій Матвѣичъ! Наталья Ѳоминишна васъ зоветъ.. плохо имъ...

— Чего плохо? Пройдетъ!—рычалъ онъ, радостно сверкая глазами.—Скажи—сейчасъ иду! скажи—молодецъ она! Сейчасъ, молю подарокъ на зубокъ достанетъ и придетъ! Стой! Закуску попу приготовьте... за кумомъ Маякинымъ пошлите!

Его огромная фигура точно еще выросла и, опьяненная радостью, нелѣпо металась по комнатѣ; онъ улыбался, потиралъ руки и, бросая на образа умиленные взгляды, крестился, широко размахивая рукой... Наконецъ, пошелъ къ женѣ.

Тамъ прежде всего бросилось въ глаза ему маленькое красное тѣльце, которое повитуха мыла въ корытѣ. Увидавъ его, Игнатъ всталъ на носки сапогъ и, заложивъ руки за спину, пошелъ къ нему, ступая осторожно и смѣшно оттопыривъ губы. Оно же верещало и барахталось въ водѣ, обнаженное, безильное, трогательно-жалкое...

— Ты тово... осторожнѣе тискай... вѣдь у него еще и костей-то нѣтъ...—сказалъ Игнатъ повитухѣ просительно и вполголоса. Она засмѣялась, открывая беззубый ротъ и ловко перебрасывая ребенка съ руки на руку.

— Иди, а ты къ женѣ-то...

Онъ послушно двинулся къ постели и на ходу спросилъ

— Ну что, Наталья?

Потомъ, подойдя, отдернулъ прочь пологъ, бросавшій тѣнь на постель.

— Не выживу я...—раздался тихій, хрипящій голосъ.

Игнатъ молчалъ, пристально глядя на лицо жены, утонувшее въ бѣлой подушкѣ, по которой, какъ мертвая змѣя, раскинулись темныя пряди волосъ. Желтое, безжизненное, съ черными пятнами вокругъ огромныхъ, широко раскрытыхъ глазъ—оно было чужое ему. И взглядъ этихъ страшныхъ глазъ, неподвижно устремленный куда-то въ даль, сквозь стѣну, — тоже былъ незнакомъ Игнату. Сердце его, стиснутое тяжелымъ предчувствіемъ, замедлило свое радостное біеніе.

— Ничего... ничего... это ужъ всегда...—тихо говорилъ онъ,

наклоняясь, чтобы поцѣловать жену. Но прямо въ лицо его она стонала:

— Не выживу...

Губы у нея были сѣрыя, холодныя, и когда онъ прикоснулся къ нимъ своими губами, то понялъ, что смерть—уже въ ней.

— О, Господи!—испуганнымъ шопотомъ произнесъ онъ, чувствуя, какъ страхъ давить ему горло и не даетъ дышать.

— Наташа! Какъ же онъ-то? Вѣдь ему—грудь надо? Что ты это!

Онъ чуть не закричалъ на жену. Около него суетилась повитуха; болтая въ воздухѣ плачущимъ ребенкомъ, она что-то убѣдительно говорила ему, но онъ ничего не слышалъ и не могъ оторвать своихъ глазъ отъ страшнаго лица жены. Губы ея шевелились и, онъ слышалъ тихія слова, но не понималъ ихъ. Сидя на краю постели, онъ говорилъ глухимъ и робкимъ голосомъ:

— Ты подумай—вѣдь онъ безъ тебя не можетъ... вѣдь младенецъ!—Ты скрѣпись душой-то: мысль-то эту гони! Гони ее...

Говорилъ и—понималъ, что ненужное говорить онъ. Слезы вскипали въ немъ, и въ груди у него родилось что-то тяжелое, какъ камень, холодное, какъ льдина.

— Прости... меня... прощай! Береги, смотри... не пей...—беззвучно шептала Наталья.

Священникъ пришелъ и, закрывъ чѣмъ-то лицо ея, сталъ, вздыхая, читать надъ нею тихія, умоляющія слова:

„Владыко Господи Вседержителю, исцѣляяй всякій недугъ... и сію, днесъ родившую, рабу твою Наталью исцѣли... и возстави ю отъ одра, на немъ же лежитъ... зане, по пророка Давида словеси: въ беззаконіяхъ зачехомся и сквернави вси есмы предъ Тобою“...

Голосъ старика прерывался, худое лицо его было строго, и отъ одеждъ его пахло ладономъ.

„...изъ нея рожденнаго младенца соблюди отъ всякаго ада... отъ всякія лютоисти... отъ всякія бури... отъ духовъ лукавыхъ дневныхъ же и noctныхъ“...

Игнатъ слушалъ молитву и безмолвно плакалъ. Слезы его, большія и теплыя, падали на обнаженную руку жены. Но рука ея, должно быть, не чувствовала, какъ ударяются о нея слезы: она оставалась неподвижною, и кожа на ней не вздрагивала отъ ударовъ слезъ. Принявъ молитву, Наталья впала въ безпамятство и на вторыя сутки—умерла, ни слова не сказавъ никому больше, умерла такъ же молча, какъ жила. Устроивъ женѣ пышныя похороны, Игнатъ окрестилъ сына, назвалъ его Ѳомой и, скрѣпя сердце, отдалъ его въ семью крестнаго отца, стараго пріятеля своего Маякина, у котораго жена незадолго предъ этимъ тоже родила. Въ густой, темной бородѣ Игната смерть жены посѣяла много сѣдинъ, по

въ утрюмомъ блескѣ его глазъ явилось новое выраженіе—мягкое и ясно-ласковое.

II.

Маякинъ жилъ въ огромномъ двухъ-этажномъ домѣ съ большимъ полисадникомъ, въ которомъ пышно разрослись могучія, старыя липы. Густыя вѣтви частымъ, темнымъ кружевомъ закрывали окна дома, и солнце сквозь эту завѣсу съ трудомъ, раздробленными лучами проникало въ маленькія комнаты, тѣсно заставленные разнообразной мебелью и большими сундуками, отчего въ комнатахъ всегда царилъ грустный и строгій полумракъ. Семья была благочестива—запахъ воска, ладона и лампаднаго масла наполнялъ домъ, покаянные вздохи, молитвенныя слова носились въ воздухѣ. Обрядности исполнялись неуклонно, съ наслажденіемъ, въ нихъ влагалась вся свободная сила душъ обитателей дома. Въ сумрачной, душной и тяжелой атмосферѣ по комнатамъ почти безшумно двигались женскія фигуры, одѣтыя въ темныя платья, всегда съ видомъ душевнаго сокрушенія на лицахъ и всегда въ мягкихъ туфляхъ на ногахъ.

Семья Якова Тарасовича Маякина состояла изъ него самого, его жены, дочери и пяти родственницъ, причемъ самой младшей изъ нихъ было тридцать четыре года. Всѣ они были одинаково-благочестивы, безличны и подчинены Антонинѣ Ивановнѣ, хозяйкѣ дома, женщинѣ высокой, худой, съ темнымъ лицомъ и строгими сѣрыми глазами, которые блестѣли властно и умно. Былъ еще у Маякина сынъ Тарасъ, но имя его не упоминалось въ семьѣ, знакомымъ же ея было извѣстно, что съ той поры, какъ девятнадцатилѣтній Тарасъ уѣхалъ въ Москву учиться,—онъ черезъ три года женился тамъ, противъ воли отца,—и Яковъ отрекся отъ него. Тарасъ — пропалъ безъ вѣсти. Говорили, что онъ за что-то сосланъ въ Сибирь...

Яковъ Маякинъ былъ очень странной фигурой. Низенькій, худой, юркій, съ огненно-рыжей клинообразной бородкой, онъ такъ смотрѣлъ своими зеленоватыми, хитрыми глазами, точно говорилъ всѣмъ и каждому:

— Ничего, сударь мой, не беспокойтесь! Я васъ хотя и понимаю, но ежели вы меня не тронете—не выдамъ...

Голова у него была похожа на яйцо и уродливо велика. Высокій лобъ, изрѣзанный морщинами, сливался съ лысиной, и казалось, что у этого человѣка два лица—одно пронизательное и умное лицо, съ длиннымъ хрящевымъ носомъ, всѣмъ видимое, а надъ нимъ—другое, безъ глазъ и рта, съ однѣми только морщинами, но за ними Маякинъ какъ бы пряталъ и глаза и губы—

пряталъ до времени... и, когда оно наступитъ,—онъ посмотритъ на мѣръ иными глазами и улыбнется иной улыбкой.

Онъ былъ владѣльцемъ канатнаго завода и имѣлъ въ городѣ у пристаней лавочку. Въ этой лавочкѣ, до потолка заваленной канатомъ, веревкой, пенькой и паклей, у него была маленькая коморка со стеклянной скрипучей дверью. Въ коморкѣ стоялъ большой, старый, уродливый столъ, передъ нимъ—глубокое клеенчатое кресло, и въ немъ Маякинъ сидѣлъ цѣлыми днями, попивая чай да читая всегда однѣ и тѣ же „Московскія Вѣдомости“, которыя онъ выписывалъ изъ-года-въ-годъ всю свою жизнь. Среди купечества онъ пользовался уваженіемъ и славой „мозгового“ человѣка и очень любилъ ставить на видъ древность своей породы, говоря сильнымъ голосомъ:

— Мы, Маякины, еще при матушкѣ Екатеринѣ уже купцами были... стало быть я—человѣкъ чистой крови...

Въ этой семьѣ сынъ Игната Гордѣева прожилъ шесть лѣтъ. На седьмомъ году Ѳома былъ большеголовый, широкогрудый мальчикъ, казавшійся старше своихъ лѣтъ и по росту и по серьезному взгляду миндалевидныхъ темныхъ глазъ. Тихій, молчаливый и настойчивый въ своихъ дѣтскихъ желаніяхъ, онъ по цѣлымъ днямъ возился съ игрушками вмѣстѣ съ дочерью Маякина—Любой подъ безмолвнымъ надзоромъ одной изъ родственницъ, рябой и толстой старой дѣвы, которую почему-то звали „Бузя“. Она была существо совершенно безсловесное и какъ бы чѣмъ-то испуганное; даже и съ дѣтьми она говорила вполголоса, односложными словами. Зная множество молитвъ, она не рассказывала Ѳомѣ ни одной сказки.

Съ дѣвочкой Ѳома жилъ дружно, но когда она чѣмъ-нибудь сердила или дразнила его, онъ блѣднѣлъ, ноздри его раздувались, онъ смѣшно тарачилъ глаза и азартно билъ ее. Она плакала, бѣжала къ матери и жаловалась ей, но Антонина любила Ѳому и на жалобы дочери мало обращала вниманія, что еще болѣе скрѣпляло дружбу дѣтей. День Ѳомы былъ длиненъ и однообразенъ. Вставъ съ постели и умывшись, онъ становился передъ образомъ и подъ нашептываніемъ рябой Бузи читалъ длинныя молитвы. Потомъ—шли чай и за чаемъ много ѣли едобныхъ булокъ, лепешекъ, пирожковъ. Послѣ чая—лѣтомъ—дѣти отправлялись въ густой и огромный садъ, спускавшійся въ оврагъ, на днѣ котораго всегда было темно. Оттуда вѣяло сыростью и чѣмъ-то жуткимъ. Дѣтей не пускали даже на край оврага, и это вселило въ нихъ страхъ къ нему. Зимой, отъ чая до обѣда, играли въ комнатахъ, если на дворѣ было очень морозно, или шли на дворъ и тамъ катались съ большой ледяной горы.

Въ полдень обѣдали — „по-русски“, какъ говорилъ Маякинъ. Сначала на столъ ставили большую чашку жирныхъ щей съ ржаными сухарями въ нихъ, но безъ мяса, потомъ тѣ же щи ѣли съ мясомъ, нарѣзаннымъ мелкими кусками, потомъ жареное — поросенка, гуся, телятину или сычугъ съ кашей, — потомъ снова подавали чашку похлебки съ потрохами или лапши, и заключалось все это чѣмъ-нибудь сладкимъ и сдобнымъ. Пили квасы: брусничный, можжевелевый, хлѣбный, — ихъ всегда у Антонины Ивановны было нѣсколько сортовъ. Ёли молча, лишь порой вздыхая отъ усталости; дѣтямъ ставили отдѣльную чашку для обоихъ, всѣ взрослые ѣли изъ одной. Разомлѣвъ отъ такого обѣда — ложились спать, и часа два-три кряду въ домѣ Маякина слышался только храпъ и сонные вздохи.

Проснувшись — пили чай, и за чаемъ разговаривали о городскихъ новостяхъ, о пѣвчихъ, дьяконахъ, свадьбахъ, о зазорномъ поведеніи того или другого знакомаго купца... Послѣ чая Маякинъ говорилъ женѣ:

— Ну-ка, мать, дай-ка сюда Библию-то...

Чаще всего Яковъ Тарасовичъ читалъ книгу Юва. Надѣвши на свой большой и хищный носъ очки въ тяжелой серебряной оправѣ, онъ обводилъ глазами слушателей — всѣ ли, молъ, на мѣстахъ?

Они всѣ сидѣли тамъ, гдѣ онъ привыкъ ихъ видѣть, и на лицахъ у нихъ было знакомое ему выраженіе благочестія, тупое и боязливое.

— „Былъ человѣкъ въ землѣ Уць“... — начиналъ Маякинъ сильнымъ голосомъ, и Оома, сидѣвшій рядомъ съ Любой въ углу комнаты на диванѣ, уже зналъ, что сейчасъ его крестный замолчитъ и погладитъ себя рукой по лысинѣ. Онъ сидѣлъ и, слушая, рисовалъ себѣ этого человѣка изъ земли Уць. Человѣкъ тотъ былъ высокъ и нагъ, глаза у него были огромные, какъ у Нерукотворнаго Спаса, и голосъ — какъ большая мѣдная труба, на которой играютъ солдаты въ лагеряхъ. Человѣкъ тотъ съ каждой минутой все росъ; dorостая до неба, онъ погружалъ свои темныя руки въ облака и, разрывая ихъ, кричалъ страшнымъ голосомъ:

— „На что данъ свѣтъ человѣку, котораго путь закрыть, и котораго Богъ окружилъ мракомъ?“

Оомѣ становилось боязно, и онъ вздрагивалъ; дрема отлетала отъ него, онъ слышалъ голосъ крестнаго, который, пощипывая бородку, съ тонкой усмѣшкой говорилъ:

— Ишь вѣдь какъ дерзить...

Мальчикъ зналъ, что крестный говоритъ это о человѣкѣ изъ

земли Уцъ, и улыбка крестнаго успокаивала мальчика.— Не изломаетъ неба, не разорветъ его тотъ человѣкъ своими страшными руками... И Ома снова видитъ человѣка— онъ сидитъ на землѣ, „тѣло его покрыто червями и пыльными стружьями, кожа его гноится“. Но онъ уже маленькій и жалкій, онъ просто— какъ нищій на церковной паперти...

Вотъ онъ говорить:

— „Что такое человѣкъ, чтобъ быть ему чистымъ и чтобъ рожденному женщиной быть праведнымъ?“

— Это онъ Богу говорить... — внушительно поясняя Маякинъ.— Какъ, говорить, могу быть праведнымъ, ежели я—плоть? Это къ Богу вопросъ... Каково?

И чтець побѣдоносно и вопросительно оглядываетъ слушательницъ.

□ Удостоился... праведникъ...—вдыхая, отвѣчаютъ они.

Яковъ Маякинъ, посмѣиваясь, оглядываетъ ихъ и говоритъ:

— Дуры... Ведите-ка ребятъ-то спать...

Игнатъ бывалъ у Маякиныхъ каждый день, привозилъ сыну игрушекъ, хваталъ его на руки и тискалъ, но порой недовольно и съ худо скрытымъ безпокойствомъ говорилъ ему:

— Чего ты бука какой? У-у! Чего ты мало смѣешься?

И жаловался куму:

— Боюсь я—Омка-то не въ мать бы пошелъ... Глаза у него тоже невеселые...

— Рано больно безпокоишься,—усмѣхался Маякинъ.

Онъ тоже любилъ крестника, и когда однажды Игнатъ объявилъ ему, что возьметъ Ому къ себѣ,—Маякинъ искренно огорчился.

— Оставь...—просилъ онъ.—Смотри—привыкъ къ намъ мальчишка-то, плачетъ вонъ...

— Перестанетъ... не для тебя я сына родилъ. У васъ тутъ духъ тяжелый... скучно, ровно въ старовѣрекомъ скиту. Это вредно ребенку. А мнѣ безъ него... тоже не радостно. Придешь домой—пусто. Не глядѣлъ бы ни на что. Не къ вамъ мнѣ переселиться ради него... не я для него, онъ для меня. Такъ-то. Теперь же у меня сестра Анѳиса приѣхала—присмотрѣть за нимъ будетъ...

И мальчика привезли въ домъ отца.

Тамъ встрѣтила его смѣшная старуха съ длиннымъ крючковатымъ носомъ и большимъ ртомъ безъ зубовъ. Высокая, сутулая, одѣтая въ сѣрое платье, съ сѣдыми волосами, прикрытыми черной шелковой головкой, она сначала не понравилась мальчику, даже испугала его. Но когда онъ разсмотрѣлъ на ея сморщенномъ лицѣ черные глаза, доскоро улыбавшіеся ему,—онъ сразу доверчиво ткнулся головой въ ея колѣни.

21284

— Сиротинка моя болѣзная!—говорила она бархатнымъ, дрожащимъ отъ полноты звука голосомъ и тихо гладила его рукой по лицу.—Ишь прильнуль какъ... дитяtko мое милое!

Было что-то особенно сладкое и мягкое въ ея ласкѣ, что-то совершенно новое для Оомы, и онъ смотрѣлъ въ глаза старухѣ съ любопытствомъ и ожиданіемъ на лицѣ. Эта старуха ввела его въ новый, дотолѣ неизвѣстный ему міръ. Въ первый же день, уложивъ его въ кровать, она сѣла рядомъ съ нею и, наклоняясь надъ ребенкомъ, спросила его:

— Разсказать ли тебѣ, Оомушка, сказочку?

И съ той поры Оома всегда засыпалъ подъ бархатные звуки голоса старухи, рисовавшаго предъ нимъ волшебную жизнь. Богатыри, побѣждающіе чудовищъ, мудрыя царевны, дураки, которые оказывались умнѣе—цѣлыя толпы новыхъ и дивныхъ людей проходили предъ очарованнымъ воображеніемъ мальчика, и жадно питалась душа его здоровой красотой народнаго творчества. Непосыкаемы были сокровища памяти и фантазій у этой старухи, которая часто, сквозь дрему, казалась мальчику то похожей на бабу-ягу сказки,—только добрую и милую бабу-ягу,—то на красавицу Василису Премудрую. Широко раскрывъ глаза, удерживая дыханіе, мальчикъ смотрѣлъ въ ночной сумракъ, наполнявшій комнату, видѣлъ, какъ тихо онъ трепещетъ отъ огонька лампы, горѣвшей передъ образомъ... И Оома наполнялъ его чудесными картинами сказочной жизни. Безмолвныя, но живыя тѣни ползали по стѣнамъ и по полу; мальчику было страшно и пріятно слѣдить за ихъ жизнью, надѣлать ихъ формами, красками и, создавъ изъ нихъ жизнь,—въ мигъ разрушить ее однимъ движеніемъ рѣсницъ. Что-то новое явилось въ его темныхъ глазахъ, болѣе дѣтское и наивное, менѣе серьезное; одиночество и темнота, порождая въ немъ жуткое чувство ожиданія чего-то, волновали и возбуждали его любопытство, заставляли его идти въ темный уголъ и смотрѣть, что скрыто тамъ, въ густыхъ покровахъ тьмы? Онъ шель, и не находилъ ничего, но не терялъ надежду найти...

Отца онъ боялся и уважалъ его. Громадный ростъ Игната, его трубный, хлопочущій голосъ, бородатое лицо, голова въ густой шапкѣ сѣдыхъ волосъ, сильныя, длинныя руки и сверкающіе глаза — все это придавало Игнату сходство со сказочными разбойниками.

Оома вздрагивалъ, когда слышалъ его голосъ или тяжелые, твердые шаги, но когда отецъ, добродушно улыбаясь и гулко говоря что-нибудь ласковое, бралъ его къ себѣ на колѣни или ши-

рокими ладонями подбрасывалъ высоко въ воздухъ—страхъ мальчика исчезалъ.

Однажды, когда ему шель уже восьмой годъ, онъ спросилъ отца, только что возвратившагося изъ продолжительной поѣздки куда-то:

— Тятя! Ты гдѣ былъ?

— По Волгѣ ѣздилъ...

— Разбойничалъ?—тихо спросилъ Ома.

— Что-о?—протянулъ Игнатъ, и брови у него дрогнули.

— Вѣдь ты разбойникъ, тятя? Я знаю ужъ...—хитро прищуривая глаза, говорилъ Ома, довольный тѣмъ, что такъ легко вошелъ въ секретную для него жизнь отца.

— Я—купецъ!—строго сказалъ Игнатъ, но, подумавъ, добродушно улыбнулся и добавилъ:—а ты дурашка!.. Я хлѣбомъ торгую, парходами работаю... видалъ „Ермака“? Ну вотъ, это мой парходъ... и твой...

— Больно большой онъ...—со вздохомъ сказалъ Ома.

— Ну, я куплю тебѣ маленькій, пока ты самъ маленькій... ладно?

— Ладно!—согласился Ома, но, задумчиво помолчавъ, вновь съ сожалѣніемъ протянулъ:

— А я думалъ, что ты то-о-же разбойникъ... или богатырь...

— Я тебѣ говорю—торговецъ я!—внушительно повторилъ Игнатъ, и въ его взглядѣ на разочарованное лицо сына было что-то недовольное, почти боязливое...

— Какъ дѣдушка Федоръ, калачникъ?—подумавъ, спросилъ Ома.

— Ну вотъ, какъ онъ... только богаче я, денегъ у меня больше, чѣмъ у Федора...

— Много денегъ?

— Ну... и еще больше бываетъ...

— Сколько у тебя бочекъ?

— Чего?

— Денегъ-то?

— Дурашка! Развѣ деньги бочками мѣряютъ?

— А какъ же?—оживленно воскликнулъ Ома и, обративъ къ отцу свое лицо, сталъ торопливо говорить ему:—Вонъ въ одинъ городъ пріѣхалъ разбойникъ Максимка и у одного, тамъ, богатаго, двѣнадцать бочекъ деньгами насыпалъ... да разнаго серебра, да церковь ограбилъ... а одного человѣка саблей зарубилъ и съ колокольни сбросилъ... онъ, человѣкъ-то, въ набатъ бить началъ...

— Это тебѣ тетка что ли рассказала?—спросилъ Игнатъ, любясь оживленіемъ сына.

— Она, а что?

— Ничего! — смѣясь сказалъ Игнатъ... — То-то ты и отца въ разбойники произвелъ...

— А можетъ ты былъ давно когда?—опять возвратился Оома къ своей темѣ, и по лицу его было видно, что онъ очень хотѣлъ бы услышать утвердительный отвѣтъ.

— Не былъ я... брось это...

— Не былъ?

— Ну говорю вѣдь—не былъ! Экой ты какой... Развѣ хорошо—разбойникомъ быть... Они... грѣшники все, разбойники-то. Въ Бога не вѣрують... церкви грабятъ... ихъ всехъ проклинають, вонь, въ церквахъ-то... Н-да... а вотъ что, сынокъ,—учиться тебѣ надо! Пора, братъ, ужъ скоро девять лѣтъ минеть... Начинай-ко съ Богомъ. Зиму-то проучишься, а по веснѣ я тебя въ путину на Волгу съ собой возьму...

— Въ училище буду ходить?—робко спросилъ Оома.

— Сперва дома, съ теткой поучишься...

И скоро мальчикъ съ утра садился за столъ и, вода пальцемъ по славянской азбукѣ, повторялъ за теткой:

— Азь... буки... вѣди...

Когда дошли до —бра, вра, гра, дра, мальчикъ долго не могъ безъ смѣха читать эти слоги. Вся эта мудрость давалась Оомѣ легко, почти безъ напряженія, и вотъ онъ уже читаетъ первый псаломъ первой каѳизмы псалтиря:

— Бла-жень му-жъ... иже не иде на... со-вѣтъ не-че-сти-выхъ...

— Такъ, миленькій, такъ! Такъ, Оомушка, вѣрно!—умиленно вторить ему тетка, восхищенная его успѣхами...

— Молодецъ Оома!—одобрительно и серьезно говорилъ Игнатъ, освѣдомляясь объ успѣхѣ сына...—Бдемъ весной въ Астрахань за рыбой, а съ осени—въ училище тебя!

Жизнь мальчика катилась впередъ, какъ шаръ подъ уклонъ. Будучи его учителемъ, тетка была и товарищемъ его игръ. Приходила Люба Маякина, и при нихъ старуха весело превращалась въ такое же дитя, какъ и они. Играли въ прятки, въ жмурки; дѣтямъ было смѣшно и пріятно видѣть, какъ Анѳиса съ завязанными платкомъ глазами, разведя широко руки, осторожно выступала по комнатѣ и все-таки натыкалась на стулья и столы, или какъ она, ища ихъ, лазила по разнымъ укромнымъ уголкамъ, приговаривая:

— Ахъ, мошенники... охъ, разбойники... гдѣ это они тутъ забились? а?..

И солнце ласково и радостно свѣтило ветхому, изношенному тѣлу, сохранившему въ себѣ юную душу, старой жизни,

украшавшей по мѣрѣ силъ и умѣнья жизненный путь двумъ дѣтямъ...

Игнатъ рано утромъ уѣзжалъ на биржу, иногда не являлся вплоть до вечера, вечеромъ онъ ѣздилъ въ думу, въ гости или еще куда-нибудь. Иногда онъ являлся домой пьяный,—сначала Ома въ такихъ случаяхъ бѣгалъ отъ него и прятался, потомъ привыкъ и нашель, что пьяный отецъ даже лучше чѣмъ трезвый: и ласковѣе, и проще, и немножко смѣшной. Если это случалось ночью—мальчикъ всегда просыпался отъ его трубнаго голоса:

— Анѳиса-а! Сестра родная! Допусти ты меня къ сыну... къ наслѣднику—допусти!

А тетка уговаривала его укоризненнымъ и плачущимъ голосомъ:

— Иди, иди, дрыхни знай, лѣшій ты, окаянный. Ишь назюзился, а? Съдой вѣдь ужъ ты...

— Анѳиса! Сына я могу видѣть? Однимъ глазомъ?..

— Чтобъ у тебя лопнули оба отъ пьянства твоего...

Ома зналъ, что тетка не пуститъ отца, и снова засыпалъ подъ шумъ ихъ голосовъ. Когда жъ Игнатъ являлся пьяный днемъ—его огромныя лапы тотчасъ хватали сына, и съ пьянымъ, счастливымъ смѣхомъ отецъ носилъ Ому по комнатамъ и спрашивалъ его:

— Омка! Чего хочешь? Говори! Гостинцевъ? Игрушекъ? Проси ну! Потому, ты знай—нѣтъ тебѣ ничего на свѣтѣ, чего я не куплю. У меня—миллѣнъ! Ха-ха-ха! И еще больше будетъ! Понялъ? Все твое! Ха-ха!

И вдругъ восторгъ его гасъ, какъ гаснетъ свѣча отъ сильнаго порыва вѣтра. Пьяное лицо вздрагивало, глаза, краснѣя, наливались слезами, и губы растягивались въ пугливую, убитую улыбку.

— Анѳиса! Ежели онъ помретъ—что я тогда сдѣлаю?

И вслѣдъ за этими словами бѣшенство овладѣвало имъ.

— Сожгу все!—ревѣлъ онъ, дико уставившись глазами куда-нибудь въ темный уголокъ комнаты.—Истреблю! Порохомъ взорву!

— Бу-у-детъ, безобразная ты образина! Али ты младенца напугать хочешь? Али, чтобы захворалъ онъ, желаешь?—причитала Анѳиса, и этого было достаточно, чтобъ Игнатъ поспѣшно исчезалъ, бормоча:

— Ну - ну - ну! Иду, иду... ты только не кричи! не шуми... не пугай его...

А если Омѣ нездоровилось, отецъ его, бросая все свои дѣла куда не шель изъ дома и, надоѣдая сестрѣ и сыну нелѣпыми вопросами и совѣтами, хмурый, съ боязнью въ глазахъ, ходилъ по комнатамъ самъ не свой и охалъ.

— Ты что Бога-то гнѣвишь?—говорила Анѳиса.—Смотри, дой-детъ роптанье твое до Господа, и накажетъ Онъ тебя за жалобы твои на милость Его къ тебѣ...

— Эхъ, сестра!—вздыхалъ Игнатъ.—Ты пойми—вѣдь ежели что... вся жизнь моя рушится! Для чего жить?.. Неизвѣстно...

Подобныя сцены и рѣзкіе переходы отца отъ одного настроенія къ другому сначала пугали мальчика, но онъ скоро привыкъ къ нимъ и, видя въ окно отца, тяжело вытѣзавшаго изъ саней, равнодушно говорилъ:

— Тетя! Опять пьяный прѣѣхалъ тятяка-то.

Пришла весна — и, исполняя свое обѣщаніе, Игнатъ взялъ сына съ собой на пароходъ, и вотъ предъ Фомой развернулась новая, богатая впечатлѣніями жизнь.

Быстро несется внизъ по теченію красивый и сильный „Ермакъ“, буксирный пароходъ купца Гордѣева, и по оба бока его медленно движутся навстрѣчу ему берега могучей красавицы Волги,—лѣвый, весь облитый солнцемъ, стелется вплотъ до края небесъ, какъ пышный, зеленый коверъ, а правый взмахнулъ къ небу кручи свои, поросшія лѣсомъ, и замеръ въ суровомъ покоѣ.

Между ними величаво простерлась широкогрудая рѣка; безшумно, торжественно и неторопливо текутъ ея воды въ сознаніи своей неодолимой силы; горный берегъ отражается въ нихъ черной тѣнью, а съ лѣвой стороны ея украшаютъ золотомъ и зеленымъ бархатомъ песчанья каймы отмелей и широкіе луга. То тутъ, то тамъ, по горѣ и въ лугахъ являются селенья, солнце сверкаетъ на стеклахъ въ окнахъ избъ и на желтыхъ соломенныхъ крышахъ сіяютъ въ зелени деревьевъ кресты церквей, лѣниво кружатся въ воздухѣ сѣрыя крылья мельницъ, дымъ изъ трубы завода вьется въ небо густыми, черными клубами. Толпы ребятишекъ въ синихъ, красныхъ и бѣлыхъ рубашкахъ, стоя на берегу, провожаютъ громкими криками пароходъ, разбудившій тишину на рѣкѣ, и изъ-подъ колесъ его къ ногамъ дѣтей бѣгутъ веселыя волны и плещутъ на берегъ. Вотъ цѣлая куча ребятъ усѣлась въ лодку, и они снѣшно гребутъ на средину рѣки, чтобъ покачаться на волнахъ, какъ въ зыбкѣ. Изъ воды смотрятъ вершины деревьевъ, иногда цѣлая купа ихъ затоплена разливомъ и стоятъ среди воды, какъ острова. Откуда-то съ берега тяжелымъ вздохомъ доносится заунывная пѣсня:

— О-э... о-о-о еще-оразокъ!

Пароходъ обгоняетъ плоты, заплескивая ихъ волной. Бревна ходуномъ ходятъ подъ ударами набѣжавшихъ волнъ, плотовщики въ синихъ рубахахъ, пошатываясь на ногахъ, смотрятъ на паро-

ходъ и смѣются, и что-то кричатъ. Дородная красавица-бѣляна бокомъ идетъ по рѣкѣ; желтый тесъ, нагруженный на ней, блеститъ, какъ золото, и тускло отражается въ мутной вешней водѣ. Пассажирскій пароходъ идетъ навстрѣчу и свиститъ—гулкое эхо свиста прячется въ лѣсу, въ ущельяхъ горнаго берега и умираетъ тамъ. Посрединѣ рѣки сшибаются волны отъ двухъ судовъ и бьются о борта ихъ, и суда покачиваются на водѣ. На пологомъ склонѣ горнаго берега раскинуты зеленые ковры озими, бурья полосы земли подъ паромъ и черныя—вспаханной подъ яровое. Птицы, маленькими точками, вьются надъ ними и ясно видны на голубомъ пологѣ неба; стадо пасется невдалекѣ,—издали оно кажется игрушечнымъ, маленькая фигурка пастуха стоитъ, опираясь на падогъ и смотритъ на рѣку.

Всюду блескъ воды, всюду просторъ и свобода, весело-зелены дуга и ласково-ясно голубое небо; въ спокойномъ движеніи воды чувствуется сдержанная сила, въ небѣ надъ нею сіяетъ щедрое солнце мая, воздухъ напоенъ сладкимъ запахомъ хвойныхъ деревьевъ и свѣжей листвы. А берега все идутъ навстрѣчу, лаская глаза и душу своей красотой, и все новыя картины открываются на нихъ.

На всемъ вокругъ лежитъ отпечатокъ какой-то медлительности: все—и природа и люди—живетъ неуклюже, лѣнливо, — но въ этой лѣнни есть какая-то своеобразная грація, и кажется, что за лѣнью притаилась огромная сила, сила необоримая, но еще лишенная сознанія, еще не создавшая себѣ ясныхъ желаній и цѣлей... И отсутствіе сознанія въ этой полусонной жизни кладетъ на весь красивый просторъ ея тѣни грусти. Покорное терпѣніе, молчаливое ожиданіе чего-то новаго и болѣе живого слышатся даже въ крикѣ кукушки, прилетающемъ по вѣтру съ берега на рѣку... Заунывныя пѣсни точно просятъ кого-то о помощи... А порой въ нихъ звучитъ удалъ отчаянія... Рѣка отвѣчаетъ пѣснямъ вздохами. И задумчиво качаются вершины деревьевъ... Тишина...

Цѣлые дни Тома проводить на капитанскомъ мостикѣ рядомъ съ отцомъ. Молча, широко раскрытыми глазами смотрѣлъ онъ на безконечную панораму береговъ, и ему казалось, что онъ движется по широкой серебряной тропѣ въ тѣ чудесныя царства гдѣ живутъ чародѣи и богатыри знакомыхъ ему сказокъ. Порой онъ начиналъ разспрашивать отца о томъ, что видѣлъ. Игнатъ охотно и подробно отвѣчалъ ему, но мальчику не нравились отвѣты: ничего интереснаго и понятнаго ему не было въ нихъ, и не слышалъ онъ того, что желалъ бы услышать. Однажды онъ со вздохомъ заявилъ отцу:

— Тетя Анѣиса знаетъ лучше тебя...

— Что она знает?—спросилъ Игнатъ усмѣхаясь.

— Все,—убѣжденно отвѣтилъ мальчикъ.

Чудесныя царства не являлись предъ нимъ. Но часто на берегахъ рѣки являлись города, совершенно такіе же, какъ и тотъ, въ которомъ жилъ Ома. Одни изъ нихъ были побольше, другіе—поменьше, но и люди, и дома, и церкви—все въ нихъ было такое же, какъ въ своемъ городѣ. Ома осматривалъ ихъ съ отцомъ, оставался недоволенъ ими и возвращался на пароходъ хмурый, усталый.

— Вотъ завтра приѣдемъ въ Астрахань...—сказалъ однажды Игнатъ.

— А она... такая же, какъ всѣ?

— Ну, извѣстно... а то какая же?

— А за ней что?

— Море... Каспійское море называется.

— А что въ немъ есть?

— Рыба, чудаки! Что можетъ въ водѣ быть?

— Городъ-отъ Китежь въ водѣ стоитъ...

— То... другое дѣло! То Китежь... въ немъ—одни праведники жили.

— А въ морѣ праведные города не бываютъ?

— Не бываютъ...—сказалъ Игнатъ и, помолчавъ, прибавилъ:— вода морская—горькая и пить ее нельзя...

— А за моремъ опять земля будетъ?

— Извѣстно, чай, море-то должно края имѣть. Оно какъ чашка...

— И опять города тамъ?

— И опять города... а какъ же? Только тамъ ужъ не наша земля будетъ, а Персидская... Видалъ персіяшекъ, которые вотъ на ярмаркѣ-то... шептала, урюкъ, фисташка?

— Видалъ...—отвѣтилъ Ома и задумался.

Однажды онъ спросилъ отца:

— Много еще земли-то?

— Земли, братъ... о-очень много! Ежели по ней ходить пѣшкомъ все... такъ лѣтъ въ десять и то всю ее не обойдешь.— Долго говорилъ Игнатъ сыну о величинѣ земли и, наконецъ, сказалъ:

— И все-таки неизвѣстно, сколько ея всего и гдѣ конецъ ея...

— А на ней все одинаковое?

— Т. е. что?

— Города и все...

— Ну, конечно, города, какъ города... Дома, улицы... и все какъ слѣдуетъ...

Послѣ многихъ такихъ разговоровъ мальчикъ сталъ рѣже и не такъ упорно смотрѣть въ даль вопрошающимъ взглядомъ своихъ черныхъ глазъ...

Команда парохода любила его, и онъ любилъ всѣхъ этихъ славныхъ ребятъ, коричневыхъ отъ солнца и вѣтра, весело шутившихъ съ нимъ. Они мастерили ему разныя рыболовныя снасти, дѣлали лодки изъ древесной коры, возились съ нимъ, катали его по рѣкѣ во время стоянокъ, когда Игнатъ уходилъ въ городъ по дѣламъ. Мальчикъ часто слышалъ, какъ поругивали его отца, но не обращалъ на это вниманія и никогда не передавалъ отцу того, что слышалъ о немъ. Но однажды, въ Астрахани, когда пароходъ грузился топливомъ, Ома услышалъ голосъ Петровича, машиниста:

— Приказалъ валить столько дровъ... тьфу, несообразный человекъ! Загрузить пароходъ по самому палубу, а потомъ ореть... машину, говорить, портишь часто... масло, говорить, зря льешь... Голосъ сѣдого и суроваго лоцмана отвѣчалъ:

— А все жадность его непомѣрная... дешевле здѣсь топливо вотъ онъ и старается... Жаденъ, дьяволь!

— У-ухъ, какой жадога!

Повторенное нѣсколько разъ кряду слово запало въ память Омы, и вечеромъ, ужиная съ отцомъ, онъ вдругъ спросилъ его.

— Тятя!

— Ась!

— Ты жадный?

На вопросы отца онъ передалъ ему разговоръ лоцмана съ машинистомъ. Лицо Игната омрачилось, и глаза гнѣвно сверкнули.

— Вотъ оно что...—проговорилъ онъ тряхнувъ головой.—Ну, ты не тово... не слушай ихъ. Они тебѣ не компанія,—ты около нихъ поменьше вертись. Ты имъ хозяинъ, они—твои слуги, такъ и знай. Захочемъ мы съ тобой и всѣхъ ихъ до одного на берегъ швырнемъ... они дешево стоятъ, и ихъ вездѣ, какъ собакъ не рѣзанныхъ. Понялъ? Они про меня много могутъ худого сказать... Но это потому они скажутъ, что я имъ—полный господинъ. Тутъ все дѣло въ томъ завязло, что я удачливый и богатый, а богатому всѣ завидуютъ. Счастливый человекъ—всѣмъ людямъ врагъ...

Дня черезъ два на пароходъ явились новые и лоцманъ и машинистъ.

— А гдѣ Яковъ?—спросилъ мальчикъ.

— Разсчиталъ я его... прогналъ.

— За то?—догадался Ома.

— За то самое...

— И Петровича?

— И его туда же...

Тома понравилось то, что отецъ его можетъ такъ скоро пере-
мѣнять людей на пароходѣ. Онъ улыбнулся отцу и, сойдя внизъ
на палубу, подошелъ тамъ къ одному матросу, который, сидя на
полу, раскручивалъ кусокъ каната, дѣлая швабру.

— А лопманъ-то новый ужъ,—объявилъ Тома.

— Знаемъ... Добраго здоровьяца, Тома Игнатьичъ! Какъ
спалъ, почивалъ?

— И машинистъ новый...

— И машинистъ... Жалко Петровича-то?

— Нѣтъ.

— Ну? А онъ до тебя такой ласковый былъ...

— А зачѣмъ онъ тятю ругалъ?

— О? Али онъ ругалъ?

— Ругалъ, я вѣдь слышалъ...

— Мм... а отецъ-то тоже, значить, слышалъ?

— Нѣтъ, это я ему сказалъ...

— Ты... Та-акъ... протянулъ матросъ и замолчалъ, приняв-
шись за работу.

— А тятя мнѣ говорить: ты, говорить, здѣсь хозяйнѣ...
всѣхъ, говорить, можешь прогнать, коли хочешь...

— Такое дѣло...—сказалъ матросъ, сумрачно поглядывая на
мальчика, оживленно хваставшаго предъ нимъ своей хозяйской
властью. Съ этого дня Тома замѣтилъ, что команда относится
къ нему какъ-то иначе, чѣмъ относилась раньше: одни стали
еще болѣе угодливы и ласковы, другіе не хотѣли говорить съ
нимъ, а если и говорили, то сердито и совсѣмъ незабавно, какъ
раньше бывало. Тома любилъ смотрѣть, когда моютъ палубу: засу-
чивъ штаны по колѣни, а то и вовсе сбросивъ ихъ, матросы со
швабрами и щетками въ рукахъ, ловко бѣгаютъ по палубѣ,
поливаютъ ее водой изъ ведеръ, брызгаютъ другъ на друга,
смѣются, кричатъ, падаютъ... всюду текутъ струи воды, и живой
шумъ людей сливается съ ея веселымъ плескомъ. Раньше маль-
чикъ не только не мѣшалъ матросамъ въ этой шуточной и
легкой работѣ, но принималъ дѣятельное участіе, обливая ихъ
водой и со смѣхомъ убѣгая отъ угрозъ облить его. Но послѣ
расчета Петровича и Якова, онъ чувствовалъ, что теперь онъ
всѣмъ мѣшаетъ, никто не хочетъ играть съ нимъ, и всѣ смотрятъ
на него неласково. Удивленный и грустный, онъ ушелъ съ палубы
наверхъ, къ штурвалу, сѣлъ тамъ, и сталъ съ обидой и задумчиво
смотрѣть на далекій синій берегъ и зубчатую полосу лѣса на
немъ. А внизу, на палубѣ, игриво плескалась вода, и матросы

весело смѣялись... Ему очень хотѣлось къ нимъ, но что-то не пускало его туда.

— Держись отъ нихъ подальше, — вспомнилъ онъ слова отца: — ты имъ хозяинъ...

Тогда ему захотѣлось что-нибудь крикнуть матросамъ — что-нибудь грозное и хозяйское, такъ, какъ отецъ кричитъ на нихъ. Онъ долго придумывалъ — что бы? И не придумалъ ничего... Прошло еще дня два, три, и онъ ясно понялъ, что команда не любитъ его. Скучно ему стало на пароходъ послѣ этого, и все чаще и чаще изъ разноцвѣтнаго тумана новыхъ впечатлѣній выплывалъ предъ Омой затемненный ими образъ доброй и ласковой тетки Анюсы съ ея сказками, улыбками и мягкимъ, звучнымъ смѣхомъ, отъ котораго на душу мальчика вѣяло радостнымъ тепломъ. Онъ все еще жилъ въ мѣрѣ сказокъ, но невидимая и безжалостная рука дѣйствительности уже ревностно рвала красивую и тонкую паутину чудеснаго, сквозь которую мальчикъ смотрѣлъ на все вокругъ его. Случай съ лоцманомъ и машинистомъ направилъ вниманіе мальчика на окружающее его; глаза Омы стали зорче: въ нихъ явилась сознательная пытливость, и въ его вопросахъ отцу зазвучало стремленіе понять — какія нити и пружины управляютъ дѣйствіями людей?

Однажды предъ нимъ разыгралась такая сцена: матросы носили дрова, и одинъ изъ нихъ, молодой, кудрявый и веселый Ефимъ, проходя съ носилками по палубѣ парохода, громко и сердито говорилъ:

— Нѣтъ, ужъ это безъ всякой совѣсти! Не было у меня такого уговору, чтобы дрова таскать. Матросъ, — ну, стало быть, дѣло твое ясное... а чтобы еще и дрова... спасибо! Это значитъ — драть съ меня ту шкуру, которой я не продамъ... Это ужъ безъ совѣсти! Ишь ты какой мастеръ соки-то изъ людей выжимать.

Мальчикъ слушалъ эту воркотню и зналъ, что дѣло касается его отца. Онъ видѣлъ и то, что хотя Ефимъ ворчитъ, но на носилкахъ у него дровъ больше, чѣмъ у другихъ, и ходитъ онъ быстрее. Никто изъ матросовъ не откликнулся на воркотню Ефима, и даже тотъ, который работалъ въ парѣ съ нимъ, молчалъ, иногда только протестуя противъ усердія, съ какимъ Ефимъ накладывалъ дрова на носилки.

— Будеть! — хмуро говорилъ онъ: — чай, не на лошадь грузишь!

— А ты, знай молчи. Впрягли тебя, ну и вези, не брыкайся... И ежели кровь изъ тебя будутъ сосать — тоже молчи... что ты можешь сказать?

Вдруг откуда-то явился Игнатъ, подошелъ къ матросу и, вставъ противъ него, сурово спросилъ:

— Про что говоришь?

— Говорю... стало быть, какъ умѣю... — запинаясь отвѣтилъ Ефимъ.— Уговора, молъ, не было... чтобы молчать мнѣ...

— А кто это кровь сосать будетъ?—поглаживая бороду, спросилъ Игнатъ.

Матросъ, понявъ, что онъ попался, и видя, что увернуться некуда, бросилъ изъ рукъ полѣно, вытеръ ладони о штаны и, глядя прямо въ лицо Игната, смѣло сказалъ:

— А развѣ не правда моя? Не сосешь ты...

— Я?

— Ты.

Ома видѣлъ, какъ отецъ взмахнулъ рукой... раздался какой-то лязгъ, и матросъ тяжело упалъ на дрова. Онъ тотчасъ же поднялся и вновь сталъ молча работать... На бѣлую кору березовыхъ дровъ капала кровь изъ его разбитаго лица, онъ вытирала ее рукавамъ рубахи, смотрѣлъ на рукавъ и, вздыхая, молчалъ. А когда онъ шелъ съ носилками мимо Омы, на лицѣ его, у переносья, дрожали двѣ большія мутныя слезы, и мальчикъ видѣлъ ихъ...

Обѣдая съ отцомъ, онъ былъ задумчивъ и посматривалъ на Игната съ боязнью въ глазахъ.

— Ты что хмуришься?—ласково спросилъ его отецъ.

— Такъ...

— Нездоровится, можетъ?

— Нѣту...

— То-то... Ты, коли что, скажи...

— Сильный ты...—вдругъ задумчиво проговорилъ мальчикъ.

— Я-то? Ничего... Богъ не обидѣлъ и силой.

— Ка-акъ ты его давеча треснулъ!—тихо воскликнулъ мальчикъ, опуская голову.

Игнатъ несъ ко рту кусокъ хлѣба съ икрой, но рука его остановилась, удержанная восклицаніемъ сына; онъ вопросительно взглянулъ на его склоненную голову и спросилъ:

— Это... Ефимку что ли?

— Да... до крови... и какъ шелъ онъ потомъ, такъ плакалъ...—вполголоса рассказывалъ мальчикъ.

— Мм...—промычала Игнатъ, пережевывая кусокъ.—Что же.. жалѣешь ты его?

— Жалко!—со слезами въ голосѣ сказалъ Ома.

— Н-да... вишь ты что...—сказалъ Игнатъ. Потомъ, помол-

чавъ, онъ налилъ рюмку водки, выпилъ ее и заговорилъ внушительно и строго.

— Жалѣть его — не за что. Зря оралъ, ну и получилъ, сколько слѣдовало... Я его знаю: онъ—парень хороший, усердный, здоровый и—не глупъ. А рассуждать, — не его дѣло: рассуждать я могу, потому что я—хозяинъ. Это не просто, хозяиномъ-то быть... Отъ зуботычины онъ не помретъ, а умнѣе будетъ... Такъ-то... Эхъ, Ома! Младенецъ ты... и ничего не понимаешь... а надо мнѣ учить тебя жить-то... Можетъ ужъ немного осталось вѣку моего на землѣ...

Игнать помолчалъ, еще выпилъ водки и снова вразумительно началъ:

— Жалѣть людей надо... это ты хорошо дѣлаешь. Только нужно съ разумомъ жалѣть... Сначала посмотри на человѣка, узнай, какой въ немъ толкъ, какая отъ него можетъ быть польза? И ежели видишь—сильный, способный къ дѣлу человѣкъ — пожалѣй, помоги ему. А ежели который слабый, къ дѣлу не склоненъ—плюнь на него и пройди мимо. Такъ и знай—который человѣкъ много жалуется на все, да охаетъ, да стонетъ—грошъ ему цѣна, не стоитъ онъ жалости, и никакой пользы ты ему не принесешь, ежели и поможешь... только пуще киснуть, да балуются такіе отъ жалости къ нимъ... Живучи у крестнаго, посмотрѣлся ты тамъ на разную шушеру: страннички эти, приживальщички, несчастненькіе... и разные гады... Объ нихъ забудь... это не люди, а такъ, скорлупа одна и ни на что они не годны... Это вродѣ какъ клопы, блохи и другая нечисть... И не для Бога они живутъ—нѣту у нихъ никакого Бога, имя же Его всеу призываютъ чтобы дураковъ разжалобить, да отъ ихъ жалости чѣмъ-нибудь пузо себѣ набить. Для пуза своего и живутъ они и, кромѣ какъ пить, жрать, да спать, да стонать—ничего не умѣютъ дѣлать... и отъ нихъ одинъ развалъ души. Только запынаешься за нихъ. И хороший человѣкъ среди нихъ—какъ свѣжее яблоко среди гнилыхъ—испортиться скоро можетъ, а пользы отъ этого не будетъ никому... Малъ ты, вотъ что... не можешь ты понимать моихъ словъ... Ты тому помогай, который въ бѣдѣ стоетъ... онъ, можетъ, и не попроситъ у тебя помощи твоей, такъ ты самъ догадайся, да помоги ему безъ его спроса... да коли который гордый и можетъ обидѣться на помощь твою—ты виду ему не подавай, что помогаешь... Вотъ какъ надо, по разуму то! Тутъ... такое дѣло: упали, скажемъ, двѣ доски въ грязь—одна гнилая, а другая—хорошая, здоровая доска. Что ты тутъ долженъ сдѣлать? Въ гнилой доскѣ—какой прокъ? Ты оставь ее, пускай въ грязи лежитъ, по ней пройти можно, чтобы ногъ не замарать... А здоровую —

подними и поставь на солнце, она не тебѣ, такъ другому, на что-нибудь годится. Такъ-то, сынокъ! Слушай меня да помни.— Н-да... а Ефимку жалѣть не за что... онъ паренъ дѣльный, цѣну себѣ понимаетъ... изъ него плохой душу не вышибешь... Вотъ я посмотрю недѣлку время, да къ штурвалу его поставлю... а тамъ, онъ, гляди, лоцманомъ будетъ... и ежели капитаномъ его сдѣлать, онъ не оробѣетъ—ловкій будетъ капитанъ! Вотъ какъ люди-то растутъ... Я, братъ, самъ эту науку проходиль... тоже не мало плюхъ съѣлъ, въ его-то годы... Намъ, сынокъ, всёмъ жизнь-то—не мать родная... наша строгая хозяйка она...

Часа два говорилъ Игнатъ съ сыномъ, говорилъ онъ ему о своей молодости, о трудахъ своихъ, о людяхъ и о страшной силѣ ихъ, слабости, о томъ, какъ они любятъ и умѣютъ притворяться несчастными для того, чтобы жить на счетъ другихъ, и снова о себѣ, о томъ, какъ изъ простого работника онъ сдѣлался хозяиномъ большого дѣла.

Мальчикъ слушалъ его рѣчь, смотрѣлъ на него и чувствовалъ, что отецъ какъ будто все ближе подвигается къ нему. И хоть не было въ разсказѣ отца того, чѣмъ были богаты сказки тетки Анѣисы, но зато было въ нихъ что-то новое—болѣе ясное и понятное, чѣмъ въ сказкахъ, и не менѣе интересное, чѣмъ онѣ... Въ маленькомъ сердцѣ забилося что-то сильное и горячее и его потянуло къ отцу. Игнатъ, должно быть, по глазамъ сына отгадалъ его чувства: онъ порывисто всталъ съ мѣста, схватилъ его на руки и крѣпко прижалъ ко груди. А Тома обнялъ его за шею и, прижавшись щекой къ его щѣкѣ! молчалъ и дышалъ ускоренно.

— Сынишка...—глухо шепталъ Игнатъ.—Милый ты мой... радость ты моя... учись, пока я живъ... э-эхъ, трудно жить!

Дрогнуло сердце ребенка отъ этого шопота, онъ стиснулъ зубы, и горячія слезы брызнули изъ его глазъ...

До этого дня Игнатъ не возбуждалъ въ сынѣ никакихъ особенныхъ чувствъ: мальчикъ привыкъ къ нему, присмотрѣлся къ его огромной фигурѣ, немножко боялся его и, въ то же время, зналъ, что отецъ сдѣлаетъ для него все, чего онъ ни попроситъ. Бывало, Игната нѣтъ дома день, два, недѣлю, все лѣто—Тома какъ бы не замѣчалъ его отсутствія, покоренный любовью своей къ теткѣ... Являлся Игнатъ, и мальчикъ радовался, но едва ли сказалъ бы онъ—чему? прїѣзду отца или игрушкамъ, которыя тотъ привезъ? Но теперь, при видѣ Игната, Тома бѣжалъ къ нему навстрѣчу, хватался за его руку, смѣясь смотрѣлъ въ его глаза, и—сучалъ, если часа два-три не видѣлъ его. Отецъ сталъ интересенъ для него и, возбуждая въ немъ любопытство, попутно

развивалъ любовь и уваженіе къ себѣ. Каждый разъ, когда они бывали вмѣстѣ, Ома просилъ отца:

— Тятя! Расскажи про себя...

Пароходъ уже шелъ вверхъ по Волгѣ. Однажды, душевно июльской ночью, когда небо было покрыто густыми, черными тучами, и все на Волгѣ было какъ-то зловѣще спокойно, приплыли въ Казань и встали на якорь около Услона въ хвостѣ огромнаго каравана судовъ. Лязгъ якорныхъ цѣпей и крики команды разбудили Ому; онъ посмотрѣлъ въ окно и увидаль; далеко, во тьмѣ, играя, сверкали маленькіе огоньки: вода была черна и густа, какъ масло—и больше ничего не видать было. Сердце мальчика жутко вздрогнуло и онъ сталъ внимательно слушать. Откуда-то долетала еле слышная жалобная пѣсня, заунывная и однотонная, какъ причитаніе; на караванѣ перекликались сторожа; сердито шипѣлъ пароходъ, разводя пары...и черная вода рѣки грустно и тихо плескалась о борта судовъ. Вематриваясь во тьму пристально, до боли въ глазахъ, мальчикъ различалъ въ ней черныя груды и огоньки, еле горѣвшіе высоко надъ ними... Онъ зналъ, что это были баржи, но знаніе не успокоивало его и сердце билось въ немъ неровно, а въ воображеніи вставали какіе-то пугающіе темные образы.

— О-о... о...

Донесся издали протяжный крикъ и закончился похоже на рыданіе... Вотъ кто-то прошелъ по палубѣ къ борту парохода...

— О-о-о...

Раздалось опять, но уже гдѣ-то ближе...

— Яфимь!—вполголоса заговорили на палубѣ.—Яфимка!

— Ну-у!

— Чортъ! Вставай! Бери багоръ...

— О-о-о-о...—застонали гдѣ-то близко, и Ома, вздрогнувъ, откачнулся отъ окна.

Странный звукъ подплывалъ все ближе и росъ въ своей силѣ, рыдалъ и таялъ въ черной тьмѣ. А на палубѣ тревожно шептали:

— Яфимка! Да встань... гость плыветъ!

— Дѣ?—раздался торопливый вопросъ... потомъ по палубѣ зашлепали босыя ноги, послышалась возня, и мимо лица мальчика сверху скользнули два багра и почти безшумно вонзились въ густую воду...

— Го-о-о-сть!—зарыдали гдѣ-то близко и раздался тихій, но очень странный плескъ воды.

Мальчикъ дрожалъ отъ ужаса предъ этимъ грустнымъ кри-

комъ, но не могъ оторвать своихъ рукъ отъ окна и глаза отъ воды.

— Зажги фонарь... не видать ничего...

— Сейчас...

И вотъ на воду упало пятно мутнаго свѣта... Ома видѣлъ, что вода тихо колыхнется, рябь идетъ по ней, точно ей больно, и она вздрагиваетъ отъ боли.

— Гляди... гляди...— испуганно зашептали на палубѣ.

Въ то же время въ пятнѣ свѣта на водѣ явилось большое, страшное человѣческое лицо съ бѣлыми оскаленными зубами. Оно плыло и покачивалось на водѣ, зубы его смотрѣли прямо на Ому и точно оно, улыбаясь, говорило:

— Эхъ, мальчикъ, мальчикъ... хо-олодно... прощай!

Багры дрогнули, поднялись въ воздухъ, потомъ снова опустились въ воду и стали осторожно толкать въ ней что-то.

— Веди его... веди... смотри—подобьетъ въ колесо...

— Пихай ты самъ-то...

Багры скользили по борту и царапались объ него со звукомъ, похожимъ на скрипъ зубовъ. Ома не могъ закрыть глазъ, глядя на нихъ... Стукъ ногъ, топавшихъ о палубу надъ его головой, постепенно удалялся на корму... И вотъ тамъ вновь раздался этотъ стонущій, успокойный звукъ:

— Го-о-о-сть...

— Тятя!—закричалъ Ома звенящимъ голосомъ...—Тя-ятя...

Отецъ вскочилъ на ноги и бросился къ нему.

— Что тамъ? Что... они дѣлаютъ?—кричалъ Ома.

Огромными прыжками Игнатъ выскочилъ вонъ изъ каюты съ дикимъ ревомъ. Онъ возвратился скоро, раньше, чѣмъ Ома, качаясь на ногахъ и оглядываясь вокругъ себя, добрался отъ окна до отцовою постели.

— Испугали тебя... ну, ничего!—говорилъ Игнатъ, взявъ его на руки.—Ложись-ка со мной...

— Что это?—тихо спрашивалъ Ома.

— Это, сынокъ, ничего... Это утопшій... утонулъ человѣкъ и плыветъ... ничего! ты не бойся, онъ уже уплылъ...

— Зачѣмъ они толкали его?—допрашивалъ мальчикъ, крѣпко прижавшись къ отцу и закрывъ глаза отъ страха...

— А... такъ ужъ надо... Подобьетъ его вода въ колесо... намъ къ примѣру... завтра увидитъ полиція... возня пойдетъ, допросы... задержать насъ тутъ. Вотъ его и провозжаютъ дальше... Ему что? Онъ уже мертвый... ему это не больно, не обидно... а живымъ изъ за него безпокойство было бы... Спи, сынокъ!..

— Такъ онъ и поплыветъ?

— Такъ и поплыветъ... гдѣ-нибудь вынуть—схоронять...

— А рыба его съѣстъ?

— А рыба не ѣстъ человѣчье тѣло... раки это ѣдятъ... Они—любятъ...

Отъ теплоты отцова тѣла страхъ Оомы таялъ, но предъ глазами его все еще покачивалось на черной водѣ страшное лицо съ оскаленными зубами.

— А онъ кто?

— Богъ его знаетъ! Ты скажи о немъ Богу: Господи, молю, упокой душу его!

— Господи, упокой душу его!—шепотомъ повторилъ Оома.

— Ну, вотъ... И спи, не бойся... Онъ ужъ теперь далеко-о! Плыветъ себѣ... Вотъ—не подходи неосторожно къ борту-то... упадешь этакъ—спаси Богъ!—въ воду и...

— А онъ тоже упалъ?

— Извѣстно упалъ... можетъ, пьянъ былъ... вотъ и конецъ ему! А, можетъ, самъ бросился... Есть и такіе, которые сами... Возьметъ да и бросится въ воду... и утонетъ... Жизнь-то, братъ, такъ устроена, что иная смерть для самого человѣка—праздникъ, а иная—для всѣхъ благодать!

— Тятя...

— Спи, спи, родной...

VIII.

Въ первый же день школьной жизни, Оома, ошеломленный живымъ и бодрымъ шумомъ задорныхъ шалостей и буйныхъ, дѣтскихъ игръ, выдѣлилъ изъ среды мальчиковъ двухъ, которые сразу показались ему интереснѣе другихъ. Одинъ сидѣлъ впереди его. Оома, поглядывая исподлобья, видѣлъ широкую спину, полную шею, усѣянную веснушками, большія уши и гладко остриженный затылокъ, покрытый ярко-рыжими волосами, которые стояли, какъ щетина.

Когда учитель, человѣкъ съ лысой головой и отвислой нижней губой, позвалъ:—Смолинъ, Африканъ!—рыжий мальчикъ, не торопясь, поднялся на ноги, подошелъ къ учителю, спокойно уставился въ лицо ему и, выслушавъ задачу, сталъ тщательно выписывать мѣломъ на доскѣ большія круглыя цифры.

— Хорошо... довольно!—сказалъ учитель.—Ежовъ, Николай... продолжай!

Одинъ изъ сосѣдей Оомы по партѣ,—непосѣдливый, маленькій мальчикъ съ черными, мышинными глазками,—вскочилъ съ мѣста и пошелъ между партъ, за все задѣвая и вертя головой во всѣ стороны. У доски онъ схватилъ мѣлъ и, привставъ на носки сапогъ, съ шумомъ, скрипя и соря мѣломъ, сталъ тыкать имъ въ доску, набрасывая на нее мелкіе, неясные знаки.

— Ти-ше!—сказалъ учитель, болѣзненно сморщивъ желтое лицо, съ усталыми глазами. А Ежовъ звонко и быстро говорилъ.

— Теперь мы узнали, что первый разносчикъ получилъ барыша 17 к...

— Довольно!.. Гордѣевъ! Скажи-ка мнѣ, что нужно сдѣлать, чтобы узнать, сколько барыша получилъ второй разносчикъ?

Наблюдая за поведеніемъ мальчиковъ,—такъ не похожихъ другъ на друга,—Оома былъ захваченъ вопросомъ врасполохъ и—мочалъ.

— Не знаешь?.. Гм... объясни ему, Смолинъ...

Смолинъ, аккуратно вытиравшій тряпкой свои пальцы, испачканные мѣломъ, положилъ тряпку, не взглянувъ на Оому, окончилъ задачу и снова сталъ вытирать руки, а Ежовъ, улыбаясь и подпрыгивая на ходу, отправился на свое мѣсто.

— Эхъ ты!—зашепталъ онъ, усаживаясь рядомъ съ Оомой и ужъ кстати толкая его кулакомъ въ бокъ.—Чего не можешь! Всего-то барыша сколько? 30 копѣекъ... а разносчиковъ—двое... одинъ получилъ 17—ну, сколько другой?

— Знаю я,—шепотомъ отвѣтилъ Оома, чувствуя себя сконфуженнымъ и разсматривая лицо Смолина, степенно возвращавшагося на свое мѣсто. Ему не понравилось это лицо,—круглое, пестрое отъ веснушекъ, съ голубыми глазами; заплывшими жиромъ. А Ежовъ больно щипалъ ему ногу и спрашивалъ:

— Ты чей сынъ—Шалаго?

— Да...

— Ишь... Хочешь, я тебѣ всегда подсказывать буду?

— Хочу...

— А что дашь, за это?

Оома подумалъ и спросилъ:

— А ты знаешь самъ-то?

— Я? Я—первый ученикъ... вотъ увидишь...

— Вы тамъ! Ежовъ—опять ты разговариваешь? — обижено и слабо крикнулъ учитель.

Ежовъ вскочилъ на ноги и бойко сказалъ:

— Это не я, Иванъ Андреичъ,—это Гордѣевъ...

— Оба они шепчутся,—невозмутимо объявилъ Смолинъ. Жалобно сморщивъ лицо и смѣшно шлепая своей большой губой, учитель пожурилъ всѣхъ ихъ, но его выговоръ не помѣшалъ Ежову тотчасъ же снова зашептать:

— Ладно Смолинъ! Я тебѣ припомню за ябеду...

— А ты зачѣмъ сваливаешь на новенькаго?—не поворачивая къ нимъ головы, тихо спрашивалъ Смолинъ.

— Ладно, ладно,—шипѣль Ежовъ.

Өома молчалъ, искося поглядывая на юркаго сосѣда, который одновременно и нравился ему, и возбуждалъ въ немъ желаніе отодвинуться отъ него подальше. Во время перемѣны онъ узналъ отъ Ежова, что Смолинъ—тоже богатый, сынъ кожевеннаго заводчика, а самъ Ежовъ—сынъ сторожа изъ казенной палаты и очень бѣдный. Послѣднее было ясно видно и по костюму бойкаго мальчика, спитому изъ сѣрой бумазеи, украшенному заплатами на колѣняхъ и локтяхъ, по его блѣдному, голодному лицу, по всей маленькой, угловатой и костлявой фигурѣ. Говорилъ этотъ мальчикъ металлическимъ альтомъ, поясняя свою рѣчь гримасами и жестами, и часто употреблялъ въ рѣчи свои слова, значеніе которыхъ было извѣстно только ему одному.

— Мы съ тобой будемъ товарищи,—объявилъ онъ Өомѣ.

— А ты зачѣмъ давеча учителю на меня пожаловался?—напомнилъ ему Гордѣевъ, подозрительно косясь на него.

— Вотъ! Что тебѣ? Ты новенькій и богатый... съ богатыхъ учитель-то не взыскиваетъ... А я—бѣдный объѣдонъ, меня онъ не любитъ, потому что я озорничаю и никакого подарка не приносивъ ему... Кабы я плохо учился—онъ бы давно ужъ выключилъ меня. Ты знаешь—я отсюда въ гимназію уйду... Кончу вотъ второй классъ и уйду... Меня ужъ тутъ одинъ студентъ приготовляетъ, тоже во второй классъ... Тамъ я такъ буду учиться—только держись! А у васъ лошадей сколько?

— Три... Зачѣмъ тебѣ много учиться?—спросилъ Өома.

— Потому что я бѣдный... Бѣднымъ нужно много учиться, отъ этого они тоже богатыми станутъ... въ доктора пойдутъ, въ чиновники, въ офицеры... Я тоже буду звякаремъ... сабля на боку, шпоры на ногахъ—дрынь, дрынь! А ты чѣмъ будешь?

— Н-не знаю...—задумчиво сказалъ Өома, разглядывая товарища.

— Тебѣ ничѣмъ не надо быть... а голубей ты любишь?

— Люблю...

— Какой ты фуфлыга! У-у! Э-э!—передразнивалъ Ежовъ медленную рѣчь Өомы.—Сколько у тебя голубей?

— У меня нѣтъ...

— Эхъ ты! Богатый, а не завелъ голубей... У меня и то три есть... скобарь одинъ, да голубка пѣгая, да турманъ... Кабы у меня отецъ былъ богатый—я бы сто голубей завелъ и все бы гонялъ цѣлый день. И у Смолина есть голуби—хоропіе! Четырнадцать... турмана-то онъ мнѣ подарилъ. Только—все-таки онъ жадный... всѣ богатые... жадные... а ты тоже жадный?

— Н... не знаю,—нерѣшительно сказалъ Өома.

— Ты приходи къ Смолину, вмѣстѣ всѣ трое и будемъ гулять...

— Ладно... ежели меня пустять...

— Развѣ отецъ-то не любитъ тебя?

— Нѣтъ, любить.

— Ну, такъ пустить... Только ты не говори, что и я тоже пойду... со мной, пожалуй, и взаправду не пустить... Ты скажи—къ Смолину, молъ, пустите... Смолинъ!

Подожель толстый мальчикъ, и Ежовъ привѣтствовалъ его, укоризненно покачивая головой:

— Эхъ ты, рыжій ябедникъ! Не стоитъ съ тобой и дружиться... булыжникъ!

— Что ты ругаешься?—спокойно спросилъ Смолинъ, разглядывая Ѳому неподвижными глазами.

— Я не ругаюсь, а правду говорю,—пояснилъ Ежовъ, весь подергиваясь отъ оживленія.—Слушай! Хотя ты и кисель, да—ладно ужъ! Въ воскресенье послѣ обѣдни я съ нимъ приду къ тебѣ...

— Приходите,—кивнулъ головой Смолинъ.

— Придемъ... Скоро уже звонокъ, побѣгу чиза продавать,—объявилъ Ежовъ, вытаскивая изъ кармана штанишекъ бумажный пакетикъ, въ которомъ билось что-то живое. И онъ исчезъ со двора училища, какъ ртуть съ ладони.

— Ка-акой онъ!—сказалъ Ѳома, пораженный живостью Ежова и вопросительно глядя на Смолина.

— Онъ всегда такой... Ловкій очень,—пояснилъ рыжій мальчикъ.

— И веселый,—добавилъ Ѳома.

— И веселый,—согласился Смолинъ. Потомъ они помолчали, оглядывая другъ друга.

— Придешь ко мнѣ съ нимъ?—спросилъ рыжій.

— Приду...

— Приходи... У меня хорошо...

Ѳома ничего не сказалъ на это. Тогда Смолинъ спросилъ его:

— У тебя много товарищей?

— Никого нѣтъ...

— У меня тоже до училища никого не было... только братья двоюродные... Вотъ теперь у тебя будутъ сразу двое товарищей..

— Да,—сказалъ Ѳома.

— Ты радъ?

— Радъ...

— Когда есть много товарищей—это весело... И учиться легче,—подсказывают...

— А ты хорошо учишься?

— Хорошо. Я—все хорошо дѣлаю,—спокойно сказалъ Смолинъ.

Задрезжалъ звонокъ, точно испуганный и торопливо побѣжавшій куда-то...

Сидя въ школѣ, Ома почувствовалъ себя свободнѣе и сталъ сравнивать своихъ товарищей съ другими мальчиками. Вскорѣ онъ нашелъ, что оба они—самые лучшіе въ школѣ и первыми бросаются въ глаза, такъ же рѣзко, какъ эти двѣ цифры 5 и 7, не стертая съ черной, классной доски. И Омѣ стало пріятно оттого, что его товарищи лучше всѣхъ остальныхъ мальчиковъ.

Изъ школы они всѣ трое пошли вмѣстѣ, но Ежовъ скоро свернулъ въ какой-то узкій переулочекъ, Смолинъ же шелъ съ Омой вплоть до его дома и, прощаясь, сказалъ:

— Вотъ видишь—и ходитъ намъ вмѣстѣ.

Дома Омѣ встрѣтили торжественно: отецъ подарилъ мальчику тяжелую серебрянную ложку съ затѣйливымъ вензелемъ, а тетка—шарфъ своего вязанья. Его ждали обѣдать, приготовили любимыя имъ блюда и тотчасъ же, какъ только онъ раздѣлся, усадили за столъ и стали спрашивать:

— Ну что, понравилось въ училищѣ?—говорилъ Игнатъ, съ любовью глядя на румяное и оживленное лицо сына.

— Ничего... Славно!—отвѣчалъ Ома.

— Милый ты мой!—умиленно вздыхала тетка. — Ты смотри товарищамъ-то не поддавайся... Чуть они чѣмъ обидятъ тебя, ты сейчасъ учителю и скажи про нихъ...

— Ну, слушай ее!—усмѣхнулся Игнатъ.—Этого не дѣлай никогда! Самъ со всякимъ обидчикомъ старайся управиться, своей рукой накажи, а не чужой... Ребятишки-то есть хорошіе?

— Двое ужъ....—улыбнулся Ома, вспоминая объ Ежовѣ. — такой бойкій—бѣда!

— Чей таковъ?

— Сторожа сынъ...

— М-м... боекъ, говоришь?

— Страсть!

— Ну... Богъ съ нимъ! А другой?

— А другой—ры-ижій весь... Смолинъ...

— А! Митрія Иваныча сынъ видно... Этого держись, компанія хорошая... Митрій—умный мужикъ.... коли сынъ въ него—это ладно бы. Вотъ другой-то... Ты, Ома, вотъ что: ты пригласи-

ко ихъ въ воскресенье въ гости къ себѣ. Я куплю гостинцевъ, угощать ты ихъ будешь... Поглядимъ, какіе они...

— Въ воскресенье-то Смолинъ меня къ себѣ зоветъ,—объявилъ Оома, вопросительно взглянувъ на отца.

— Ишь ты... Ну, поди! Это ничего, поди... Присматривайся, какіе есть люди на землѣ... Одинъ, безъ дружбы не проживешь... Вотъ я съ твоимъ крестнымъ двадцать лѣтъ слишкомъ дружу... и многимъ отъ ума его попользовался. Такъ и ты старайся дружить съ тѣми, которые лучше, умнѣе тебя... Около хорошаго человѣка потрешься... какъ мѣдная копейка о серебро, и самъ потомъ за двугривенный сойдешь...

И, засмѣявшись-своему сравненію, Игнатъ серьезно добавилъ:

— Это шучу я. Старайся не поддѣльнымъ, а настоящимъ быть... и умъ имѣй хоть маленькій, да свой... Что, уроковъ-то много задали тебѣ?

— Много!—вдохнулъ мальчикъ, и вздоху его, какъ эхо, откликнулась тяжелымъ вздохомъ тетка.

— Ну... учи. Хуже другихъ въ наукѣ не будь. Хоша скажу тебѣ вотъ что: въ училищѣ,—хоть двадцать пять классовъ въ немъ будь,—ничему, кромѣ какъ писать, читать да считать—не научатъ. Глупостямъ разнымъ можно еще научиться,—но не дай тебѣ Богъ! Запорю, ежели что... Табакъ курить будешь, губы отрѣжу...

— Бога помни, Оомушка, — сказала тетка — Господа нашего, смотри, не забудь...

— Это вѣрно! Бога и родителя—чти. Но я про то хочу сказать, что книги-то учебныя—дѣло еще малое... Нужны онѣ тебѣ какъ плотнику топоръ да рубанокъ. Онѣ—инструментъ, а тому, какъ въ дѣло его употребить—инструментъ не научить. Понялъ?.. Скажемъ такъ: данъ плотнику въ руки топоръ и долженъ онъ имъ обтесать бревно... Рукъ да топора тутъ мало, надо еще умѣть ударить по дереву, а не по ногѣ себѣ... Тебѣ же дана въ руки грамота, и долженъ ты ею устроить себѣ жизнь... И тутъ выходить, что однѣхъ книгъ для такого дѣла мало: надо еще умѣнье пользоваться ими... Вотъ это умѣнье и есть то самое, что будетъ похитрѣе всякихъ книгъ, а въ книгахъ о немъ ничего не написано... Этому, Оома, надо учиться отъ самой, отъ жизни. Книга—она вещь мертвая, ее какъ хочешь бери, рви, ломай—она не закричитъ... А жизнь, чуть ты по ней не вѣрно шагнулъ, не правильно мѣсто въ ней себѣ занялъ—тысячью голосовъ заоретъ на тебя, да еще и ударить, съ ногъ собьетъ.

Оома, облокотясь на столъ, внимательно слушала отца и, подъ сильные звуки его голоса, представляла себѣ то плотника, обте-

сывающаго бревно, то себя самого: осторожно, съ протянутыми впередъ руками, по зыбкой почвѣ онъ подкрадывается къ чему-то огромному и живому и желаетъ схватить это страшное что-то...

— Человѣкъ долженъ себя беречь для своего дѣла и путь къ своему дѣлу долженъ твердо знать... Человѣкъ, братъ, тотъ же лопманъ на суднѣ... Въ молодости, какъ въ половодьѣ,—иди прямо; Вездѣ тебѣ дорога... Но знай время, когда и за правезь взяться надо... Вода сбыла,—тамъ, гляди, мель, тамъ карча, тамъ камень; все это надо усчитать и во-время обойти, чтобы къ пристани доплыть цѣлому...

— Я доплыву!—сказалъ мальчикъ, увѣренно и гордо глядя на отца.

— Ну? Храбро говоришь!—засмѣялся Игнатъ. И тетка тоже ласково засмѣялась.

Со времени поѣздки съ отцомъ по Волгѣ, Ома сталъ болѣе бойкимъ и разговорчивымъ дома, съ отцомъ, теткой, Маякинымъ. Но на улицѣ, или гдѣ-нибудь въ новомъ для него мѣстѣ при чужихъ людяхъ, онъ всегда хмурился и посматривалъ вокругъ себя подозрительно и недоувѣрчиво, точно всюду чувствовалъ что-то враждебное ему, скрытое отъ него и подстерегающее.

Ночами иногда онъ вдругъ просыпался и подолгу прислушивался къ тишинѣ вокругъ него, пристально разсматривалъ тьму широко раскрытыми глазами. И вотъ предъ нимъ претворялись въ образы и картины рассказы отца. Онъ незамѣтно для себя путалъ ихъ со сказками тетки и создавалъ себѣ хаосъ событій, въ которомъ яркія краски фантазіи причудливо переплетались съ суровыми тонами дѣйствительности. Получалось что-то огромное, непонятное; мальчикъ закрывалъ глаза и гналъ отъ себя все это и хотѣлъ бы оставовить игру воображенія, пугавшую его. Но онъ безуспѣшно пытался уснуть, а комната все тѣснѣе наполнялась темными образами.

Тогда онъ тихо будилъ тетку:

— Тетя... А тетя...

— Что? Христось съ тобой...

— Я приду къ тебѣ,—шепталъ Ома.

— Пошто? Слика-ка, милуша моя... спи...

— Я боюсь...—сознавался мальчикъ.

— А ты прочитай про себя „да воскреснетъ Богъ“, и перестанешь бояться-то.

Ома лежитъ съ закрытыми глазами и читаетъ молитву. Тишина ночи рисуется предъ нимъ въ видѣ безкрайнаго пространства темной воды, которая совершенно неподвижна,—разлилась

она всюду и застыла, нѣтъ ни ряби на ней, ни тѣни движенія и въ ней тоже нѣтъ ничего, хотя она бездонно глубока. Очень страшно смотрѣть одному откуда-то сверху, изъ тьмы, на эту мертвую воду... Но вотъ раздается звукъ колотушки ночного сторожа, и мальчикъ видитъ, что поверхность воды вздрагиваетъ, по ней, покрывая ее рябью, скачутъ круглые, свѣтлые шарики... Ударъ въ колоколь на колокольнѣ заставляетъ всю воду всколыхнуться однимъ могучимъ движеніемъ, и она долго плавно колыхнется отъ этого удара, колыхнется и большое свѣтлое пятно, освѣщаетъ ее, расширяется отъ ея центра куда-то въ темную даль и блѣднѣетъ, и гаснетъ... Снова тоскливый и мертвый покой въ этой темной пустынь...

— Тетя...—умоляюще шепчетъ Тома.

— Асиньки?

— Я къ тебѣ приду...

— Да иди, иди, роднуша моя...

Перебравшись на постель къ теткѣ, онъ жметъ къ ней и просить:

— Расскажи что-нибудь...

— Ночью-то?—сонно протестуетъ тетка.

— Пожа-алуйста...

Ее не приходится долго просить. Позѣвывая, осипшимъ отъ сна голосомъ, старуха, закрывъ глаза, размѣренно говоритъ:

— И вотъ, сударь ты мой, въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили-были мужъ да жена и были они бѣдные-пребѣдные!.. Ужъ такіе-то разнесчастные, что и ѣсть-то имъ было нечего. Походятъ, это, они по міру, дадутъ имъ гдѣ черствую, заваливающую корочку,—тѣмъ они день и сыты. И вотъ родилось у нихъ дите... родилось дите—крестить надо, а какъ они бѣдные, угостить имъ кумовъ да гостей нечѣмъ, не идетъ къ нимъ никто крестить! Они и такъ, они и сякъ—нѣтъ никого!.. И взмолились они тогда ко Господу.—Господи! Господи!..

Тома знаетъ эту страшную сказку о крестникѣ Бога, не разъ онъ слышалъ ее и уже заранѣе рисуется предъ собой этого крестника: вотъ онъ ѣдетъ на бѣломъ конѣ къ своимъ крестнымъ отцу и матери, ѣдетъ во тьмѣ, по пустынь и видитъ въ ней всѣ нестерпимыя муки, коимъ осуждены грѣшники... И слышитъ онъ тихіе стоны и просьбы ихъ:

— О-о-о! Человѣче! спроси у Господа, долго ли еще мучиться намъ?

Тогда мальчику кажется, что это онъ самъ ѣдетъ въ ночи на бѣломъ конѣ, и къ нему обращены стоны и моленія. Сердце его сжимается отъ какого-то желанія, непонятнаго ему; холодная

тоска стискивает его грудь, и слезы выступают на глазах, которые онъ крѣпко закрылъ и боится открыть.

Онъ безпокойно возится въ постели...

— Спи, дитяtko мое, Христось съ тобой! — говоритъ старуха прерывая свою повѣсть о мукахъ людей за грѣхи ихъ...

Но утромъ послѣ такой ночи Оома вставалъ веселый и бодрый, торопливо мылся, наскоро пилъ чай и бѣжалъ въ училище, снабженный сдобными и сладкими пирожками, которыхъ тамъ ждалъ всегда голодный, маленькій Ежовъ, жадно питавшійся отъ щедротъ своего богатаго товарища.

— Приперъ пожрать? — встрѣчалъ онъ Оому, поводя своимъ острымъ носомъ. — Давай, а то я ушелъ изъ дому безъ ничего... Проспалъ, чертъ е дери... до двухъ часовъ ночи, все учился... Ты задачи сдѣлалъ.

— Не сдѣлалъ.

— Эхъ ты, карамара! Ну, я ихъ тебѣ сейчасъ раскатаю!

Впиваясь въ пирогъ мелкими и острыми зубами, онъ что-то мурлыкалъ, какъ котенокъ, притоптывалъ въ тактъ лѣвой ногой и въ то-же время рѣшалъ задачу, бросая Оомѣ короткія фразы:

— Видаль? въ часъ вытекло восемь ведеръ... а сколько часовъ текло — шесть? Эхъ, сладко вы ѣдите!.. Шестъ стало быть, надо помножить на восемь... А ты любишь пироги съ зеленымъ лукомъ? Я—страсть какъ! Ну вотъ, изъ перваго крана въ шесть часовъ вытекло сорокъ восемь... а всего налили въ чанъ девяносто... дальше-то понимаешь?

Ежовъ нравился Оомѣ больше, чѣмъ Смолинъ, но со Смолинымъ Оома жилъ дружнѣе. Онъ удивлялся способностямъ и живости маленькаго человѣка, видѣлъ, что Ежовъ умнѣе и лучше его, завидывалъ ему и обижался на него за это, и въ то же время онъ жалѣлъ его, снисходительной жалостью сытаго къ голодному. Можетъ быть, именно эта жалость больше всего другаго мѣшала ему отдать предпочтеніе живому мальчику передъ скучнымъ, рыжимъ, Смолинымъ. Ежовъ, любя посмѣяться надъ сытыми товарищами, часто говорилъ имъ:

— Эхъ вы, чемоданчики съ пирожками!..

Оома сердился на него за насмѣшки и однажды, задѣтый за сердце, презрительно и зло сказалъ:

— А ты—попрошайка... нищій!

Желтое лицо Ежова покрылось пятнами, и онъ медленно отвѣтилъ:

— Ладно, пускай!.. А вотъ я не буду подсказывать тебѣ — и станешь ты бревномъ!

И дня три они не разговаривали другъ съ другомъ, къ огор-

ченію учителя, который долженъ былъ въ эти дни ставить единицы и двойки сыну всеѣми уважаемаго Игната Матвѣевича.

Ежовъ зналъ все: онъ рассказывалъ въ училищѣ, что у прокурора родила горничная, а прокуророва жена облила за это мужа горячимъ кофе; онъ могъ сказать, когда и гдѣ лучше ловить ершей; онъ умѣлъ дѣлать западни и клѣтки для птицъ; подробно сообщалъ, отчего и какъ повѣсился солдатъ въ казармѣ, на чердакѣ, отъ кого изъ родителей учениковъ учитель получилъ сегодня подарокъ и какой именно подарокъ.

Кругъ знаній и интересовъ Смолина ограничивался бытомъ купеческимъ и, главнымъ образомъ, рыжій мальчикъ любилъ опредѣлять, кто кого богаче, взвѣшивая и оцѣнивая ихъ дома, суда, лошадей. Все это онъ зналъ безподобно, говорилъ объ этомъ съ увлеченіемъ.

Къ Ежову онъ относился съ такой же снисходительной жалостью, какъ и Тома, но болѣе дружески и ровно. Каждый разъ когда Гордѣевъ ссорился съ Ежовымъ, онъ стремился примирить ихъ, а какъ-то разъ, идя домой изъ школы, сказалъ Томѣ:

— Зачѣмъ ты все ругаешься съ Ежовомъ?

— А что онъ больно зазнается? — сердито отвѣтилъ Тома.

— То и зазнается, что ты учишься плохо, а онъ всегда помагаетъ тебѣ... Онъ—умный... А что бѣдный — такъ развѣ въ этомъ онъ виноватъ? Онъ можетъ выучиться всему, чему захочетъ, и тоже будетъ богатъ...

— Комаръ онъ какой-то, — пренебрежительно сказалъ Тома—пищитъ, пищитъ, да вдругъ и укуситъ...

Но въ жизни этихъ мальчиковъ было нѣчто объединявшее всѣхъ ихъ, были часы, втеченіе которыхъ они утрачивали сознание разницы характеровъ и положенія. По воскресеньямъ они всѣ трое собирались у Смолина и, влѣзая на крышу флигеля, гдѣ была устроена обширная голубятня, — выпускали голубей.

Красивыя сытыя птицы, встряхивая бѣлоснѣжными крыльями, одна за другой вылетали изъ голубятни и въ рядъ усаживались на конькѣ крыши и, освѣщенные солнцемъ, воркуя, красовались передъ мальчиками.

— Шугай!—просилъ Ежовъ, вздрагивая отъ нетерпѣнія.

Смолинъ взмахивалъ въ воздухѣ длиннымъ шестомъ съ мочаломъ на концѣ и свисталъ.

Испуганные голуби бросались въ воздухъ, наполняя его топорливымъ шумомъ крыльевъ... И—вотъ они плавно, описывая широкіе круги, вздымаются вверхъ, въ голубую глубину неба, плывутъ, сверкая серебромъ и снѣгомъ оперенія, все выше. Одни изъ нихъ стремятся достигъ до купола небесъ плавнымъ полетомъ сокола,

широко распростирая крылья и какъ бы не двигая ими, другіе—играють, кувыркаются въ воздухѣ, снѣжнымъ комомъ падаютъ внизъ и снова, стрѣлою, летать въ высоту. Вотъ вся стая ихъ кажется неподвижно стоящей въ пустынѣ неба и, все уменьшаясь,—тонетъ въ ней. Закинувъ головы, мальчики молча любятъ птицами, не отрывая глазъ отъ нихъ,—усталыхъ глазъ, сіяющихъ тихой радостью, не чуждой завистливаго чувства къ этимъ крылатымъ существамъ, такъ свободно улетѣвшимъ отъ земли въ чистую, тихую область, полную солнечнаго блеска. Маленькая группа едва замѣтныхъ глазу точекъ, вкрапленная въ синеву неба, влечетъ за собой воображеніе дѣтей, и Ежовъ опредѣляетъ общее всѣмъ имъ чувство, когда тихо и задумчиво говорить:

— Намъ бы, братцы, такъ полетать...

Тома же, зная, что часто видъ голубя принимаетъ душа челоуѣка, отлетая къ небу, чувствовалъ въ груди своей приливъ какого-то желанія, сильнаго, жгучаго...

Объединенные своимъ восторгомъ, молчаливо и внимательно ожидающіе возвращенія изъ глубины неба своихъ птицъ—мальчики, плотно прижавшись другъ къ другу, далеко,—какъ ихъ голуби отъ земли,— ушли отъ вѣянія жизни; въ этотъ часъ они просто — дѣти, не могутъ ни завидовать, ни сердиться; чуждые всему, они близки другъ другу, безъ словъ, по блеску глазъ, понимаютъ свое чувство и — хорошо имъ, какъ птицамъ въ небѣ.

Но вотъ голуби опустились на крышу, утомленные своимъ полетомъ, загнаны въ голубятню.

— Братцы? Ай-да за яблоками?!—предлагаетъ Ежовъ, вдохновитель всѣхъ игръ и походовъ.

Его зовъ изгоняетъ изъ дѣтскихъ душъ навѣянное голубями мирное настроеніе, и — вотъ они осторожно, походкой хищниковъ и съ хищной чуткостью ко всякому звуку, крадутся по задворкамъ въ сосѣдній садъ. Страхъ быть пойманнымъ умѣряется до равновѣсія надеждой безнаказанно украсть. Воровство есть тоже трудъ и трудъ опасный, все же заработанное своимъ трудомъ—такъ сладко!.. И тѣмъ слаще оно, чѣмъ большимъ количествомъ усилій взято... Мальчики осторожно перелѣзаютъ черезъ заборъ сада и, согнувшись, ползутъ къ яблонямъ, зорко и пугливо оглядываясь. Отъ cadaго шороха сердца ихъ дрожать и замедляютъ біеніе. Они съ одинаковой силой боятся и того, что ихъ поймаютъ, и того, что, замѣтивъ,—ихъ узнаютъ, кто они: но если ихъ только замѣтятъ и закричатъ на нихъ—они будутъ довольны. Отъ крика они разлетятся въ стороны и исчезнутъ, а потомъ, собравшись вмѣстѣ, съ горящими восторгомъ и удалью гла-

зами, они со смѣхомъ будутъ разсказывать другъ другу о томъ, что чувствовали, услышавъ крикъ и погоню за ними, и что случилось съ ними, когда они бѣжали по саду такъ быстро, точно земля горѣла подъ ногами у нихъ.

Въ подобные разбойничьи набѣги Ома вкладывалъ сердца больше, чѣмъ во всѣ другія похождения и игры,—и велъ онъ себя въ набѣгахъ съ храбростью, которая и поражала и сердила его товарищей. Въ чужихъ садахъ онъ держалъ себя намѣренно-неосторожно: говорилъ во весь голосъ, съ трескомъ ломалъ сучья яблонь, сорвавъ червивое яблоко, швырялъ его куда-нибудь по направлению къ дому садовладѣльца. Опасность быть застигнутымъ на мѣстѣ преступленія не пугала, а лишь возбуждала его— глаза у него темнѣли, онъ стискивалъ зубы, и лицо его становилось гордымъ и злымъ. Смолинъ говорилъ ему, презрительно скашивая свой большой ротъ:

— Очень ужъ ты форсишь...

— Просто я не трусь!—отвѣчалъ Ома.

— Знаю я, что не трусь, а только форсятъ этимъ одни дураки... Можно и безъ форсу не хуже дѣло дѣлать...

Ежовъ осуждалъ его съ иной точки зрѣнія:

— Если ты будешь самъ въ руки соваться—поди къ чорту! Я тебѣ не товарищъ... Тебя поймають да къ отцу отведуть—онъ тебѣ ничего не сдѣлаетъ, а меня, братъ, такъ ремнемъ отхлещутъ—всѣ мои косточки облупятся...

— Трусь!—упрямо твердилъ Ома.

И вотъ, однажды Ома былъ пойманъ руками штабсъ-капитана Чумакова, маленькаго и худенькаго старика. Неслышно подкравшись къ мальчику, укладывавшему сорванные яблоки за пазуху рубахи, старикъ вцѣпилъ ему въ плечи и грозно закричалъ:

— Попался, разбойникъ! Ага-а!

Омѣ въ то время было около пятнадцати лѣтъ, и онъ ловко вывернулся изъ рукъ старика. Но не побѣжалъ отъ него, а, нахмутивъ брови и сжавъ кулаки, съ угрозой произнесъ:

— Попробуй... тронь...

— Я тебя не трону... я тебя въ полицію сведу! Ты чей?

Этого Ома не ожидалъ, и у него сразу пропала вся храбрость и злоба. Путешествіе въ полицію показалось чѣмъ-то такимъ, чего отецъ никогда не проститъ ему... Онъ вздрогнулъ и смущенно объявилъ:

— Гордѣевъ...

— И... Игната Матвѣича?..

— Да...

Теперь смутился штабсъ-капитанъ. Онъ выпрямился, выпятилъ грудь впередъ и зачѣмъ-то внушительно крикнулъ. Потомъ плечи его опустились и отечески-вразумительно онъ сказалъ мальчику:

— Стыдно-съ! Наслѣдникъ такого именитаго и уважаемаго лица... и вдругъ! Недостойно-съ вашего положенія... Можете идти... Но если еще разъ повторится происшедшее... гмъ! принужденъ буду сообщить вашему баюцкѣ... которому, между прочимъ, имѣю честь свидѣтельствовать мое почтеніе...

Өома наблюдалъ за игрой фیزیономіи старика и понималъ, что онъ боится отца. Исподлобья, какъ волчонокъ, онъ смотрѣлъ на Чумакова; а тотъ, со смѣшной важностью, крутилъ свои сѣдые усы и переминался съ ноги на ногу передъ мальчикомъ, который не уходилъ, несмотря на данное ему разрѣшеніе.

— Можете идти, — повторилъ старикъ и указалъ рукой дорогу къ своему дому.

— А въ полицію? — угрюмо спросилъ Өома и тотчасъ же испугался возможнаго отвѣта.

— Это я... пошутить. — улыбнулся старикъ. — Напугать васъ хотѣлъ...

— Вы сами боитесь моего отца...—сказалъ Өома и, повернувшись спиной къ старику, пошелъ въ глубь сада.

— Боюсь? А-а! Хорошо-съ!—крикнулъ Чумаковъ вслѣдъ ему, и по звуку голоса Өома понималъ, что обидѣлъ старика. Ему стало стыдно и грустно; до вечера онъ прогулялъ одинъ, а, придя домой, былъ встрѣченъ суровымъ вопросомъ отца:

— Өомка! Ты къ Чумакову въ садъ лазилъ?

— Лазилъ, — спокойно сказалъ мальчикъ, глядя въ глаза отцу.

Игнать, должно быть, не ядалъ такого отвѣта и нѣсколько секундъ молчалъ, поглаживая бороду.

— Дуракъ! Зачѣмъ ты это? Мало что ли тебѣ своихъ яблоковъ?

Өома опустилъ глаза и молчалъ, стоя противъ отца.

— Вишь—стыдно стало! Поди-ка, Ежишка этотъ подбилъ? Я вотъ его проберу, когда придетъ... а то и совсѣмъ прекращу дружбу-то вашу...

— Это я самъ,—твердо сказалъ Өома.

— Часъ-отъ-часу не легче! — воскликнулъ Игнать. — Да зачѣмъ тебѣ?

— Такъ...

— Бьякъ! — передразнилъ отецъ. — А ты ужь, коли это дѣ-

лаешь, такъ умѣй и объяснить это и себѣ и людямъ... Подъ сюда!

Ома подошлѣ къ отцу, сидѣвшему на стулѣ, и всталъ между колѣнъ у него, а Игнатъ положилъ ему руки на плечи и, усмѣхаясь, заглянулъ въ его глаза.

— Стыдно?..

— Стыдно...—вдохнулъ Ома.

— Вотъ то-то, дурень! Позоришь и себя, и меня...

Прижавъ къ груди своей голову сына, онъ погладилъ его волосы и снова спросилъ:

— На что это нужно—яблоки чужія воровать?

— Да... я не знаю, — сказалъ Ома смущенно. — Можетъ потому, что скучно... Играешь, играешь... все одно и то же... надоѣсть! А это... опасно...

— За сердце беретъ?—спросилъ отецъ, усмѣхаясь.

— Беретъ...

— Мм... пожалуй, и такъ... Но, однако, ты, Ома, смотри, — брось это! Не то я съ тобой круто обойдусь...

— Никогда я больше никуда не полѣзу, — увѣренно сказалъ мальчикъ

— А что ты самъ за себя отвѣчаешь — это хорошо. Тамъ Господь знаетъ, что выйдетъ изъ тебя, а пока... ничего! Дѣло не малое, ежели человѣкъ за свои поступки самъ платить хочетъ, своей шкурой... Другой бы на твоемъ мѣстѣ сослался на товарищей, а ты говоришь — я самъ... Такъ и надо, Ома... Ты въ грѣхѣ, ты и въ отвѣтѣ... Что... Чумаковъ-то... не того... не ударилъ тебя?—съ разстановкой спросилъ Игнатъ сына.

— Я бы ему ударилъ!—спокойно объявилъ Ома.

— Мм...—значительно промычалъ его отецъ.

— Я сказалъ ему, что онъ тебя боится... вотъ онъ почему нажаловался... А то онъ не хотѣлъ идти-то къ тебѣ...

— Ну?

— Ей Богу! Почтеніе, говорить, отцу передайте...

— Это онъ?

— Да...

— Ахъ... песь! Вотъ, гляди, каковы есть люди: его грабятъ, а онъ кланяется—мое вамъ почтеніе! Ха-ха! Положимъ,—взяли-то у него, можетъ, на копейку, да вѣдь эта копейка ему—какъ мнѣ рубль... И не въ копейкѣ дѣло, а въ томъ, что моя она, и никто не смѣй ее тронуть, ежели я самъ не брошу... Эхъ! Ну ихъ! Ну-ка, говори—гдѣ былъ, что видѣлъ?

Мальчикъ сѣлъ рядомъ съ отцомъ и подробно, разсказалъ ему впечатлѣнія своего дня. Игнатъ слушалъ, внимательно раз-

глядывая оживленное лицо сына, и брови большого человека задумчиво сдвигались.

— Все еще по верху ты у меня плаваешь, братъ... Дите ты еще... эхе-хе!

— А въ оврагѣ спугнули мы сову,—разсказывалъ мальчикъ.—Вотъ потѣха-то была! Полетѣла это она, да съ разлету о дерево—трахъ! даже запищала, жалобно таково... А мы ее опять спугнули, она опять поднялась и все такъ же—полетитъ, полетитъ да на что-нибудь и наткнется... такъ отъ нея перья и сыплются!.. Ужъ она трепалась, трепалась по оврагу-то... насилу гдѣ-то спряталась... мы и искать не стали, жаль стало, избилась вся... Она, тятя, совсѣмъ слѣпая днемъ-то?

— Слепая,—сказалъ Игнатъ.—Иной человекъ вотъ такъ же, какъ сова днемъ, мечется въ жизни... Ищетъ, ищетъ своего мѣста, бьется, бьется,—только перья летятъ отъ него, а все толку нѣтъ... Изобьется, изболѣетъ, облияетъ весь, да съ размаха и ткнется куда попало, лишь бы отдохнуть отъ маяты своей... Эхъ, бѣда такимъ людямъ... бѣда, братъ!

— Больно-то, чай, какъ имъ,—тихо сказалъ Ома.

— Да вотъ, какъ совѣ этой...

— А отчего онъ такъ?

— Отчего?.. Трудно это сказать... Иной—оттого, что отемнень своей гордыней... хочетъ многого, а силенку имѣетъ слабую... иной—отъ глупости своей... да мало ли отчего? Тебѣ не понять..

— Идите-ка чай пить,—позвала ихъ Анфиса.

Она давно уже стояла въ дверяхъ и, сложивъ руки на животѣ, умильно любовалась огромной фигурой брата, дружески склонившагося надъ Омой, и задумчивой позой мальчика, прильнувшего къ плечу отцу.

Такъ, день за днемъ, медленно развертывалась жизнь Омы—въ общемъ, не богатая волненіями, мирная и тихая жизнь. Сильныя впечатлѣнія, возбуждая на часъ и день душу мальчика, иногда очень рѣзко выступали на общемъ фонѣ этой однообразной жизни, но скоро изглаживались съ него. Еще тихимъ озеромъ была душа мальчика, озеромъ, скрытымъ отъ бурныхъ вѣяній жизни, и все, что касалось поверхности озера, или падало на дно, не надолго взволновавъ сонную воду, или скользнувъ по глади ея, расплывалось широкими кругами и исчезало.

Просидѣвъ въ уѣздномъ училищѣ пять лѣтъ, Ома, съ грѣхомъ пополамъ, окончилъ четыре класса и вышелъ изъ него бравымъ, черноволосымъ парнемъ, со смуглымъ лицомъ, густыми бровями и темнымъ пухомъ надъ верхней губой. Большіе, темные глаза его смотрѣли задумчиво и наивно, и губы были по-дѣтски по-

дуоткрыты, но когда онъ встрѣчалъ противорѣчіе своему желанію или что-нибудь другое раздражало его—зрачки его глазъ расширялись, губы складывались плотно, и все лицо принимало выраженіе упрямое и рѣшительное... Крестный, скептически усмѣхаясь, говорилъ про него:

— Для бабъ ты, Ома, слаще меда будешь... но, пока, большого разума въ тебѣ не видать...

Игнатъ вздыхалъ при этихъ словахъ.

— Ты бы, кумь, скорѣе пускалъ въ оборотъ сына-то...

— А вотъ, погоди...

— Чего годить? Лѣта два, три повертится на Волгѣ, да и подь вѣнецъ его... Вонъ Любовь-то какая у меня...

Любовь Маякина въ эту пору училась въ пятомъ классѣ какого-то пансіона. Ома часто встрѣчалъ ее на улицѣ, причеиъ она всегда снисходительно кивала ему русой головкой въ щегольской шапочкѣ. Она нравилась Омѣ, но ея розовыя щеки, веселые каріе глаза и пунцовыя губы не могли сгладить у Омы обиднаго впечатлѣнія отъ ея снисходительныхъ кивковъ ему. Она была знакома съ какими-то гимназистами, и хотя между ними былъ Ежовъ, старый товарищъ, но Омѣ не влекло къ нимъ, и въ ихъ компаніи онъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ. Ему казалось, что все они хвастаются предъ нимъ своей ученостью и смѣются надъ его невѣжествомъ. Собираясь у Любви, они читали какія-то книжки, и, если онъ заставлялъ ихъ за чтеніемъ или крикливымъ споромъ—они умолкали при видѣ его. Все это отталкивало его отъ нихъ. Однажды, когда онъ сидѣлъ у Маякиныхъ, Люба позвала его гулять въ садъ и тамъ, идя рядомъ съ нимъ, спросила его съ гримаской на лицѣ:

— Почему ты такой бука... никогда, ни о чемъ не говоришь?

— О чемъ мнѣ говорить, ежели я ничего не знаю!—просто сказалъ Ома.

— Учись... читай книги...

— Не хочется...

— А вотъ гимназисты—все знаютъ и обо всемъ умѣютъ говорить... Ежовъ, напримѣръ...

— Знаю я Ежова... болтушка...

— Просто ты завидуешь ему... Онъ очень умный... да. Вотъ онъ кончитъ гимназію—поѣдетъ въ Москву учиться въ университетъ.

— Ну, такъ что,—равнодушно сказалъ Ома.

— А ты такъ и останешься неучемъ...

— Ну, и пускай...

— Какъ это хорошо!—иронически воскликнула Люба.

— Я и безъ науки на своемъ мѣстѣ буду,—насмѣшливо

сказаль Оома..—И всякому ученому носъ утру... пусть голодные учатся... а мнѣ не надо..

— Фи, какой ты глупый, злой... гадкій!—презрительно сказала дѣвушка и ушла, оставивъ его одного въ саду. Онъ угрюмо и обиженно посмотрѣлъ вслѣдъ ей, повель бровями и, опустивъ голову, медленно направился въ глубь сада.

Уже онъ начиналъ познавать прелесть одиночества и сладкую отраву мечтаній. Часто, лѣтними вечерами, когда все на землѣ окрашивается въ огненные, возбуждающія воображеніе краски заката,—въ грудь его проникало смутное томленіе о чемъ-то, непонятномъ ему. Сидя гдѣ-нибудь въ темномъ уголкѣ сада или лежа въ постели, онъ уже вызывалъ предъ собой образы сказочныхъ царевенъ,—онѣ являлись съ лицами Любы и другихъ знакомыхъ ему барышенъ, безшумно плавали предъ нимъ въ вечернемъ сумракѣ и смотрѣли въ глаза его загадочными взорами. Порой эти видѣнія возбуждали въ немъ приливъ мощной энергіи и какъ бы опьяняли его,—онъ вставалъ и, расправляя плечи, полной грудью пилъ душистый воздухъ; но иногда тѣ же видѣнія навѣвали на него грустное чувство—ему хотѣлось плакать, но было стыдно слезъ, онъ сдерживался и все-таки тихо плакалъ. Или вдругъ сердце его трепетало отъ желанія сказать что-то благодарное Богу, преклониться предъ Нимъ; слова молитвъ вспыхивали въ его памяти и, глядя въ небо, онъ подолгу шепталъ ихъ, одну за другой, и сердце его облегчалось, изливая въ молитвѣ избытокъ силъ своихъ..

Отецъ терпѣливо и осторожно вводилъ его въ кругъ торговыхъ дѣлъ, бралъ съ собой на биржу, рассказывалъ о взятыхъ поставкахъ и подрядахъ, о своихъ сотоварищахъ, описывалъ ему, какъ они „вышли въ люди“, какія имѣютъ состоянія теперь, каковы ихъ характеры. Оома быстро усвоилъ дѣло, относясь ко всему серьезно и вдумчиво.

— Расцвѣтаетъ нашъ рѣпей алымъ макомъ!.. — усмѣхался Маякинъ, подмигивая Игнату.

— И все-таки, даже когда Оомъ минуло девятнадцать лѣтъ,—было въ немъ что-то дѣтское, наивное, отличавшее его отъ сверстниковъ. Они смѣялись надъ нимъ, считая его глупымъ; онъ держался въ сторонѣ отъ нихъ, обиженный ихъ отношеніемъ къ нему. А отцу и Маякину, которые не спускали его съ глазъ, эта неопредѣленность характера Оомы внушала серьезные опасенія.

— Не пойму я его!—сокрушенно говорилъ Игнатъ.—Не купитъ онъ, по бабамъ, будто, не шляется, ко мнѣ, къ тебѣ—почти-теленъ, всему внимаешь—красная дѣвка, не парень! И вѣдь, кажись, не глупъ?

— Особой глупости не видать,—говорилъ Маякинъ.

— Поди жь ты! Какъ будто онъ ждетъ чего-то... какъ пелена какая-то на глазахъ у него... Мать его, покойница, вотъ такъ же ошупью ходила по землѣ... Вѣдь вонъ Африганка Смолинъ на два года старше—а поди-ка ты какой! Т. е. даже и понять трудно кто кому теперь у нихъ голова—онъ отцу, или отецъ ему? Учиться хочеть ѣхать, на фабрику какую-то... ругается: эхъ, говоритъ, плохо вы меня папаша, учили... Н-да! А мой—ничего изъ себя не объявляетъ... О, Господи!

— Ты вотъ что, — совѣтоваль Маякинъ,—ты сунь его съ головой въ какое-нибудь горячее дѣло! Право! Золото огнемъ пробуютъ... Увидимъ, какія въ немъ склонности, ежели пустимъ его на свободу... Ты отправь его въ Каму-то... одного...

— Развѣ, что попробовать?

— Ну, напортишь... потеряешь сколько-нибудь... зато будемъ знать, что онъ въ себѣ носитъ?

— И впрямь—отправлю-ка я его,—рѣшилъ Игнатъ.

И вотъ весной Игнатъ отправилъ сына съ двумя баржами хлѣба въ Каму. Баржи вель пароходъ Гордѣва „Прилежный“, которымъ командоваль старый знакомый Оомы, бывшій матросъ Ефимъ,—теперь Ефимъ Ильичъ; тридцатилѣтній, квадратный человѣкъ съ рысьими глазами, разсудительный, степенный и очень строгій капитанъ.

Плыли быстро и весело, потому что всѣ были довольны. Оома гордился впервые возложеннымъ на него отвѣтственнымъ порученіемъ. Ефимъ былъ радъ присутствію молодого хозяина, который не дѣлалъ ему за всякую оплошность замѣчаній, уснащенныхъ крѣпкой руганью; а хорошее настроеніе двухъ главныхъ лицъ на суднѣ прямыми лучами падало и на всю команду. Отплывъ отъ мѣста, гдѣ грузились хлѣбомъ, въ апрѣлѣ,—въ первыхъ числахъ мая пароходъ уже прибылъ къ мѣсту назначенія и, поставивъ баржи у берега на якоря, всталъ рядомъ съ ними. На Оомѣ лежала обязанность какъ можно скорѣе сдать хлѣбъ и, получивъ платежи, отправиться въ Пермь, гдѣ ждалъ его грузъ желѣза, принятый Игнатовъ къ доставкѣ на ярмарку.

Баржи встали противъ большого села, прислонившагося къ сосновому бору, верстахъ въ двухъ разстоянія отъ берега. Уже на другой день по прибытіи, рано утромъ на берегу явилась большая и шумная толпа бабъ и мужиковъ, пѣшихъ и конныхъ; съ крикомъ, съ пѣснями они разсыпались по палубамъ и — вмигъ закипѣла работа. Спустившись въ трюмы, бабы насыпали рожь въ мѣшки, мужики, вскидывая мѣшки на плечи, бѣгомъ

бѣгали по сходнямъ на берегъ, а отъ берега къ селу медленно потянулись подводы, тяжело нагруженныя долго жданнымъ хлѣбомъ. Бабы пѣли пѣсни, мужики шутили и весело поругивались, матросы, изображая собою блюстителей порядка, покрикивали на работавшихъ, доски сходень, прогибаясь подъ ногами, тяжело хлопали по водѣ, а на берегу ржали лошади, скрипѣли телѣги и песокъ подъ ихъ колесами...

Только что взошло солнце, воздухъ былъ живительно свѣжъ и густо напоенъ запахомъ сосны; спокойная вода рѣки, отражая ясное небо, ласково журчала, разбиваясь о пыжи судовъ и цѣпи якорей. Веселый, громкій шумъ труда, юная красота весенней природы, радостно освѣщенной лучами солнца,—все было полно бодрой силы, добродушной, грубоватой, пріятно волновавшей душу. Ома, возбуждая въ немъ новыя и смутныя ощущенія и желанія. Онъ сидѣлъ за столомъ, на тентѣ парохода и пилъ чай съ Ефимомъ и пріемщикомъ хлѣба, земскимъ служащимъ, рыжеватымъ и близорукимъ господиномъ въ очкахъ. Нервно подергивая плечами, пріемщикъ надтреснутымъ голосомъ рассказывалъ о томъ, какъ голодали крестьяне, но Ома плохо слушалъ его, глядя то на работу внизу, то на другой берегъ рѣки — высокій, желтый, песчаный обрывъ, по краю котораго стояли сосны. Тамъ было безлюдно и тихо.

„Надо будетъ съѣздить туда“, думалъ Ома. А до слуха его какъ будто откуда-то издали доносился безпокойный, неприятно рѣзкій голосъ пріемщика:

— Вы не повѣрите—дошло наконецъ до ужаса! Былъ такой случай: въ Осѣ, къ одному интеллигенту приходитъ мужикъ и приводитъ съ собой дѣвицу, лѣтъ шестнадцати...—Что тебѣ?—„Да, вотъ, говорить, привелъ дочь вашему благородію“...—Зачѣмъ?—„Да можетъ, говорить, возьмете... человекъ вы холостой“...—Т. е., какъ такъ? что такое?—„Да водилъ, говорить, водилъ ее по городу, въ прислуги хотѣлъ отдать—не беретъ никто... возьмите хоть въ любовницы!“ Понимаете? Онъ предлагаетъ дочь свою, поймите! дочь—въ любовницы! Чортъ знаетъ, что такое?! а? Тотъ, понятно, возмутился, накинулся на мужика, ругается... Но мужикъ резонно говоритъ ему: „Ваше благородіе! что она мнѣ, по нынѣшнимъ днямъ? Лишняя совсѣмъ... а у меня, говорить, трое мальчишекъ—они работники будутъ, ихъ надо сохранить... дайте, говорить, десять рублей за дѣвку-то, вотъ я и поправлюсь съ мальчишками“... Каково, а? Просто ужасъ, говорю вамъ...

— Не хо-ро-шо!—вдохнулъ Ефимъ. —Такъ что, голодъ—сказано,—не тетка... У брюха, видите, свои законы...

А у Омы этотъ рассказъ вызвалъ какой-то непонятный ему

огромный и щекочущій интересъ къ судьбѣ дѣвочки, и юноша быстро спросилъ у пріемщика:

— Что же онъ, баринъ-то этотъ, купилъ ее?

— Разумѣется, нѣтъ!—укоризненно воскликнулъ пріемщикъ.

— Ну, и куда же ее дѣвали?

— Нашлись добрые люди... пристроили...

— А-а!—протянулъ Оома и вдругъ твердо и зло объявилъ:— Я бы этого мужика такъ вздулъ! Всю бы рожу ему разворотилъ!— и онъ показалъ пріемщику большой, крѣпко сжатый кулакъ.

— Э! За что?—болѣзненно громко вскричалъ пріемщикъ, срывая съ носа очки.—Вы не понимаете мотива...

— Я понимаю!—упрямо кивнувъ головой, сказалъ Оома.

— Но что же онъ могъ сдѣлать?.. Пришло ему въ голову...

— Развѣ это можно, чтобы человѣка продавать?..

— Ахъ! Дико это, я согласенъ, знаю...

— Да еще дѣвушку! Я бъ ему далъ десять рублей!

Пріемщикъ безнадежно махнулъ рукой и замолчалъ. Его жестъ смутилъ Оому, онъ поднялся изъ-за стола и, отойдя къ периламъ, сталъ смотрѣть на палубу баржи, покрытую бойко работавшей толпой людей. Шумъ ошьянялъ его, и то смутное, что бродило въ его душѣ, опредѣлилось въ могучее желаніе самому работать, имѣть сказочную силу, огромныя плечи и сразу положить на нихъ сотню мѣшковъ ржи, чтобы всѣ удивились ему...

— Шевелись—живѣе!—звучно крукнулъ онъ внизъ. Нѣсколько головъ поднялось къ нему, мелькнули предъ нимъ какія-то лица, и одно изъ нихъ,—лицо женщины, съ черными глазами,—ласково и заманчиво улыбнулось ему. Отъ этой улыбки у него въ груди что-то вспыхнуло и горячей волной полилось по жиламъ. Онъ оторвался отъ перилъ и снова подошелъ къ столу, чувствуя, что щеки у него горять.

— Слушайте!—обратился къ нему пріемщикъ.—Телеграфируйте въ вашему отцу,—пусть онъ сброситъ сколько-нибудь зерна на утечку! Вы посмотрите, сколько сорится... а вѣдь тутъ каждый фунтъ дорогъ! Надо же это понимать!.. Ну ужъ папаша у васъ...—кончилъ онъ съ ѣдкой гримасой.

— Сколько сбросить?—пренебрежительно и съ удалью спросилъ Оома.—Желаете сто пудъ? Двѣсти?

— Это... благодарю васъ!—смущенно и радостно вскричалъ пріемщикъ...—Если вы имѣете право...

— Я—хозяинъ!—твердо сказалъ Оома...—А про отца вы не можете такъ говорить... и корчить рожи...

— Извините! И... я не сомнѣваюсь въ вашихъ полномочіяхъ...

искренно благодарю васъ... и вашего папашу отъ лица всѣхъ этихъ людей... отъ лица народа!

Ефимъ опасливо смотрѣлъ на молодого хозяина и, оттопыривъ губы, почмокивалъ ими, а хозяинъ съ гордымъ лицомъ слушалъ быструю рѣчь пріемщика, крѣпко пожимавшаго ему руку.

— Двѣсти пудъ! Это — по-русски, молодой человекъ! Вотъ я сейчасъ и объявлю мужичкамъ о вашемъ подаркѣ. Вы увидите, какъ они будутъ благодарны... рады.

И онъ громко крикнулъ внизъ:

— Ребята! Вотъ хозяинъ жертвуетъ двѣсти пудовъ...

— Триста! — перебилъ его Тома.

— Триста пудовъ... о! спасибо! Триста пудовъ зерна, ребята!

Но эффектъ получился слабый. Мужики подняли головы кверху и молча снова опустили ихъ, принявшись за работу. Нѣсколько голосовъ нерѣшительно и какъ бы нехотя проговорили.

— Спасибо... Дай тебѣ Господи... Покорнѣйше благодаримъ...

А кто-то весело и пренебрежительно крикнулъ:

— Это что! А вотъ ежели бы водченки по стакашку... была бы милость... правильная! А хлѣбъ не намъ — онъ земству...

— Эхъ! Они непонимаютъ! — смущенно воскликнулъ пріемщикъ. — Вотъ я пойду объясню имъ...

И онъ исчезъ. Но Тому не интересовало отношеніе мужиковъ къ его подарку: онъ видѣлъ, что черные глаза румяной женщины смотрятъ на него такъ странно и пріятно ему. Они благодарили его, лаская, звали къ себѣ и кромѣ ихъ онъ ничего не видалъ. Эта женщина была одѣта по-городскому — въ башмаки, въ ситцевую кофту, и ея черные волосы были повязаны какимъ-то особеннымъ платочкомъ. Высокая и гибкая, она, сидя на кучѣ дровъ, чинила мѣшки, проворно двигая руками, голыми до локтей, и все улыбалась Томѣ.

— Тома Игнатичъ! — слышалъ онъ укоризненный голосъ Ефима. — Больно ужъ ты форсуешь широко... ну, хоть бы пудовъ полсотни! А то — нако! Тамъ что — смотри, какъ бы намъ съ тобой не попало по горбамъ за это...

— Отстань! — кратко сказалъ Тома.

— Мнѣ что? Я и смолчу... но какъ ты еще молодъ, а мнѣ сказано — слѣди! — то за недосмотръ мнѣ и попадетъ въ рыло...

— Я скажу отцу... молчи! — сказалъ Тома.

— Мнѣ — Богъ съ тобой... такъ что — ты тутъ хозяинъ...

— Ну, и... ладно...

— Я, вѣдь, Тома Игнатьевичъ, тебя же ради говорю... потому какъ ты молодъ и... простъ...

— Отвяжись, моль, Ефимь!..

Ефимъ вздохнулъ и замолчалъ. А Ома смотрѣлъ на женщину и думалъ:

— Вотъ бы такую продавать привели... ко мнѣ...

Сердце его учащенно билось. Будучи еще чистымъ физически, онъ уже зналъ изъ разговоровъ тайны интимныхъ отношеній мужчины къ женщинѣ. Онъ зналъ ихъ подъ грубыми и зазорными именами, эти имена возбуждали въ немъ непріятное, жгучее любопытство и стыдъ; его воображеніе упорно работало, но все-таки онъ не могъ представить себѣ всего этого въ образахъ понятныхъ ему. И въ душѣ онъ не вѣрилъ, что эти отношенія именно такъ просты и грубы, какъ о нихъ рассказываютъ. Когда же, смѣясь надъ нимъ, его увѣряли, что они таковы и не могутъ быть иными, онъ глуповато и смущенно улыбался, но все-таки думалъ, что не для всѣхъ людей сношенія съ женщиной обязательны въ такой постыдной формѣ, и что, навѣрное, есть что-нибудь болѣе чистое, менѣе грубое и обидное для человѣка.

Теперь, любуясь на черноглазую работницу, Ома ясно ощущалъ именно грубое влеченіе къ ней, ему было стыдно и страшно чего-то. А Ефимъ, стоя рядомъ, увѣщающе говорилъ ему:

— Вотъ ты теперь смотришь на бабу... такъ что не могу я молчать... Она тебѣ неизвѣстна, но какъ она — подмигиваетъ, то ты по... молодости твоей такого натворишь тутъ, при твоёмъ характерѣ, что мы отсюда пѣшкомъ по берегу пойдемъ... да еще ладно, ежели у насъ хоть штаны цѣлы останутся...

— Что тебѣ надо? — спросилъ Ома, красный отъ смущенія.

— Мнѣ — ничего не надо... А тебѣ — надо меня слушать... По бабимъ дѣламъ я вполне могу быть учителемъ... Съ бабой надо очень просто поступать — бутылку водки ей, закусить чего-нибудь, потомъ пару пива поставь и опосля всего — деньгами дай двугривенный. За эту цѣну она тебѣ всю свою любовь окажетъ какъ нельзя лучше...

— Врешь ты все... — тихо сказалъ Ома.

— Я-то вру? Какъ же я могу врать, ежели я всю эту политику, можетъ, до ста разъ продѣлывалъ? Такъ что — ты вотъ поручи мнѣ съ ней дѣло вести... а? Я тебѣ сейчасъ съ ней знакомство скручу...

— Хорошо... — сказалъ Ома, чувствуя что ему тяжело дышать и что-то давитъ ему горло...

— Ну, вотъ... вечеромъ я ее и приведу...

Одобрительно усмѣхнувшись въ лицо Омы, Ефимъ ушелъ.

Вплоть до вечера Ома ходилъ какъ отуманенный, не замѣчая почтительныхъ и заискивающихъ взглядовъ, которыми смо-

трѣли на него мужики, настроенные пріемщикомъ. Ему было жутко онъ чувствовалъ себя виновнымъ предъ кѣмъ-то, и всѣмъ, кто обращался къ нему, отвѣчалъ приниженно-ласково, точно извинялся...

Вечеромъ рабочіе частью ушли, частью, собравшись на берегу у большого, яркаго костра—стали варить себѣ ужинъ. Въ тишинѣ вечера плавали обрывки ихъ рѣчей. Отблескъ костра упалъ на рѣку красными и желтыми пятнами, они трепетали на спокойной водѣ и на стеклахъ оконъ рубки парохода, гдѣ сидѣлъ Оома. Забившись въ уголь на диванъ, обитый клеенкой, — онъ ждалъ. На столѣ предъ нимъ стояло нѣсколько бутылокъ съ водкой и пивомъ, тарелки съ хлѣбомъ и закусками. Онъ завѣсилъ окна и не зажегъ огня; слабый свѣтъ костра, проникая сквозь занавѣски, легъ на столъ, на бутылки и стѣну и дрожалъ, становясь то ярче, то ослабѣвая. На пароходѣ и баржахъ было тихо, только съ берега доносились неясные звуки говора, да рѣка чуть слышно плескалась о борта парохода... Оомѣ казалось, что въ темнотѣ около него кто-то притаился и подслушиваетъ, подсматриваетъ за нимъ... Вотъ кто-то идетъ по сходнямъ на баржи... идетъ торопливо и тяжелыми шагами,—доски сходень звучно и сердито бьются о воду... Оома слышитъ глухой смѣхъ капитана и его пониженный голосъ... Ефимъ стоитъ у двери рубки и говорить тихо, но внушительно, точно учить... Оомѣ вдругъ захотѣлось крикнуть:

— Не надо!

И онъ уже всталъ съ дивана—но въ этотъ моментъ дверь въ рубку отворилась, фигура высокой женщины встала на порогъ и безшумно притворивъ за собою дверь, не громко проговорила.

— Батюшки, темно какъ... есть тутъ живой-то кто-нибудь?

— Есть... — тихо отвѣтилъ Оома.

— Ну, такъ здравствуйте...

И женщина осторожно подвинулась впередъ.

— Вотъ я... зажгу огонь... — прерывающимся голосомъ пообѣщала Оома и, опустившись на диванъ, снова прижался въ уголь.

— Да ничего и такъ... присмотришься, такъ и въ темнотѣ все видно...

— Садитесь, — сказалъ Оома.

— Сядемъ...

Она сѣла на диванъ въ двухъ шагахъ отъ него. Оома видѣлъ блескъ ея глазъ, видѣлъ улыбку на ея полныхъ губахъ. Ему показалось, что она улыбается не такъ, какъ давеча улыбалась, а иначе какъ-то—жалобно, не весело. Эта улыбка ободрила его, ему стало легче дышать при видѣ этихъ глазъ, которые, встрѣтившись съ его глазами, вдругъ потушились. Но онъ не зналъ, о

чемъ говорить ему съ этой женщиной, и минуты двѣ они оба молчали, молчаніемъ тяжелымъ и неловкимъ... Заговорила она:

— Скучно, поди-ка одному-то вамъ?

— Да-а, — отвѣтилъ Ома...

— А нравятся ли наши-то мѣста? — вполголоса спрашивала женщина.

— Хорошо... лѣсу много...

И снова они замолчали...

— Рѣка-то, пожалуй, красивѣ Волги, — съ усиліемъ выговорилъ Ома.

— Была я на Волгѣ.

— Гдѣ?

— Въ Симбирскомъ—городѣ...

— Симбирскъ... — какъ эхо повторилъ Ома, чувствуя, что онъ снова не въ состояніи сказать ни слова. Но она, должно быть, понявъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло — вдругъ бойкимъ шопотомъ спросила его:

— Что же ты, хозяинъ, не угощаешь меня?

— Вотъ!—встрепенулся Ома.—Въ самомъ дѣлѣ... вѣдь экій я! Ну-те-ка пожалуйста къ столу...

Онъ возился въ сумракѣ, толкалъ столъ, бралъ въ руки то одну, то другую бутылку и снова ставилъ ихъ на мѣсто, смѣясь виновато и смущенно. А она вплотъ подошла къ нему и стояла рядомъ съ нимъ, съ улыбкой глядя въ лицо ему и на его дрожащія руки.

— Стыдишься? — вдругъ прошептала она.

Онъ ощутилъ ея дыханіе на щекѣ своей и такъ же тихо отвѣтилъ:

— Да-а...

Тогда она положила руки на плечи ему и тихонько толкнула его къ себѣ на грудь, успокоительнымъ шопотомъ говоря ему:

— Ничего, не стыдись... вѣдь нельзя безъ этого... красавчикъ ты мой... молоденькій... жалко-то какъ тебя!..

А ему плакать захотѣлось подъ ея шопотъ, сердце его замирало въ сладкой истомѣ; крѣпко прижавшись головой къ ея груди, онъ стиснулъ ее руками, говоря ей какія-то невнятные и себѣ самому невѣдомыя слова...

— Уходи!—глухо сказалъ Ома, гляди въ стѣну широко раскрытыми глазами.

Подѣловавъ его въ щеку, она покорно встала и вышла изъ рубки, сказавъ ему:

— Ну, прощай...

Ома было нестерпимо стыдно при ней, но лишь она скрылась за дверь, онъ вскочилъ и сѣлъ на диванъ. Потомъ всталъ, шатаясь на ногахъ, и сразу весь наполнился ощущеніемъ утраты чего-то очень цѣннаго, но такого, присутствіе чего онъ какъ бы не замѣчалъ въ себѣ до момента утраты... И тотчасъ же въ немъ явилось новое, мужественное чувство гордости собою. Оно поглотило стыдъ, и на мѣстѣ стыда выросла жалость къ женщинѣ, полураздѣтой и одиноко ушедшей куда-то во тьму холодной майской ночи. Онъ быстро вышелъ изъ рубки на палубу—ночь была звѣздная, но безлунная, его охватила прохлада и тьма... На беругу еще сверкала золотисто-красная куча углей. Ома прислушался—подавляющая тишина разлита была въ воздухъ, лишь вода журчала, разбиваясь о цѣпи якорей, и нигдѣ не слышно было звука шаговъ. Ему захотѣлось позвать женщину, но онъ не зналъ ея имени. Жадно вдыхая широкой грудью свѣжій воздухъ, онъ нѣсколько минутъ стоялъ на палубѣ и вдругъ, изъ-за рубки, съ носа парохода, до него донесся чей-то вздохъ—вздохъ шумный и тяжелый, похожій на рыданіе. Онъ вздрогнулъ и осторожно пошелъ туда, понимая, что тамъ она.

Она сидѣла у борта на палубѣ и, прислонясь головой къ кучѣ каната,—плакала. Ома видѣлъ, какъ дрожали бѣлыя комья ея обнаженныхъ плечъ, слышалъ тяжелые вздохи, и ему самому стало тяжело.

Наклонясь къ ней, онъ робко спросилъ ее:

— Что ты?

Она качнула головой и не отвѣтила ему.

— Али я тебя обидѣлъ?

— Уйди...—сказала она.

— Да... какъ же,—смущенно и тревожно говорилъ Ома, касаясь рукой ея головы.—Ты не сердись... вѣдь сама же...

— Я не сержусь!—громкимъ шопотомъ отвѣтила она.—За что сердиться на тебя? Ты не охальникъ... не насильникъ... чистая ты душа! Эхъ, соколикъ мой, пролетный! Сядь-ка ты рядомъ-то со мной...

И взявъ Ому за руку, она усадила его, какъ ребенка, на колѣни къ себѣ, прижала крѣпко голову его къ груди своей и, наклонясь, надолго прильнула горячими губами къ губамъ его.

— О чемъ ты плачешь?—спрашивалъ Ома, глядя одной рукой ея щеку, а другой обнимая шею женщины.

— О себѣ плачу... Пошто ты отослалъ меня?—жалобно спросила она.

— Стыдно мнѣ стало,—сказалъ Ома, опуская голову.

— Голубчикъ ты мой! Говори ужъ всю правду—не понравилась

я тебѣ?—спросила она усмѣхаясь, но на грудь Ѳомы все падали ея большія, теплыя слезы.

— Что ты это?!—даже съ испугомъ воскликнуть паренѣ и стать горячо и торопливо говорить ей какія-то слова о красотѣ ея, о томъ, какая она ласковая, какъ ему жалко ее и какъ стыдно предъ ней. А она слушала и все цѣловала его щеки, шею, голову и обнаженную грудь.

Онъ умолкъ,—тогда заговорила она печально и тихо, точно по покойникѣ:

— А я другое подумала... Какъ сказать ты—уйди! встала я и пошла... И горько, горько мнѣ сдѣлалось отъ того твоего слова... Бывало, думаю, миловали меня, лелѣяли, безъ устали, безъ отдыху; за усмѣшку одну, бывало, за ласковую все, чего пожелаю, дѣлали... Вспомнила я это и заплакала! Жалко стало мнѣ мою молодость... вѣдь ужъ тридцать лѣтъ мнѣ... послѣдніе деньки для женщины! Э-эхъ, Ѳома Игнатьевичъ!—воскликнула она, повышая голосъ и учащая ритмъ своей пѣвучей рѣчи, звукамъ которой красиво вторило журчаніе воды.

— Слушай меня—береги свою молодость! Нѣтъ ничего на свѣтѣ лучше ея. Ничего-то нѣтъ дороже ея! Молодостью, ровно золотомъ, все, что захочешь, то и сдѣлаешь. Живи такъ, чтобы на старости было, чѣмъ молодые годы вспомнать... вотъ я вспомнила себя и, хотъ поплакала, а разгорѣлось сердце-то отъ одной, отъ памяти, какъ прежде жила... и опять помолодѣла я, какъ живой воды попила! Дитятко ты мое сладкое! Погуляю жъ я съ тобой, коли по праву пришлась, погуляю во всю силушку... эхъ! до золы сгорю, коли вспыхнула!

И крѣпко прижавъ къ себѣ парня, она съ жадностью стала цѣловать его въ губы.

— По-огляды-ва-а-ай!—тоскливо завылъ вахтенный на баржѣ и, коротко оборвавъ „ай“—началь битъ колотушкой въ чугунную доску... Дребезжащіе, рѣзкіе звуки дерзко рвали торжественную тишину ночи.

Черезъ нѣсколько дней, когда баржи разгрузились, и пароходъ готовъ былъ идти въ Пермь,—Ефимъ, къ великому своему огорченію, увидѣлъ, что къ берегу подѣхала телѣга и на ней черноглазая Палагея съ сундукомъ и какими-то узлами.

— Пошли матроса вещи взять...—приказаль ему Ѳома, кивая головой на берегъ. Укоризненно покачавъ головой, Ефимъ сердито исполниль приказаніе и потомъ, пониженнымъ голосомъ, спросиль:

— Такъ что—и она съ нами?

— Она со мной...—кратко объявилъ Ѳома.

— Извѣстно ужь...—не со всѣми же... о, Господи!

— Чего вздыхаешь?

— Да... Ома Игнатьичъ! Вѣдь въ большой городъ плывемъ... али мало тамъ ихной сестры?

— Ну, ты молчи!—сурово сказалъ Ома.

— Да я смолчу... только не порядокъ это!

— Что?

— Это самое наше шалопутство... Судно у насъ—аккуратное, чистое... и вдругъ—баба! И хоть бы какая! А то, такъ что—одно только званіе—женщина...

Ома внушительно нахмурился и сказалъ капитану, властно отчеканивая слова:

— Ты, Ефимъ, и себѣ заруби на носу и всѣмъ тутъ скажи—ежели да я услышу про нее какое-нибудь похабное слово—полѣномъ по башкѣ!

— Страхи какіе!—не повѣрилъ Ефимъ, съ любопытствомъ поглядывая въ лицо хозяина. Но онъ тотчасъ же отступилъ на шагъ предъ Омой. Игнатовъ сынъ, какъ волкъ, оскалилъ зубы, зрачки у него расширились, и онъ заоралъ:

— Посмѣйся! Я-те посмѣюсь!

Ефимъ, хотя и струсиль, но съ достоинствомъ заговорилъ:

— Хоша вы, Ома Игнатьичъ, и хозяинъ... но какъ мнѣ сказано: слѣди, Ефимъ... и я здѣсь—капитанъ...

— Капитанъ?!—крикнулъ Ома, весь вздрагивая и блѣднѣя.—А я кто?

— Такъ что—вы не кричите! Изъ-за пустяка, какова есть баба...

На блѣдномъ лицѣ Омы выступили красныя пятна, онъ переступилъ съ ноги на ногу, судорожнымъ движеніемъ спряталъ руки въ карманы пиджака и ровнымъ, твердымъ голосомъ сказалъ:

— Ты! Капитанъ! Вотъ что—слово еще противъ меня скажешь—убирайся къ чорту! Вонъ! На берегъ! Я и съ лоцманомъ дойду. Понялъ? Надо мной тебѣ не командовать... ну?

Ефимъ былъ пораженъ. Онъ смотрѣлъ на хозяина и смѣшно моргалъ глазами, не находя ему отвѣта.

— Понялъ, говорю?

— По-онялъ... я понимаю!—протянулъ Ефимъ.—Изъ-за чего шумъ, однако? Такъ что—изъ-за...

— Молчать!

Дико сверкнувшіе глаза Омы и его искаженное гнѣвомъ лицо внушили капитану благую мысль уйти скорѣе отъ хозяина, и онъ, быстро повернувшись,—ушелъ.

— Фу-у! Какого холода нагнать, а? Видно очень недалеко упало яблоко отъ яблони...—насмѣшливо бормоталъ онъ, идя по па-лубѣ. Онъ былъ золъ на Оому и считалъ себя напрасно обижен-нымъ, но въ то же время онъ почувствовалъ надъ собой твердую, настоящую хозяйскую руку. Ему, годами привыкшему къ подчи-ненію, правилась проявленная надъ нимъ власть и, войдя въ каюту старика-лоцмана, онъ уже съ отѣнкомъ удовольствія въ голосѣ разсказалъ ему сцену съ хозяиномъ.

— Видаль?—заклучилъ онъ свой разсказъ.—Такъ что—хоро-шей породы—щенокъ, съ первой же охоты—добрый пёсъ... А въдъ съ виду онъ—такъ себѣ... человѣчишка еще мутнаго ума... Ну, ни-чего, пускай балуется... дурного тутъ, видать, не будетъ... при та-комъ его характерѣ... Нѣтъ, какъ онъ заоралъ на меня! Т. е.—труба, я тебѣ скажу!.. И сразу опредѣлился въ хозяина... какъ будто власти и строгости изъ ковша хлебнуть...

Ефимъ говорилъ вѣрно: за эти нѣсколько дней Оома рѣзко пзмѣнился. Вспыхнувшая въ немъ страсть сдѣлала его владыкой души и тѣла женщины, онъ жадно пилъ огненную сладость этой власти, и она выжгла изъ него все то неуклюжее, что придавало ему видъ парня угрюмаго и глуповатаго, и, уничтоживъ это, на-поила его сердце молодой гордостью, сознаниемъ своей человѣче-ской личности. Любовь къ женщинѣ всегда плодотворна для мужчины, какова бы она ни была, даже если она даетъ только страданія—и въ нихъ всегда есть много цѣннаго. Являясь для боль-ного душою сильнымъ ядомъ, для здороваго любовь,—какъ огонь для желѣза, которое хочетъ быть сталью...

Увлеченіе Оомы тридцатилѣтней женщиной, справлявшей въ объятіяхъ юноши тризну по своей молодости, не отрывало его отъ дѣла; онъ не терялся ни въ ласкахъ, ни въ работѣ, и тамъ и тутъ внося всего себя. Женщина, какъ хорошее вино, возбуждала въ немъ съ одинаковой силой жажду труда и любви, и сама она помолодѣла, приобщаясь отъ поцѣлуевъ юности.

Въ Перми Оому ждало письмо отъ крестнаго, который сооб-щалъ, что Игнатъ запилъ съ тоски о сынѣ, и что въ его годы вредно такъ пить. Письмо заканчивалось совѣтомъ спѣшить съ дѣлами и скорѣе возвращаться домой. Оома почувствовалъ тревогу въ этомъ совѣтѣ, и она огорчила ясный праздникъ его сердца, но въ забо-тахъ о дѣлѣ и въ ласкахъ Палагеи эта тѣнь скоро растаяла. Жизнь его текла съ быстротой рѣчной волны, и каждый день приносилъ ему все новыя ощущенія, порождая въ немъ новыя мысли. Па-лагея относилась къ нему со всей страстью любовницы, съ той си-лой чувства, которую влагаютъ въ свои увлеченія женщины ея лѣтъ, допивая послѣднія капли изъ чаши жизни. Но порой въ

ней пробуждалось иное чувство, не менѣ сильное и еще болѣе привязывающее къ ней Оому,—чувство, сходное со стремленіемъ матери оберечь своего любимаго сына отъ ошибокъ, научить его мудрости жить. Часто, по ночамъ, сидя на палубѣ, обнявшись съ нимъ, она ласково и съ печалью говорила ему!

— Ты послушай меня, какъ сестру твою старшую... Я жила, людей знаю... много я видѣла на своемъ вѣку!.. Товарищей выбирай себѣ съ оглядкой, потому что есть люди, которые заразны, какъ болѣзнь... Ты и не разберешь сначала, кто онъ такой? кажись, человѣкъ, какъ всѣ... и вдругъ, самъ того не замѣтя, начнешь подражать ему въ жизни... Хвать—и пристали къ тебѣ болячки его... Я вотъ черезъ подругу все потеряла... мужъ былъ... дѣтей двое... хорошо жили... писаремъ въ волости мужъ-то былъ...

Замолчавъ, она долго смотрѣла черезъ бортъ на встревоженную судномъ воду, и потомъ, вздохнувъ, снова говорила ему:

— Съ нашей сестрой—сохрани тебя Пресвятая Богородица!—осторожень будь... Мягко ты еще, нѣтъ настоящаго закала въ сердцѣ-то у тебя... А до такихъ, какъ ты, бабы лакомы—силень, красивъ, богатъ... И всего больше берегись ты тихонькихъ—онѣ, какъ пьявки, впиваются въ мужчину... вошьется и сосеть, и сосеть... а сама все такая ласковая, да нѣжная. Будетъ она изъ тебя сокъ пить, а себя сбережетъ... только даромъ сердце тебѣ надсадить... Ты къ тѣмъ больше, которые, какъ я вотъ,—бойкія. Такія безъ корысти живутъ...

Она, дѣйствительно, была безкорытна. Въ Перми Оома накупить ей разныхъ обновокъ и бездѣлушекъ. Она обрадовалась имъ, но, разсмотрѣвъ, озабоченно сказала:

— Ты не болно транжирь деньги-то... смотри, какъ бы отецъ то не разсердился... Я и такъ... и безо всего люблю тебя...

Уже ранѣе она объявила ему, что поѣдетъ съ нимъ только до Казани, гдѣ у нея жила сестра замужемъ. Оомъ не вѣрилось, что она уйдетъ отъ него, и, когда—за ночь до прибытія въ Казань—она повторила свои слова, онъ потемнѣлъ и сталъ упрасивать ее не бросать его.

— А ты прежде время не горюй,—сказала она.—Еще ночь цѣлая впереди у насъ... Простимся мы съ тобой, тогда и пожалѣешь... коли жалко станетъ...

Но онъ все съ большимъ жаромъ уговаривалъ ее не покидать его и наконецъ—чего и слѣдовало ожидать—заявилъ, что онъ хочетъ жениться на ней.

— Вотъ, вотъ... такъ!—и она засмѣялась.—Это отъ живого-то мужа за тебя я пойду? Милый ты мой... чудачокъ! Жениться захотѣлъ, а? Да развѣ на такихъ-то женятся? Много, много будетъ

у тебя полюбовницъ-то... Ты тогда женись, когда перекипишь, когда всѣхъ сластей наѣшься до сыта — аржаного хлѣбца захочется... вотъ когда женись! Замѣчала я—мужчинѣ здоровому, для покоя своего, нужно не рано жениться... одной жены ему мало будетъ, и пойдетъ онъ тогда по другимъ... И ты долженъ для своего счастья тогда жену брать, когда увидишь, что и одной ее хватить съ тебя...

Но чѣмъ больше она говорила—тѣмъ настойчивѣе и тверже становился Ома въ своемъ желаніи не разставаться съ ней.

— А ты послушай-ка, что я тебѣ скажу,—спокойно сказала женщина.—Горить въ рукѣ твоей лучина, а тебѣ и безъ нея ужъ свѣтло, такъ ты ее сразу окуни въ воду, тогда и чаду отъ нея не будетъ и руки она тебѣ не обожжетъ...

— Не понимаю я твоихъ словъ...

— А ты понимай... Ты мнѣ худого не сдѣлалъ, и я тебѣ его не хочу... Вотъ и уйду...

Трудно сказать, чѣмъ бы кончилась эта распря, если бъ въ нее не вмѣшался случай. Въ Казани Ома получилъ телеграмму отъ Маякина, который кратко приказывалъ крестнику: „Немедленно выѣзжай на пассажирскомъ“. У Омы больно сжалось сердце, и черезъ нѣсколько часовъ онъ, стиснувъ зубы, блѣдный и угрюмый, стоялъ на галлерей парохода, отходившаго отъ пристани, и, вѣпившись руками въ перила, неподвижно и не мигая глазами, смотрѣлъ въ лицо своей милой, уплывавшее отъ него въ даль вмѣстѣ съ пристанью и съ берегомъ. Палагея махала ему платкомъ и все улыбалась, но онъ зналъ, что она плачетъ, тяжелыми, крупными слезами. Отъ слезъ ея вся грудь рубашки у Омы была мокрая, отъ нихъ въ сердцѣ его, полномъ угрюмой тревоги, было тяжело и холодно. Фигура женщины все уменьшалась, точно таяла, а Ома, не отрывая глазъ, смотрѣлъ на нее и чувствовалъ, что помимо страха за отца и тоски о женщинѣ—въ душѣ его зарождается какое-то новое, сильное и ѣдкое ощущеніе. Онъ не могъ назвать его себѣ, но оно казалось ему близкимъ къ обидѣ на кого-то.

Толпа людей на пристани слилась въ сплошное, темное и мертвое пятно безъ лицъ, безъ формъ и безъ движенія. Ома отошелъ отъ перилъ и угрюмо сталъ ходить по палубѣ.

Пассажиры, громко разговаривая, усаживались пить чай, лакеи сновали по галлерей, накрывая столики, гдѣ-то на кормѣ внизу, въ третьемъ классѣ, смѣялся ребѣнокъ, ныла гармоника, поварь дробно стучалъ ножами, хрупкимъ звукомъ дребезжала посуда. Разрѣзывая волны и вспѣнивая ихъ, содрагаясь отъ напряженія и тяжело вздыхая,—огромный пароходъ быстро плылъ про-

тивъ теченія... Ома посмотрѣлъ на широкую полосу раздробленныхъ, мятущихся, взбѣшенныхъ волнъ за кормой парохода и ощутилъ въ себѣ дикое желаніе ломать, рвать что-нибудь, — тоже пойти грудью противъ теченія и раздробить его напоръ о себя, о грудь и плечи свои...

— Судьба!—хриплымъ и утомленнымъ голосомъ сказалъ кто-то около него.

Это слово было знакомо ему: имъ тетка Анѳиса часто отвѣчала Томѣ на его вопросы, и онъ вложилъ въ это краткое слово представленіе о силѣ, подобной силѣ Бога. Онъ взглянулъ на говорившихъ: одинъ изъ нихъ былъ сѣденькій старичокъ, съ добрымъ лицомъ, другой—помоложе, съ большими усталыми глазами и съ черной клинообразной бородкой. Его хрящеватый большой носъ и желтыя, ввалившіяся щеки напоминали Томѣ крестнаго.

— Судьба!—увѣренно повторилъ старикъ возгласъ своего собесѣдника и усмѣхнулся.—Она надъ жизнью—какъ рыбакъ надъ рѣкой: кинетъ въ суету нашу крючокъ съ приманкой, а человѣкъ сейчасъ—хватъ за приманку жаднымъ-то ртомъ... тутъ она какъ рванетъ свое удилище—ну, и бьется человѣкъ о земь, и сердце у него, глядишь, надорвано... такъ-то, сударь мой!

Ома закрылъ глаза, точно ему въ нихъ лучъ солнца ударилъ, и, качая головой, громко сказалъ:

— Вѣрно! Вотъ—вѣрно-о!

Собесѣдники пристально посмотрѣли на него: старикъ—съ тонкой и умной улыбкой, большеглазый—недружелюбно, исподлюбья. Это смутило Тому, и онъ, покраснѣвъ, отошелъ отъ нихъ, думая о судьбѣ и недоумѣвая: зачѣмъ ей нужно было приласкать его подаривъ ему женщину, и тотчасъ вырвать изъ рукъ у него подарокъ такъ просто и обидно? И онъ понялъ, что неясное, ѣдкое чувство, которое онъ носилъ въ себѣ,—обида на судьбу за ея игру съ нимъ. Онъ былъ слишкомъ избалованъ жизнью для того, чтобы проще отнестись къ первой каплѣ яда въ только что початомъ кубкѣ, и все время дороги провелъ безъ сна, думая о словахъ старика и лелѣя свою обиду. Но она возбуждала въ немъ не уныніе и скорбь, а гнѣвное и мстительное чувство...

Тому встрѣтилъ крестный и на его торопливые, тревожные вопросы, возбужденно поблескивая зеленоватыми глазками, объявилъ, когда усѣлся въ пролетку рядомъ съ крестникомъ:

— Изъ ума выжилъ отецъ-то твой...

— Пьеть?

— Хуже... совсѣмъ съ ума сошелъ...

— Ну? О, Господи! говорите...

— Понимаешь: объявилась около него барынька одна...

— Что же она?—воскликнулъ Ѳома, вспомнивъ свою Палагею, и почему-то почувствовалъ въ сердцѣ радость.

— Пристала она къ нему и—сосеть...

— Тихонькая?

— Она? Тиха... какъ пожаръ... Семьдесятъ пять тысячъ выдула изъ кармана у него—какъ пушинку!

— О-о! Кто же это такая?

— Сонька Медынская, архитекторова жена...

— Ба-атюшки! Неужто она... Развѣ отецъ... неужто онъ ее въ полюбовницы взялъ?—тихо и изумленно спросилъ Ѳома.

Крестный отшатнулся отъ него и, смѣшно вытаращивъ глаза, убѣжденно заговорилъ:

— Да ты, братъ, тоже спятилъ! Ей Богу, спятилъ! Опомнись! Въ шестьдесятъ три года любовницъ заводитъ... да еще въ такую цѣну. Что ты? Ну, я это Игнату расскажу.

И Маякинъ разсыпалъ въ воздухѣ дребезжащій, торопливый смѣхъ, причемъ его козлиная бородка неприглядно задрожала. Не скоро Ѳома добился отъ него толка; противъ обыкновенія старикъ былъ безпокоенъ, возбужденъ, его рѣчь, всегда плавная, рвалась, онъ рассказывалъ ругаясь, и отплеываясь, и Ѳома едва разобралъ, въ чемъ дѣло. Оказалось, что Софья Павловна Медынская, жена богача архитектора, известная всему городу своей неутомимостью по части устройства разныхъ благотворительныхъ затѣй,—уговорила Игната пожертвовать семьдесятъ пять тысячъ на устройство въ городѣ ночлежнаго дома и народной библиотекки съ читальней. Игнатъ далъ деньги, и уже газеты расхвалили его за щедрость. Ѳома не разъ видѣлъ эту женщину на улицахъ; она была маленькая, онъ зналъ, что ее считаютъ одной изъ красивѣйшихъ въ городѣ, и что объ ея поведеніи дурно говорятъ...

— Только-то?!—воскликнулъ онъ, выслушавъ рассказъ крестнаго.—А я думалъ и Богъ вѣсть что...

— Ты? Ты думалъ?—вдругъ рассердился Маякинъ.—Ничего ты не думалъ—молокосось ты?

— Да что вы ругаетесь?—удивился Ѳома.

— Ты скажи—по-твоему семьдесятъ пять тысячъ—большія деньги?

— Большія,—сказалъ Ѳома, подумавъ.

— Ага-а!?

— Да вѣдь у отца много ихъ... чего же вы такъ ужь...

Якова Тарасовича повело всего, онъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ въ лицо юноши и какимъ-то слабымъ голосомъ спросилъ его:

— Это ты говоришь?

— Я... а кто же?

— Врешь! Это молодая твоя глупость говорить, да! А моя старая глупость—милліонъ разъ жизнью испытана,—она тебѣ говоритъ: ты еще щенокъ, рано тебѣ басомъ лаять...

Θому и раньше частенько задѣвалъ слишкомъ образный языкъ крестнаго, — Маякинъ всегда говорилъ съ нимъ грубѣ отца,—но теперь юноша почувствовалъ себя крѣпко обиженнымъ старикомъ и сдержанно, но твердо, сказалъ ему:

— Вы бы не ругались зря-то... я, вѣдь, ужъ не маленькій...

— Да что ты?—насмѣшливо поднявъ брови и скосивъ глаза воскликнулъ Маякинъ.

Θому взорвало. Онъ взглянулъ прямо въ глаза старику и вѣско отчеканилъ:

— А вотъ говорю, что зряшной ругани вашей не хочу больше слышать... будетъ!

— Мм... да... та-акъ! Извините...

Яковъ Тарасовичъ прищурилъ глаза, пожевалъ губами и, отвернувшись отъ крестника, съ минуту помолчалъ. Пролетка вѣхала въ узкую улицу, и, увидавъ издали крышу своего дома, Θома невольно, всѣмъ тѣломъ двинулся впередъ. Въ то же время крестный плутовато и ласково улыбаясь, спросилъ его:

— Θомка! Скажи—на комъ ты зубы себѣ отточилъ? а?

— Развѣ острые стали?—спросилъ Θома, обрадованный такимъ обращеніемъ крестнаго.

— Ничего... Это хорошо, братъ... это оч-чень хорошо! Боялись мы съ отцомъ—мямля ты будешь... Ну, а водку пить выучился?

— Пить...

— Скоренько!.. По-многу, что ли?

— Зачѣмъ по-многу-то...

— А вкусна?

— Не очень...

— Такъ... Ничего, все это не худо... Только вотъ больно ты открыть... во всѣхъ грѣхахъ и всякому попу готовъ каяться... ты сообрази насчетъ этого—не всегда, братъ, это нужно... иной разъ смолчишь—и людямъ угодишь и грѣха не сотворишь. Н-да. Языкъ у человѣка рѣдко трезвъ бываетъ... А вотъ и пріѣхали.. Смотри—отецъ-то не знаетъ, что ты прибылъ... дома ли еще?

Онъ былъ дома: въ открытыя окна изъ комнатъ на улицу неся его громкій, немного сильный хохотъ. Шумъ пролетки, подѣхавшей къ дому, заставилъ Игната выглянуть въ окно, и при видѣ сына онъ радостно крикнулъ:

— А-а! Явился...

Черезъ минуту онъ, прижавъ Оому одной рукой ко груди, ладонью другой уперся ему въ лобъ, отгибая голову сына назадъ, смотрѣлъ въ лицо ему сіяющими глазами и довольно говорилъ:

— Загорѣлъ... поздоровѣлъ... молодець! Барыня! Хорошь у меня сынъ?

— Недурень...—раздался ласковый, серебрястый голосъ.

Оома выглянуть изъ-за плеча отца и увидалъ: въ переднемъ углу комнаты, облокотясь на столъ, сидѣла маленькая женщина съ пышными бѣлокурыми волосами; на блѣдномъ лицѣ ея рѣзко выдѣлялись темные глаза, тонкія брови и пухлыя, красныя губы. Сзади ея кресла стоялъ большой филодендронъ, и его крупныя, узорчатые листья висѣли въ воздухѣ надъ ея золотистой головкой.

— Добраго здоровья, Софья Павловна, — умильно говорилъ Маякинъ, подходя къ ней съ протянутой рукой. — Что, все контрибуціи собираете съ насъ бѣдныхъ?

Оома молча поклонился ей, не слушая ни ея отвѣта Маякину, ни того, что говорилъ ему отецъ. Барыня пристально смотрѣла на него и улыбалась ему привѣтливо и ясно. Ея дѣтская фигура, окутанная въ какую-то темную тканьъ, почти сливалась съ малиновой матеріей кресла, отчего ея волнистые, золотые волосы и блѣдное лицо точно свѣтились на темномъ фонѣ. Сидя тамъ, въ углу, подъ зелеными листьями, она была похожа и на цвѣтокъ, и на икону.

— Смотри, Софья Павловна, какъ онъ на тебя воззрися... орель, а?—говорилъ Игнатъ.

Ея глаза сузились, на щекахъ вспыхнулъ слабый румянецъ, и она засмѣялась—точно серебряный колокольчикъ зазвенѣлъ. И тотчасъ же встала, говоря:

— Не буду мѣшать вамъ, до свиданія!

Когда она безшумно проходила мимо Оомы, на него пахнуло духами, и онъ увидалъ, что глаза у нея темно-синіе, а брови почти черныя.

— Уплыла щука,—тихо сказала Маякинъ, со злобой глядя вслѣдъ ей.

— Ну, рассказывай намъ, какъ ѣздилъ? много ли денегъ прокутилъ?—гудѣлъ Игнатъ, толкая сына въ то кресло, въ которомъ только что сидѣла Медынская. Оома покосился на него и сѣлъ въ другое.

— Что, хороша, видно, бабеночка-то?—посмѣиваясь говорилъ Маякинъ, щупая Оому своими хитрыми глазами. — Вотъ будешь ты при ней ротъ развѣвать... такъ она въ внутренности у тебя съѣсть...

Оома почему-то вздрогнулъ и, не отвѣтивъ ему, дѣловымъ тономъ началъ говорить отцу о поѣздкѣ. Но Игнатъ перебилъ его рѣчь:

— Погоди, я коньячку спрошу...

— А ты тутъ все пьешь, говорятъ...—неодобрительно сказалъ Оома.

Игнатъ съ удивленіемъ и любопытствомъ взглянулъ на него и спросилъ:

— Да развѣ отцу можно этакъ говорить, а?

Оома сконфузился и опустилъ голову.

— То-то!—добродушно сказалъ Игнатъ и крикнулъ, чтобъ дали коньяку... Маякинъ, прищуривъ глаза, посмотрѣлъ на Гордѣевыхъ, вздохнулъ, простился и ушелъ, пригласивъ ихъ вечеромъ къ себѣ пить чай въ малиникѣ.

— Гдѣ же тетка Анѳиса?—спросилъ Оома, чувствуя, что теперь, наединѣ съ отцомъ, ему стало почему-то неловко.

— Въ монастырь поѣхала... Ну, говори мнѣ, а я—выпью...

Оома въ нѣсколько минутъ разсказалъ отцу о дѣлахъ и закончилъ разсказъ откровеннымъ признаніемъ:

— Денегъ я истратилъ на себя... много...

— Сколько?

— Рублей... шестьсотъ...

— Въ полтора-то мѣсяца! Не мало... Вижу, что для приказчика—дорогъ ты мнѣ... Куда жъ это ты ихъ выпалъ?

— Триста пудъ хлѣба подарилъ...

— Кому? Какъ?

Оома разсказалъ.

— Гм... ну это—ничего!—одобрилъ его отецъ.—Это—знай нашихъ.. Тутъ дѣло ясное—за отцову честь... за честь фирмы... И убытка тутъ нѣту... потому—слава добрая есть... а это, братъ, самая лучшая вывѣска для торговли... Ну, а еще?

— Да... такъ, какъ-то... истратилъ...

— Говори прямо... не о деньгахъ спрашиваю,—хочу знать, какъ ты жилъ,—настаивалъ Игнатъ, внимательно и строго разсматривая сына.

— Ъль... пиль...—не сдавался Оома, угрюмо и смущенно наклоняя голову.

— Пиль? Водку?

— И водку...

— А! Такъ... Не рано ли?

— Спроси Ефима—напивался ли я допьяна...

— На что спрашивать Ефима? Ты самъ долженъ все сказать... Такъ, стало быть, пьешь? Не нравится это мнѣ...

— Могу и не пить...

— Гдѣ ужъ! Коньяку хочешь?

Өма посмотрѣлъ на отца и широко улыбнулся. И отецъ отвѣтилъ ему добродушной улыбкой.

— Эхъ ты... чортъ! Пей... да смотри,—дѣло разумѣй... Что подѣлаешь?... пьяница — проспится, а дуракъ — никогда... будемъ хоть это понимать... для своего утѣшенія... Ну и съ дѣвками гуляль? Да говори прямо ужъ! Что я—бить тебя, что ли, буду?

— Гуляль... была одна на пароходѣ... отъ Перми до Казани везъ ее...

— Ну...—Игнатъ тяжело вздохнулъ и, насупившись, сказалъ:— Рано ты опоганился...

— Мнѣ двадцать лѣтъ... а самъ ты говорилъ, что въ твоё время пятнадцати-лѣтнихъ парнишекъ женили...—смущенно возразилъ ему сынъ.

— То—женили... Ну, ладно, будетъ про это говорить... Ну, повелся съ бабой... что же? Баба—какъ оспа, безъ нея не проживешь... А мнѣ лицемѣрить не приходится... я раньше твоего началъ къ бабамъ льнуть... Однако соблюдай съ ними осторожность...

Игнатъ задумался и долго молчалъ, сидя неподвижно и низко склонивъ голову.

— Вотъ что, Өма,—вновь заговорилъ онъ сурово и твердо,— скоро я помру... Старь. Въ груди у меня тѣснить, дышать мнѣ тяжело... помру... Тогда все дѣло на тебя ляжетъ... Ну, сначала крестный поможетъ тебѣ—слушай его! Началь ты... не худо, все обдѣлалъ, какъ слѣдуетъ, возжи въ рукахъ крѣпко держалъ... и хоть гуляль на большія деньги... но видно—разума не терялъ. Дай Богъ и впредь также... Знай вотъ что: дѣло—звѣрь живой и сильный, править имъ нужно умѣючи, взнуздывать надо крѣпко, а то оно тебя одолѣетъ... Старайся стоять выше дѣла... такъ поставь себя, чтобъ все оно у тебя подъ ногами было, на виду, чтобъ каждый малый гвоздикъ въ немъ—тебѣ виденъ былъ...

Өма смотрѣлъ на широкую грудь отца, слушалъ его густой голосъ и думалъ про себя:

— Ну, не скоро ты помрешь!

Эта мысль была пріятна ему и возбуждала въ немъ доброе, горячее чувство къ отцу.

— Крестнаго держись... у него ума въ башкѣ—на весь годъ хватить... онъ только храбрости лишень, а то быть бы ему высоко. Да... такъ, говорю, не долго мнѣ жить осталось... По-настоящему, пора бы готовиться къ смерти-то... бросить бы все... да

поговѣть, да позаботиться, чтобъ люди меня добромъ вспомянули...

— Вспомянуть!—увѣренно сказалъ Ома.

— Было бы за что...

— А ночлежный-то домъ?

Игнатъ взглянулъ на сына и засмѣялся.

— Сказаль ужъ Яковъ-то, успѣль! Старый кощей... Ругаль, чай, меня?

— Было немножко,—улыбнулся Ома.

— Ну, еще бы! Али я его не знаю?

— Онъ насчетъ этого такъ говорилъ, точно его деньги-то...

Игнатъ откинулся на спинку кресла и расхохотался еще сильнѣе.

— Ахъ старый воронъ, а? Это ты вѣрно... Для него что свои деньги, что мои—все едино... вотъ онъ и дрожить... Цѣль есть у него, лысаго... Ну-ка скажи—какая?

Ома подумаль и сказалъ:

— Не знаю...

— Э! глупъ ты... Соединить онъ деньги-то хочеть...

— Какъ это?

— Да ну, догадайся!..

Ома посмотрѣль на отца и—догадался.

Лицо его потемнѣло, онъ привсталъ съ кресла, рѣшительно сказалъ:

— Нѣтъ, я не хочу... я на ней не женюсь!

— О? Что такъ? Дѣвка здоровая, не глупая, одна у отца...

— А Тарасъ? Пропашій-то? Да я... вовсе не хочу!

— Пропашій—пропаль, о немъ, стало быть, и рѣчь вести не стоить... Есть, братъ, духовная и въ ней сказано: „все мое движимое и недвижимое—дочери моей Любви“... А насчетъ того, что сестра она тебѣ крестовая—обладимъ...

— Все равно,—твердо сказалъ Ома,—я на ней не женюсь!

— Ну, объ этомъ рано говорить... Однако—что это она какъ не по душѣ тебѣ?

— Не люблю эдакихъ...

— Та-ахъ! Ахъ ты, скажите, пожалуйста! Какія же вамъ, сударь, больше по вкусу?..

— Которыя попроче... Она тамъ, съ гимназистами, да съ книжками... ученая стала... Смѣяться будетъ надо мной...—взволнованно говорилъ Ома.

— Это, положимъ, вѣрно... бойка она—не въ мѣру... Но это—пустое дѣло... всякая ржавчина отчищается, ежели руки приложить... Дѣло будущее... А крестный твой—умный старикъ... Житье его было спокойное, сидячее, ну онъ, сидя на одномъ-то мѣстѣ,

и думалъ обо всемъ... его, братъ, стоить послушать, онъ во всякомъ житейскомъ дѣлѣ изнанку видить... Онъ у насъ—рестораторъ—отъ матушки Екатерины—ха-ха! Много объ себѣ понимаетъ... И какъ родъ его искоренился въ Тарасѣ, то онъ и рѣшилъ—тебя на мѣсто Тараса поставить, чувствуешь?

— Нѣтъ, ужъ я... самъ себѣ мѣсто выберу,—упрямо сказалъ Ома.

— Глупъ еще ты...—усмѣхнулся отецъ въ отвѣтъ на его слова.

Ихъ разговоръ былъ прерванъ пріѣздомъ тетки Аннѣсы...

— Омушка! Пріѣхалъ...—кричала она гдѣ-то за дверями. Ома всталъ и пошелъ навстрѣчу ей, ласково улыбаясь...

... Вновь жизнь его потекла медленно, спокойно и однообразно. Снова биржа и поученія отца. Сохранивъ по отношенію къ сыну тонъ добродушно-насмѣшливый и поощрительный—въ общемъ Игнатъ сталъ относиться къ нему строже. Онъ ставилъ ему на видъ каждую мелочь и все чаще напоминалъ о томъ, что онъ воспитывалъ его свободно, ни въ чемъ не стѣснялъ и никогда не билъ.

— Другіе отцы вашего брата полѣнными бьютъ... а я пальцемъ тебя никогда не тронулъ.

— Видно не за что было,—спокойно заявилъ однажды Ома.

Игнатъ разсердился на сына за эти слова и тонъ.

— Поговори!—зарычалъ онъ.—Набрался храбрости, подъ мягкой-то рукой... На всякое слово отвѣтъ находишь. Смотри—она, рука моя, хоть и мягкая была, но еще такъ сжать можетъ, что у тебя изъ пятокъ слезы брызнуть... Скоро ты выросъ... какъ грибокъ-поганка, чуть отъ земли поднялся, а ужъ воняешь...

— За что ты сердишься на меня?—недоумѣвая и обиженно спросилъ Ома отца, когда тотъ былъ въ добромъ настроеніи...

— А ты не можешь стерпѣть, когда отецъ ворчитъ на тебя... въ споръ сейчасъ лѣзешь...

— Да вѣдь обидно... Я хуже не сталъ... вижу я вѣдь, какъ, вонъ, другіе въ мои лѣта живутъ...

— Не отвалится у тебя голова, ежели я ругну тебя иной разъ... А ругаюсь — потому что вижу въ тебѣ что-то не мое... что оно — не знаю, а вижу — есть... и вредное оно тебѣ...

Эти слова отца заставили Ому глубоко задуматься. Онъ самъ чувствовалъ въ себѣ что-то особенное, отличавшее его отъ сверстниковъ, но тоже не могъ понять — что оно такое? И подозрительно слѣдилъ за собой...

Ему нравилось бывать на биржѣ, въ шумѣ и говорѣ солидныхъ людей, совершавшихъ тысячныя дѣла, ему льстило почтеніе, съ которымъ здоровались, разговаривали съ нимъ, Омой Гордѣе-

вымъ, сыномъ миллионщика, менѣе богатые промысловые люди. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ и гордымъ, если порой ему удавалось распорядиться чѣмъ-нибудь въ отцовскомъ дѣлѣ за свой страхъ и заслужить за удачное распоряженіе одобрительную усмѣшку отца. Въ немъ было много честолюбиваго стремленія — казаться взрослымъ и дѣловымъ человѣкомъ, но жилъ онъ одиноко, какъ раньше — до поѣздки въ Пермь и все еще не чувствовалъ стремленія имѣть друзей, хотя каждый день встрѣчался со многими изъ дѣтей купцовъ, сверстниками своими. Не разъ они приглашали его покутить, но онъ грубовато и пренебрежительно отказывался отъ приглашеній и даже посмѣивался:

— Боюсь... Узнають отцы ваши про эти кутежи, да какъ бить васъ стануть, пожалуй, и мнѣ отъ нихъ попадетъ по шеѣ...

Ему не нравилось въ нихъ то, что они кутятъ и развратничаютъ тихонько отъ отцовъ, на деньги, украденныя изъ отцовскихъ кассъ или взятыя подъ долгосрочные векселя и большіе проценты. Они тоже не любили его за эту сдержанность и брезгливость, въ которой чувствовалось много гордости, обидной для нихъ. Со старшими онъ стѣснялся разговаривать, боясь показаться имъ глупымъ и непонимающимъ дѣла.

Онъ часто вспоминалъ Палагею, и сначала ему было тоскливо, когда образъ ея вспыхивалъ въ его воображеніи... Но время шло и стирало понемногу яркія краски съ этой женщины, и незамѣтно для него мѣсто въ мечтахъ его заняла маленькая ангелоподобная Медынская. Она почти каждое воскресенье заѣзжала къ Игнату съ различными просьбами, въ общемъ имѣвшими одну цѣль — ускорить постройку ночлежнаго дома. Въ ея присутствіи Ѳома чувствовалъ себя неуклюжимъ, огромнымъ, тяжелымъ; это обижало его, и онъ густо краснѣлъ подъ ласковымъ взглядомъ большихъ глазъ Софьи Павловны. Онъ замѣчалъ, что каждый разъ, когда она смотрѣла на него, — глаза ея темнѣли, а верхняя губа вздрагивала и чуть-чуть приподнималась кверху, обнажая крошечные бѣлые зубы. Это всегда пугало его. Отецъ, подмѣтивъ его взгляды на Медынскую, сказалъ ему:

— Ты не очень пяль глаза-то на эту рожицу. Она, смотри, — какъ березовый уголь: снаружи онъ бываетъ такой же вотъ скромный, гладкій, темненькій, — кажись совсѣмъ холодный, — а возьми его въ руку, — ожгетъ...

Медынская не возбуждала въ юношѣ чувственнаго влеченія, ибо въ ней не было ничего похожаго на Палагею, и вообще она не была такая, какъ всѣ женщины. Онъ зналъ, что про нее рассказываютъ зазорныя вещи, но ничему не вѣрилъ. Однако, онъ измѣнилъ отношенія къ ней, когда увидалъ ее въ коляскѣ,

сидящей рядомъ съ толстымъ бариномъ, въ сѣрой шляпѣ и съ длинными косичками волосъ на плечахъ. Лицо у него было какъ пузырь — красное, надутое; ни усовъ, ни бороды не было на немъ, и весь этотъ человѣкъ былъ похожъ на переодѣтую женщину... Томъ сказали, что это ея мужъ... Тогда въ немъ вспыхнули темныя и противорѣчивыя чувства: ему захотѣлось обидѣть архитектора, и въ то же время онъ почувствовалъ зависть и уваженіе къ нему. Медынская показалась менѣ красивой и болѣе доступной; ему стало жаль ее, и все-таки онъ злорадно подумалъ:

— Противно ей, должно быть, когда онъ ее цѣлуетъ...

И за всѣмъ этимъ, онъ, порою, ощущалъ въ себѣ какую-то бездонную, томительную пустоту, которой не могло ничто заполнить — ни впечатлѣнія только что истекшаго дня, ни воспоминанія о давнихъ; и биржа, и дѣла, и думы о Медынской все поглощалось этой пустотой... Его тревожила она: въ темной глубинѣ ея онъ подозрѣвалъ притаившееся существованіе какой-то враждебной ему силы, пока еще безформенной, но уже осторожно и настойчиво стремившейся воплотиться...

А между тѣмъ Игнать, мало измѣняясь по внѣшности, становился все болѣе безпокойнымъ, ворчливымъ и все чаще жаловался на недомоганье.

— Сонъ я потерялъ... бывало дрыхну — хотъ кожу съ меня сдери, не услышу. А теперъ ворочаюсь, ворочаюсь съ бока на бокъ, едва подь утро усну... И все просыпаюсь... сердце бьется неровно, то какъ загнанное, часто такъ тукъ-тукъ-тукъ... а то вдругъ замреть, — кажись вотъ сейчасъ оторвется да и упадетъ, куда-то въ глубь... въ нѣдра самыя... Помилуй мя, Боже, по величѣй милости Твоей!..

И покаянно вздыхая, онъ поднималъ къ небу свои суровые глаза, уже мутные, утратившіе живой и умный блескъ.

— Стережетъ меня смерть гдѣ-то поблизости, — говорилъ онъ угрюмо, но покорно. И дѣйствительно — скоро она опрокинула на землю его большое, мощное тѣло...

Это случилось въ августѣ, раннимъ утромъ. Тома крѣпко спалъ и вдругъ почувствовалъ, что его трясуть за плечо, и хриплый голосъ гудитъ надъ его ухомъ:

— Вставай...

Онъ открылъ глаза и увидалъ, что отецъ сидитъ на стулѣ у его кровати, однозвучно и глухо повторяя:

— Вставай, вставай...

Только что взошло солнце, и свѣтъ его, лежавшій на бѣлой,

полотнянной рубахѣ Игната, еще не утратилъ розовой окраски.

— Рано, — сказалъ Ома, потягиваясь.

— Ладно... послѣ выспишься...

Лѣнливо кутаясь въ одѣяло, Ома спросилъ:

— Али надо что?

— Да встань ты, братецъ мой, пожалуйста! — воскликнулъ Игнатъ и обиженно добавилъ: — стало быть, надо, коли бужу...

Всмотрѣвшись въ лицо отца, Ома увидалъ, что оно сѣрое, усталое.

— Нездоровится тебѣ?

— Есть немножко...

— Доктора, что-ли...

— Ну его! — махнулъ Игнатъ рукой. — Чай я не молоденькій.. и безъ него знаю...

— Что?

— Да... ужъ знаю! — таинственно сказалъ старикъ и странно какъ-то оглядѣлъ комнату. Ома одѣвался, а отецъ его, опустивъ голову, медленно говорилъ:

— Дышать боюсь... Такая у меня мысль, что если я вздохну теперь всей грудью — сердце должно лопнуть... Сегодня воскресенье! Послѣ ранней-то обѣдни за попомъ пошли...

— Что ты это, папаша! — усмѣхнулся Ома.

— Ничего я... Умывайся, да иди въ садъ... велѣлъ я туда самоваръ подать... на утреннемъ-то холодкѣ и попьемъ чаю... Очень мнѣ чаю хочется, густого, горячаго... Ты скорѣе...

Старикъ тяжело поднялся со стула и, нетвердо ступая босыми ногами, согнувшись, ушелъ изъ комнаты. Ома посмотрѣлъ вслѣдъ отца, и колющій холодъ страха сжалъ его сердце... На-скоро умывшись, онъ спѣшно пошелъ въ садъ...

Тамъ подѣ старой, развѣсистой яблоней, въ большомъ дубовомъ креслѣ сидѣлъ Игнатъ. Солнечный свѣтъ падалъ сквозь вѣтви дерева тонкими лентами на бѣлую фигуру старика, одѣтаго въ ночное бѣлье. Въ саду было такъ внушительно тихо, что даже шелестъ вѣтки, нечаянно задѣтой платьемъ Омы, показался ему громкимъ звукомъ, и онъ вздрогнулъ... Предъ отцомъ на столѣ стоялъ самоваръ, мурлыкалъ, какъ сытый котъ, и выбрасывалъ въ воздухъ струю пара. Въ тишинѣ и свѣжей зелени сада, накануне шумной мѣди показалось Омѣ чѣмъ-то ненужнымъ, не подходящимъ ко времени и мѣсту... и чувству, которое родилось въ немъ при видѣ больного, согбеннаго старика, одѣтаго въ бѣлое, одиноко сидящаго подѣ кровомъ молчаливой, неподвижной, темно-

зеленой листвы, въ которой скромно прятались румяныя яблоки...

— Садись, — сказала Игнать...

— Послать бы за докторомъ-то... — нерѣшительно посоветовала ему сынъ, усаживаясь противъ него...

— Не надо... На воздухѣ-то отошло будто... А вотъ чаю хлебну, авось и еще легче будетъ... — говорилъ Игнать, наливая чай въ стаканы, и Ома видѣлъ, что чайникъ трясется въ рукѣ отца.

— Пей...

Молча подвинувъ къ себѣ стаканъ, Ома наклонился надъ нимъ, слувая пѣну съ поверхности чая и съ тяжестью въ сердцѣ слушающа громкое короткое дыханіе отца...

Вдругъ что-то стукнуло по столу такъ громко, что посуда задрожала.

Ома вздрогнулъ, вскинулъ голову и встрѣтился съ испуганнымъ почти безумнымъ взглядомъ отца. Игнать смотрѣлъ на сына и хрипло шепталъ:

— Яблоко упало... пострѣли его горой! Вѣдь какъ изъ ружья грохнуло... а?

— Тебѣ коньяку бы въ чай-то... — предложилъ Ома.

— И такъ ладно...

Они замолчали... Стая чижей пронеслась надъ садомъ, рассыпавъ въ воздухѣ задорно веселый щебетъ. И снова зрѣлую красоту сада обняло торжественное молчаніе. Ужась все еще не исчезая изъ глазъ Игната...

— Господи Иисусе Христе! — вполголоса заговорилъ онъ, истоиво крестясь. — Н-да... вотъ онъ и наступилъ,— послѣдній-то часъ жизни...

— Полно папаша! — прошепталъ Ома.

— Чего полно?... Вотъ попьемъ чаю, ты и пошли за попомъ, да за кумомъ...

— Я лучше сейчасъ...

— Сейчасъ къ обѣднѣ ударятъ... попа нѣтъ... да и некуда торопиться, можетъ еще и отойдетъ...

И онъ сталъ громко схлебывать чай съ блюда...

— Надо бы мнѣ годъ, два еще пожить... Молодъ ты... и очень боюсь я за тебя... Живи честно и твердо... чужого не желай, свое береги крѣпко...

Ему трудно было говорить, онъ остановился и потеръ грудь рукой.

— На людей—не надѣйся... многого отъ нихъ не жди... Мы всѣ для того живемъ, чтобы взять, а не дать... о, Господи! помилуй грѣшника!

Гдѣ-то вдали густой звукъ колокола упалъ въ тишину утра. Игнать съ сыномъ трижды перекрестились...

За первымъ крикомъ мѣди раздался второй, третій, и скоро воздухъ наполнили звуки благовѣста, доносившіеся со всѣхъ сторонъ—плавные, мѣрные, громко зовущіе...

— Вотъ и къ обѣднѣ ударили,—сказалъ Игнатъ, вслушиваясь въ гулъ мѣди...—Ты колокола по голосу знаешь?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Ома.

— А прислушайся... Вотъ этотъ—слышишь?—басовой такой, это у Николы, Петра Митрича Вягина жертва... а этотъ, съ хрипотой, это у Праскевы Пятницы...

Поющія волны звона колебали воздухъ, насыщенный ими, и таяли въ ясной синевѣ неба. Ома задумчиво смотрѣлъ на лицо отца и видѣлъ, что тревога исчезаетъ изъ глазъ его, и они оживляются...

Но вдругъ лицо старика густо покраснѣло, глаза расширились и выкатились изъ орбитъ, ротъ удивленно раскрылся, и изъ него вылетѣлъ странный шипящій звукъ:

— Ф... ф... ахх...

Вслѣдъ затѣмъ голова Игната откачнулась на плечо, а его грузное тѣло медленно поползло съ кресла на землю, точно земля властно потянула его къ себѣ. Нѣсколько секундъ Ома не двигался и молчалъ, со страхомъ и изумленіемъ глядя на отца, но потомъ бросился къ Игнату, приподнял его голову съ земли и взглянулъ въ лицо ему. Лицо было темное, неподвижное, и широко открытые глаза на немъ не выражали ничего: ни боли, ни страха, ни радости... Ома оглянулся вокругъ себя: какъ и раньше въ саду никого не было, а въ воздухъ все плавалъ гулкой говоръ колоколовъ... Руки Омы задрожали, онъ выпустилъ изъ нихъ голову отца, и она тупо ударилась о землю... Темная, липкая кровь тонкой струей полилась изъ открытаго рта по синей щекѣ...

Ома ударилъ себя руками въ грудь и, стоя на колѣняхъ предъ трупомъ, дико и громко закричалъ... И весь трясся отъ ужаса, и безумными глазами все искалъ кого-то въ зелени сада...

IV.

Смерть отца ошеломила Ому и наполнила его страннымъ ощущеніемъ: въ душу ему влилась тишина,—тяжелая, неподвижная тишина, безотвѣтно поглощавшая всѣ звуки жизни. Вокругъ него суетились разные знакомые люди; они являлись, исчезали, что-то говорили ему,—онъ отвѣчалъ имъ невпопадъ, и рѣчи ихъ не вызывали въ немъ никакихъ представлений, безслѣдно утопая въ бездонной глубинѣ мертваго молчанія, наполнявшаго душу его. Онъ не плакалъ, не тосковалъ и не думалъ ни о чемъ; угрюмый и блѣдный, нахмуривъ брови, онъ сосредоточенно вслушивался въ эту тишину, которая вытѣснила изъ него всѣ чувства,

опустошила его сердце и, какъ тисками, сжала мозгъ. Сознанію его было доступно лишь чисто-физическое ощущеніе тяжести во всемъ тѣлѣ и больше всего—въ груди, да еще ему казалось, что наступили сумерки и, хотя солнце было высоко на небѣ,—все на землѣ какъ-то потемнѣло и опечалилось.

Похоронами распорядился Маякинъ. Онъ спѣшно и бодро бѣгалъ по комнатамъ, твердо постукивая каблуками сапоговъ, хозяйственно покрикивалъ на прислугу, хлопалъ крестника по плечу и утѣшалъ его:

— А ты, парень, чего окаменѣлъ? Реви, легче будетъ... Отецъ былъ старъ... ветхъ плотью... Всѣмъ намъ смерть уготована, ея же не избѣгнешь... стало быть, не слѣдуетъ прежде времени мертвѣть... Ты его не воскресишь печалью, и ему твоей скорби не надо, ибо сказано: „егда душа отъ тѣла имагъ нуждею восхитится страшными аггелы — всѣхъ забываетъ сродниковъ и знаемыхъ“... значить, весь ты для него теперь ничего не значишь, хоть ты плачь, хоть смѣйся... А живой о живомъ пецись долженъ... Ты лучше плачь,—это дѣло человѣческое... очень облегчаетъ сердце...

Но и эти рѣчи ничего не задѣвали ни въ головѣ, ни въ сердцѣ Ѳомы.

Онъ очнулся въ день похоронъ, благодаря настойчивости крестнаго, все время усердно и своеобразно старавшагося возбудить его подавленную душу.

День похоронъ былъ облаченъ и хмуръ. Въ тучѣ густой пыли за гробомъ Игната Гордѣева черной лентой лилась огромная толпа народа; въ ней сверкало золото ризъ духовенства, и глухой шумъ ея медленнаго движенія сливался съ торжественной музыкой хора архіерейскихъ пѣвчихъ. Ѳому толкали и сзади и съ боковъ; онъ шель, ничего не видя, кромѣ сѣдой головы отца, и заунывное пѣніе отдавалось въ груди его тоскливымъ эхомъ. А Маякинъ, идя рядомъ съ нимъ, назойливо и неустанно шепталъ ему въ уши:

— Гляди, сколько народу преть—тысячи!.. Самъ губернаторъ пришелъ отца твоего проводить... городской голова... почти вся дума... а сзади тебя — обернись-ка! Софья Павловна идетъ... Почтиль городъ Игната...

Сначала Ѳома не вслушивался въ шепотъ крестнаго, но когда тотъ сказалъ ему о Мединской, онъ невольно оглянулся назадъ и увидаль губернатора. Маленькая капелька чего-то пріятнаго канула въ душу его при видѣ этого важнаго человѣка въ яркой лентѣ черезъ плечо, въ орденахъ на груди, и шагавшаго за гробомъ съ грустью на строгомъ лицѣ.

— Блаженъ путь, въ онъ же идеши днесъ душе...—тихонько

напѣвалъ Яковъ Тарасовичъ, поводя носомъ, и снова шепталъ въ ухо крестника:

— Семьдесятъ пять тысячъ рублей—такая сумма, что за нее можно столько же и провезать потребовать... Слыхалъ ты, что Сонька-то пятнадцатого закладку устраиваетъ? Въ сорочкины какъ разъ...

Өома вновь обернулся назадъ, и глаза его встрѣтились съ глазами Медынской. Отъ ея ласкающаго взгляда онъ глубоко вздохнулъ, и ему сразу стало легче, точно горячій лучъ свѣта проникъ въ его душу, и что-то растаяло тамъ. И тутъ же онъ сообразилъ, что не подобаешь ему вертѣть головой изъ стороны въ сторону.

Въ церкви у Өомы заболѣла голова, и ему стало казаться, что все вокругъ него и подъ нимъ колеблется. Въ душномъ воздухѣ, насыщенномъ пылью, дыханіемъ людей и дымомъ кадилъ, робко дрожали огоньки свѣчь. Кроткій ликъ Христа смотрѣлъ на него съ большой иконы, и огни свѣчь, отраженные въ тускломъ золотѣ вѣнца надъ челомъ Искупителя, напоминали о капляхъ крови...

Пробужденная душа Өомы жадно питалась торжественно-мрачной поэзіей литургіи, и когда раздался трогательный призывъ: „Приидите послѣднее цѣлованіе дадимъ“,—изъ груди Өомы вырвалось такое громкое воющее рыданіе, что толпа въ церкви всколыхнулась отъ этого крика скорби.

Крикнувъ, онъ пошатнулся на ногахъ. Крестный тотчасъ же подхватилъ его подъ руки и сталъ толкать ко гробу, напѣвая довольно громко и съ какимъ-то азартомъ:

— Цѣлу-уйте бывшаго вмалѣ съ на-ами... цѣлуй, Өома, цѣлуй!.. предастся бо гро-обу, ка-аменемъ покрывается... во тьму вселяется, съ мертвыми погребается...

Өома прикоснулся губами ко лбу отца и съ ужасомъ отпрянулъ отъ гроба...

— Тише! Съ ногъ было спишь...—вполголоса замѣтилъ ему Маякинъ, и эти простыя, спокойныя слова поддержали Өому тверже, чѣмъ рука крестнаго.

— Зряца мя безгласна и бездыханна предлежаща, восплачьте обо мнѣ, братія и друзи...—просилъ Игнатъ устами церкви. Но его сынъ уже не плакалъ: ужасъ возбудило въ немъ черное, вспухшее лицо отца, и этотъ ужасъ нѣсколько отрезвилъ его душу, упоенную тоскливой музыкой плача церкви о грѣшномъ сынѣ ея. Его обступили знакомые, внушительно и ласково утѣшая; онъ слушалъ ихъ и понималъ, что всѣ они его жалѣютъ, и онъ сталъ дорогъ всѣмъ. А крестный шепталъ въ ухо ему:

— Замѣчай, какъ они къ тебѣ ластятся... чуютъ коты сало...

Эти слова были неприятны Өомѣ, но были полѣзны ему тѣмъ, что заставляли его такъ или иначе откликаться на нихъ.

— На кладбищѣ, при пѣвѣи вѣчной памяти, онъ снова горько и громко зарыдалъ. Крестный тотчасъ же схватилъ его подъ руку и повелъ прочь отъ могилы, съ сердцемъ говоря ему:

— Экой ты, братъ, малодушный! Али мнѣ его не жалко? Въдь я настоящую цѣну ему зналъ, а ты только сыномъ былъ. А вотъ, не плачу я... Три десятка лѣтъ слишкомъ прожили мы душа въ душу съ нимъ... сколько говорено, сколько думано... сколько горя вмѣстѣ выпито... Молодь ты... тебѣ ли горевать? Вся жизнь твоя впереди, и будешь ты всякой дружбой богатъ. А я старъ... и вотъ единого друга схоронилъ и сталъ теперь какъ нищій... не нажить ужъ мнѣ товарища для души!

Голосъ старика странно задрезжалъ и заскрипѣлъ. Его лицо перекосилось, губы растянулись въ большую гримасу и дрожали, морщины съежились, и по нимъ изъ маленькихъ глазъ текли слезы мелкія и частыя. Онъ былъ такъ трогательно жалокъ и не похожъ самъ на себя, что Өома остановился, прижалъ его къ себѣ съ нѣжностью сильнаго и тревожно крикнулъ:

— Не плачьте, папаша... голубчикъ! не плачьте...

— То-то вотъ!—слабо проговорилъ Маякинъ и, тяжело вздохнувъ, вдругъ снова превратился въ твердаго и умнаго старика.

— Тебѣ распускать нюни нельзя...—таинственно заговорилъ онъ, садясь въ коляску рядомъ съ крестникомъ.—Ты теперь полководецъ на войнѣ и долженъ своими солдатиками командовать храбро. А солдатика твои—рубли, и у тебя ихъ бо-ольшая армія... Воюй знай!

Өома, удивленный быстротой его превращенія, слушалъ его слова и почему-то они напомнили ему объ ударахъ тѣхъ комьевъ земли, которыми люди бросали въ могилу Игната, на гробъ его.

— Съ кѣмъ мнѣ воевать...—сказалъ Өома вздыхая.

— А ужъ я тебя научу! Говорилъ-ли тебѣ отецъ-то, что я старикъ умный и что надо слушать меня?..

— Говорилъ...

— Ты и слушай!.. Ежели мой умъ присокупить къ твоей молодой силѣ—хорошую побѣду можно одержать... Отецъ твой былъ крупный человекъ... да недалеко впередъ смотрѣлъ и не умѣлъ меня слушаться... И въ жизни онъ бралъ успѣхъ не умомъ, а сердцемъ больше... Охъ, что-то изъ тебя выйдетъ... Ты переѣзжай ко мнѣ, а то одному жутко будеть въ домѣ...

— Тетя тамъ...

— Тетя... она хвораетъ... тоже не долгая она жилица на землѣ...

— Не говорите про это,—тихо попросилъ Оома.

— А я буду говорить. Смерти нечего бояться тебѣ,—ты не старуха на печи. Ты живи себѣ безбоязненно и дѣлай то, къ чему назначенъ. А человѣкъ назначенъ для устроенія жизни на землѣ. Человѣкъ—капиталъ... онъ, какъ рубль, составляется изъ дрянныхъ мѣдныхъ грошей да копеекъ. Изъ персти земной, сказано... А по мѣрѣ того, какъ обращается онъ въ жизни, впитываетъ въ себя сальце да маслице, потъ да слезы,—образуются въ немъ душонка и умишко... И съ того начинается онъ расти и вверху и внизъ... то, глядишь, цѣна ему—грошъ, то пятацтынный, то сотня рублей... а бываетъ онъ и выше всякихъ цѣнъ... Пущень онъ въ обращеніе и долженъ для жизни проценты принести. Жизнь всѣмъ намъ цѣну знаетъ и раньше времени она ходу нашего не остановитъ... никто, братъ, себѣ въ убытокъ не дѣйствуетъ, ежели онъ умный... а у жизни много ума накоплено... Ты меня слушаешь?..

— Слушаю...

— А что ты понимаешь?

— Все...

— Врешь чай?—усомнился Маякинъ.

— Но только... зачѣмъ умирать надо?—тихо спросилъ Оома.

Крестный съ сожалѣніемъ взглянулъ въ лицо ему, почмокалъ губами и сказалъ:

— Умный человѣкъ вотъ этого никогда не спроситъ. Умный человѣкъ самъ видитъ, что ежели рѣка—такъ она течетъ куда-нибудь... а кабы она стояла, то было бы болото...

— Зря вы насмѣхаетесь...—угрюмо сказалъ Оома.—Море тоже вонъ никуда не течетъ...

— Оно всѣ рѣки принимаетъ въ себя... и бываютъ въ немъ сильныя бури... Такъ же и житейское море отъ людей питается волненіемъ... а смерть обновляетъ воды его... дабы не протухли... Какъ люди не мрутъ, а ихъ все больше становится...

— Что изъ того? Отецъ-то умеръ...

— И ты умрешь...

— Такъ какое мнѣ дѣло, что людей больше прибываетъ?—то-скливо усмѣхнулся Оома.

— Э-эхе-хе!—вздохнулъ Маякинъ.—И никому до этого дѣла нѣтъ... Вонъ и штаны твои, навѣрно, также разсуждаютъ: какое намъ дѣло до того, что на свѣтѣ всякой матеріи сколько угодно? Но ты ихъ не слушаешь—износишь, да и бросишь...

Оома укоризненно посмотрѣлъ на крестнаго и, видя, что старикъ улыбается, удивился и съ уваженіемъ спросилъ:

— Неужто вы, папаша, не боитесь смерти?

— Я, дѣточка, паче всего боюсь глупости,— со смиренной ядовитостью отвѣтилъ Маякинъ.— Я такъ полагаю: дать тебѣ дуракъ меду—плюнь; дать мудрецъ яду—пей! А тебѣ скажу: слаба, братъ, душа у ерша, коли у него щетинка дыбомъ не стоитъ...

Насмѣшливыя слова старика обидѣли и озлили Оому. Онъ отвернулся въ сторону и сказалъ:

— Не можете вы безъ вывертовъ безъ этихъ говорить...

— Не могу!—воскликнулъ Маякинъ, и глаза его тревожно заиграли.—Каждый говорить тѣмъ самымъ языкомъ, какой имѣеть. Суровъ я кажусь? Такъ что ли?

Оома молчалъ.

— Эхъ ты... Ты вотъ что знай— любить тотъ, кто учить... Твердо это знай... И насчетъ смерти не думай... безумно, братъ, живому человѣку о смерти думать. „Екклезіастъ“ лучше всѣхъ о ней подумалъ, подумалъ и сказалъ, что даже псу живому лучше, чѣмъ мертвому льву...

Пріѣхали домой. Вся улица передъ домомъ была заставлена экипажами, и изъ раскрытыхъ оконъ въ воздухъ лился громкій говоръ. Какъ только Оома явился въ залъ, его схватили подъ руки и потащили къ столу съ закусками, убѣждая его выпить и съѣсть чего-нибудь. Въ залъ было шумно, какъ и на базарѣ; было тѣсно и душно. Оома молча выпилъ одну рюмку водки, двѣ, три... Вокругъ него чавкали, чмокали губами, булькала водка, выливаемая изъ бутылки, звенѣли рюмки... Говорили о балыкѣ и октавѣ солиста въ архіерейскомъ хорѣ и снова о балыкѣ, и о томъ, что городской голова тоже хотѣлъ сказать рѣчь, но послѣ архіерея не рѣшился, боясь сказать хуже его. Кто-то съ умиленіемъ рассказывалъ:

— Покойникъ такъ дѣлалъ: отрѣзаетъ ломтикъ семушки, поперчить его густенько, другимъ ломтикомъ прикроетъ, да велѣдъ за рюмкой и пошлетъ.

— По-ослѣдуюемъ его примѣру...—гудѣлъ густой басъ.

Оома, нахмурившись, съ обидой въ сердцѣ, смотрѣлъ на жирныя губы и челюсти, жевавшія вкусныя-яства, и ему хотѣлось закричать и выгнать вонъ всѣхъ этихъ людей, солидность которыхъ еще недавно возбуждала въ немъ уваженіе къ нимъ.

— А ты будь поласковѣе... поразговорчивѣе...—вполголоса сказалъ Маякинъ, появляясь около него.

— Чего они жрутъ здѣсь? Въ трактиръ пришли, что ли?—громко и со злобой сказалъ Оома.

— Чшш...—испуганно замѣтилъ Маякинъ и быстро оглянулся съ любезной улыбкой на лицѣ.

Но было поздно: его улыбка ничему не помогла. Слова Оомы

услыхали,—шумъ и говоръ въ залѣ стали уменьшаться, нѣкоторые изъ гостей какъ-то торопливо засуетились, иные, обиженно нахмурившись, положили вилки и ножи и отошли отъ стола съ закусками, и все искоса смотрѣли на Оому.

Онъ встрѣчалъ эти взгляды, не опуская глазъ, злой и молчаливый.

— За столъ прошу!—кричалъ Маякинъ, мелькая въ толпѣ людей, какъ искра въ пеплѣ.—Пожалуйте, садитесь! Сейчасъ блины дадутъ.

Оома передернулъ плечами и пошелъ къ дверямъ, громко сказавъ:

— Я обѣдать не буду...

Онъ слышалъ непріязненный гулъ сзади себя и вкрадчивый голосъ крестнаго, говорившій кому-то:

— Съ горя... вѣдь Игнатъ ему отцомъ и матерью былъ...

Оома пришелъ въ садъ на то мѣсто, гдѣ умеръ отецъ, и тамъ сѣлъ. Чувство одиночества и тоски давило ему грудь. Онъ разстегнулъ воротъ рубашки, чтобъ облегчить дыханіе себѣ, облокотился на столъ и, сжавъ голову руками, неподвижно замеръ. Накапывалъ мелкій дождикъ, и листва яблони меланхолично шумѣла подъ ударами дождя. Долго сидѣлъ онъ одинокій, не шевелясь и глядя, какъ на столъ падаютъ съ яблони мелкія капли. Отъ выпитой водки въ головѣ его шумѣло, а сердце сосала обида на людей. Какія-то неопредѣленные, безличныя чувства и мысли зарождались и исчезали въ немъ; передъ нимъ мелькалъ голый черепъ крестнаго въ вѣнчикъ серебряныхъ волосъ и съ темнымъ лицомъ, похожимъ на лица старинныхъ иконъ. Это лицо съ беззубымъ ртомъ и ехидной улыбкой, возбуждая у Оомы непріязнь и опасеніе, еще болѣе усиливало въ немъ сознаніе одиночества. Потомъ вспомнились ему кроткіе глаза Медынской, ея маленькая, стройная фигурка, а рядомъ съ ней почему-то встала дородная, высокая и румяная Любовь Маякина со смѣющимися глазами и огромной золотисто-русой косой.—„На людей не надѣйся... многого отъ нихъ не жди...“—прозвучали въ его памяти слова отца. Онъ тоскливо вздохнулъ и оглянулся вокругъ... Листья на деревьяхъ трепетали подъ дождемъ, и воздухъ былъ полонъ унылыхъ звуковъ... Сѣрое небо точно плакало, и на деревьяхъ дрожали холодныя слезы. Авъдушѣ Оомы было сухо, темно; жуткое чувство спротства наполняло ее... Но изъ этого чувства уже зарождался вопросъ:

— Какъ жить буду? Одинъ теперь.

Дождь смочилъ его платье, и онъ, почувствовавъ дрожь холода, всталъ и ушелъ въ домъ...

Жизнь дергала его со всѣхъ сторонъ, не давая ему сосредоточиться на думахъ и скорби объ отцѣ, и въ сороковой день по смерти Игната онъ поѣхалъ на церемонію закладки ночлежнаго дома, парадно одѣтый и съ приятнымъ чувствомъ въ груди. Наканунѣ Медынская извѣстила его письмомъ, что онъ избранъ въ члены комитета по надзору за постройкой и въ почетные члены того общества, въ которомъ она предѣдательствовала. Ему понравилось это, и его очень волновала та роль, которую онъ долженъ былъ играть сегодня, при закладкѣ. Онъ ѣхалъ и думалъ о томъ, какъ все это будетъ и какъ нужно ему вести себя, чтобы не сконфузиться предъ людьми.

— Эй, эй! Стой!

Онъ оглянулся,—съ троттуара быстро бѣжалъ къ нему Маякинъ въ шюртукъ до пятъ, въ высокомъ картузѣ и съ огромнымъ зонтомъ въ рукѣ.

— Ну-ка, подвези-ка меня...—говорилъ старикъ, ловко, какъ обезьяна, прыгнувъ въ экипажъ.—Я, признаться сказать, поджидаль тебя... поглядывалъ; время, думаю, ему ѣхать...

— Вы туда?—спросилъ Оома.

— А какъ же? Надо посмотрѣть, какъ деньги друга моего въ землю зарывать будутъ.

Оома искоса взглянулъ на него и смолчалъ.

— Что косишься? Не бойсь, и ты тоже въ благодѣтели къ людямъ пойдешь.

— Это какъ то есть?—сдержанно спросилъ Оома.

— Читаль я сегодня въ газетѣ—въ члены тебя выбрали по дому-то да еще въ общество въ Софьино, въ почетные...

— Выбрали...

— Въѣдетъ тебѣ въ карманъ членство это!—вздыхнулъ Маякинъ.

— Не разорюсь, чай?

— Не знаю я этого... — съехидничалъ старикъ.—Я насчетъ того больше, что очень ужъ не мудро это самое благотворительное дѣло... и даже, какъ я скажу, что не дѣло это, а одни вредные пустяки.

— Это людямъ-то помогать вредно?—съ задоромъ спросилъ Оома.

— Эхъ, голова садовая... то есть, капуста!—сказалъ Маякинъ съ улыбкой.—Ты вотъ ужъ пріѣзжай-ка ко мнѣ, я тебѣ насчетъ всего этого глаза открою... надо учить тебя! Пріѣдешь?

— Хорошо!—согласился Оома.

— Ну вотъ... А пока что, ты на закладкѣ этой держись гордо... стой на виду у всѣхъ. Тебѣ этого не сказать, такъ ты за спину за чью нибудь спрячешься...

— Зачѣмъ мнѣ прятаться?—недовольно сказала Ѳома.

— И я вотъ говорю: совершенно незачѣмъ. Потому деньги дадены твоимъ отцомъ, а почетъ тебѣ долженъ пойти по наслѣдству. Почетъ—тѣ же деньги... съ почетомъ торговому человѣку вездѣ кредитъ... и всюду дорога... Ты и выдвигайся впередъ, чтобы всякъ тебя видѣлъ и чтобы, ежели сдѣлалъ ты на пятакъ—на цѣлковый тебѣ воздали... А будешь прятаться—выйдетъ неразуміе одно.

Они пріѣхали къ мѣсту, когда уже все важные люди были въ сборѣ, и огромная толпа народа окружала груды лѣса, кирпича и земли. Архіерей, губернаторъ, представители городской знати и администраціи образовали вмѣстѣ съ пышно-разодѣтыми дамами большую яркую группу и смотрѣли на возню двухъ каменьщиковъ, приготавливавшихъ кирпичи и известь. Маякинъ съ крестникомъ направился къ этой группѣ, нашептывая Ѳомѣ:

— Не робѣй... хотя у нихъ на брюхѣ-то шелкъ, да въ брюхѣ-то щелкъ.

И почтительно веселымъ голоскомъ онъ поздоровался съ губернаторомъ прежде архіерея.

— Добраго здоровьяца, ваше превосходительство! Благословите, ваше преосвященство!

— А, Яковъ Тарасовичъ!—дружелюбно воскликнулъ губернаторъ, съ улыбкой стиснувъ руку Маякина и потрясая ее, въ то время, какъ старикъ прикладывался къ рукѣ архіерея.—Какъ поживаете, безсмертный старичокъ?

— Покорнѣйше васъ благодарю, ваше превосходительство Софѣ Павловнѣ низайшее почтеніе!—быстро говорилъ Маякинъ, вертясь волчкомъ въ толпѣ людей. Въ минуту онъ успѣлъ поздороваться и съ предсѣдателемъ суда, и съ прокуроромъ, и съ головой—со всѣми, съ кѣмъ считалъ нужнымъ поздороваться первый; таковыхъ, впрочемъ, оказалось немного. Онъ шутилъ улыбался и сразу занялъ своей маленькой особой вниманіе всѣхъ, а Ѳома стоялъ сзади его, опустивъ голову, исподлобья посматривая на этихъ расшитыхъ золотомъ, облеченныхъ въ дорогія матеріи людей, завидовалъ бойкости старика и робѣлъ и, чувствуя, что робѣеть,—робѣлъ еще больше. Но вотъ крестный схватилъ его за руку и потянулъ къ себѣ.

— Вотъ, ваше превосходительство, крестникъ мой, Ѳома, покойника Игната сынъ единственный.

— А-а!—пробасилъ губернаторъ.—Очень пріятно... Сочувствую... вашему горю, молодой человѣкъ!—пожимая руку Ѳомы, сказала онъ и помолчалъ; потомъ рѣшительно и увѣренно добавилъ:— Потерять отца... это очень тяжелое несчастіе.

И, подождаявъ секунды двѣ отвѣта отъ Оомы, отвернулся отъ него, одобрительно говоря Маякину:

— Я въ восторгѣ отъ вашей рѣчи вчера въ думѣ! Прекрасно, умно, Яковъ Тарасовичъ... они, предлагая употребить деньги на... этотъ народный клубъ, не понимаютъ истинныхъ нуждъ населенія...

— И потомъ, ваше пр—ство, капиталишко маленькій—значить, городъ свою деньгу долженъ добавлять...

— Совершенно вѣрно! Совершенно вѣрно!

— Трезвость, я говорю, это хорошо! Это дай Богъ всякому. Я самъ не пью... но зачѣмъ эти представленія, читальни и прочее такое, ежели онъ, — народъ-то этотъ, — читать даже и не умѣетъ?

Губернаторъ одобрительно мычалъ.

— А вотъ, говорю, вы эти денежки на техническое приспособе... ежели его въ малыхъ размѣрахъ завести-то,—денегъ однѣхъ этихъ хватить, а въ случаѣ можно еще въ Петербургѣ попросить — тамъ дадутъ! Тогда и городу своихъ добавлять не надо, и дѣло будетъ умнѣе.

— Именно! И я вполне съ вами согласенъ! Но какъ закричали на васъ либералы-то, а? Ха-ха!

— Ужъ такое ихъ дѣло, чтобы кричать...

Густой кашель соборнаго протодіакона возвѣстилъ о началѣ богослуженія.

Къ Оомѣ подошла Софья Павловна, поздоровалась и тихо, грустнымъ голосомъ, говорила ему:

— Я смотрѣла на ваше лицо въ день похоронъ, и у меня сердце сжималось... Боже мой, думала я, какъ онъ долженъ страдать!

А Оома слушалъ ее и—точно медъ пилъ.

— Эти ваши крики! Они потрясли мнѣ душу... бѣдный вы, мальчикъ мой!.. Я могу говорить вамъ такъ, вѣдь я уже старенькая...

— Вы!—тихо воскликнулъ Оома.

— А развѣ нѣтъ?—спросила она, наивно глядя въ его лицо. Оома молчалъ, опустивъ голову.

— Вы не вѣрите, что я старушка?

— Я вамъ вѣрю... то есть, всему отъ васъ повѣрю... но только это неправда!—вполголоса и горячо сказалъ Оома.

— Неправда—что? Что вы вѣрите мнѣ?

—Нѣтъ! Не это... а то, что... Я—вы извините! — не умѣю я говорить!—съ тоской сказалъ Оома, весь красный отъ смущенія.—Не образованъ я...

— Этимъ не надо смущаться...—покровительственно говорила Медынская.—Вы еще молоды, а образованіе доступно всѣмъ... Но есть люди, которымъ оно не только не нужно, а способно испортить ихъ... Это люди съ чистымъ сердцемъ... довѣрчивые, искренніе, какъ дѣти... и вы изъ такихъ людей... Вѣдь вы такой, да?

Что могъ отвѣтить Оома на этотъ вопросъ? Онъ искренно сказалъ:

— Покорно васъ благодарю!..

И, увидавъ, что его слова вызвали въ глазахъ Медынской веселый блескъ, почувствовалъ себя смѣшнымъ и глупымъ, тотчасъ же озлился на себя и подавленнымъ голосомъ заговорилъ:

— Да, я такой—что у меня на душѣ, то и на языкѣ... Фальшивить не умѣю... смѣшно мнѣ—смѣюсь открыто... глупъ я!

— Ну, зачѣмъ же такъ?—укоризненно сказала женщина и, оправляя платье, нечаянно погладила рукой своей его опущенную руку, въ которой онъ держалъ шляпу, что заставило Оому взглянуть на кисть своей руки и смущенно, радостно улыбнуться.

— Вы, конечно, будете на обѣдѣ?—спрашивала Медынская.

— Да...

— А завтра на засѣданіи у меня?

— Непремѣнно!

— А, можетъ быть, когда-нибудь вы и такъ просто... въ гости зайдете, да?

— Я... благодарю васъ! Приду!.

— Мнѣ нужно благодарить васъ за это обѣщаніе...

Они замолчали. Въ воздухѣ плавалъ благоговѣнно тихій голосъ архіерея, выразительно читавшаго молитву, простеревъ руку надъ мѣстомъ закладки дома.

— ...Его же ни вѣтръ, ни вода, не ино что повредить возможно: благоволи ему въ конецъ привестися и въ немъ жити хотящихъ отъ всякаго навѣта сопротивнаго свободи...

— Какъ содержательны и красивы наши молитвы, не правда ли?—спрашивала Медынская.

— Да...—кратко сказалъ Оома, не понимая ея словъ и чувствуя, что опять краснѣеть.

— Они нашимъ купеческимъ интересамъ всегда будутъ противники,—убѣдительно и громко шепталъ Маякинъ, стоя недалеко отъ Оомы рядомъ съ городскимъ головой.—Имъ что? Имъ бы только чѣмъ-нибудь предъ газетой заслужить одобреніе... а настоящей сути они постичь не могутъ... Они напоказъ живутъ, а не для устройства жизни... у нихъ, вонъ онѣ, мѣрки-то: газеты да Швеція! Докторъ-то вчера меня все время этой Швеціей

шпыняль: народное, говоритъ, образованіе въ Швеціи... и все тамъ прочее эдакое... первый сортъ! Но, однако,—что такое Швеція? Можетъ быть, она—Швеція-то—одна выдумка... для при-мѣра приводится... а никакого образованія и всякихъ прочихъ раз-ныхъ разностей вовсе нѣтъ въ ней... И опять же мы не для нея живемъ, и она намъ экзамена производить не можетъ... мы нашу жизнь на свою колодку должны дѣлать. Такъ ли?

А протодіаконъ, закинувъ голову, гудѣль:

— Основателю до-ома сего... вѣ-ечная... па-амя-ать!

Ома вздрогнулъ, но Маякинъ былъ уже около него и, дер-гая его за рукавъ, спрашивалъ:

— Обѣдать ѣдешь?

И бархатная, теплая ручка Медынской снова скользнула по рукъ Омы.

Обѣдъ былъ для Омы сущей пыткой. Первый разъ въ жизни находясь среди такихъ парадныхъ людей, онъ видѣлъ, что они и ѣдятъ, и говорятъ,—все дѣлаютъ лучше его, и чув-ствоваль, что отъ Медынской, сидѣвшей какъ разъ противъ него, его отдѣляетъ не столъ, а высокая гора. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ секретарь того общества, въ которомъ Ома былъ выбранъ почет-нымъ членомъ,—молодой судейскій чиновникъ, носившій странную фамилію—Ухтищевъ. Какъ бы для того, чтобы его фамилія каза-лась еще нелѣпѣе, чѣмъ была, онъ говорилъ высокимъ, звонкимъ теноромъ и самъ весь—полный, маленькій, круглолицый и весе-лый говорунъ—былъ похожъ на новенькій бубенчикъ.

— Самое лучшее въ нашемъ обществѣ—патронесса, самое дѣльное, чѣмъ мы въ немъ занимаемся,—ухаживаніе за патронес-сой, самое трудное—сказать патронессѣ такой комплиментъ, ко-торымъ она была бы довольна, а самое умное—восхищаться па-тронессой молча и безъ надеждъ. Такъ что вы, въ сущности, членъ не „общества попеченія о“ и т. д., а членъ общества Танта-ловъ, состоящихъ въ угодникахъ при Софіи Медынской.

Ома слушалъ его болтовню, посматривалъ на патронессу, озабоченно разговаривавшую о чемъ-то съ полицмейстеромъ, мычалъ въ отвѣтъ своему собесѣднику, притворяясь занятымъ ѣдой, и желалъ, чтобы все это скорѣе кончилось. Онъ чувство-валъ себя жалкимъ, глупымъ, смѣшнымъ для всѣхъ и былъ увѣренъ, что всѣ подсматриваютъ за нимъ, осуждаютъ его. Это связывало его невидимыми путами, не позволяя ему ни говорить, ни думать. Наконецъ, онъ дошелъ до того, что рядъ разнообраз-ныхъ фізіономій, вытянувшей за столомъ противъ него, сталъ казаться ему длинной и волнистой бѣлой полосой со вкраплен-

ными въ нее смѣющимися глазами, и всѣ эти глаза мучительно непріятно кололи его.

А Маякинъ сидѣлъ рядомъ съ городскимъ головой, быстро вертѣлъ вилкой въ воздухъ и все что-то говорилъ ему, играя морщинами. Голова, сѣдой и краснорожій человекъ съ короткой шеей, смотрѣлъ на него быкомъ съ упорнымъ вниманіемъ и порой утвердительно стучалъ большимъ пальцемъ по краю стола. Оживленный говоръ и смѣхъ заглушали бойкую рѣчь крестнаго, и Оома не могъ разслышать ни слова изъ нея, тѣмъ болѣе, что въ ушахъ его все время неустанно звенѣлъ тенорокъ секретаря:

— Смотрите, вонъ всталъ протодьяконъ и заряжаетъ легкія воздухомъ... сейчасъ провозгласитъ вѣчную память Игнату Матвѣвичу...

— Нельзя ли мнѣ уйти?—тихо спросилъ Оома.

— Почему же нѣтъ? Это всѣ поймутъ...

Гулкій возгласъ дьякона заглушилъ и какъ бы раздавилъ шумъ въ залѣ; именитое купечество съ восхищеніемъ уставилось въ большой, широко раскрытый ротъ, изъ котораго лилась густая октава, и, пользуясь этимъ моментомъ, Оома всталъ изъ-за стола и ушелъ изъ зала.

Черезъ минуту онъ, свободно вздыхая, сидѣлъ въ своей коляскѣ и озабоченно думалъ, что среди этихъ господъ ему не мѣсто. Онъ назвалъ ихъ про себя вылизанными, ихъ блескъ не нравился ему, не нравились лица, улыбки, слова, но свобода и ловкость ихъ движеній, ихъ умѣнье говорить обо всемъ и помногу, ихъ красивые костюмы—все это возбуждало въ немъ смѣсь зависти и уваженія къ нимъ. Ему стало обидно и грустно отъ сознанія, что онъ не умѣетъ говорить такъ легко и много, какъ всѣ эти люди, и тутъ онъ вспомнилъ, что Люба Маякина уже не разъ смѣялась надъ нимъ за это.

Оома не любилъ дочь Маякина, а послѣ того, какъ онъ узналъ отъ Игната о намѣреніи крестнаго женить его на Любѣ, молодой Гордѣевъ сталъ даже избѣгать встрѣчъ съ нею. Но послѣ смерти отца онъ почти каждый день бывалъ у Маякиныхъ, и какъ-то разъ Люба сказала ему:

— Смотрю я на тебя и, знаешь что?—вѣдь ты ужасно не похожъ на купца...

— Тоже и ты на купчиху мало похожа...—сказалъ Оома, подозрительно поглядывая на нее.

Онъ не понималъ назначенія ея словъ: обидѣтъ она хотѣла ими его, или такъ просто сказала.

— Слава Богу!—отвѣтила она ему и улыбнулась такой хо-рошей, дружеской улыбкой.

— Чему рада?—спросилъ онъ.

— А что мы непохожи на нашихъ отцовъ.

Томъ удивленно посмотрѣлъ на нее и смолчалъ.

— Ты скажи искренно,—пониживъ голосъ говорила она,—вѣдь ты моего отца не любишь? Не нравится онъ тебѣ?

— Не... очень...—медленно сказала Томъ.

— Ну, а я очень не люблю.

— За что?

— За все... Поумнѣ будешь—самъ поймешь... Твой отецъ лучше былъ.

— Еще бы!—гордо сказала Томъ.

Послѣ этого разговора между ними почти сразу образовалось влеченіе другъ къ другу и, день-о-дня все развиваясь, оно вскорѣ приняло характеръ дружбы, хотя и странной нѣсколько.

Люба была однихъ лѣтъ со своимъ крестовымъ братомъ, но относилась къ нему, какъ старшая къ мальчику. Она говорила снисходительно, часто подшучивала надъ нимъ, въ рѣчахъ ея то и дѣло мелькали незнакомыя Тому слова, которыя она приносила какъ-то особенно вѣско и съ видимымъ удовольствіемъ. Она особенно любила говорить о своемъ братѣ Тарасѣ, котораго она никогда не видала, но о которомъ рассказывала что-то такое, что дѣлало его похожимъ на храбрыхъ и благородныхъ разбойниковъ тетушки Аннѣсы. Часто, жалуясь на своего отца, она говорила Тому:

— Вотъ и ты такой же будешь... кощей.

Все это было непріятно юношѣ и очень задѣвало его самолюбіе. Но порой она была пряма, проста, какъ-то особенно дружески ласкова къ нему; тогда у него открывалось предъ нею сердце, и оба они подолгу и откровенно излагали другъ предъ другомъ свои думы и чувства.

Оба говорили много, искренно—и оба не понимали другъ друга: Тому казалось, что все, о чемъ говоритъ Люба, чуждо ему и не нужно ей, и въ то же время онъ ясно видѣлъ, что его неумѣнья рѣчи нимало не интересуютъ ее, и она не хочетъ понять ихъ. Сколько бы времени они ни провели за такой бесѣдой—она давала имъ одно лишь ощущеніе какой-то неловкости и недовольства другъ другомъ. Какъ будто невидимая стѣна недумѣнія вдругъ выросла предъ ними и разъединяла ихъ. Они не рѣшались дотронуться до этой стѣны, сказать другъ другу о томъ, что они чувствуютъ ее, и продолжали свои бесѣды, смутно сознавая, что въ каждомъ изъ нихъ есть что-то, что можетъ сблизить и объединить ихъ.

Пріѣхавъ въ домъ крестнаго, Ѳома засталъ Любу одну. Она вышла навстрѣчу ему, и было видно, что она нездорова или разстроена: глаза у нея лихорадочно блестя и были окружены черными пятнами. Зябко кутаясь въ пуховый платокъ, она улыбаясь сказала:

— Вотъ хорошо, что пріѣхалъ! А то я одна сижу... скучно, идти никуда не хочется... Чай будешь пить?

— Буду... Ты что это какая, нездоровится что ли?

— Иди въ столовую, а я скажу, чтобъ самоваръ дали...—проговорила она, не отвѣчая на его вопросъ.

Онъ прошелъ въ одну изъ маленькихъ комнатъ дома съ двумя окнами, въ палисадникъ. Среди нея стоялъ овальный столъ, его окружали старинные стулья, обитые кожей, въ одномъ простѣнкѣ висѣли часы въ длинномъ ящикѣ со стеклянной дверью, въ углу стояла горка съ посудой, а противъ оконъ у стѣны помѣщался дубовый буфетъ, величиной съ добрый чуланъ.

— Ты съ обѣда?—спросила Люба входя.

Ѳома молча кивнулъ головой.

— Ну что, парадно?

— Бѣда!—усмѣхнулся Ѳома.—Я точно на угольяхъ сидѣлъ... всѣ какъ павлины, а я какъ сычъ...

Люба вынимала изъ горки посуду и ничего не отвѣтила ему.

— Ты чего въ самомъ дѣлѣ скучная такая? — снова спросилъ Ѳома, взглянувъ на ея хмурое лицо.

Она обернулась къ нему и съ восторгомъ, съ тоской сказала:

— Ахъ Ѳома! Какую я книгу прочитала! Еслибъ ты могъ это понимать!

— Видно хороша книга, коли эдакъ перевернуло тебя...—усмѣхнулся Ѳома.

— Я не спала... всю ночь читала... Ты пойми: читаешь — и точно предъ тобой двери раскрываются въ какое-то другое царство... И люди другіе, и рѣчи и... все! Вся жизнь...

— Не люблю я этого...—недовольно сказалъ Ѳома.—Выдумки, обманъ. Театръ тоже вотъ... Купцы выставлены для насмѣшки... развѣ они въ самомъ дѣлѣ такіе глупые? Какъ же! Возьми-ка крестнаго...

— Театръ — это та же школа, Ѳома,—поучительно сказала Люба.—Купцы такіе были... И какой можетъ быть въ книгахъ обманъ?

— Какъ въ сказкахъ... Не настоящее все...

— Ошибаешься! Ты вѣдь не читалъ книгъ,—какъ же можешь судить? Именно онѣ-то и есть настоящее. Онѣ учатъ жить.

— Ну! — махнулъ рукой Ѳома. — Брось... никакого толку не

будетъ отъ книгъ твоихъ!.. Вонъ отецъ-то у тебя книгъ не читаетъ, а... ловокъ онъ! Смотрѣлъ я на него сегодня—завидно стало. Такъ это онъ со всѣми обращается... свободно, умѣючи, для всякаго имѣеть слово... Сразу видно, что чего онъ захочетъ, того и добьется.

— Чего онъ добивается?—воскликнула Люба.—Денегъ только... А есть люди, которые хотятъ счастья для всѣхъ на землѣ... и для этого, не щадя себя, работаютъ, страдаютъ, гибнутъ! Развѣ можно отца равнять съ ними?!

— Не равняй... Имъ, стало быть, одно нравится, а крестному другое...

— Имъ ничего не нравится!

— Это какъ же?

— Они хотятъ все измѣнить...

— Такъ вѣдь чего-нибудь ради они стараются?—резонно возразилъ Оома.—Чего-нибудь хотятъ?

— Счастья для всѣхъ!—горячо вскричала Люба.

— Ну, я этого не понимаю...—качая головой, сказала Оома.—Кто это тамъ о моемъ счастьѣ заботится? И опять же, какое они счастье мнѣ устроить могутъ, ежели я... самъ еще не знаю, чего мнѣ надо? Нѣтъ, ты вотъ что, ты бы на этихъ посмотрѣла... на тѣхъ, что вотъ обѣдали...

— Это не люди!—категорически объявила Люба.

— Да ужъ я тамъ не знаю, кто они по-твоему, но только видно, сразу—мѣсто свое они знаютъ. Ловкій народъ... развязный...

— Эхъ, Оома!—огорченно воскликнула Люба. Ничего ты не понимаешь! Ничто тебя не волнуетъ! Лѣнивый ты какой-то...

— Ну, поѣхала! Просто я еще не осмотрѣлся...

— Просто ты—пустой,—объявила Люба рѣшительно и твердо.

— Въ душѣ моей ты не была...—возразилъ спокойно Оома.—Думь моихъ ты не знаешь...

— О чемъ тебѣ думать?—сказала Люба, пожимая плечами.

— Эко! Одинъ я? Это разъ... Жить мнѣ надо? Это два. Въ теперешнемъ моемъ образѣ совсѣмъ нельзя жить—я это развѣ не понимаю? На смѣхъ людямъ я не хочу... Я, вонъ, даже говорить не умѣю съ людьми... Да... и думать-то я не умѣю...—заклЮчилъ Оома свою рѣчь и смущенно умѣхнулся.

— Читать нужно, учиться нужно,—убѣдительно совѣтовала Люба, расхаживая по комнатѣ.

— Въ душѣ у меня что-то шевелится,—продолжалъ Оома, не глядя на нее и говоря какъ бы себѣ самому,—но понять я этого не могу. Вижу вотъ я, что крестный говоритъ... дѣло все... и умно... Но не привлекаетъ меня... Тѣ люди куда интереснѣе для меня.

— Это аристократія-то?—спросила Люба.

— Да...

— Тамъ тебѣ и мѣсто!—съ презрительной улыбкой сказала Любовь.—Эхъ ты! Развѣ они люди? Развѣ у нихъ есть души?

— Почему ты знаешь ихъ? Вѣдь не знакома...

— А книги? Не читала я?

Горничная внесла самоваръ, и разговоръ прервался. Люба молча заваривала чай, Оома смотрѣла на нее и думала о Медынской. Съ ней бы поговорить хотѣлось ему.

— Да-а,—задумчиво заговорила дѣвушка,—съ каждымъ днемъ я все больше убѣждаюсь, что жить—трудно... Что мнѣ дѣлать? Замужъ идти? За кого? За купчишку, который будетъ всю жизнь людей грабить, пить, въ карты играть? За дикаго человѣка? Не хочу! Я хочу быть личностью... я личность, потому что уже понимаю, какъ скверно устроена жизнь. Учиться? Развѣ отецъ пустить... Боже мой! Бѣжать? Не хватаетъ храбрости... Что же мнѣ дѣлать?

Она сжала руки и поникла головой надъ столомъ.

— Еслибъ ты знала, какъ противно все... Ни души живой вокругъ... Съ той поры, какъ умерла мать,—отецъ всѣхъ разогналъ... Иные уѣхали учиться... Липа уѣхала. Она пишетъ: читай. Ахъ я читаю! Я читаю!—съ отчаяніемъ въ голосѣ воскликнула она и помолчавъ секунду, тоскливо продолжала:

— Въ книжкахъ нѣтъ того, что нужно сердцу... и я не понимаю многого въ нихъ... Наконецъ, мнѣ скучно... скучно мнѣ читать всегда одной, одной! Я говорить хочу съ человѣкомъ, а человѣка нѣтъ! Мнѣ тошно... живешь одинъ разъ, и уже пора жить... а человѣка все нѣтъ... нѣтъ! Для чего жить? Липа говорить: читай, поймешь... Я хлѣба хочу, а она камень даетъ... Я понимаю, что нужно—нужно отстаивать то, что любишь, во что вѣришь... нужно бороться...

И почти со стономъ она закончила:

— Но вѣдь я одна! Съ кѣмъ бороться? Нѣтъ враговъ... нѣтъ людей! Вѣдь я въ тюрьмѣ живу!

Оома слушала ея рѣчь, пристально разсматривая пальцы на рукѣ, чувствовалъ большое горе въ ея словахъ, но не понималъ ее. И, когда она замолчала, подавленная и печальная, онъ не нашель, что сказать ей, кромѣ словъ, близкихъ къ упреку:

— Вотъ, ты сама говоришь, что книжки ничего не стоятъ для тебя, а меня учишь: читай...

Она взглянула въ лицо ему, и въ ея глазахъ вспыхнула злоба.

— О, какъ бы я хотѣла, чтобъ въ тебѣ проснулись всѣ эти руки... которыми я живу... Чтобъ и ты, какъ я, не спалъ ночей

отъ думь, чтобъ и тебѣ все опротивѣло... и самъ ты себѣ опротивѣль! Ненавижу я всѣхъ васъ... ненавижу!

Она, вся красная, такъ гнѣвно смотрѣла на него и говорила такъ зло, что онъ, удивленный, даже не обидѣлся на нее. Никогда еще она не говорила съ нимъ такъ.

— Что это ты?—спросилъ онъ ее.

— И тебя я ненавижу! Ты... что ты? Мертвый, пустой... какъ ты будешь жить? Что ты дашь людямъ?—вполголоса и какъ-то злорадно говорила она.

— Ничего не дамъ, пускай сами добиваются...—отвѣтила Ома зная, что этими словами онъ еще больше разсердитъ ее.

— Несчастный ты!—презрительно воскликнула дѣвушка.

Увѣренность и сила ея упрековъ невольно заставляли Ому внимательно слушать ея злыя рѣчи; онъ чувствовалъ въ нихъ смыслъ. Онъ даже подвинулся ближе къ ней, но она, негодующая и гнѣвная, отвернулась отъ него и замолчала.

На улицѣ еще было свѣтло, и на вѣтвяхъ липъ предъ окнами еще лежалъ отблескъ заката, но комната уже наполнилась сумракомъ, и облеченные имъ буфетъ, часы и горка какъ будто увеличились въ объемъ. Огромный маятникъ каждую секунду выглядывалъ изъ-за стекла футляра часовъ и, тускло блеснувъ, съ глухимъ, усталымъ звукомъ прятался то вправо, то влѣво. Ома посмотрѣлъ на маятникъ, и ему стало скучно и неловко. Люба встала и зажгла лампу, висѣвшую надъ столомъ. Лицо дѣвушки было блѣдно и сурово.

— Накинулась ты на меня,—сдержанно заговорилъ Ома,—чего ради? Непонятно...

— Не хочу я съ тобой говорить!—сердито отвѣтила Люба.

— Дѣло твое... Но все-таки.. чѣмъ же я провинился?

— Ты?

— Я...

— Пойми, душно мнѣ! Тѣсно мнѣ... Вѣдь развѣ это жизнь, Развѣ такъ живутъ? Кто я? Приживалка у отца... держать меня для хозяйства... потомъ замужь! опять хозяйство... Это трясина... я тону, задыхаюсь...

— А я тутъ при чемъ?—спросилъ Ома.

— Ты—не лучше другихъ...

— И за то виноватъ предъ тобой?

— Виноватъ! Ты долженъ желать... быть лучше...

— Да развѣ я этого не желаю!?—воскликнулъ Ома.

Дѣвушка хотѣла что-то сказать ему, но въ это время гдѣ-то задребезжалъ звонокъ, и она, откинувшись на спинку стула, вполголоса сказала.

— Отецъ...

— Ну, хоть и подождать бы онъ, такъ не огорчилъ,—сказаль Ѳома.—Хотѣлось мнѣ еще тебя послушать... больно ужъ ты любопытно...

— А! Дѣтишки мои, сизы голуби!—воскликнуть Яковъ Тарасовичъ являясь въ дверяхъ.—Чаекъ пьете? Налей-ка мнѣ, Любава!

Сладко улыбаясь и потирая руки, онъ сѣлъ рядомъ съ Ѳомой и, игриво толкнувъ его въ бокъ, спросилъ:

— О чемъ больше ворковали?

— Такъ... о пустякахъ разныхъ,—отвѣтила Люба.

— Да развѣ я тебя спрашиваю?—искрививъ лицо, сказалъ ей отецъ.—Ты себѣ сиди, помалкивай у своего бабьяго дѣла...

— Про обѣдъ рассказываль я ей,—перебилъ Ѳома рѣчь крестнаго...

— Ага! Та-акъ... Ну и я буду говорить про обѣдъ... Наблюдаль я за тобой давеча... неразумно ты держишь себя!

— То есть какъ?—спросилъ Ѳома, недовольно хмуря брови.

— То есть такъ-таки просто неразумно, да и все тутъ. Говорить напримѣръ, съ тобою губернаторъ, а ты молчишь...

— Что же я ему скажу? Онъ говорить, что потерять отца—несчастье... ну, я знаю это... А что же ему сказать?

— Такъ какъ оно мнѣ отъ Господа послано, то я, ваше превосходительство, не ропщу... Такъ бы сказалъ, или что другое въ этомъ духѣ... Губернаторы, братецъ ты мой, смиреніе въ челоуѣкѣ очень любятъ.

— Что же мнѣ овцой на него глядѣть?—усмѣхнулся Ѳома.

— Овцой ты глядѣлъ,—этого не надо... А надо ни овцой, ни волкомъ, а такъ эдакъ—разыграть предъ нимъ: вы наши папаша, мы ваши дѣтишки... онъ сейчасъ и обмякнетъ.

— Это зачѣмъ же?

— А на всякій случай... Губернаторъ, онъ, братъ, всегда куда-нибудь годится.

— Чему вы его учите, папаша!—тихо и негодующе сказала Люба.

— А чему?

— Лакейничать...

— Врешь, ученая дура! Политикъ я учу, а не лакейству, политикъ жизни... Ты вотъ что—ты удались! Отыди отъ зла... и сотвори намъ закуску. Съ Богомъ!

Люба быстро встала и, бросивъ полотенце изъ рукъ на спинку стула, ушла... Отецъ, сощуривъ глаза, посмотрѣлъ ей вслѣдъ, побарабанилъ пальцами по столу и заговорилъ:

— Буду я тебя, Өома, учить. Самую настоящую, вѣрную науку и философію преподамъ я тебѣ... и ежели ты ее поймешь— будешь жить безъ ошибокъ.

Өома взглянулъ, какъ двигаются морщины на лбу старика, и онѣ ему показались похожими на строчки славянской печати,

— Прежде всего, Өома, ужъ ежели ты живешь на сей землѣ, то обязанъ надо всѣмъ происходящимъ вокругъ тебя думать. Зачѣмъ? А дабы отъ неразумія твоего не потерпѣть самому тебѣ, и не могъ ты повредить людямъ по глупости твоей. Теперь: у каждаго человѣческаго дѣла два лица, Өома. Одно на виду у всѣхъ—это фальшивое, другое спрятано—оно-то и есть настоящее. Его и нужно умѣть найти, дабы понять смыслъ дѣла... Вотъ, къ примѣру, дома ночлежные, трудолюбивые, богадѣльни и прочія такія учрежденія. Сообрази—на что они?

— Чего же соображать?—скучно сказала Өома. —Извѣстно всѣмъ для чего... для бѣдныхъ, немощныхъ.

— Эхъ, братъ! Иногда всѣмъ бываетъ извѣстно, что такой-то человѣкъ мошенникъ и подлець, а все-таки всѣ его зовутъ Иваномъ иль Петромъ, и величаютъ по батюшкѣ, а не по ма-тушкѣ...

— Это вы къ чему?

— А все къ дѣлу... Такъ вотъ, говоришь ты, что дома эти для бѣдныхъ, нищихъ стало быть—во исполненіе Христовой заповѣди... Ладно! А кто есть нищій? Нищій есть человѣкъ, вынужденный судьбой напоминать намъ о Христѣ, онъ братъ Христовъ, онъ колоколь Господень и звонитъ въ жизни для того, чтобъ будить совѣсть нашу, тревожить сытость плоти человѣческой... Онъ стоитъ подъ окномъ и поетъ: Христа ра-ади! и тѣмъ пѣніемъ напоминаетъ намъ о Христѣ, о святомъ Его завѣтѣ помогать ближнему... Но люди такъ жизнь свою устроили, что по Христову ученію совсѣмъ имъ невозможно поступать, и сталъ для насъ Иисусъ Христосъ совсѣмъ лишній. Не единожды, а, можетъ, сто тысячъ разъ отдавали мы Его на пропятіе, но все не можемъ изгнать Его изъ жизни, зане братія Его нищая поетъ на улицахъ Имя Его и напоминаетъ намъ о Немъ... И вотъ нынѣ придумали мы: запретить нищихъ въ дома такіе особы, и чтобъ не ходили они по улицамъ, не будили бы нашей совѣсти

— Ло-овко! —изумленно прошептала Өома, во всѣ глаза глядя на крестнаго.

— Ага! —воскликнулъ Маякинъ, и глазки его сверкали торжествомъ.

— Какъ-же это отецъ-то... не догадался?—безпокойно спросилъ Өома.

— Ты погоди! Ты еще послушай, дальше-то хуже будетъ. Вотъ придумали мы запирать ихъ въ дома разные и, чтобъ не дорого было содержать ихъ тамъ, работать заставили ихъ, старенькихъ, да увѣчныхъ... И милостыню подавать не нужно теперь и, убравши съ улицъ нашихъ отрепышей разныхъ, не видимъ мы лютоты ихъ скорби и бѣдности, а потому можемъ думать, что всѣ люди на землѣ сыты, обуты, одѣты... Вотъ они къ чему, дома эти разные, для скрытія правды они... для изгнанія Христа изъ жизни нашей! Ясно ли?

— Да-а!—сказаль Ѳома, отуманенный ловкою рѣчью старика.

— И еще не все тутъ... еще не до дна лужа вычерпана!—воскликнулъ Маякинъ, одушевленно взмахивая рукой въ воздухъ.

Морщины на лицѣ его играли; длинный, хищный носъ вздрагиваль, и голосъ дребезжалъ нотами какого-то азарта и умиленія.

— Теперь поглядимъ на это дѣло съ другого бока. Кто больше всѣхъ въ пользу бѣдныхъ жертвуетъ на всѣ эти дома, пріюты, богадѣльни? Жертвуютъ богатые люди, купцы, купечество наше... Хорошо-съ! А кто жизнью командуетъ и устраиваетъ ее? Дворяне, чиновники и всякіе другіе не наши люди... Отъ нихъ и законы, и газеты, и науки—все отъ нихъ. Раньше они были помѣщиками, теперь земля изъ-подъ нихъ выдернута, они на службу пошли... Ладно! Но кто по нынѣшнимъ днямъ самые сильные люди? Купецъ въ государствѣ первая сила, потому что съ нимъ—милліоны! Такъ ли?

— Такъ!—согласился Ѳома, желая скорѣе услышать то недоговоренное, что сверкало уже въ глазахъ крестнаго.

— Такъ вотъ ты и понимай, — раздѣльно и внушительно продолжалъ старикъ,—жизнь устраивали не мы, купцы, и въ устройствѣ ея и до сего дня голоса не имѣемъ, рукъ приложить къ ней не можемъ. Жизнь устроили другіе, они и развели въ ней паршъ всякую, лѣнтыевъ этихъ, несчастненькихъ, убогенькихъ, а коли они ее развели, они жизнь засорили, они ее испортили—имъ, по-Божьи разсуждая, и чистить ее надлежитъ. Но чистимъ ее—мы, на бѣдныхъ жертвуемъ—мы, призираемъ ихъ—мы... Разсуди же ты, пожалуйста: зачѣмъ намъ на чужое рубище заплаты нашивать, ежели не мы его изодрали? Зачѣмъ намъ домъ чинить, ежели не мы въ немъ жили, и не нашъ онъ есть. Не умнѣ ли это будетъ, ежели мы встанемъ къ сторонкѣ и будемъ до поры до времени стоять да смотрѣть, какъ всякая гниль плодится и чужого намъ челоуѣка душитъ? Ему съ ней не сладить... средствъ у него нѣтъ. Онъ къ намъ и обратится...

скажете: пожалуйста, господа, помогите! А мы ему: позвольте намъ простору для работы! Включите насъ въ строители оной самой жизни! И какъ только онъ насъ включить—тогда-то мы и должны будемъ единымъ махомъ очистить жизнь отъ всякой скверны и разныхъ лишковъ. Тогда Государь Императоръ воочию узритъ свѣтлыми очами, кто есть его вѣрные слуги, и сколько они въ бездѣйствіи рукъ ума въ себѣ накопили... Поняль?

— Какъ же не понять!—воскликнулъ Оома.

Когда крестный говорилъ о чиновникахъ, онъ вспомнилъ о лицахъ, бывшихъ на обѣдѣ, вспомнилъ бойкаго секретаря, и въ головѣ его мелькнула мысль о томъ, что этотъ кругленькій человекъ навѣрно имѣетъ не больше тысячи рублей въ годъ, а у него Оомы,—милліонъ. Но этотъ человекъ живетъ такъ легко и свободно, а онъ, Оома, не умѣетъ, конфузится жить. Это сопоставленіе и рѣчь крестнаго возбудили въ немъ цѣлый вихрь мыслей, но онъ успѣлъ схватить и оформить лишь одну изъ нихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ—для денегъ что ли однѣхъ работаешь? Что въ нихъ толку, если онѣ власти не даютъ.

— Ага?—прищуривъ глаза, сказалъ Маякинъ.

— Эхъ!—обиженно воскликнулъ Оома,—какъ же это отецъ-то? Говорили вы съ нимъ?

— Двадцать лѣтъ говорилъ...

— Ну, и что онъ?

— Не доходила до него моя рѣчь... темячко у него толстовато было, у покойнаго... Душу онъ держалъ на распашку, а умъ у него глубоко сидѣлъ... Н-да, сдѣлалъ онъ промашку... и денегъ этихъ весьма и очень жаль...

— Денегъ мнѣ не жаль...

— Ты бы попробовалъ нажать хоть десятую изъ нихъ, да тогда и говорилъ...

— Я могу войти?—раздался за дверью голосъ Любы.

— Можешь... хоть впрыгни...—отвѣтилъ ей отецъ.

— Вы сейчасъ закусывать станете?—спросила она, входя.

— Давай...

Она подошла къ бѣфету и загремѣла посудой. Яковъ Тарасовичъ посмотрѣлъ на нее, пожевалъ губами и вдругъ, хлопнувъ Оому ладонью по колѣну, сказалъ ему:

— Такъ-то, крестникъ! Вникай...

Оома отвѣтилъ ему улыбкой и подумалъ про себя:

— А умень... умнѣ отца-то...

И тотчас же самъ себѣ, но какъ бы другимъ голосомъ отвѣтилъ:
— Умнѣе, но хуже...

V.

Двойственное отношеніе къ Маякину отъ времени все укрѣплялось у Оомы: слушая его рѣчи внимательно и съ жаднымъ любопытствомъ, онъ чувствовалъ, что каждая встрѣча съ крестнымъ увеличиваетъ въ немъ непріязненное чувство къ старику. Порой Яковъ Тарасовичъ возбуждалъ у крестника чувство близкое къ страху, порой даже физическое отвращеніе. Послѣднее обыкновенно являлось у Оомы тогда, когда старикъ былъ чѣмъ-нибудь доволенъ и смѣялся. Отъ смѣха морщины старика дрожали, каждую секунду измѣняя выраженіе лица; сухія и тонкія губы его прыгали, растягивались и обнажали черные обломки зубовъ, а рыжая бородка точно въ огнѣ пылала. Звукъ смѣха былъ похожъ на визгъ ржавыхъ петель, а самъ старикъ—на играющую ящерицу. Не умѣя скрывать своихъ чувствъ, Оома часто и очень грубо высказывалъ ихъ Маякину словами и жестами, но старикъ какъ бы не замѣчалъ этого и, не спуская глазъ съ крестника, руководилъ каждымъ его шагомъ. Онъ почти и не ходилъ въ свою лавочку, всецѣло погрузясь въ парходныя дѣла молодого Гордѣева и оставляя Оомѣ много свободнаго времени. Благодаря значенію Маякина въ городѣ и широкимъ знакомствамъ на Волгѣ, дѣло шло блестяще, но ревностное отношеніе Маякина къ дѣлу усиливало увѣренность Оомы въ томъ, что крестный твердо рѣшилъ женить его на Любѣ, и это еще болѣе отталкивало его отъ старика.

Люба и нравилась ему, и казалась подозрительной и опасной для него. Она не выходила замужъ, и крестный ничего не говорилъ объ этомъ, не устраивалъ вечеровъ, никого изъ молодежи не приглашалъ къ себѣ и Любу не пускалъ никуда. А всѣ ея подружки уже были замужемъ... Оома удивлялся ея рѣчамъ и слушалъ ихъ такъ же жадно, какъ и рѣчи ея отца; но когда она начинала съ любовью и тоской говорить о Тарасѣ, ему казалось, что подъ именемъ этимъ она скрываетъ иного человѣка, быть можетъ, того же Ежова, который, по ея словамъ, долженъ былъ почему-то оставить университетъ и уѣхать изъ Москвы. Въ ней было много простого и добраго, что нравилось Оомѣ, и часто она рѣчами своими возбуждала у него жалость къ себѣ: ему казалось, что она не живетъ, а бредитъ на-яву.

Его выходка на поминкахъ по отцѣ распространилась среди купечества и создала ему нелестную репутацию. Бывая на биржѣ, онъ замѣчалъ, что всѣ на него поглядываютъ насмѣшливо, недо-

брожелательно и говорятъ съ нимъ какъ-то особенно. Разъ даже онъ услыхалъ за спиной у себя негромкій, но презрительный возгласъ:

— Гордіонишка! Молокосось...

Онъ почувствовалъ, что это про него сказано, но не обернулся и не посмотрѣлъ, кто бросилъ въ него этими словами. Богатые люди, сначала возбуждавшіе въ немъ робость предъ ними, утрачивали въ его глазахъ обаяніе своего богатства и ума. Не разъ они уже вырывали изъ рукъ его ту или другую выгодную поставку; онъ ясно видѣлъ, что они и впредь это сдѣлають, и всё они казались ему одинаково алчными до денегъ, всегда готовыми надуть другъ друга. Когда онъ сообщилъ крестному свое наблюденіе, старикъ сказалъ:

— А какъ же? Торговля—все равно что война... азартное дѣло. Тутъ бьются за суму, а въ сумѣ душа...

— Не нравится это мнѣ,—заявилъ Оома.

— И мнѣ не все нравится... фальши много. Но напрямки ходить въ торговомъ дѣлѣ совсѣмъ нельзя, тутъ нужна политика! Тутъ, братъ, подходя къ человѣку, держи въ лѣвой рукѣ медь, а въ правой—ножъ. Всякъ человѣкъ желаетъ на грошъ пятаковъ купить.

— Ну ужъ... не очень хорошо это,—задумчиво сказалъ Оома.

— Хорошо дальше будетъ... Когда верхъ возьмешь, тогда и хорошо... Жизнь, братъ Оома, очень просто поставлена: или всѣхъ грызи, или лежи въ грязи...

Старикъ улыбался, и обломки зубовъ во рту его вызвали у Оомы острую мысль:

„Многихъ, видно, ты загрызъ“...

— Одно слово—война!—повторилъ старикъ.

— Самое настоящее тутъ и есть?—спросилъ Оома, пытливо глядя на Маякина.

— То есть, какъ это—настоящее?

— Лучше-то ничего нѣтъ? Тутъ—все?

— Гдѣ же кромѣ? Всякій для себя живетъ. Всякій себѣ лучшаго желаетъ... А что оно лучшее? Впередъ людей уйти, выше ихъ встать. Вотъ всё и стараются достичь перваго мѣста въ жизни... иной такъ, иной эдакъ... но всё обязательно хотятъ, чтобъ ихъ, какъ колокольні, издали было видать. Къ этому человѣкъ и назначенъ, къ возвышенію... Даже въ книгѣ Іова это выражено: „человѣкъ рождается на страданіе, какъ искры, чтобы устремляться вверхъ“. Ты посмотри: ребятишки въ играхъ и то другъ друга всегда превзойти хотятъ. И всякая игра всегда своей высокій пунктъ имѣетъ, чѣмъ она и занята... Понялъ?

— Это я понимаю!—бодро и увѣренно сказалъ Оома.

— Это надо и чувствовать... Съ однимъ понятіемъ никуда не допрыгаешь, и ты еще пожелай, такъ пожелай, чтобы гора тебѣ—кочка, море тебѣ—лужа. Эхъ! я, бывало, въ твои годы играючи жилъ! А ты все еще нацѣливаешься... Впрочемъ, хорошій плодъ не скоро спѣеть...

Однообразныя рѣчи старика скоро достигли того, на что были рассчитаны: Өома вслушался въ нихъ и уяснилъ себѣ цѣль жизни. Нужно быть лучше другихъ,—затвердилъ онъ, и возбужденное старикомъ честолюбіе глубоко въѣлось въ его сердцѣ... Въѣлось, но не наполнило его; ибо отношенія Өомы къ Медынской приняли тотъ характеръ, который роковымъ образомъ должны были принять. Его тянуло къ ней, ему всегда хотѣлось видѣть ее, а при ней онъ робѣлъ, становился неуклюжимъ, глупымъ, зналъ это и страдалъ отъ этого. Онъ часто бывалъ у нея, но ее трудно было застать дома одну: около нея всегда, какъ мухи надъ кускомъ сахара, кружились раздушенные щеголи. Они говорили съ ней по-французски, пѣли, хохотали, а онъ молчалъ и смотрѣлъ на нихъ, полный злобы и зависти. Поджавъ ноги, онъ сидѣлъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ ея пестро-убранной гостиной,—по которой ужасно трудно было ходить, ничего не задѣвая и не опрокидывая,—сидѣлъ и угрюмо наблюдалъ.

Предъ нимъ по мягкимъ коврамъ безшумно мелькала она, кидая ему ласковые взгляды и улыбки, за ней увивались ея поклонники, и всѣ они такъ ловко, точно змѣи, обходили разнообразные столики, стулья, экраны, подставки для цвѣтовъ—цѣлый магазинъ красивыхъ и хрупкихъ вещей, разбросанныхъ по комнатамъ съ небрежностью, одинаково опасной и для нихъ, и для Өомы. Когда онъ шелъ, коверъ не заглушалъ его шаговъ, и всѣ эти вещи цѣплялись за его сюртукъ, тряслись, падали... Былъ тамъ около рояля бронзовый матросъ, размахнувшійся, чтобы кинуть спасательный кругъ, на кругѣ висѣли веревки изъ проволоки, и онѣ постоянно дергали Өому за волосы. Все это возбуждало смѣхъ у Софьи Павловны и ея поклонниковъ, но очень дорого стоило Өомѣ, бросая его то въ жаръ, то въ холодъ.

Но ему было не легче и наединѣ съ ней. Встрѣчая его ласковой улыбкой, она усаживалась съ нимъ въ одномъ изъ уютныхъ уголковъ гостиной и обыкновенно начинала разговоръ съ того, что жаловалась ему на всѣхъ:

— Вы не повѣрите, какъ я рада видѣть васъ!

Изгибаясь, какъ кошка, она заглядывала ему въ глаза своимъ темнымъ взглядомъ, въ которомъ теперь вспыхивало что-то жадное.

— Я такъ люблю говорить съ вами,—музыкально растягивая

слова, пѣла она.—Всѣ эти мнѣ надоѣли... такіе они скучные, ординарные, изношенные. А вы вотъ—свѣжій, искренній... Вѣдь вы ихъ тоже не любите?

— Терпѣть не могу!—твердо отвѣчала Ѳома.

— А меня?—тихонько спрашивала она.

Ѳома отводилъ глаза въ сторону и, вздыхая, говорилъ:

— Который разъ вы это спрашиваете...

— Вамъ трудно сказать?

— Не трудно... да зачѣмъ?

— Мнѣ нужно знать это...

— Играете вы со мной...—угрюмо говорилъ Ѳома.

А она широко открывала глаза и тономъ глубокаго изумленія спрашивала:

— Какъ играю?—Что значить играть?

И лицо у нея было такое ангельское, что онъ не могъ не вѣрить ей.

— Люблю я васъ... люблю! Развѣ это можно—не любить васъ?—горячо говорилъ онъ и тотчасъ же пониженнымъ голосомъ съ грустью добавлялъ:

— Да вѣдь вамъ это не нужно!..

— Вотъ вы и сказали!—удовлетворенно вздыхала Медынская и отодвигалась отъ него подальше.

— Мнѣ всегда страшно пріятно слушать, какъ вы это говорите... молодо, цѣльно... хэтите поцѣловать мнѣ руку?

Онъ молча схватывалъ ея бѣлую, тонкую ручку и, осторожно склоняясь къ ней, горячо и долго цѣловалъ ее. Она вырывала руку, улыбающаяся, граціозная, но ничуть не взволнованная его горячностью. Задумчиво, съ этимъ всегда смущавшимъ Ѳому блескомъ въ глазахъ, она разсматривала его, какъ что-то рѣдкое и крайне любопытное, и говорила:

— Сколько у васъ здоровья, силъ, душевной свѣжести... Вы знаете—вѣдь вы, купцы, еще совершенно не жившее племя, цѣлое племя съ оригинальными традиціями, съ огромной энергіей души и тѣла... Вотъ вы, напримѣръ; вѣдь вы драгоценный камень, и если васъ отшлифовать... о!

Когда она говорила: у васъ, по-вашему, по-купчески,—Ѳомѣ казалось, что этими словами она какъ бы отталкиваетъ его отъ себя. Это было и грустно и обидно. Онъ молчалъ, глядя на ея маленькую фигурку, всегда какъ-то особенно красиво одѣтую, всегда благоухающую какъ цвѣтокъ и дѣвически нѣжную. Порой въ немъ вспыхивало дикое и грубое желаніе схватить ее и цѣловать. Но ея красота и эта хрупкость тонкаго и гибкаго тѣла ея возбуждала въ немъ страхъ изломать, изувѣчить ее, а спокой-

ный, ласковый голосъ и ясный, но какъ бы подстерегающій взглядъ охлаждалъ его порывы; ему казалось, что она смотритъ прямо въ душу его и понимаетъ всѣ думы... Но эти взрывы чувства были рѣдки, вообще же юноша относился къ Медынской съ обожаніемъ, удивляясь всему въ ней—ея красотѣ, рѣчамъ, ея одеждѣ. И рядомъ съ этимъ обожаніемъ въ немъ всегда жило мучительно-острое сознаніе его отдаленности отъ нея, ея превосходства надъ нимъ.

Такія отношенія установились у нихъ быстро; въ двѣ, три встрѣчи Медынская вполне овладѣла юношей и начала медленно пытаться его. Ей, должно быть, нравилась власть надъ здоровымъ, сильнымъ парнемъ, нравилось будить и укрощать въ немъ звѣря только голосомъ и взглядомъ, и она наслаждалась игрой съ нимъ, увѣренная въ силу своей власти. Онъ уходилъ отъ нея полубольной отъ возбужденія и уносилъ съ собою обиду на нее и злобу на себя, много тяжелыхъ и опьянявшихъ его чувствъ. А черезъ два дня снова являлся для пытки.

Однажды онъ робко спросилъ ее:

— Софья Павловна!.. Были у васъ дѣти?

— Нѣтъ...

— Я такъ и зналъ!—съ радостью вскричалъ Гома.

Она взглянула на него глазами совсѣмъ маленькой и наивной дѣвочки и сказала:

— Почему же вы это знали? И зачѣмъ вамъ знать, были ли у меня дѣти?

Гома покраснѣлъ, наклонилъ голову и началъ говорить ей глухо и такъ, точно выталкивалъ слова изъ подъ земли, и каждое слово вѣсило нѣсколько пудовъ.

— Видите... ежели женщина, которая... то есть, родила, то у нея глаза... совсѣмъ не такіе...

— Да-а? Какіе же?

— Безстыжіе!—бухнулъ Гома.

Медынская размѣялась своимъ серебристымъ смѣхомъ, и Гома, глядя на нее, размѣялся.

— Вы простите!—сказалъ онъ наконецъ.—Я, можетъ, не хорошо... не прилично сказалъ...

— О, нѣтъ, нѣтъ! Вы не можете сказать ничего неприличнаго... вы чистый, милый мальчикъ. Итакъ, у меня глаза не безстыжіе?

— У васъ... какъ у ангела!—восторженно объявилъ Гома, глядя на нее сіяющимъ взглядомъ.

А она взглянула на него такъ, какъ не смотрѣла еще до этой

поры,—взглядомъ женщины-матери, грустнымъ взглядомъ любви, смѣшанной съ опасеніемъ за любимаго.

— Идите, голубчикъ... Я устала и хочу отдохнуть...—сказала она ему, вставая и не глядя на него.

Онъ покорно ушелъ.

Нѣкоторое время послѣ этого случая она держалась съ нимъ болѣе строго и честно, точно жалѣя его, но потомъ отношенія приняла старую форму игры кошки съ мышью.

Отношенія Ѳомы къ Медынской не могли укрыться отъ его крестнаго, и однажды старикъ, скорчивъ ехидную рожу, спросилъ его:

— Ѳома! Ты почаще голову шулай, чтобъ не потерять тебѣ ее случаемъ.

— Это вы насчетъ чего?—спросилъ Ѳома.

— А насчетъ Соньки... больно ужъ часто ты къ ней ходишь.

— Что вамъ?—грубовато сказалъ Ѳома.—И какая она для васъ Сонька?

— Мнѣ ничего... меня не убудетъ отъ того, что тебя обгложутъ. А что ее Сонькой зовутъ—это всѣмъ извѣстно... И что она любить чужими руками жаръ загребать—тоже всѣ знаютъ.

— Она умная!—твердо объявилъ Ѳома, хмурясь и пряча руки въ карманы.—Образованная...

— Умная, это вѣрно! Вотъ прошлый разъ вечеръ-то какъ оборудовала умно:бору двѣ тысячи четыреста, расходу—тысяча девятьсотъ... А расходу и тысячи не должно быть... потому всѣ и все даромъ ей дѣлають... Образованная... Она тебя образуеть... Особенно шелопаи, которые вокругъ нея...

— Не шелопаи, а... тоже умные люди!—злбно возразилъ Ѳома, уже самъ себѣ противорѣча.—И я отъ нихъ учусь... Я что? Ни въ дудку, ни поплясать... Чему меня учили? А тамъ обо всемъ говорить... и всякій свое слово имѣеть. Вы мнѣ на человѣка похожимъ быть не мѣшайте.

— Фу-у! Ка-акъ ты говорить научился! То есть, какъ градъ по крышѣ... сердито! Ну, ладно... будь похожъ на человѣка... только для этого безопаснѣе въ трактиръ ходить; тамъ человѣки все же лучше Софьиныхъ... А ты бы, парень, все-таки учился бы людей то разбирать, который къ чему... Напримѣръ—Софья... Что она изображаетъ? Насѣкомая для украшенія природы и больше—ничего!

Возмущенный до глубины души, Ѳома стиснулъ зубы и ушелъ отъ Маякина, еще глубже засунувъ руки въ карманы. Но старикъ вскорѣ снова заговорилъ о Медынской.

Они возвращались изъ затона послѣ осмотра пароходовъ и, сидя въ огромномъ и покойномъ возкѣ, дружелюбно и оживленно

разговаривали о дѣлахъ. Это было въ мартѣ: подъ полозьями саней всхлипывала вода, снѣгъ былъ уже покрытъ грязноватымъ налетомъ, а солнце сіяло въ ясномъ небѣ весело и тепло.

— Приѣдешь, къ барынѣ своей первымъ дѣломъ пойдешь?— неожиданно спросилъ Маякинъ, прервавъ дѣловой разговоръ.

— Схожу,— кратко и недовольно отвѣтилъ Ома.

— Мм... Что, скажи, часто подарки дѣлаешь ты ей?— просто и какъ-то задумчиво спросилъ Маякинъ.

— Какіе подарки? Звѣдемъ?— удивился Ома.

— Не даришь? Ишь ты... Неужто она просто такъ, по любви живетъ съ тобой?

Ома вспыхнулъ отъ гнѣва и стыда, круто повернулся къ старику и укоризненно сказалъ:

— Эхъ! Старый вѣдь вы человекъ, а говорите—стыдно слушать! Ну ужъ!.. Да развѣ она на... эдакое пойдетъ?!

Маякинъ чмокнулъ губами и унылымъ голосомъ пропѣлъ:

— Какой ты ду-убина! Какой ду-урачина.

И внезапно озлившись, плюнулъ.

— Тьфу тебѣ! Всякій скотъ пилъ изъ крынки, остались пондонки, а дуракъ изъ грязнаго горшка сдѣлалъ себѣ божка... Чо-ортъ! Ты иди къ ней и прямо говори, желаю быть вашимъ любовникомъ... человекъ я молодой, дорого не берите.

— Крестный!— угрюмо и грозно сказала Ома.— Я этого слушать не могу... Ежели бы кто другой...

— Да кто кромѣ меня остережетъ тебя? А ба-атюшки!— завопилъ Маякинъ, всплескивая руками.— Это она тебя всю зиму за носъ и водила? Ну но-ось! Ахъ она стервова!

Старикъ былъ возмущенъ; въ голосѣ его звучала досада, злоба, даже слезы. Ома никогда еще не видалъ его такимъ и невольно молчалъ, глядя на него.

— Вѣдь она испортитъ тебя! Ахъ, Господи... Ахъ блудница вавилонская!..

Глаза Маякина учащенно мигали, губы вздрагивали, и грубыми, циничными словами онъ началъ говорить о Медынской, азартно, съ злобнымъ визгомъ.

Ома чувствовалъ, что старикъ говоритъ правду. Ему стало тяжело дышать, и во рту онъ ощутилъ сухость и горечь.

— Ладно, папаша, будетъ...— тихо и тоскливо попросилъ онъ, отвертываясь въ сторону отъ Маякина.

— Эхъ, надо тебѣ скорѣе жениться!— тревожно вскричалъ старикъ.

— Христа ради, не говорите...— глухо молвилъ Ома.

Маякинъ взглянулъ на крестника и умолкъ. Лицо Омы

какъ бы вытянулось, поблѣднѣло, и было много тяжелаго и горькаго изумленія въ его полуоткрытыхъ губахъ и въ тоскующемъ взглядѣ... Справа и слѣва отъ дороги лежало поле, покрытое ключьями зимнихъ одеждъ. По чернымъ проталинамъ хлопотливо прыгали грачи. Подъ полозьями всхлипывала вода, грязный снѣгъ вылеталъ изъ подъ ногъ лошадей...

— Ну и глупъ же человѣкъ въ своей юности!— не громко воскликнулъ Маякинъ. Ома не взглянулъ на него.— Стоитъ предъ нимъ пенъ отъ дерева, а онъ видитъ—морда звѣрева... самъ себя этакъ-то и стращаетъ... о-хо-хо!

— Говорите прямыми словами,—угрюмо сказала Ома.

— Чего тутъ говорить? Дѣло ясное: дѣвки—сливки, бабы—молоко; бабы—близко, дѣвки—далеко... стало быть, иди къ Сонькѣ, ежели безъ этого не можешь,—и говори ей прямо... такъ, молъ, и такъ... Дурашка! вѣдь ежели она—грѣшница, значить она тебѣ легче достанется... Чего жъ ты дуешься? Чего пыжишься?

— Не понимаете вы...—тихо сказала Ома.

— Чего я не понимаю? Я все понимаю!

— Сердца... сердце есть у человѣка...—вздыхнулъ юноша.

Маякинъ прищурилъ глаза и изрекъ:

— Ума, значить, нѣтъ...

VI.

Охваченный тоскливой и мстительной злобой пріѣхалъ Ома въ городъ. Въ немъ кипѣло страстное желаніе оскорбить Мединскую, надругаться надъ ней. Крѣпко стиснувъ зубы и засунувъ руки глубоко въ карманы, онъ нѣсколько часовъ кряду расхаживалъ по пустыннымъ комнатамъ своего дома, сурово хмуриль брови и все выпячивалъ грудь впередъ. Сердцу его, полному обиды, было тѣсно въ груди. Онъ тяжело и мѣрно топалъ ногами по полу какъ будто коваль свою злобу.

— Подлая... ангеломъ нарядилась! — Въ памяти его, какъ живая, вставала Палагея, и онъ злорадно и съ горечью шепталъ:

— И потерянная, а лучше... Не притворялась... Сразу открывала и душу, и тѣло... у той, чай, и сердце такое же, какъ грудь—бѣлое да твердое...

Порой надежда робкимъ голосомъ подсказывала ему:

„Можетъ, все это наврано на нее“...

Но онъ вспоминалъ азартную увѣренность и силу рѣчей крестнаго, и эта мысль гнила. Онъ еще крѣпче стискивалъ зубы и еще болѣе выпячивалъ грудь впередъ. Злые думы впились ему въ сердце, какъ занозы, и сердце ныло отъ нихъ острой болью...

Маякинъ, бросивъ въ грязь Медынскую, тѣмъ самымъ сдѣлалъ ее болѣе доступной для крестника, и скоро Оома понялъ это. Въ дѣловыхъ весеннихъ хлопотахъ прошло нѣсколько дней, и возмущенныя чувства Оомы затихли. Грусть о потерѣ чело-вѣка притупила злобу на женщину, а мысль о доступности жен-щины усилила влеченіе къ ней. И какъ-то незамѣтно для себя онъ вдругъ и понялъ, и рѣшилъ, что ему слѣдуетъ пойти къ Софьѣ Павловнѣ и прямо, просто сказать ей, чего онъ хочетъ отъ нея — вотъ и все! Онъ даже какую-то радость ощутилъ при этомъ рѣшеніи и пошелъ къ Медынской смѣло, думая по дорогѣ лишь о томъ, какъ бы получше, половчѣе сказать ей то, что нужно.

Прислуга Медынской привыкла къ его посѣщеніямъ и на вопросъ его — дома ли барыня? — горничная сказала:

— Пожалуйте въ гостиную... онъ однѣ тамъ...

Онъ оробѣлъ немножко... но, увидавъ въ зеркалѣ свою стат-ную фигуру, красиво обтянутую сюртукомъ, и смуглое свое лицо въ рамкѣ пушистой черной бородки, серьезное, съ большими тем-ными глазами, — приподнялъ плечи и увѣренно пошелъ впередъ черезъ залъ...

А навстрѣчу ему тихоплыли звуки струнъ — странные такіе звуки: они точно смѣялись тихимъ, невеселымъ смѣхомъ и жа-ловались на что-то и нѣжно такъ трогали сердце, точно просили вниманія и не надѣялись, что получатъ его... Оома не лю-билъ слушать музыку — она всегда вызывала въ немъ грусть. Даже когда „машина“ въ трактирѣ начинала играть что-нибудь заунывное, онъ ощущалъ въ груди тоскливое томленіе и по-рой просилъ остановить „машину“ или уходилъ отъ нея по-дальше, чувствуя, что не можетъ спокойно слушать этихъ рѣчей безъ словъ, но полныхъ слезъ и жалобъ. И теперь онъ невольно остановился у дверей въ гостиную.

Дверь была завѣшена длинными нитями разноцвѣтнаго би-сера, нанизаннаго такъ, что онъ образовалъ причудливый узоръ изъ какихъ то растений; нити тихо колебались и, казалось, что въ воздухѣ летаютъ блѣдныя тѣни цвѣтовъ. Эта прозрачная преграда не скрывала отъ глазъ Оомы внутренности гостиной. Медынская, сидя на кушеткѣ въ своемъ любимомъ уголкѣ, играла на мандолинѣ. Большой японскій зонть, прикрѣпленный къ стѣнѣ, осѣнял пестротой своихъ красокъ маленькую женщину въ темномъ платьѣ; высокая бронзовая лампа подъ краснымъ абажуромъ обливала ее свѣтомъ вечерней зари. Нѣжные звуки тонкихъ струнъ печально дрожали въ тѣсной комнатѣ, полной мягкаго и душистаго сумрака. Вотъ женщина опустила мандо-

лину на колѣни себѣ и, продолжая перебирать пальцами по струнамъ, стала пристально вематриваться во что-то впереди себя. *Ома* вздохнулъ...

Тихій звонъ музыки носился вокругъ *Медынской*, и лицо ея все измѣнялось, точно откуда-то на него падали тѣни, падали и таяли отъ блеска ея глазъ.

Ома смотрѣлъ на нее и видѣлъ, что наединѣ сама съ собою она не была такой красивой, какъ при людяхъ,—теперь ея лицо серьезнѣе и старѣй,—въ глазахъ нѣтъ выраженія ласки и кротости, смотрятъ они скучно и устало. И поза ея была усталой, какъ будто женщина хотѣла подняться и—не могла. *Ома* замѣтилъ, что то, съ чѣмъ онъ пришелъ къ ней, смѣняется въ сердцѣ его какимъ-то другимъ чувствомъ. Онъ шаркнулъ ногой по полу и кашлянулъ...

— Кто это? — тревожно вздрогнувъ, спросила женщина. И струны вздрогнули, издавъ тревожный звукъ.

— Это я,—сказалъ *Ома*, откидывая рукой нити бисера.

— А! Но какъ вы тихо... Рада видѣть васъ... Садитесь!.. Почему такъ давно не были?

Протягивая ему руку, она другой указывала на маленькое кресло около себя, и глаза ея улыбались радостно.

— Вѣдилъ въ затонъ, пароходы свои смотрѣть, — говорилъ *Ома* съ преувеличенной развязностью, подвигая кресло ближе къ кушеткѣ...

— Что въ поляхъ еще много снѣга?

— Сколько вамъ угодно... Но ужъ здорово таетъ. По дорогамъ вода вездѣ...

Онъ смотрѣлъ на нее и улыбался. Должно быть, *Медынская* замѣтила развязность его поведенія и новое въ его улыбкѣ—она оправила платьѣ и отодвинулась отъ него. Ихъ глаза встрѣтились—и *Медынская* опустила голову.

— Таетъ! — задумчиво сказала она, разглядывая кольцо на своемъ мизинцѣ.

— Н-да... ручки вездѣ... — любуясь своими ботинками, сообщилъ *Ома*.

— Это хорошо... Весна придетъ...

— Ужъ теперь не задержать...

— Придетъ весна,—повторила *Медынская* негромко и какъ бы вслушиваясь въ звукъ словъ.

— Влюбляться стануть люди,—усмѣхнувшись, сказалъ *Ома* и зачѣмъ-то крѣпко потеръ руки.

— Вы собираетесь?—сухо спросила *Медынская*.

— Мнѣ нечего... я давно готовъ... влюбленъ ужъ на всю жизнь...

И Ома подвинулся къ женщинѣ, широко и смущенно улыбаясь.

Она мелькомъ взглянула на него, и снова начала играть, глядя на струны и задумчиво говоря:

— Весна... Какъ это хорошо, что вы только еще начинаете жить... Сердце полно силы... и нѣтъ въ немъ ничего темнаго...

— Софья Павловна!—тихо воскликнулъ Ома.

Она ласковымъ жестомъ остановила его.

— Подождите, голубчикъ!.. Сегодня я могу сказать вамъ... что-то хорошее... Знаете—у человѣка, много прожившаго, бываютъ минуты, когда онъ, заглянувъ въ свое сердце, неожиданно находитъ тамъ... нѣчто давно забытое... Оно лежало гдѣ-то глубоко на днѣ сердца годы... но не утратило благоуханія юности и, когда память дотронется до него... тогда на человѣка повѣетъ весной... живительной свѣжестью утра дней... Это хорошо... хотя очень грустно...

Струны подъ ея пальцами дрожали и плакали, а Омѣ казалось, что звуки ихъ и тихій голосъ женщины ласково и нѣжно щекочутъ его сердце... Но, еще твердый въ своемъ рѣшеніи, онъ вслушивался въ ея слова и, не понимая ихъ содержания, думалъ:

„Говори! Теперь ужъ не повѣрю никакимъ твоимъ рѣчамъ“...

Эта мысль раздражала его. И ему было жалко того, что онъ не можетъ слушать ея рѣчь такъ внимательно и довѣрчиво, какъ раньше бывало слушалъ...

— Вы думаете о томъ, какъ нужно жить? — спросила женщина.

— Иной разъ подумаешь... а потомъ опять забудешь. Некогда!—сказалъ Ома и усмѣхнулся. — Да и что думать? Известно... видишь, какъ живутъ люди... ну, стало быть, и надо имъ подражать...

— Ахъ, не дѣлайте этого! Пожалѣйте себя... Вы такой... славный!.. Есть въ васъ что-то особенное... что? Не знаю! Но это чувствуется... И мнѣ кажется, вамъ будетъ ужасно трудно жить... Я увѣрена что вы не пойдете обычнымъ путемъ людей вашего круга... нѣтъ! Вамъ не можетъ быть пріятна жизнь, цѣликомъ посвященная наживѣ, погонѣ за рублемъ... торговлѣ этой... о, нѣтъ! Я знаю, вамъ захочется чего-то иного... да?

Она говорила быстро и съ тревогой въ глазахъ. Ома думалъ, глядя на нее:

„Къ чему это она клонить“?

И медленно отвѣтила ей:

— Можеть, и захочется... ужъ и хочется, можеть...

Подвинувшись къ нему, она заглядывала въ лицо его и убѣдительно говорила:

— Слушайте! Не живите какъ всѣ! Устройте себѣ жизнь какъ-нибудь иначе... Вы сильный, молодой... хорошій вы!..

— А коли хорошъ я, то и должно быть мнѣ хорошо!—воскликнула Ома, чувствуя, какъ имъ овладѣваетъ волненіе, и сердце начинаетъ трепетно биться...

— Ахъ, такъ не бываетъ! И на землѣ всегда хорошимъ хуже, чѣмъ дурнымъ!...—съ грустью сказала Медынская.

И снова изъ-подъ пальцевъ ея запрыгали дрожащія нотки музыки. Ома почувствовала, что если онъ сейчасъ не начнетъ говорить то, что нужно,—позднѣе онъ ничего не скажетъ ей...

„Господи, благослови!“—мысленно произнесъ онъ и пониженнымъ голосомъ, съ напряженіемъ въ груди началъ:

— Софья Павловна! Будетъ ужъ!.. Мнѣ надо говорить... Я пришелъ сказать вамъ вотъ что: будетъ! Надо поступать прямо... открыто... Привлекали вы меня къ себѣ сначала... а теперь вотъ отгораживаетесь отъ меня чѣмъ-то... Я не пойму, что вы говорите... у меня умъ глухой... но я вѣдь чувствую — спрятать себя вы хотите... я вѣдь вижу—понимаете вы, съ чѣмъ я пришелъ!

Его глаза разгорались, и съ каждымъ словомъ голосъ становился горячѣй и громче. Она качнулась всѣмъ корпусомъ впередъ и тревожно сказала:

— О, перестаньте...

— Нѣтъ ужъ—буду говорить!

— Я знаю, что вы хотите сказать...

— Не все вы знаете!—съ угрозой сказалъ Ома, вставая на ноги.—А вотъ я все знаю про васъ—все!

— Да? Тѣмъ лучше для меня...—спокойно проговорила Медынская.

Она тоже встала съ кушетки, какъ бы желая уйти куда-то, но, постоявъ секунды двѣ, снова опустилась на свое мѣсто. Лицо у нея было серьезное, губы плотно сжаты, но глаза она опустила, и Ома не видѣлъ ихъ выраженія. Онъ думалъ, что когда скажетъ ей: — Я все знаю про васъ! — она испугается, ей будетъ стыдно и, смущенная, она попроситъ у него прощенія, за то, что играла съ нимъ. Тогда онъ крѣпко обниметъ ее и проститъ. Но этого не вышло; онъ самъ смутился предъ ея спокойствіемъ, смотрѣлъ на нее, искалъ словъ, чтобы продолжать свою рѣчь, и не находилъ ихъ.

— Тѣмъ лучше... — повторила она сухо и твердо.—Такъ вы узнали все, да? И, конечно, осудили меня... какъ и слѣдовало... Я понимаю... я виновата предъ вами... Но... нѣтъ, я не могу оправдываться...

Она замолчала и вдругъ, нервнымъ жестомъ поднявъ руки вверхъ, схватилась за голову... и стала оправлять волосы...

Ома глубоко вздохнула. Слова Медынской убили въ немъ какую-то надежду—надежду, присутствіе которой въ сердцѣ своемъ онъ ощутилъ лишь теперь, когда она была убита. И съ горькимъ упрекомъ, покачивая головой, онъ сказалъ:

— Бывало, смотрѣлъ я на васъ и думалъ: экая она красивая... хорошая... голубка!.. А вы вотъ сами говорите — виновата... эхма!

Голосъ парня оборвался. А женщина тихонько засмѣялась.

— Какой вы славный и смѣшной... И какъ жаль, что вы не... можете понять... все это!

Парень смотрѣлъ на нее, чувствуя себя обезоруженнымъ ея ласковыми словами и печальной улыбкой. То холодное и жесткое, что онъ имѣлъ въ груди противъ нея,—таяло въ немъ отъ теплага блеска ея глазъ. Женщина казалась ему теперь маленькой беззащитной, какъ дитя. Она говорила что-то ласковымъ голосомъ, точно упрашивала, и все улыбалась, но онъ не вслушивался въ ея слова.

— Пришелъ я къ вамъ,—заговорилъ онъ, перебивая ея рѣчь,—безъ жалости...—Думалъ—я ей скажу! А ничего не сказалъ... не хочется... Сердце упало... дышите вы на меня какъ-то... Эхъ, напрасно я увидалъ васъ! Что вы мнѣ? Уходить видно надо...

— Подождите, голубчикъ, не уходите!—торопливо сказала женщина, протягивая къ нему руку.—Зачѣмъ же такъ... сурово? Не сердитесь на меня! Что я вамъ? Вамъ нужна иная подруга, такая же простая, здоровая душою, какъ сами вы... Она должна быть веселая, бодрая... Я, я вѣдь уже старуха... Я вотъ тоскую все... такъ пусто и скучно живетъ мнѣ... такъ пусто! Знаете, — когда человѣкъ привыкнетъ жить весело, а радоваться не можетъ—плохо ему! Хочется ему жить радостно, хочется смѣяться... смѣется не онъ — жизнь смѣется надъ нимъ... А люди... Послушайте! Какъ мать, совѣтую вамъ, прошу и умоляю васъ—не слушайте никого, кромѣ вашего сердца! Живите такъ, какъ оно вамъ подскажетъ... Люди ничего не знаютъ, ничего не могутъ сказать вѣрнаго... не слушайте ихъ.

Стараясь говорить проще и понятнѣе, она волновалась, и слова ея рѣчи сыпались одно за другимъ торопливо, несвязно. На губахъ ея все время играла жалобная усмѣшка, и лицо ея было некрасиво.

— Жизнь очень строга... она хочет, чтобъ всѣ люди подчинялись ея требованіямъ, и только очень сильные могутъ безнаказанно сопротивляться ей... Да и могутъ ли? О, еслибъ вы знали, какъ тяжело жить... Человѣкъ доходитъ до того, что начинаетъ бояться себя... онъ раздвояется на судьбу и преступника и судить самъ себя и ищетъ оправданія предъ собой... и онъ готовъ и день, и ночь быть съ тѣмъ, кого презираетъ, кто противенъ ему—лишь бы не быть наединѣ съ самимъ собой!

Ома подняла голову и сказала недовѣрчиво и съ удивленіемъ:

— Не пойму никакъ я—что такое? И Любовь то же говоритъ...

— Какая Любовь? Что говорить?

— Сестра... То же самое, — на жизнь все жалуется. Нельзя, говорить, жить...

— О, она еще молода! И большое счастье, что уже теперь она говоритъ объ этомъ...

— Счастье!—насмѣшливо протянула Ома.—Хорошо счастье, отъ котораго стонуть да жалобаться...

— Вы слушайте жалобы... въ жалобахъ людей всегда много мудрости... о! въ нихъ мудрости больше, чѣмъ во всемъ другомъ... Вы ихъ слушайте,—это научить васъ найти свой путь...

Ома слушала убѣдительно звучавшій голосъ женщины и съ недоумѣніемъ въ душѣ оглядывался вокругъ. Все было давно знакомо ему, но сегодня все смотрѣло какъ-то ново: масса мелочей заполняла комнату, всѣ стѣны были покрыты картинами, полочками, красивыя и яркія вещицы отовсюду лѣзли въ глаза. Красноватый свѣтъ лампы наводилъ уныніе. Сумракъ лежалъ на всемъ, кое-гдѣ изъ него тускло блестѣло золото рамъ, бѣлыя пятна фарфора. Тяжелыя матеріи неподвижно висѣли на дверяхъ. Все это стѣсняло и давило Ому, и онъ чувствовалъ себя заплутавшимся. Ему жалко было женщину. Но она и раздражала его.

— Вы слышите, какъ я говорю съ вами? Я хотѣла бы быть вашей матерью, сестрой... Никогда никто не вызывалъ во мнѣ такого теплаго, родного чувства, какъ вы... А вы... смотрите на меня такъ... недружелюбно... Вѣрите вы мнѣ? да? нѣтъ?

Онъ посмотрѣлъ на нее и сказалъ, вздыхая:

— Ужъ не знаю... Вѣрилъ я...

— А теперь—быстро спросила она.

— А теперь — уйти мнѣ лучше! Не понимаю я ничего... а хочется понять... И себя я не понимаю... Шелъ я къ вамъ и зналъ, что сказать... А вышла какая-то путаница... Наташили вы меня на рожонъ, раззадорили... А потомъ говорите—я тебѣ мать! Стало быть—отвяжись!

— Поймите—мнѣ жалко васъ!—тихо воскликнула женщина.

— Раздраженіе противъ нея все росло у Θомы, и по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, рѣчь его становилась насмѣшливой... И, говоря, онъ все встряхивалъ плечами, точно рвалъ что-то, опутавшее его.

— Жалко?... Зачѣмъ же?! Этого мнѣ не надо... Эхъ, говорить я не могу! Плохо мнѣ безсловесному-то... Но—сказалъ бы я вамъ!.. Не хорошо вы со мной сдѣлали—зачѣмъ, подумаешь, завлекали человѣка? Аль я вамъ игрушка?

— Мнѣ только хотѣлось видѣть васъ около себя...—сказала женщина просто и виноватымъ голосомъ.

Онъ не слышалъ этихъ словъ.

— А какъ дошло до дѣла,—испугались вы и отгородились отъ меня... Каяться стали... ха! Жизнь плохая! И что вы все на жизнь какую-то жалуетесь? Какая жизнь? Человѣкъ—жизнь, и кромѣ человѣка никакой еще жизни нѣтъ... А вы еще какое-то чудище выдумали... и это вы — для отвода глазъ, для оправданія себя... Набалуете, заплутаетесь въ разныхъ выдумкахъ да пустякахъ и—стонать! Ахъ, жизнь! Охъ, жизнь! А не сами вы ее дѣлали? И себя жалобами прикрывая—другихъ смущаете... Ну сбились вы съ дороги, а меня зачѣмъ сбивать? Злость, что-ли, это въ васъ: дескать—мнѣ плохо, пусть и тебѣ будетъ плохо,—на же: я тебѣ сердце ядовитой слезой своей окроплю! Такъ что ли? Эхъ вы! Красоту вамъ Богъ далъ ангельскую, а сердце гдѣ у васъ?

Онъ вздрагивалъ весь, стоя противъ нея, и оглядывалъ ее съ ногъ до головы укоризненнымъ взглядомъ. Теперь слова выходили изъ груди у него свободно, говорилъ онъ не громко, но сильно, и ему было пріятно говорить. Женщина, поднявъ голову, всматривалась въ лицо ему широко открытыми глазами. Губы у нея вздрагивали, и рѣзкія морщинки явились на углахъ ихъ.

— Красивый человѣкъ и жить хорошо долженъ... А про васъ вонъ говорятъ...

Голосъ Θомы оборвался и, махнувъ рукой, онъ глухо закончилъ:

— Прощайте!

— Прощайте!..—тихонько сказала Медынская.

Онъ не подаль ей руки и, круто повернувшись, пошелъ прочь отъ нея. Но уже у двери въ залъ почувствовалъ, что ему жалко ее, и посмотрѣлъ на нее черезъ плечо. Она стояла тамъ, въ углу, одна, и руки неподвижно лежали вдоль туловища, а голова была склонена.

Онъ понималъ, что нельзя ему такъ уйти, смутился и тихо, но безъ раскаянія проговорилъ:

— Можетъ, я обидное что сказалъ — простите! Все-таки я

вѣдь... люблю васъ... — и тяжело вздохнулъ. А женщина тихонько и странно засмѣялась...

— Нѣтъ, вы не обидѣли меня... Идите съ Богомъ.

— Ну, такъ прощайте! — повторилъ Оома еще тише.

— Да... — также тихо отвѣтила женщина.

Оома отбросилъ рукой нити бисера; онѣ колыхнулись, зашуршали и коснулись его щеки. Онѣ вздрогнулъ отъ этого холоднаго прикосновенія и ушелъ, унося въ груди смутное и тяжелое чувство, и сердце въ ней билось такъ, какъ будто на него накинута была мягкая, но крѣпкая сѣть...

Ужъ ночь была, свѣтила луна, и морозъ покрылъ лужи пленками матоваго серебра. Оома шелъ по троттуару и разбивалъ своей тростью эти пленки, а онѣ грустно хрустѣли. Тѣни отъ домовъ лежали на дорогѣ черными квадратами, а отъ деревьевъ — причудливыми узорами. И нѣкоторыя изъ нихъ были похожи на тонкія руки, безпомощно хватавшіяся за землю...

„Что она теперь дѣлаетъ?“ — думалъ Оома, представляя себѣ женщину одинокую, въ углу тѣсной комнаты, среди красноватаго сумрака...

„Лучше мнѣ забыть про нее“... — рѣшилъ онѣ. Но забыть нельзя было, и она стояла передъ нимъ, вызывая въ немъ то острую жалость, то раздраженіе и даже злобу. А образъ ея былъ такъ ярокъ, и думы о ней такъ тяжелы, точно онѣ несъ эту женщину съ собой въ груди своей... Навстрѣчу ему ѣхала пролетка, наполняя тишину ночи дребезгомъ колесъ по камнямъ и скрипомъ ихъ по льду. Когда она вѣзжалась въ полосу луннаго свѣта, шумъ ея движенія становился громче и живѣй, а въ тѣни онѣ звучалъ тяжелѣе и глуше. Извозчикъ и сѣдокъ качались и подпрыгивали въ ней; оба они зачѣмъ-то нагнулись впередъ и вмѣстѣ съ лошадыю составляли одну большую черную массу. Улица была испещрена пятнами свѣта и тѣней, но вдали мракъ былъ такъ густъ, точно стѣна загоразивала улицу, возвышаясь отъ земли до неба. Оомѣ почему-то подумалось, что эти люди не знаютъ, куда ѣдутъ... И самъ онѣ тоже не знаетъ, куда идетъ... Ему представился свой домъ — шесть большихъ комнатъ, среди которыхъ онѣ жилъ одинѣ. Тетка Аксинья уѣхала въ монастырь и, можетъ быть, уже не воротится оттуда, умереть... Дома Иванъ, старый и глухой дворникъ, Секлетей — старая дѣва, кухарка и горничная, да черная лохматая собака, съ тупымъ, какъ у сома, рыломъ. И собака тоже старая...

„Пожалуй, и впрямь надо жениться“... — вздохнувъ, подумалъ Оома.

Но ему стало неловко и даже смѣшно при мысли о томъ, какъ

легко ему жениться. Можно завтра же сказать крестному, чтобъ онъ сваталъ невѣсту, и — мѣсяца не пройдетъ, какъ уже въ домѣ вмѣстѣ съ нимъ будетъ жить женщина. И день и ночь будетъ около него. Скажетъ онъ ей: „Пойдемъ гулять!“ — и она пойдетъ... Скажетъ: „Пойдемъ спать!“ — и тоже пойдетъ... Захочется ей цѣловать его — и она будетъ цѣловать, если бы онъ и не хотѣлъ этого. А сказать ей — не хочу, уйди! — она обидится... О чемъ съ ней можно будетъ говорить? И что она сможетъ сказать ему?.. Онъ думалъ и представлялъ себѣ знакомыхъ барышень, дочерей купцовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были очень красивы, и онъ зналъ, что любая охотно пойдетъ за него. Но ни одну изъ нихъ онъ не хотѣлъ бы видѣть около себя женой своей... Какъ это должно быть стыдно и неловко, когда дѣвушка становится женой... И что говорить другъ другу молодые, послѣ вѣнца, въ спальнѣ? Ѳома попробовалъ подумать надъ тѣмъ, что бы онъ сказалъ въ этомъ случаѣ, и сконфуженно засмѣялся, не находя никакихъ удобныхъ словъ... Потомъ ему вспомнилась Люба Маякина. Эта, навѣрное, сама бы первая заговорила, какими-нибудь чужими ей и безтолковыми словами... Ему казалось почему-то, что всѣ слова у нея чужія и что она не то говоритъ, что должна говорить дѣвушка ея лѣтъ, наружности и происхожденія...

И тутъ его мысль остановилась на жалобахъ Любви. Онъ пошелъ тише, пораженный тѣмъ, что всѣ люди, съ которыми онъ близокъ и помногу говорить, — говорятъ съ нимъ всегда о жизни. И отецъ, и тетка, крестный, Любовь, Софья Павловна — всѣ они или учатъ его понимать жизнь, или жалуется на нее. Ему вспомнились слова о судьбѣ, сказанныя старикомъ на пароходѣ, и много другихъ замѣчаній о жизни, упрековъ ей и горькихъ жалобъ на нее, которыя онъ мелькомъ слышалъ отъ разныхъ людей.

„Что это значитъ? — думалось ему, — что такое жизнь, если это не люди? А люди всегда говорятъ такъ, какъ будто это не они, а есть еще что-то кромѣ людей, и оно мѣшаетъ имъ жить. Можетъ, это дьяволъ“?

Жуткое чувство страха охватило парня; онъ вздрогнулъ и быстро оглянулся вокругъ. На улицѣ было пустынно и тихо; темныя окна домовъ тускло смотрѣли въ сумракъ ночи, и по стѣнамъ, по заборамъ слѣдомъ за Ѳомой двигалась его тѣнь.

— Извозчикъ! — громко закричалъ онъ, ускоряя шаги. Тѣнь встрепенулась и пугливо поползла за нимъ, безмолвная и черная. Ѳомѣ казалось, что на него сзади дышать холодомъ, и что-то огромное, невидимое, по страшное настигаетъ его. Въ испугѣ онъ почти побѣжалъ навстрѣчу пролеткѣ, съ грохотомъ явившейся

откуда-то изъ тьмы, а когда сѣлъ въ пролетку, то не могъ оглянуться назадъ, хотя и желалъ этого...

VII.

Прошло съ недѣлю времени послѣ разговора съ Медынской. И дни, и ночи образъ ея неотступно стоялъ предъ Ѳомой, вызывая въ сердцѣ его ноющее чувство тоски. Ему хотѣлось пойти къ ней, и онъ болѣлъ о ней такъ, что даже кости его ломило отъ желанія сердца снова быть около нея. Но онъ угрюмо молчалъ, хмурился и не хотѣлъ уступить этому желанію, усердно занимаясь дѣлами и возбуждая въ себѣ злобу противъ женщины. Онъ чувствовалъ, что если онъ пойдетъ къ ней, то увидитъ ее не такой уже, какой оставилъ, въ ней что-то должно измѣниться послѣ разговора съ нимъ, и уже не встрѣтитъ она его такъ ласково, какъ раньше встрѣчала, не улыбнется ему ясной улыбкой, возбуждавшей въ немъ какія-то особенныя думы и надежды. Боясь, что этого не будетъ, а должно быть что-то другое, онъ все удерживалъ себя и мучился...

Работа и тоска о женщинѣ не мѣшали ему думать и о жизни. Онъ не разсуждалъ объ этой загадкѣ, уже вызывавшей въ сердцѣ его тревожное чувство; онъ не умѣлъ разсуждать; но сталъ чутко прислушиваться ко всему, что люди говорили о жизни, и старался запоминать эти рѣчи. Онъ ничего не выясняли ему, а лишь увеличивали его недоумѣніе и порождали въ немъ подозрительное чувство къ нимъ. Они были ловки, хитры и умны—онъ это видѣлъ; въ дѣлахъ съ ними всегда нужно было держаться осторожно; онъ зналъ уже, что въ важныхъ случаяхъ никто изъ нихъ не говоритъ того, что думаетъ. И внимательно слѣдя за ними, онъ чувствовалъ, что вздохи ихъ и жалобы на жизнь вызываютъ въ немъ недовѣріе. Молча, подозрительнымъ взглядомъ онъ присматривался ко всѣмъ, и тонкая морщина разрѣзала его лобъ...

Однажды утромъ, на биржѣ, крестный сказалъ ему:

— Ананій пріѣхалъ... Зоветь тебя... Ты, вечеркомъ, сходи къ нему, да смотри языкъ-то свой попридержи... Ананій будетъ его раскачивать, чтобъ ты о дѣлахъ позвонилъ... Хитрый старый чортъ... Преподобная лиса... возведетъ очи въ небеса, а лапу тебѣ за пазуху запуститъ да кошель-то и вытащить... Поостерегись...

— Должны мы ему?—спросилъ Ѳома.

— А какъ же! За баржу не заплачено... да дровъ взято пятаериковъ полсотни недавно... Ежели будетъ всѣ сразу просить—не давай... Рубль—штука клейкая: тѣмъ больше въ твоихъ рукахъ повертится, тѣмъ больше копеекъ къ нему пристанетъ... Рубль—

онъ, какъ хорошій голубь—полетаетъ въ воздухъ, глядишь—цѣ-
лую стаю въ голубятню приведетъ...

— Да вѣдь какъ же ему не отдать, если онъ потребуеть?

— А пускай онъ плачетъ — просить, ты же реви — да не
давай...

— Я пойду ужю...—сказаль Фома.

Ананій Саввичъ Щуровъ былъ крупный торговецъ лѣсомъ,
имѣлъ огромную лѣсопилку, строилъ баржи, гонялъ плоты... Онъ
велъ дѣла съ Игнатомъ, и Фома не разъ видѣлъ этого високаго
и прямого, какъ сосна, старика съ огромной бѣлой бородой и
длинными руками. Его большая и красивая фигура съ откры-
тымъ лицомъ и яснымъ взглядомъ вызвала у Фома чувство
уваженія къ Щурову, хотя онъ слышалъ отъ людей, что этотъ
„лѣсовикъ“ разбогатѣлъ не отъ честнаго труда и нехорошо
живетъ у себя дома, въ глухомъ селѣ лѣснаго уѣзда. И отецъ
разказываль Фомѣ, что Щуровъ, въ молодости, когда еще былъ
бѣднымъ мужикомъ, приютить у себя въ огородѣ, въ банѣ, каторж-
ника, и каторжникъ работаль для него, фальшивыя деньги. Съ
той поры и началъ Ананій богатѣть. Однажды баня у него сто-
рѣла, и въ пеплѣ ея нашли обугленный трупъ человѣка съ рас-
колотымъ черепомъ. Говорили на селѣ, что Щуровъ самъ убилъ
работника своего, убилъ и сжегъ потомъ. Подобное случалось не
однажды у благообразнаго старика; но такія рѣчи говорились о
многихъ богачахъ города,—все они, будтобы, скопили свои милліоны
путемъ грабежей, убійствъ и — главное — сбытомъ фальшивыхъ
денегъ. Фома съ дѣтства прислушивался къ подобнымъ разказамъ
и никогда раньше не думаль о томъ, вѣрны они или нѣтъ.

Зналь онъ также о Щуровѣ, что старикъ изжилъ двухъ
женъ,—одна изъ нихъ умерла въ первую ночь постѣ свадьбы въ
объятіяхъ Ананія. Затѣмъ онъ отбилъ жену у сына своего, а сынъ
съ горя запилъ и чуть не погибъ въ пьянствѣ, но во-время опо-
мнился и ушелъ спасаться въ скиты, на Иргизъ. А когда померла
сноха-любовница, Щуровъ взялъ въ домъ себѣ нѣмую дѣвочку—
нищую, по сей день животъ съ ней, и она недавно родила ему
мертваго ребенка... Идя къ Ананію въ гостиницу, гдѣ онъ оста-
новился, Фома невольню вспоминаль все, что слышалъ о старикѣ
отъ отца и другихъ людей, и чувствовалъ, что Щуровъ сталь
странно интересенъ для него.

Когда Фома, отворивъ дверь, почтительно остановился на
порогѣ маленькаго номера съ однимъ окномъ, изъ котораго видна
была только ржавая крыша сосѣдняго дома, — онъ увидаль, что
старый Щуровъ только что проснулся, сидитъ на кровати, упер-
шись въ нее руками, и смотритъ въ полъ, согнувшись такъ, что

длинная и бѣлая борода его лежить на колѣняхъ. Но, и согнувшись, онъ былъ великъ...

— Кто взошелъ?—не поднимая головы, спросилъ Ананій сильнымъ и сердитымъ голосомъ.

— Я. Здравствуйте, Ананій Саввичъ...

Старикъ медленно поднялъ голову и, прищуривъ большіе глаза, взглянулъ на Оому.

— Игнатовъ сынъ, что ли?

— Онъ самый...

— Ну, иди сюда... садись вонъ къ окну... поглядимъ, каковъ ты сталъ... Чаемъ, что ли, попить?

— Я бы выпилъ...

— Коридорный! — крикнулъ старикъ, напрягая грудь, и, забравъ бороду въ горсть, сталъ молча разсматривать Оому. Оома тоже исподлобья смотрѣлъ на него.

Высокій лобъ старика былъ весь изрѣзанъ морщинами, и кожа на немъ была темная. Сѣдые, курчавыя пряди волосъ покрывали его виски и острия уши; голубые, спокойные глаза придавали верхней части лица его выраженіе мудрое, благообразное. Но щеки и губы у него были толсты, красны и казались чужими на его лицѣ. Длинный, тонкій носъ, загнутый книзу, точно спрятаться хотѣлъ въ бѣлыхъ усахъ; старикъ шевелилъ губами, изъ-подъ нихъ сверкали желтые, мелкіе зубы. На немъ была надѣта розовая рубаха изъ ситца, подпоясанная шелковымъ пояскомъ и черные шаровары, заправленные въ сапоги. Оома смотрѣлъ на его губы и думалъ, что навѣрное старикъ таковъ и есть, какъ говорятъ о немъ...

— А мальчишкой-то ты больше на отца былъ похожъ...— вдругъ сказала Щуровъ и вздохнулъ. Потомъ, помолчавъ, спросилъ:

— Помнишь отца-то? Молишься за него?

— Надо, надо молиться!—продолжалъ онъ, выслушавъ краткій отвѣтъ Оомы.—Великій грѣшникъ былъ Игнатъ... и умеръ безъ покаянья... въ одночасье... великій грѣшникъ!

— Не грѣшнѣе, чай, другихъ-то,—хмуро отвѣтилъ Оома, обидѣвшись за отца.

— Кого—къ примѣру?—строго спросилъ Щуровъ.

— Мало ли грѣшниковъ!

— Грѣшнѣе Игната - покойника одинъ есть человекъ на землѣ—окаянный фармазонъ, твой крестный Яшка...—отчеканилъ старикъ.

— Вы это вѣрно знаете?—освѣдомился Оома, усмѣхаясь.

— Я? Я знаю!—увѣренно сказалъ Щуровъ, качнувъ головой, и глаза его потемнѣли.—Я самъ тоже предстану предъ Господомъ...

не налегкѣ... Понесу съ собой ношу тяжелую предъ святое лицо Его... Я самъ тоже тѣшилъ дьявола... только я въ милость Господню вѣрую, а Яшка не вѣрить ни въ чохъ, ни въ сонъ, ни въ птичій грай... Яшка въ Бога не вѣрить... это я знаю! И за то, что не вѣрить,—на землѣ еще будетъ наказанъ!

— И это вы знаете?—спросилъ Ома.

— И это... Ты не думай—я вѣдь и то знаю, что смѣшно тебѣ слушать меня... Какой-де прозорливецъ! Но человѣкъ, который много согрѣшилъ,—всегда уменъ... Грѣхъ—учить... Оттого Маякинъ Яшка и уменъ на рѣдкость...

Слушая сиплый и увѣренный голосъ старика, Ома подумалъ: „Смерть, видно, чуетъ“...

Коридорный, маленькій человѣкъ съ блѣднымъ, точно стертымъ лицомъ, внесъ самоваръ и быстро, мелкими шагами убѣжалъ изъ номера. Старикъ разбиралъ на подоконникѣ какіе-то узелки и говорилъ, не глядя на Ому:

— Дерзокъ ты... И взглядъ у тебя—темный... Раньше свѣтлоглазыхъ людей больше было... оттого, что раньше души свѣтлѣе были... Раньше все было проще — и люди и грѣхи... а теперь пошло все мудреное.. эхе-хе!

Онъ заварилъ чай, сѣлъ противъ Омы и снова началъ:

— Въ твои годы отецъ твой... — водоливомъ тогда былъ онъ и около нашего села съ караваномъ стоялъ... въ твои годы Игнатъ ясенъ былъ мнѣ, какъ стекло... Взглянулъ на него и—сразу видишь, что за человѣкъ. А на тебя гляжу—не вижу—что ты? Кто ты такой? И самъ ты, парень, этого не знаешь... оттого и пропадешь... Всѣ теперешніе люди — пропасть должны, потому — не знаютъ себя... А жизнь—буреломъ, и нужно умѣть найти въ ней свою дорогу... гдѣ она? И всѣ плутають... а дьяволъ—радъ... Женился ли ты?

— Нѣтъ еще,—сказалъ Ома.

— Вотъ и это... не женатъ, а ужъ, чай, давно поганъ... Ну, а работаешь въ дѣлѣ твоёмъ много?

— Приходится... я съ крестнымъ пока...

— Какая теперь у васъ работа? — качая головой, говорилъ старикъ, и глаза его все играли, то темнѣя, то снова проясняясь.—Нѣтъ у васъ труда! Раньше купецъ по дѣлу на лошадахъ ѣздивъ... въ мятель, ночью... ѣдетъ! Разбойники ждали его на дорогахъ и убивали... умиралъ онъ мученикомъ, кровью омывши грѣхи свои... Теперь въ вагонѣ ѣдутъ... депеши рассылають... а то вонъ, слышь, такъ выдумали, что въ конторѣ у себя говоритъ человѣкъ, и за пять верстъ его слышно... тутъ уже не безъ дьяволова ума!.. Сидитъ человѣкъ... не двигается... и грѣшитъ оттого, что скучно

ему, дѣлать нечего: машина за него дѣлаетъ все... Труда ему нѣтъ... а безъ труда—гибель человѣку! Онъ обзавелся машинами и думаетъ—хорошо! А нѣ она, машина-то,—дьяволовъ капканъ тебѣ. Ею тебя онъ и ловить... въ трудѣ для грѣха нѣтъ время, а при машинѣ—свободно! Отъ свободы—погибнетъ человѣкъ, какъ червь, житель нѣдръ земныхъ, гибнетъ на солнцѣ... Отъ свободы человѣкъ погибнетъ!

И, произнося раздѣльно и утвердительно слова свои, старикъ Ананій четырежды стукнулъ пальцемъ по столу. Лицо его сіяло злымъ торжествомъ, грудь высоко вздымалась, и серебряные волосы бороды беззвучно шевелились на ней. Өомъ жутко стало смотрѣть на него и слушать его рѣчи, ибо въ нихъ звучала непоколебимая вѣра, и сила вѣры этой смущала Өому. Онъ уже забылъ все то, что зналъ о старикѣ и во что еще недавно вѣрилъ, какъ въ правду.

— Кто даетъ свободу тѣлу—губить душу!—говорилъ Ананій и смотрѣлъ на Өому такъ странно, какъ будто видѣлъ за нимъ еще кого-то, кому больно и страшно было слышать его слова, и чей страхъ и боль радовали его... И всѣ вы, теперешніе, погибнете отъ свободы... Дьяволь, поймалъ васъ... онъ отнял у васъ трудъ, подсунувъ вамъ свои машины и депеши... И ужъ жреть свобода души людей... Ну-ка, скажи, отчего дѣти хуже отцовъ? Отъ свободы, да! Оттого и пьютъ, и развратничаютъ съ бабами... и здоровья у нихъ меньше оттого, что работы меньше... и веселаго духа нѣтъ оттого, что заботъ нѣтъ... Веселье во время отдыха приходитъ, а теперь никто не устаетъ...

— Ну,—тихо сказалъ Өома,—развратничали и пьянствовали и прежде, не меньше, чай...

— Ты знаешь? Молчалъ бы!—крикнулъ Ананій, сурово сверкая глазами.—Тогда и силы у человѣка больше было... по силѣ и грѣхи были... А у васъ, теперешнихъ, силы то меньше, а грѣховъ больше... и грѣхи гаже... Тогда люди—какъ дубы были... И судъ имъ отъ Господа будетъ по силамъ ихъ... Тѣла ихъ будутъ взвѣшены, и измѣрятъ ангелы кровь ихъ... и увидятъ ангелы Божіи, что не превыситъ грѣхъ тяжестью своей вѣса крови и тѣла... понимаешь? Волка не осудить Господь, если волкъ овцу пожретъ... но если крыса мерзкая повинна въ овцѣ—крысу осудить Онъ!

— Откуда людямъ знать, какъ Богъ осудить человѣка?—задумчиво спросилъ Өома.—Видимый судъ нуженъ...

— Пошто—видимый?

— Чтобы понимать людямъ...

— А кто, кромѣ Бога, судья мнѣ?

Өома взглянулъ на старика и замолчалъ, опустивъ голову.

Ему снова вспомнился бѣглый каторжникъ, убитый и сожженный Щуровымъ, и онъ снова вѣрилъ, что это такъ и было. И женщину—жену и любовницу—этотъ старикъ навѣрное вогналъ въ гробъ тяжелыми ласками своими, раздавилъ ихъ своей костистой грудью, выпилъ сокъ жизни изъ нихъ этими толстыми губами, и теперь еще красными, точно на нихъ не обсохла кровь женщины, умиравшихъ въ объятіяхъ его длинныхъ и жилистыхъ рукъ. И вотъ теперь онъ, ожидая смерти, которая уже гдѣ-нибудь близко отъ него, считаетъ грѣхи свои, судить людей и себя судить, должно быть... и говорить: кто, кромѣ Бога, судья мнѣ?

„Боишься онъ или нѣтъ?“—спросилъ себя Тома и задумался, неподобья разсматривая старика...

— Да, парень! Думаешь...—покачивая головой говорилъ Щуровъ,—думаешь, какъ жить тебѣ... Капиталы въ сердцѣ малые, а замашки большія... не обанкротиться бы тебѣ предъ собой-то! хо-хо-хо!

— Почему вы знаете, сколько чего я имѣю въ сердцѣ?—угрюмо сказалъ Тома, обиженный его смѣхомъ.

— Ужъ я вижу! Я все знаю... потому—живу я давно! О-о-хо-хо! какъ я давно живу! Деревья выросли и срублены и дома уже построили изъ нихъ... и обветшали даже дома... а я все это видѣлъ и все живу... И какъ вспомню порой жизнь свою, то подумаю: неужто одинъ человѣкъ столько сдѣлать могъ? Неужто я все это изжилъ?..—Старикъ сурово взглянулъ на Тома, покачалъ головой и умолкъ...

Стало тихо. За окномъ на крышѣ дома что-то негромко трещало; шумъ колесъ и глухой говоръ людей несея снизу, съ улицы. Самоваръ на столѣ пѣлъ унылую пѣсню. Щуровъ пристально смотрѣлъ въ стаканъ съ чаемъ, поглаживалъ бороду, и слышно было, что въ груди у него хрипитъ, будто тамъ тяжесть какая-то ворочается...

— Трудно тебѣ жить безъ отца-то?—раздался его голосъ.

— Привыкаю...—отвѣтилъ Тома.

— Богатъ ты... а Яковъ умретъ—еще богаче будешь... все тебѣ отражаетъ...

— Не надо мнѣ...

— А куда же? Одна дочь у него... и дочь тебѣ же бы надо взять... Что она тебѣ крестовая и молочная—не бѣда! Можно устроить... И женился бы... а то что такъ жить? Чай, таскаешься по дѣвкамъ все?

— Нѣтъ...

— Говори! Э-эхе-хе!.. помираетъ купецъ... Сказывалъ мнѣ одинъ лѣсничій,—вретъ ли, нѣтъ ли,—что-де раньше всѣ собаки вол-

ками были... и выродились въ собакъ... Такъ вотъ и наше званіе — тоже скоро всё собаками будемъ... Науки изучимъ, модныя шляпы на башки воткнемъ, и все, тамъ, что надо, сдѣлаемъ для того, чтобы свое обличье потерять... И ничѣмъ насъ отъ другихъ людей не отличишь... Завели такой порядокъ, чтобы всѣхъ дѣтей въ гимназисты отдавать... И купцовъ, и дворянъ, и мѣщанъ — всѣхъ подь одинъ колеръ подгоняютъ... одѣнуть ихъ въ сѣрое и учать всѣхъ одной наукѣ... растятъ человѣка, какъ дерево. Зачѣмъ это? Никому неизвѣстно... И полѣно одно отъ другого хоть сучкомъ да отличается... а тутъ хотятъ людей такъ обстрогать, чтобы всѣ на одно лицо были... Скоро намъ, старикамъ, крышка... да-а! Можетъ никто ужъ и не повѣритъ черезъ пятьдесятъ, эдакъ, лѣтъ, что на свѣтѣ я жилъ... Ананій, Саввинъ сынъ, по прозвищу Щуровъ... такъ-то! И что я, Ананій, окромя Бога, никого не боялся... И что былъ я въ молодости мужикъ, а земли имѣлъ двѣ съ четвертью десятины, а подь старость накопилъ одиннадцать тысячъ десятинъ и всѣ подь лѣсомъ... да денегъ, можетъ, два милліона...

— Вотъ все говорятъ — деньги? — сказала Ѳома съ неудовольствіемъ. — А какая отъ нихъ радость человѣку?

— Мм... — промычалъ Щуровъ. — Плохой изъ тебя купецъ будетъ, коли ты силы денегъ не понимаешь...

— Кто ее понимаетъ? — спросилъ Ѳома...

— Я! — увѣренно сказалъ Щуровъ. — И всякій умный человѣкъ... Яшка понимаетъ... Деньги? Это, парень, много! Ты разложи ихъ предъ собой и подумай — что онѣ содержатъ въ себѣ? Тогда поймешь, что все это — сила человѣческая, все это — умъ людской... Тысячи людей въ деньги твои жизнь вложили и вложить тысячи... А ты можешь всѣ ихъ, деньги-то, въ печь бросить и смотри, какъ онѣ горѣтъ будутъ... И будешь ты, въ ту пору, владыкой себя считать...

— Этого не дѣлаютъ...

— Оттого, что у дураковъ денегъ не бываетъ... Деньги пускаютъ въ дѣло... около дѣла народъ кормиться... а ты надо всѣмъ тѣмъ народомъ — хозяинъ... Богъ человѣка зачѣмъ создалъ? А чтобы человѣкъ Ему молился... Онъ одинъ былъ и было Ему одному-то скучно... ну, и захотѣлось власти... А какъ человѣкъ созданъ по образу, сказано, и по подобію Его, то человѣкъ власти хочетъ... А что, кромѣ денегъ, власть даетъ?.. Такъ-то... Ну, а ты — деньги принесъ мнѣ?

— Нѣтъ... — отвѣтилъ Ѳома. Отъ рѣчей старика въ головѣ у него было тяжело и мутно, и онъ былъ доволенъ, что разговоръ перешелъ наконецъ на дѣловую почву.

— Это напрасно!—сказаль Щуровъ, строго нахмуривъ брови.— Срогъ прошелъ — надо платить...

— Получите завтра половину...

— Зачѣмъ половину? Всѣ давай!

— Ужъ очень намъ теперь нужно деньги-то...

— А ихъ нѣтъ? Однако и мнѣ нужно...

— Подождите!

— Э, братъ, ждать не буду! Ты не отецъ... вашъ братъ, мо-
локосось, народъ не надежный... въ мѣсяцъ можешь ты все дѣло
спутать... а я отъ того убытокъ понесу... Ты мнѣ завтра всѣ подай,
а то векселя протестую... У меня это живо!

Ома смотрѣль на Щурова и удивлялся. Это былъ совсѣмъ
не тотъ старикъ, что недавно еще говорилъ съ видомъ прозор-
ливца рѣчи о дьяволѣ... И лицо, и глаза у него тогда другіе
были, — а теперь онъ смотрѣль жестко, губы его улыбались без-
жалостно, и на щекахъ, около ноздрей, жадно вздрагивали какія-то
жилки. Ома видѣль, что если не заплатитъ ему въ срогъ—онъ
дѣйствительно не пожалѣеть и тотчасъ же опорочитъ фирму
протестомъ векселей...

— Что, видно плохи дѣла-то?—усмѣхался Щуровъ.—Ну, го-
вори начисто — гдѣ отцовы деньги разсыпаль?

Омѣ захотѣлось испытать старика:

— Дѣла не очень веселыя...—сказаль онъ, хмурясь, — поста-
вокъ нѣтъ... задатковъ не получили... ну, и трудновато...

— Та-акъ?.. Пособить, что ли?

— Сдѣлайте милость... отсрочьте платежи-то, — попросиль
Ома, скромно опустивъ глаза.

— Мм... али изъ дружбы къ отцу пособить?— Пожалуй, по-
соблю...

— А на сколько времени отсрочите? — освѣдомился Ома.

— Ужъ на полгода...

— Покорно благодарю...

— Не начѣмъ... Одиннадцать тысячъ шестьсотъ за тобой...
Ты вотъ что: перепиши мнѣ векселя на пятнадцать, уплати про-
центы съ этой суммы впередъ... а въ обезпеченіе я съ тебя за-
кладную на обѣ твои баржи возьму...

Ома всталъ со стула и усмѣхаясь проговориль:

— Завтра пришлите векселя... я ихъ вамъ оплачу полностью...

Щуровъ тоже грузно поднялся со стула и, не спуская глазъ
подъ насмѣшливымъ взглядомъ Омы, спокойно почесывая грудь
сказаль:

— И такъ хорошо...

— Спасибо... за ласку...

— Что тамъ! Не даешься ты... а то я бы тебя приласкалъ!—
лѣнливо проговоридь старикъ, оскаливая зубы.

— Н-да! Попадешь вамъ въ руки...

— Тепло будеть...

— Нагрѣете, что говорить...

— Ну, однако, паренекъ, будеть!—сурово сказалъ Щуровъ.—
Хоть ты и думаешь про себя, что не глупъ... только рано это... Сы-
гралъ въ ничью, да ужъ и хвастаться сталъ!.. А ты у меня выиг-
рай... тогда и пляши отъ радости... Прощай-ка... Да денежки
завтра припаси...

— Не беспокойтесь... Прощайте!

— Съ Богомъ!

Выйдя за дверь номера, Оома услыхалъ, какъ старикъ зѣв-
нулъ протяжно и громко, а потомъ зашѣлъ сиповатымъ басомъ:

— Ми-ило-осердія двери отверзи намъ... бла-осло-венная Бо-
городице...

Оома унесъ съ собой отъ старика двойственное чувство: Щу-
ровъ и нравился ему и, въ то же время, былъ противенъ.

Онъ вспоминалъ рѣчи старика о грѣхѣ, думалъ о силѣ вѣры
его въ милосердіе Бога, и—старикъ возбуждалъ въ немъ чувство,
близкое къ уваженію.

„И этотъ тоже про жизнь говорить... и вотъ — грѣхи свои
знаеть, а не плачется, не жалуется... Согрѣшилъ — подержу
отвѣтъ... н-да. А та?“...— Онъ вспоминалъ о Медынской, и сердце
его сжималось тоской.

„А та—гається... не поймешь у ней—нарочно она, чтобы отъ
суда скрыться, или въ самомъ дѣлѣ у нея сердце болить... Кто,
говорить, кромѣ Бога, судья? Ишь ты“...

Оомѣ казалось, что онъ завидуетъ Ананію, и паренъ поспѣ-
шилъ напомнить себѣ попытки Щурова обобрать его. Это вызы-
вало въ немъ отвращеніе къ старику, онъ не могъ примирить
своихъ чувствъ и, недоумѣвая, усмѣхался.

— Н-ну, былъ я у Щурова!..—сказалъ онъ, придя къ Ма-
якину и усаживаясь за столъ.

Маякинъ въ засаленномъ халатикѣ и со щетами въ рукахъ
нетерпѣливо заерзалъ въ своемъ кожаномъ креслѣ и оживленно
заговорилъ:

— Наливай ему чаю, Любава! Разказывай, Оома... Мнѣ къ
девяти въ думу надо, разказывай скорѣй.

Оома, посмѣиваясь, разказалъ о томъ, какъ Щуровъ пред-
ложилъ ему переписать векселя.

— Э-эхъ!—съ сожалѣніемъ, потряхувъ головой, воскликнулъ
Яковъ Тарасовичъ.—Всю обѣдню испортилъ ты, братъ мнѣ! Развѣ

можно такъ прямо вести дѣла съ человѣкомъ? Тьфу! Дернула меня нелегкая послать тебя! Мнѣ самому бы пойти... Я бы его вокругъ пальца обернулъ!

— Ну, едва ли! Онъ говоритъ—я дубъ...

— Дубъ? А я—пила... Дубъ! Дубъ—дерево хорошее, да плоды его только свиньямъ годны... И выходитъ, что дубъ—просто глупь...

— Да вѣдь, все равно, платить надо...

— Съ этимъ не торопятся... умные люди. А ты—готовъ бѣгомъ бѣжать, чтобы деньги отдать... купецъ!

Яковъ Тарасовичъ былъ рѣшительно недоволенъ крестникомъ. Онъ морщился и сердито приказывалъ дочери, молча разливавшей чай:

— Сахаръ подвинь мнѣ... видишь—не достану...

Лицо Любови было блѣдно, глаза мутны, и руки у нея двигались вяло, неловко... Ома посмотрѣлъ на нее и подумалъ:

„Смирная какая при отцѣ-то“...

— О чемъ онъ говорилъ съ тобой?—спросилъ его Маякинъ.

— Насчетъ грѣховъ...

— Ну, конечно! Всякому человѣку свое дѣло дорого... а онъ—фабрикантъ грѣховъ... Давно о немъ и на каторгѣ, и въ аду плачутъ—тоскуютъ, ждуть—не дождутся...

— Увѣсисто говоритъ онъ,—задумчиво сказалъ Ома, помѣшивая чай въ стаканѣ.

— Меня ругать?—освѣдомился Маякинъ, ехидно искрививъ лицо.

— Было...

— А ты что?

— А я... слушалъ...

— Мм... что же слышалъ?

— Сильному, говоритъ, простится,—а слабому нѣтъ прощенія...

— Премудрость, подумаешь!.. Это и блохи знаютъ...

Презрительное отношеніе крестнаго къ Щурову почему-то раздражало Ому и, глядя въ лицо старика, онъ съ усмѣшкой сказалъ:

— А васъ онъ не любитъ...

— Меня, братъ, никто не любитъ!—съ гордостью сказалъ Маякинъ.—И любить меня не за что, я не дѣвка... Но зато уважаютъ меня... А уважаютъ только тѣхъ, кого побаиваются...

И старикъ хвастливо подмигнулъ крестнику...

— Говоритъ онъ увѣсисто...—повторилъ Ома.—Жалуется... Вымираетъ, говоритъ, настоящій купецъ... Всѣхъ, говоритъ, людей

одной наукѣ учать... чтобы все были одинаковы... на одно лицо...

— Считаешь такъ, что не годится это?

— Видать—считаешь...

— Ду-уракъ!—презрительно протянулъ Маякинъ.

— А почему? Развѣ это хорошо, скажите?—спросилъ Ома, недовѣрчиво поглядывая на крестнаго.

— Что хорошо—намъ не извѣстно, а что умно—мы можемъ видѣть... Ежели видимъ мы, что, взявъ разныхъ людей, сгоняютъ ихъ въ одно мѣсто и внушаютъ все имъ тамъ одно мнѣніе—должны мы признать, что это умно... Потому—что такое человѣкъ въ государствѣ? Ни больше, какъ простой кирпичъ, а все кирпичи должны быть одной мѣры... понятъ? И людей, которые все одинаковой высоты и вѣса,—какъ я хочу, такъ и положу...

— Кому же пріятно кирпичемъ-то быть.—хмуро сказала Ома...

— Рѣчь не о пріятномъ, а о дѣлѣ... Ежели ты изъ твердаго матеріала, тебя не обтешешь... Не всякому человѣку можно рожу стереть... но ежели иного побить молотомъ, можетъ онъ будетъ золотомъ... А башка лопнетъ—что подѣлаешь? слаба, значить, была...

— Говорилъ онъ также насчетъ труда... все, говоритъ, машины работаютъ, а люди отъ этого балуются...

— Поѣхала кума, невѣдомо куда!—пренебрежительно махнулъ рукой Маякинъ.—Удивительно мнѣ—какой у тебя аппетитъ на всякую пустяковину! Съ чего это?

— И это невѣрно?—спросилъ Ома, угрюмо засмѣявшись.

— Что вѣрнаго можетъ онъ знать? Машина! Онъ бы, старый пень, подумалъ—какая она, машина-то? Желѣзная!—стало быть, ее не жалко, завель—она и куетъ тебѣ рубли... безъ всякихъ словъ, безъ хлопотъ... пустиль, она и вертится. А человѣкъ—онъ безпокойный и жалкій... онъ очень даже жалокъ порой бываетъ... Воетъ, ноетъ, плачетъ, просить... пьянъ напивается... въ немъ лишняго для меня—ахъ, какъ много! А въ машинѣ, какъ въ аршинѣ,—ровно столько содержанія, сколько требуется для дѣла... Ну, я пойду одѣваться... пора.

Онъ всталъ и ушелъ, громко шаркая туфлями по полу. Ома посмотрѣлъ влѣдъ ему и вполголоса сказалъ, хмуря брови:

— Лѣшій развѣ разберетъ все это... одинъ говоритъ такъ другой—эдакъ...

— Вотъ и въ книгахъ тоже,—тихо сказала Любовь.

Ома взглянулъ на нее, добродушно улыбаясь. И она отвѣтила ему неясной улыбкой. Глаза у нея смотрѣли устало, печально...

— Все читаешь?—спросилъ Ома.

— Да-а...—уныло отвѣтила дѣвушка.

— И тоскуешь все?

— Тошно... Одна потому что... Слова не съ кѣмъ сказать...

— Плохо твое дѣло...

Она ничего не сказала на это, а лишь опустила голову и стала медленно перебирать пальцами кружево полотенца.

— Шла бы замужь... — сказалъ Ома, чувствуя, что ему жалко ее...

— Отстань, пожалуйста...—некрасиво наморщивъ лобъ, отвѣтила Любовь.

— Чего отстань? Вѣдь пойдешь же...

— Вотъ!—со вздохомъ и тихо воскликнула дѣвушка. — Вотъ я и думаю—надо... то есть, придется пойти... А какъ пойдешь? Ты знаешь ли—я такое чувствую теперь... какъ будто между мною и людьми туманъ стоитъ... густой, густой туманъ!

— Отъ книгъ—увѣренно вставилъ Ома.

— Подожди! И я перестаю понимать, что дѣлается... Все мнѣ не нравится... все чужое стало... Все не такъ, какъ надо, все не то... Я вижу... понимаю это, а сказать, что не такъ и почему—не могу...

— Не такъ, не такъ...—забормоталъ Ома.—Это у тебя отъ книгъ... да... Хотя я и самъ тоже чувствую, что не такъ... Это можетъ и оттого, что еще молоды мы... отъ глупости...

— Мнѣ сначала казалось,—не слушая его, говорила Любовь—что я въ книгахъ все понимаю... А теперь...

— Бро-ось ты ихъ!—посоветовалъ Ома пренебрежительно.

— Ахъ, полно! Развѣ это можно бросить? Ты знаешь—сколько разныхъ мыслей на свѣтѣ! О, Господи! И есть такія, что голову жгутъ.. Въ одной книгѣ сказано, что все существующее на землѣ разумно...

— Все?—спросилъ Ома.

— Все! А въ другой—напротивъ...

— Погоди! Развѣ это не чепуха?

— О чемъ разговоръ?—спросилъ Маякинъ, являясь въ дверяхъ одѣтый въ длинный сюртукъ и съ какими-то медалями на шеѣ и груди...

— Такъ...—хмуро сказала Любовь.

— Насчетъ книгъ,—добавилъ Ома.

— Какихъ книгъ?

— Да вотъ она читаетъ... прочитала, что все на землѣ—разумно...

— Ну!

— Ну, а я говорю—враки!

— Н-да...—Яковъ Тарасовичъ задумался, пощипывая бородку и прищуривъ глаза...

— Это что за книга?—спросилъ онъ у дочери, помолчавъ...

— Маленькая такая... желтая... неохотно сказала Любовь...

— Ты ее положи-ка на столъ мнѣ... Это не просто тоже сказано—все на землѣ разумно! Ишь... догадался какой-то... Н-да... это очень даже ловко выражено... И кабы не дураки—то совсѣмъ бы это вѣрно было... Но какъ дураки всегда не на своемъ мѣстѣ находятся,—нельзя сказать, что все на землѣ разумно... А книжку я посмотрю... можетъ въ ней и есть умъ... Прощай, Ома; Посидишь, али подвезти?..

— Посижу еще...

— Ну, ладно...

Любовь и Ома снова остались вдвоемъ.

— Какой онъ у тебя,—кивнувъ головой вслѣдъ крестному, сказала Ома.

— Какой?

— На все откликается, все своимъ словомъ покрыть хочеть...

— Да-а... умный.. А вотъ не понимаетъ, какъ тяжело мнѣ жить...—печально сказала Любовь...

— Я тоже не понимаю... выдумываешь ты много...

— Что я выдумываю?—раздраженно крикнула дѣвушка.

— Да... все это... не твои вѣдь мысли-то... чужія..

— Чужія... чужія...

Она хотѣла сказать что-то рѣзкое, но оборвалась и замолчала. Ома смотрѣлъ на нее и, поставивъ рядомъ съ нею Медынскую, грустно подумалъ:

„Какое все разное... и люди, и женщины... и чувствуешь всегда разное“...

Они оба сидѣли другъ противъ друга, оба были задумчивы и не смотрѣли другъ на друга.

На улицѣ темнѣло, а въ комнатѣ уже было совсѣмъ темно. Вѣтеръ качалъ липы, сучья ихъ царапались о стѣны дома, точно холодно имъ было, и они просились въ комнаты...

— Люба!—тихо сказала Ома.

Она подняла голову и посмотрѣла на него.

— Знаешь... я вѣдь по... поссорился съ Медынской-то...

— Изъ-за чего?—оживляясь, спросила Любовь.

— А... такъ ужъ... вышло такъ, что она обидѣла меня... обидѣла.

— Ну, это хорошо, что поссорился,—одобрительно сказала дѣвушка,—а то бы она тебя заvertѣла... она—дрянь, кокетка... она хуже... ухъ, какія я про нее вещи знаю!

— Совсѣмъ она не дрянь,—угрюмо сказалъ Ома.—И ничего ты не знаешь... всѣ вы врите!

— Ну ужъ извини!

— Нѣтъ... вотъ что, Люба.—тихо и просительно сказалъ Оома,— ты не говори мнѣ про нее худо... не надо... Я все знаю... ей Богу! Она сама сказала...

— Са-ама!?!—удивленно воскликнула Люба.—Ну... ужъ какая... странная! Что же она сказала?..

— Виновата...—съ усиліемъ выговорилъ Оома и криво усмѣхнулся.

— Только?—въ вопросѣ дѣвушки звучало разочарованіе; Оома услышалъ его и съ надеждой спросилъ:

— Мало развѣ?..

— Что же будетъ теперь?

— Вотъ и я думаю...

— Очень... ты любишь ее?

Оома помолчалъ, посмотрѣлъ въ окно и смущенно отвѣтилъ:

— Не знаю... А кажется... что теперь ужъ больше, чѣмъ прежде...

— До ссоры?

— Да...

— Удивляюсь я, какъ можно любить такую?—пожавъ плечами, спросила дѣвушка.

— Такую-то? Еще какъ можно!—воскликнулъ Оома.

— Не понимаю... Нѣтъ, это только потому ты привязался къ ней, что лучше ея не видалъ...

— Не видалъ!—согласился Оома и, помолчавъ, нерѣшительно сказалъ:—Можетъ лучше и нѣтъ...

— Среди нашихъ...—вставила Любовь.

— Она для меня... очень нужна! Потому, видишь ты, что мнѣ предъ ней—стыдно...

— Чего это?

— А вообще... Боюсь я ее... то есть, не хочу я, чтобы она обо мнѣ плохо думала... какъ о другихъ. Иной разъ—тошно мнѣ! Подумаешь—кутнуть развѣ, чтобы всѣ жили зазвенѣли? А вспомнишь про нее и—не рѣшишься... И во всемъ такъ—подумаешь о ней: а какъ она узнаетъ? И побоишься сдѣлать...

— Да-а,—задумчиво протянула дѣвушка,—значить ты ее любишь... Я бы тоже... еслибъ любила, то думала бы о немъ... что онъ скажетъ?

— И все у нея... особенное,—тихо рассказывалъ Оома.—Говорить она по-своему... красива какъ, Господи! И такая маленькая... какъ ребенокъ...

— Что же у васъ вышло?—спросила Любовь. Оома вмѣстѣ со стуломъ подвинулся въ ней и, наклонившись, зачѣмъ-то по-

низивъ голосъ, сталъ рзсказывать. Онъ говорилъ и, по мѣрѣ того, какъ вспоминалъ слова, сказанныя имъ Мединской, у него воскресали и чувства, вызывавшія эти слова.

— Я ей—эхъ ты! Играла ты со мной—зачѣмъ?—гнѣвно и съ упрекомъ говорилъ онъ. А Люба, съ румянцемъ оживленія на щекахъ, одобрительно кивая головой, поощряла его:

— Такъ! Вотъ—хорошо! Ну, а она?

— Молчить!—тоскливо сказала Ома, передергивая плечами.— То есть, она говорила... разное... да что въ томъ?

Онъ махнулъ рукой и замолчалъ. Люба, играя своей косой, тоже молчала. И самоваръ потухъ уже. А тѣма въ комнатѣ все сгущалась, въ окна смотрѣло что-то мутное, и черные сучья лишь задумчиво качались тамъ, за окнами.

— Заягла бы ты огонь...—предложилъ Ома.

— Какіе мы съ тобой оба несчастные...—сказала Люба и вздохнула.

Омѣ не понравилось это.

— Я—не несчастный...—твердымъ голосомъ возразилъ онъ.— Я просто... не привыкъ еще жить...

— Человѣкъ, который не знаетъ, что онъ сдѣлаетъ завтра,— несчастный!—съ грустью говорила Люба.—И я не знаю. И ты тоже... И куда намъ идти? А нужно идти... Отчего-то у меня сердце никогда не бываетъ спокойно... все дрожить въ немъ какое-то желаніе...

— Это и у меня есть,—сказалъ Ома.—Думать я сталъ... а о чемъ? Не умѣю себѣ объяснить... и тоже сердце щемить... Эхъ!.. Надо, однако, идти въ клубъ...

— Не уходи...—попросила Люба.

— Надо...тамъ ждетъ меня одинъ... Пойду... Прощай!..

— До свиданья!—она протянула ему руку и печально посмотрѣла въ глаза его.

— Спать ляжешь?—спросилъ Ома, крѣпко пожимая ея руку.

— Почитаю немножко...

— Ты къ этому, какъ пьяница къ водкѣ...—съ сожалѣніемъ сказалъ парень.

— Что же есть лучше?

Идя по улицѣ, онъ взглянулъ на окна дома и въ одномъ изъ нихъ увидалъ лицо Любы. Оно было такъ же неясно, какъ и все, что говорила ему дѣвушка, какъ и ея желанія. Ома кивнулъ ей головой и съ чувствомъ сознанія своего превосходства надъ нею подумалъ:

„Тоже заплуталась... какъ и та“...

При этомъ воспоминаніи онъ потряхнулъ головой, какъ бы желая спугнуть мысль о Медынской, и ускорилъ шаги.

Ночь наступала, и было свѣжо. Холодный, бодрящій вѣтеръ порывисто метался въ улицѣ, гоняя по тротуарамъ соръ и бросая пыль въ лицо прохожихъ. Было темно, и во тьмѣ торопливо шагали какіе-то люди. Ома морщился отъ пыли, щуриль глаза и думалъ:

„Ежели теперь встрѣтится мнѣ женщина — значитъ Софья Павловна встрѣтитъ меня ласково, по-старому... Завтра пойду къ ней... А ежели мужчина—не пойду завтра... погожу еще“...

Встрѣтилась ему собака, и это такъ раздражило его, что ему захотѣлось ткнуть палкой собаку...

А въ буфетѣ клуба его встрѣтилъ веселый Ухтищевъ. Онъ, стоя около двери, бесѣдовалъ съ какимъ-то толстымъ и усатымъ человѣкомъ, но, увидавъ Гордѣева, пошелъ къ нему навстрѣчу, улыбаясь и говоря:

— Здравствуйте, скромный милліонщикъ!

Онъ нравился Ому за свой веселый нравъ, и Ома всегда встрѣчалъ его съ удовольствіемъ. Добродушно и крѣпко пожимая руку Ухтищева, Ома спросилъ его:

— А почему вы знаете, что я скромный?

— Онъ спрашиваетъ! Человѣкъ, который живетъ, какъ отшельникъ, не пьетъ, не играетъ, не любитъ женщинъ... ахъ, да! Вы знаете, Ома Игнатьевичъ? Наша несравненная патронесса завтра уѣзжаетъ за границу на все лѣто.

— Софья Павловна?—медленно спросилъ Ома.

— Ну, да! Заходитъ солнце моей жизни... а, можетъ быть, и вашей?

Ухтищевъ соорилъ комически-коварную гримасу и заглянулъ въ лицо Омы.

А тотъ стоялъ предъ нимъ и чувствовалъ, что голова у него спускается на грудь, и онъ не можетъ помѣшать этому...

— Да, лучезарная Аврора...

— Уѣзжаетъ Медынская?—раздался жирный басовой голосъ.— Славно! Я ра-адъ...

— Позвольте—почему?—воскликнулъ Ухтищевъ.

Ома глуповато улыбался и растерянно смотрѣлъ на усатаго человѣка—собесѣдника Ухтищева. Тотъ важнымъ жестомъ разглаживалъ усы свои, и изъ-подъ нихъ лились на Ому тяжелыя, жирныя, противныя слова.

— А по-отому, видите, что въ городѣ одной ко-коткой будетъ меньше...

— Фи, Мартынь Никитичь!—укоризненно сказалъ Ухтищевъ, наморщивая брови.

— Почему вы знаете, что она кокетка?—угрюмо спросилъ Ома, подвигаясь къ усатому господину. Тотъ окинулъ его пренебрежительнымъ взглядомъ, отворотился въ сторону и, дрыгнувъ ляжкой, протянулъ:

— Я не сказалъ—ко-окетка...

— Нельзя, Мартынь Никитичь, говорить такъ о женщинѣ, которая...—заговорилъ Ухтищевъ убѣдительнымъ голосомъ, но Ома перебилъ его:

— Позвольте! Я желаю спросить господина, что такое... какое онъ слово сказалъ?

— И проговоривъ это твердо и спокойно, Ома сунулъ руки глубоко въ карманы брюкъ, а грудь выпятилъ впередъ, отчего вся его фигура сразу приняла явно вызывающій видъ... Усатый господинъ вновь оглянулъ его и насмѣшливо улыбнулся...

— Господа!—тихо воскликнулъ Ухтищевъ.

— Я сказалъ—ко-ко-тка...—произнесъ усатый человѣкъ, такъ двигая губами, точно онъ смаковалъ слово.—А если вы не понимаете этого—мо-огу пояснить...

— Да ужъ,—глубоко вздыхая сказалъ Ома, не сводя съ него глазъ,—вы объясните...

Ухтищевъ всплеснулъ руками и сунулся куда-то въ сторону отъ нихъ...

— Кокотка, если вамъ угодно знать,—продажная женщина...—вполголоса сказалъ усатый, приближая къ Омѣ свое большое, толстое лицо.

Ома тихо зарычалъ и, прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ отшатнуться отъ него, правой рукой вцѣпился въ курчавые съ просѣдью волосы усатаго человѣка. Судорожнымъ движеніемъ руки онъ началъ раскачивать его голову и все большое, грузное тѣло, а лѣвую руку поднять вверхъ и глухимъ голосомъ приговаривать въ тактъ трепки:

— За глаза... не ругайся... а ругайся... въ глаза прямо... въ глаза... прямо въ глаза...

Онъ испытывалъ жгучее наслажденіе, видя, какъ смѣшно размахиваютъ въ воздухѣ толстыя руки, и какъ ноги человѣка, котораго онъ трепалъ, подкашиваются подъ нимъ, шаркаютъ по полу. Золотые часы выскочили изъ кармана и катались по круглому животу, болтаясь на цѣпочкѣ. Опьяненный своей силой и униженіемъ этого солиднаго человѣка, полный кипучаго чувства злорадства, весь вздрагивая отъ счастья мстить, Ома возилъ его по полу и глухо, злобно рычалъ въ дикой радости. Онъ въ эти

минуты переживалъ огромное чувство—чувство освобожденія отъ скучной тяжести, давно уже стѣснявшей грудь его тоскою и недомоганьемъ. Онъ чувствовалъ, что его схватили сзади за талию и плечи, схватили за руку и гнуть ее, ломають, что кто-то давить ему пальцы на ногѣ, но онъ ничего не видалъ, слѣдя налитыми кровью глазами за темной и тяжелой массой, стонавшей, извиваясь, подъ его рукой... Наконецъ его оторвали, навалились на него, и, какъ сквозь красноватый дымъ, онъ увидѣлъ предъ собой, на полу, у ногъ своихъ, избитаго имъ человѣка. Растрепанный, взъерошенный, онъ двигалъ по полу ногами, пытаясь встать; какіе-то двое черныхъ людей держали его подмышки, руки его висѣли въ воздухѣ, какъ надломленные крылья, и онъ, клокочущимъ отъ рыданій голосомъ, кричалъ *Ома*:

— Меня бить... нельзя! Нельзя! Я имѣю орденъ... подлець! О, подлець! У меня дѣти... меня всѣ знаютъ! Мерзавецъ!.. Дикарь... о-о-о! Дуэль тебѣ!

А Ухтищевъ звонко говорилъ прямо въ ухо *Ома*:

— Пойдемте! Голубчикъ, Бога ради...

— Погоди, я дамъ ему въ рожу пинка...—попросилъ *Ома*. Но его потащили куда-то. Въ ухахъ его звенѣло, сердце билось быстро, но онъ чувствовалъ себя легко и хорошо. И на подъѣздѣ клуба, глубоко и свободно вздохнувъ, онъ сказалъ Ухтищеву добродушно улыбаясь:

— Здорово я ему задалъ, а?

— Слушайте!—возмущенно воскликнулъ веселый секретарь.— Это, извините, дико! Это чортъ возьми... я первый разъ вижу!

— Милый человѣкъ!—ласково сказалъ *Ома*.—Аль онъ не стоитъ трепки-то? Не подлець онъ? Какъ можно за глаза сказать такое? Нѣтъ, ты къ ней поди и ей скажи... самой ей, прямо...

— Позвольте... дьяволь васъ возьми! Да вѣдь не за нее же только вы его отдули!

— То есть, какъ не за нее? А за кого?—удивился *Ома*.

— За кого? Я не знаю... очевидно были у васъ счеты! Фу, Господи! Вотъ сцена! Вовѣки не забуду!

— Онъ, этотъ самый, кто такой?—спросилъ *Ома* и вдругъ засмѣялся. — Какъ онъ кричалъ... дуракъ!

Ухтищевъ пристально взглянулъ въ лицо и спросилъ его:

— Скажите — вы въ самомъ дѣлѣ не знаете, кого били? И дѣйствительно, за Софью Павловну только?

— Вотъ ей Богу! — побожился *Ома*.

— Такъ... Чортъ знаетъ что такое!..—Онъ остановился, съ не-

доумѣніемъ пожать плечами и, махнувъ рукой, вновь зашагаль по тротуару, искоса поглядывая на Оому.

— Вы за это поплатитесь, Оома Игнатьичъ...

— Къ мировому онъ меня?..

— Дай Боже, чтобы такъ... Онъ вице-губернатора зять...

— Н-ну-у!?!—протянуль Оома, и лицо у него вытянулось...

— Н-да-съ. Говоря по совѣсти, онъ и мерзавецъ, и мошенникъ... Исходя изъ этого факта, слѣдуетъ признать, что трепки онъ стоитъ... Но, принимая во вниманіе, что дама, на защиту коей вы выступили, тоже...

— Баринъ!—твердо сказалъ Оома, кладя руку на плечо Ухтищева.—Ты мнѣ всегда очень нравился... и вотъ идешь со мной теперь... Я это понимаю и могу цѣнить... Но только про нее не говори мнѣ худо... Какая бы она по-вашему ни была,—по-моему... мнѣ она дорога... для меня она—лучшая. Такъ я прямо говорю... ужъ если со мной ты пошелъ—и ее не тронь... Считаю я ее хорошей—стало быть, хороша она...

Ухтищевъ услыхаль въ голосѣ Оомы большое волненіе, взглянулъ на него и задумчиво сказалъ.

— Любопытный вы человѣкъ... надо сознаться...

— Я человѣкъ простой... дикій... Побилъ вотъ и—мнѣ весело... А тамъ будь, что будетъ...

— Боюсь—нехорошо будетъ... Знаете,—откровенность за откровенность,—и вы мнѣ нравитесь... хотя—гмъ! опасно съ вами... Найдеть этакій... рыцарскій стихъ, и получишь отъ васъ выволочку...

— Ну ужъ! Чай, я еще первый разъ это... не каждый день бить людей буду...—сконфуженно сказалъ Оома. Его спутникъ засмѣялся.

— Экое вы... чудище! Вотъ что—драться дико... скверно извините меня... Но, скажу вамъ,—въ данномъ случаѣ вы выбрали удачно... Вы побии развратника, циника, паразита... и человѣка, который, ограбивъ своихъ племянниковъ, остался безнаказаннымъ...

— Вотъ и славу Богу!—съ удовольствіемъ выговорилъ Оома.—Вотъ я его и наказаль немножко...

— Немножко? Ну, хорошо, положимъ, что это немножко... Только вотъ что, дитя мое... позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ... я человѣкъ судейскій... Онъ, этотъ Князевъ, подлець, да! Но и подлеца нельзя бить, ибо и онъ есть существо социальное, находящееся подъ отеческой охраной закона. Нельзя его трогать до поры, пока онъ не преступитъ границы уложенія о наказаніяхъ...

Но и тогда не вы, а мы, судьи, будемъ ему воздавать... Вы же—ужь, пожалуйста, потерпите...

— А скоро онъ вамъ попадетъ въ руки-то?—наивно спросилъ Ома.

— Н-неизвѣстно... Такъ какъ онъ малый не глупый, то, вѣроятно, никогда не попадетъ... И будетъ по вся дни живота его сосуществовать со мною и вами на одной и той же ступени равенства предъ закономъ... О, Боже, что я говорю!—комически вздохнулъ Ухтищевъ.

— Секреты выдаешь?—усмѣхнулся Ома.

— Не то, чтобы секреты, а... не надлежитъ мнѣ быть легкомысленнымъ... Ч-чортъ! А вѣдь... меня эта исторія оживила... Право же, Немезида даже и тогда вѣрна себѣ, когда она просто лягается, какъ лошадь...

Ома вдругъ остановился, точно встрѣтилъ какое-то препятствіе на пути своемъ.

— Немезида—богиня справедливости...—болталъ Ухтищевъ.— Вы что?

— А началось это вѣдь съ того,—медленно и глухо договорилъ Ома,—что вы сказали—уѣзжаетъ она...

— Кто?

— Софья Павловна...

— Да, уѣзжаетъ... Ну-съ?

Онъ стоялъ противъ Омы и съ улыбкой въ глазахъ смотрѣлъ на него. Гордѣевъ молчалъ, опустивъ голову и тыкая палкой въ камень тротуара.

— Идемте...—сказалъ Ухтищевъ.

Ома пошелъ, равнодушно говоря:

— Ну, и пусть уѣзжаетъ... А я одинъ...

Ухтищевъ, помахивая тросточкой, сталъ насвистывать, поглядывая на своего спутника.

— Не проживу я безъ нея?—спросилъ Ома, глядя куда-то предъ собой, и, помолчавъ, отвѣтилъ тихо и неувѣренно:

— Еще какъ...

— Слушайте!—воскликнулъ Ухтищевъ,—я дамъ вамъ хорошей совѣтъ... человѣкъ долженъ быть самимъ собой... а вы... Вы человѣкъ эпическій, такъ сказать, и лирика къ вамъ не идетъ... Это не вашъ жанръ...

— Ты, баринъ, говори со мной попроще какъ-нибудь,—сказалъ Ома, внимательно прослушавъ его рѣчь.

— Проще? Хорошо... Я хочу сказать—бросьте вы думать объ этой дамочкѣ... Она для васъ—пища ядовитая...

— Вотъ и она говорила то же...—угрюмо вставилъ Ома.

— Говорила?...—переспросилъ Ухтищевъ и задумался.—Гм... Вотъ что... А не пойти ли намъ поужинать.

— Пойдемъ,—согласился Ома и вдругъ ожесточенно зарычалъ сжавъ кулаки и взмахивая ими.

— Пойдемъ, такъ пойдемъ! И такъ я завинчу... такъ я, послѣ всего этого, раскачаюсь... держись!

— Ну, зачѣмъ же? Мы—скромненько...

— Нѣтъ, погоди!— тоскливо сказала Ома, взявъ его за плечо.—Что такое? Хуже я людей? Всѣ живутъ себѣ... вертятся, суетятся, имѣютъ каждый свой пунктъ... А мнѣ—скучно... Всѣ довольны собой... а что они жалуется—врутъ, сволочи! Это такъ они... притворяются для красоты... Мнѣ притворяться нечего — я дуракъ... Я, братъ, ничего не понимаю... я, просто, жить хочу! Я думать не умѣю... мнѣ тошно... одинъ говорить то, другой другое... Тьфу! А она... эх! Зналъ бы ты... я вѣдь на нее надѣялся... я отъ нея ждалъ... чего я ждалъ...—не знаю!.. Но она—самая лучшая... И я такъ вѣрилъ—скажетъ она мнѣ, однажды, такія свои слова... особенныя... глаза, братъ, у нея больно ужъ хороши! Господи!.. Смотрѣть въ нихъ стыдно... Такъ, говорю—скажетъ она мнѣ слова... все мнѣ и объяснится... Вѣдь я не то, что съ любовью къ ней,—я къ ней со всей душой... Я искалъ... я думалъ, что коли она такая красавица, значить... стало быть, около ея я и стану человѣкомъ!

Ухтищевъ смотрѣлъ, какъ рвется изъ устъ его спутника тяжелая, безсвязная рѣчь, видѣлъ, какъ подергиваются мускулы его лица отъ усилія выразить мысли, и чувствовалъ за этой сумятицей словъ большое, серьезное горе. Было что-то глубоко трогательное въ безсиліи этого здороваго и дикаго парня, который вдругъ началъ шагать по тротуару широкими, но неровными шагами. Подпрыгивая за нимъ на коротенькихъ ножкахъ, Ухтищевъ чувствовалъ себя обязаннымъ чѣмъ-нибудь успокоить Ому. Все, что Ома сказалъ и сдѣлалъ въ этотъ вечеръ, возбудило у веселаго секретаря большое любопытство къ Омѣ, а потомъ онъ чувствовалъ себя польщеннымъ откровенностью молодого богача. Откровенность эта смяла его своей темной силой, онъ растерялся подъ ея напоромъ и хотя у него, несмотря на молодость, уже были готовыя слова на всѣ случаи жизни,—онъ не скоро нашелъ ихъ.

— Мнѣ темно и тѣсно...—говорилъ Гордѣевъ,—чувствую я—валится на плечи мнѣ ноша, а что она?—понять я не могу... Стѣсняеть... и не имѣю я отъ этого настоящаго ходу по жизни... Прислушаешься—всѣ говорятъ разно... а она—могла бы сказать...

— Э, батенька!—перебилъ Ухтищевъ Ому, ласково взявъ его

подъ руку.—Такъ нельзя! Только что вступили вы въ жизнь и—ужь философствуете! Нѣтъ такъ нельзя! Жизнь—для жизни намъ дана! Значить—живи и жить давай другимъ... Вотъ философія! А женщина эта... ба! Да развѣ въ ней весь свѣтъ ужь такъ и сошелся клиномъ? Я васъ, если хотите, познакомлю съ такой ядовитой штукой, что сразу отъ вашей философіи не останется въ душѣ у васъ ни пылинки! О, за-амѣчательный бабець! И какъ она умѣетъ пользоваться жизнью! Тоже, знаете, нѣчто эпическое. И красива... Фрина, могу сказать! И какъ она будетъ вамъ подъ пару! Ахъ, чортъ! Право же это блестящая идея... я васъ познакомлю! Надо клинъ клиномъ вышибать...

— Мнѣ совѣстно...—угрюмо и тоскливо сказалъ Ома.—Пока она жива—я на бабъ смотрѣть не могу даже...

— Такой здоровый, свѣжій человѣкъ—хо-хо!—воскликнула Ухтищевъ и тономъ учителя началъ убѣждать Ому въ необходимости для него дать исходъ его чувству въ хорошемъ кутежѣ съ участіемъ женщинъ.

— Это будетъ великолѣпно и это необходимо вамъ—повѣрьте! А совѣсть... вы меня извините! Вы нѣсколько невѣрно опредѣляете... это не совѣсть мѣшаетъ вамъ, а... робость, я думаю... Вы живете внѣ общества... застѣнчивы... и неловки. Вы смутно чувствуете все это... и вотъ, это-то чувствованіе принимаете за совѣсть. О ней же въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи,—при чемъ тутъ совѣсть, когда веселиться для человѣка такъ естественно, когда это его потребность и право?

Ома шель, соразмѣряя шаги свои съ шагами спутника, и смотрѣлъ вдоль дороги. Она тянулась между двухъ рядовъ зданій, походила на огромную канаву и была полна тьмы. Казалось—ей конца нѣтъ, и по ней медленно течетъ вдаль что-то темное, неизсякаемое, мѣшающее дышать. Убѣдительно ласковый голосъ Ухтищева однотонно звучалъ въ ушахъ Омы, и хотя онъ не вслушивался въ слова рѣчи, но чувствовалъ, что они какія-то клейкія, пристають къ нему, и онъ невольно запоминаетъ ихъ. Несмотря на то, что рядомъ съ нимъ шель человѣкъ, онъ чувствовалъ себя одинокимъ, потерявшимся во тьмѣ. Она обнимала его и медленно влекла съ собою, а онъ ощущалъ, какъ его тянетъ куда-то, и не имѣлъ желанія остановить себя. Какая-то усталость мѣшала ему думать, въ немъ не было желанія сопротивляться увѣщаніямъ спутника—и чего ради сопротивлялся бы онъ?..

— Не всякому полезно разсуждать, — говорилъ Ухтищевъ, помахивая въ воздухѣ тростью и нѣсколько упиваясь своей мудростью. — И если всѣ бы стали разсуждать—кто жь будетъ жить? А живутъ всего однажды... И не мѣшаетъ поэтому торопиться

жить... ей Богу, такъ! Да что тутъ говорить—вы разрѣшите мнѣ встряхнуть васъ? Поѣдте сейчасъ въ одинъ веселый домъ... живутъ тамъ двѣ сестрицы... ахъ какъ онѣ живутъ! Рѣшайте!

— Что жъ? Я поѣду... — сказалъ Ома спокойно и зѣвнуль.— Не поздно ли?—спросилъ онъ, взглянувъ на небо, покрытое тучами.

— Къ нимъ никогда не поздно!—весело воскликнулъ Ухтицевъ.

VII.

На третій день послѣ сцены въ клубѣ, Ома очутился въ семи верстахъ отъ города на лѣсной пристани купца Званцева, въ компаніи сына этого купца, Ухтицева, какого-то солиднаго барина въ бакенбардахъ, съ лысой головой и краснымъ носомъ, и четырехъ дамъ... Молодой Званцевъ носилъ пенснэ, былъ худъ блѣденъ, и, когда онъ стоялъ, то игры на ногахъ у него все вздрагивали, точно имъ противно было поддерживать хилое тѣло, одѣтое въ длинное, клѣтчатое пальто съ капюшономъ, въ складкахъ котораго смѣшно болталась маленькая головка въ жокейскомъ картузѣ. Господинъ съ бакенбардами называлъ его Жаномъ и проносилъ это имя такъ, точно страдалъ застарѣлымъ насморкомъ: Дамой Жана была высокая полная женщина съ пышной грудью. Голова ея была сжата съ боковъ, низкій лобъ опрокинулся назадъ. острый и длинный носъ придавалъ ея лицу что-то птичье. И это некрасивое лицо было совершенно неподвижно, и лишь глаза на немъ—маленькіе, круглые, холодные—постоянно улыбались проницательной и хитрой улыбкой. Даму Ухтицева звали Вѣрой, это была высокая женщина, блѣдная съ рыжими волосами. Ихъ было такъ много, что, казалось, женщина надѣла на голову себѣ огромную шапку, и она съѣзжаетъ ей на уши, щеки и высокій лобъ, изъ подъ котораго спокойно и лѣнливо смотрѣли ея большіе голубые глаза.

Господинъ съ бакенбардами сидѣлъ рядомъ съ молоденькой дѣвушкой, полной, свѣжей и, не умолкая, звонко хохотавшей надъ тѣмъ, что онъ, склонясь къ плечу ея, шепталъ ей въ ухо.

А дама Омы была стройная брюнетка, одѣтая во все черное. Смуглолицая съ волнистыми волосами, она держала голову такъ прямо и высоко и такъ снисходительно гордо смотрѣла на все вокругъ нея, что было сразу видно—она себя считала первой здѣсь.

Компанія расположилась на крайнемъ звенѣ плота, выдвинутого далеко въ пустынную гладь рѣки. На плоту были настланы доски, а посреди плота стоялъ грубо сколоченный столъ и всюду были разбросаны пустыя бутылки, корзины съ провизіей, бумажки отъ конфетъ, корки апельсинъ... Въ углу плота была насыпана груда земли, на ней горѣлъ костеръ, и какой-то мужикъ въ полушубкѣ,

сидя на корточкахъ, грѣлъ руки надъ огнемъ и искоса поглядывалъ въ сторону господъ, сидѣвшихъ вокругъ стола. Господа только что съѣли стерляжью уху, и теперь на столѣ предъ ними стояли вина и фрукты.

Утомленная двухдневнымъ кутежомъ и только что оконченнымъ обѣдомъ компанія была настроена скучно. Всѣ смотрѣли на рѣку, бесѣдовали, но разговоръ то и дѣло прерывался длинными паузами. День былъ ясенъ и, по-вешнему, бодро-молодь. Холодно-ясное небо, величаво простерлось надъ мутной водою богатырски-широко разливавшейся рѣки, спокойной какъ небо, и необъятной какъ море. Далекій горный берегъ былъ ласково окутанъ синеватой дымкой мглы, и въ ней, тамъ, на вершинѣ горъ, блестѣли, какъ большія звѣзды, кресты церквей. У горнаго берега рѣка была оживлена — сновали пароходы, и шумъ ихъ доносился тяжкимъ вздохомъ къ плотамъ, въ луга, гдѣ тихое теченіе волнъ наполняло воздухъ звуками, робкими и мягкими. Огромныя баржи тянулись тамъ одна за другой противъ теченія, точно свиньи чудовищныхъ объемовъ взрывали гладь рѣки. Черный дымъ тяжелыми порывами лѣзъ изъ трубъ пароходовъ и медленно таялъ въ свѣжемъ воздухѣ, полною яркаго свѣта солнца. Порой гудѣлъ свистокъ—какъ будто злилось и ревѣло большое животное, ожесточенное трудомъ. А въ лугахъ около плотовъ было тихо и спокойно. Одинокія деревья, затопленные разливомъ, уже покрывались ярко-зелеными блестками листвы. Скрывая собою ихъ корни и отразивъ вершины, вода сдѣлала ихъ шарообразными, и—казалось, что при малѣйшемъ дуновеньи вѣтра они поплывутъ, причудливо красивыя, по зеркальному лону рѣки..

Рыжая женщина, задумчиво глядя вдаль, тихо и грустно запѣла:

„Вдоль по Волгѣ рѣ—кѣ
Легка лодка плы-э-ве-отъ“..

Брюнетка, презрительно прищуривъ свои большіе, строгіе глаза, сказала, не глядя на нее:

— Намъ и безъ этого скучно...

— Не тронь ее... пусть поетъ!—добродушно попросилъ Тома, заглядывая въ лицо своей дамы. Онъ былъ блѣденъ, въ глазахъ его вспыхивали какія-то искорки, и по губамъ блуждала улыбка, неясная и лѣнивая.

— Давайте хоромъ пѣть!..—предложилъ господинъ съ бакенбардами.

— Нѣтъ, пускай вотъ онѣ двѣ споютъ!—оживленно воскликнулъ Ухтищевъ.—Вѣра, спой эту... знаешь? „На зарѣ пойду“... какъ это? Павлинька, спойте!

Хохотунья взглянула на брюнетку и почтительно спросила ее:

— Можно пѣть, Саша?

— Я сама буду пѣть...—заявила подруга Тома и, обратившись къ дамѣ съ птичьимъ лицомъ, приказала ей:

— Васса, пой со мной!

Та тотчасъ же оборвала свой разговоръ со Званцевымъ, погладила рукой горло и уставилась круглыми глазами въ лицо своей сестры. Саша встала на ноги, оперлась рукой о столъ и, гордо поднявъ голову, сильнымъ, почти мужскимъ голосомъ пѣвуче заговорила:

„Хорошо-о тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣту заботушки,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки“!

Ея сестра качнула головой и протяжно, жалобно, высокимъ контральто застонала:

„Эхъ-у-ме-ня-у-кра-сно-й-дѣ-ѣви-цы“...

Сверкая глазами на сестру, Саша низкими нотами крикнула

„Какъ былинка, сердце высохло-о-о“!

Два голоса обнялись и поплыли надъ водой, красивымъ, сочнымъ, дрожащимъ отъ избытка силы, звукомъ. Одинъ жаловался на нестерпимую боль сердца и, упиваясь ядомъ жалобы своей,—рыдалъ съ унылой и беспильной скорбью, рыдалъ, слезами заливая огонь своихъ мученій. Другой—болѣе низкій и мужественный—могуче текъ въ воздухъ, полный чувства кровной обиды и готовности мстить. Ясно выговаривая слова, онъ рвался изъ груди густою струей, и отъ каждаго слова пахло кипящей кровью, возмущенной оскорбленіемъ, отравленной обидой и мощно требовавшей мести.

„Ужъ я ему это выплачу“...

жалобно пѣла Васса, закрывъ глаза.

„За-азноблю его, по-овысушу“...

увѣренно и грозно общала Саша, бросая въ воздухъ крѣпкіе, сильные звуки, похожіе на удары... И вдругъ она, измѣнивъ темпъ пѣсни и повысивъ голосъ, запѣла такъ же протяжно, какъ и сестра, сладострастныя и ликующія угрозы:

„Суше вѣтра, су-уше буйнаго,
Суше той травы коше-оныхъ...
Ой, коше-ныхъ, просушенных“...

Θома, облокотясь на столъ, склонилъ голову и, нахмуривъ брови, смотрѣлъ въ лицо женщины, въ черные, полузакрытые глаза ея. Устремленные куда-то въ даль, они сверкали такъ злобно и ярко, что отъ блеска ихъ и бархатистый голосъ, изливавшійся изъ груди женщины, ему казался чернымъ и блестящимъ, какъ ея глаза. Онъ вспоминалъ ея ласки и думалъ:

„И откуда она, такая? Даже боязно съ ней“...

Ухтищевъ, прижавшись къ своей дамѣ, съ блаженнымъ лицомъ, слушалъ пѣсню и весь сиялъ отъ удовольствія. Господинъ въ бакенбардахъ и Званцевъ пили вино и тихо шептались о чемъ-то, наклоняясь другъ къ другу. Рыжая женщина задумчиво разсматривала ладонь руки Ухтищева, держа ее въ своихъ рукахъ, а веселая дѣвушка стала грустной, наклонила низко голову и слушала пѣсню, не шевелясь, какъ очарованная ею. Отъ костра шелъ мужикъ. Онъ ступалъ по доскамъ осторожно, становясь на носки сапогъ, руки его были заложены за спину, а широкое бородастое лицо все преобразилось въ улыбку удивленія и какой-то наивной радости.

„Эхъ... ты восчувствуй, добрый молодецъ“!

тоскливо просила Васса, покачивая головой. А сестра ея торжествующими и могучими нотами, выгибая грудь впередъ и еще выше вскидывая голову, закончила пѣсню:

„Какова тоска любо-овная-а-а“!

Кончивъ пѣть, она гордо посмотрѣла вокругъ и, опустившись рядомъ съ Θомой, обняла его за шею сильной и твердой рукой.

— Что, хороша пѣсня?..

— Славная!—вздохнулъ Θома, улыбаясь ей.

Пѣсня влила ему въ сердце жажду ласки, и оно вздрагивало, еще полное красивыхъ звуковъ, но отъ прикосновенія ея руки ему стало неловко и стыдно предъ людьми.

— Bravo-o! Bravo, Александра Савельевна!—кричалъ Ухтищевъ, а всѣ остальные били въ ладони. Но она не обращала на нихъ вниманія и, властно обнимая Θому, говорила:

— Вотъ ты мнѣ и подари что-нибудь за пѣсню...

— Ладно, я подарю...—согласился Θома.

— Что?

— Ты скажи...

— Скажу въ городѣ... И если подаришь, что я хочу,—о, какъ я тебя любить буду!

— За подарокъ-то?—спросилъ Θома недовѣрчиво усмѣхаясь.— А ты бы просто...

Она спокойно взглянула на него и, секунду подумавъ, рѣшительно сказала:

— Просто—рано... Я лгать не буду, для чего съ тобой лгать!.. Я прямо говорю—люблю за деньги, за подарки... Потому что—кромѣ денегъ у мужчинъ нѣтъ ничего... Ничего они не могутъ дать больше денегъ... ничего стоящаго... Я вѣдь ужъ знаю... Можно и такъ любить... да. Ты подожди,—я присмотрюсь къ тебѣ и, можетъ, полюблю бесплатно... А пока—не обезсудь... мнѣ, по моей жизни, много денегъ надо...

Ома слушала ее, улыбался и вздрагивалъ отъ близости ея крѣпкого, стройнаго тѣла. Въ уши ему лѣзъ какой-то кислый, надтреснутый и скучный голосъ Званцева:

— Я не люблю... я не могу понять красоту этой прославленной русской пѣсни... Что въ ней звучитъ? э? Волчій вой... голодное что-то, дикое... Э—это собачьи немощи... скотство вообще... Нѣтъ веселаго... нѣтъ шика... живыхъ и живительныхъ звуковъ... Нѣтъ, вы послушайте, что и какъ поетъ мужикъ-французъ... а! Или—итальянецъ...

— Позвольте, Иванъ Николаевичъ...—возмущенно кричалъ Ухтищевъ.

— Я долженъ съ этимъ согласиться—русская пѣсня однообразна и тускла... въ ней нѣтъ, знаете, этого блеска культуры...—прихлебывая вино изъ стакана, съ грустью говорилъ человекъ съ бакенбардами.

— Зато въ ней всегда живое сердце есть...—встала рыжая дама, очищая апельсинъ.

Заходило солнце. Опускаясь гдѣ-то далеко за лѣсомъ, въ луговой сторонѣ, оно окрасило весь лѣсъ въ пурпуровыя краски и бросило на темную, холодную воду розоватыя и золотыя пятна. Ома смотрѣла туда, на эту игру солнечныхъ лучей, слѣдилъ, какъ трепетно они переливались по тихой и пустынной равнинѣ водъ, и, ловя ухомъ отрывки разговора, представлялъ себѣ словаремъ темныхъ мотыльковъ, суетливо носившихся въ воздухѣ. Саша, положивъ голову на плечо ему, тихо говорила прямо въ ухо его рѣчь, отъ которой онъ краснѣлъ и смущался, чувствуя, что она возбуждаетъ въ немъ желаніе крѣпко обнять эту женщину и цѣловать ее безъ счета и устали. Кромѣ нея—никто не интересовалъ его изъ людей, собравшихся тутъ. Званцевъ же и баринъ были прямо противны ему...

— Ты чего глазѣешь, а?—услышала онъ шутивно-строгий возгласъ Ухтищева.

Ухтищевъ закричалъ на мужика. Тотъ сдернулъ съ головы картузъ, хлопнулъ имъ себя по колѣну и улыбаясь отвѣчалъ:

— Я—барыню послушать подошелъ...

— Что, хорошо поеть?

— Ужъ что и говоритъ!—съ восхищеніемъ въ глазахъ оглядывая Сашу, сказала мужикъ.

— То-то!—воскликнулъ Ухтищевъ.

— Бо-ольшая сила голосу въ грудяхъ у нихъ,—сказала мужикъ, покачивая головой...

Его слова вызвали смѣхъ дамъ, а у мужчинъ двусмысленныя рѣчи по адресу Саши.

Спокойно выслушавъ ихъ и ни словомъ не отвѣтивъ имъ, она спросила мужика:

— Ты поешь?

— Какъ мы поемъ!—махнулъ онъ рукой.

— Какія пѣсни знаешь?..

— Да всякія... я пѣть люблю...

И онъ виновато усмѣхнулся.

— Давай споемъ со мной.

— Куда намъ! Развѣ вы мнѣ пара?

— Ну, запѣвай?

— А сѣсть мнѣ можно?

— Иди сюда, къ столу...

— Какъ это весело!—воскликнулъ Званцевъ, сморщивъ лицо.

— Если вамъ скучно—утопитесь...—сказала ему Саша, сердито сверкнувъ на него глазами.

— Нѣтъ, холодна вода...—отвѣтили Званцевъ, ежась подъ ея взглядомъ.

— Какъ хотите!—пожала плечами женщина.—А ужъ пора вамъ... и воды много теперь, не всю бы вы испортили ее гнилымъ вашимъ тѣломъ...

— Фи, какъ остроумно!—прошипѣлъ юноша, отвертываясь отъ нея, и съ презрѣніемъ сказалъ:—Въ Россіи даже кокотки грубы...

Онъ обращался къ своему сосѣду, но тотъ отвѣтилъ ему лишь пьяной улыбкой. Ухтищевъ тоже былъ пьянъ. Посоловѣвшими глазами глядя въ лицо своей дамы, онъ что-то бормоталъ и не слышалъ ничего. Дама съ птичьимъ лицомъ клевала конфекты, держа коробку подъ самымъ носомъ у себя. Павлинъка ушла на край плота и, стоя тамъ, кидала въ воду корки апельсина.

— Никогда я не участвовалъ въ такой нелѣпой прогулкѣ и... компаніи,—жалобно говорилъ Званцевъ сосѣду. А Тома съ усмѣшкой слѣдилъ за нимъ и былъ доволенъ тѣмъ, что этотъ хилый и некрасивый человѣкъ скучаетъ, и тѣмъ, что Саша обидѣла его. Онъ ласково и одобрительно поглядывалъ на свою по-

другу,—правилось ему то, что она говорит со всѣми такъ прямо и держится гордо, какъ настоящая барыня. Мужикъ усѣлся на доски у ногъ ея, обнявъ колѣни свои руками, поднявъ къ ней лицо и серьезно слушалъ ея рѣчь.

— Ты поднимай голосъ выше, когда я понижаю... поняль?

— Поняль... только... барыня? Ты бы поднесла мнѣ для ради храбрости?!

— Ома, поднеси ему стаканъ!

И когда мужикъ, выпивъ, вкусно крякнулъ, облизавъ губы и сказалъ: „Могу теперь“... она скомандовала, нахмуривъ брови:

— Начинай...

Скосивъ ротъ на сторону и поднявъ глаза вверхъ, къ лицу ея, мужикъ высокимъ теноромъ затянулъ:

„Мнѣ не псе-отся и-ехъ-ни-глотатся-а-а“.

Вздогнувъ всѣмъ тѣломъ, женщина трепетно и съ ужасающей тоской зарыдала:

„Ви-ина душа-а не прима-ать“...

Мужикъ сладко улыбнулся, заболталъ головой и, закрывъ глаза, пролилъ въ воздухъ дрожащую струю высокихъ нотъ:

„О-а мнѣ пришла-а-а пора-а-а проща-тсья-а-а“.

А женщина, вздрагивая и изгибаясь, застонала и заплакала:

„Ой со-о ро-одныи-ими надо разставаться-а“...

Понижая голосъ и раскачиваясь, мужикъ съ изумительной силой выраженія скорби пропѣлъ-сказалъ:

„Эхъ и въ чужу сто-орону надоть мнѣ ити“...

Когда два голоса, рыдая и тоскуя влились въ тишину и свѣ-жесть вечера—вокругъ стало какъ будто теплѣе и лучше; все какъ бы улыбнулось скорбною улыбкой состраданія горю чело-вѣка, котораго темная сила рветъ изъ родного гнѣзда въ чужую сторону, на тяжкій трудъ и униженія. Точно не звуки, не пѣсня, а тѣ горячія слезы человѣческаго сердца, на которыхъ выкипѣла эта жалоба,—сами слезы увлажили воздухъ. Безумная тоска и боль отъ язвъ души и тѣла, измученныхъ въ борьбѣ съ суровой жизнью, глубокія страданія отъ ранъ, нанесенныхъ человѣку желѣзной рукой нужды,—все это было вложено въ простыя, грубыя слова и передавалось невыразимо тоскливыми звуками далекому пустому небу, въ которомъ никому и ничему нѣтъ эха.

Отшатнувшись отъ пѣвцовъ, Ома смотрѣлъ на нихъ съ чув-ствомъ, близкимъ къ испугу, а пѣсня кипящей волной вливалась ему въ грудь, и бѣшеная сила тоски, вложенная въ нее, до боли сжимала ему сердце. Онъ чувствовалъ, что сейчасъ изъ груди у него хлынутъ слезы, въ горлѣ у него щипало, и лицо вздраги-вало. Онъ смутно видѣлъ черные глаза Саши—неподвижные и мрачно блестящія, они казались ему огромными и становились

все больше. И ему казалось, что поют не двое людей — все вокруг поет и рыдает, дрожить и трепещет в муках скорби, безумно рвется куда-то, брызжет горячими слезами, и все живое обнялось одним крѣпким объятіем отчаянія. Онъ самъ поетъ вмѣстѣ со всѣми—съ людьми, рѣкой и съ дальнимъ берегомъ, откуда долетаютъ тяжелые вздохи и сливаются съ пѣсней.

Вотъ мужикъ всталъ на колѣни и, глядя на Сашу, взмахиваетъ руками, а она наклонилась къ нему и качаетъ головой, въ тактъ взмахамъ его рукъ. Оба они поютъ безъ словъ, одними звуками, и Оомѣ все не вѣрится, что только двѣ груди съ такой могучей силой льютъ въ воздухъ эти стоны и рыданья.

Когда они кончили пѣть, онъ, вздрагивая отъ возбужденія, съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ, смотрѣлъ на нихъ и жалко улыбался.

— Что—тронуло?—спросила Саша. Блѣдная отъ усталости она дышала тяжело и быстро. Оома взглянулъ на мужика. Тотъ вытиралъ свой потный лобъ и оглядывался вокругъ себя такими растерянными глазами, какъ будто не понималъ—что случилось.

Было тихо. Всѣ сидѣли неподвижно и молчали...

— Ахъ, Господи—вздохнулъ Оома, поднимаясь на ноги.— Эхъ, Саша! Мужикъ?! Кто ты такой?—почти крикнулъ онъ.

— А я—Степанъ...—смущенно улыбаясь сказалъ мужикъ и тоже поднялся.—Степанъ я... какъ же!

— Какъ ты поешь! а!—съ изумленіемъ восклицалъ Оома, тревожно переминаясь на одномъ мѣстѣ.

— Э-эхъ, ваше степенство!—вздохнулъ мужикъ, и тихо, убѣдительно сказалъ:—Горе заставитъ—быкъ соловьемъ запоетъ... А вотъ барыня съ чего поетъ, такъ... это ужъ Богу одному извѣстно... а поетъ она—всѣми жилами... то есть, прямо—ложись и помирай съ тоски! Н-ну, барыня...

— Спѣтъ-то очень хорошо! — сказалъ Ухтищевъ пьянымъ голосомъ.

— Нѣтъ это... чортъ знаетъ что! — раздраженно и почти со слезами закричалъ вдругъ Званцевъ, вскакивая изъ-за стола.

— Я пріѣхалъ гулять... я хочу веселиться, а меня отпѣваютъ!.. Что за безобразіе! Я не хочу больше... я уѣзжаю!

— Жанъ! Я тоже уѣзжаю... и мнѣ скучно...—заявилъ господинъ съ бакенбардами.

— Васса!—кричалъ Званцевъ на свою даму.—Одѣвайся!..

— Да, пора ѣхать, — спокойно сказала Ухтищеву его рыжая дама.—Холодно... и скоро уже будетъ темно...

— Степанъ! собирай все,—командовала Васса.

Всѣ засуетились, всѣ заговорили о чемъ-то; Ома смотрѣлъ на нихъ недоумѣвающими глазами и все вздрагивалъ. Люди, покачиваясь на ногахъ, ходили по плотамъ, блѣдные, утомленные и говорили другъ другу что-то нелѣпое, безсвязное. Саша безцеремонно толкала ихъ, собирая свои вещи.

— Степанъ! Крикни лошадей..

— А я-а... выпью еще коньяку... кто хочетъ еще коньяку со мной?—тянулъ блаженнымъ голосомъ господинъ съ бакенбардами, держа въ рукахъ бутылку.

Васса укутывала шею Званцева шарфомъ. Онъ стоялъ передъ нею, капризно выпятивъ губы, сморщенный, недовольный, и икры его вздрагивали. Оомъ стало противно смотрѣть на нихъ, и онъ отошелъ на другой плотъ. Его удивляло то, что всѣ эти люди ведутъ себя такъ, точно они и не слышали пѣсни. Въ его груди она жила и вызывала въ ней къ жизни безпокойное желаніе что-то сдѣлать, о чемъ-то говорить. Но говорить ему было не съ кѣмъ.

Уже солнце зашло, и даль окуталась синимъ туманомъ. Ома посмотрѣлъ туда и отвернулся въ сторону. Ему не хотѣлось ѣхать въ городъ съ этими людьми и оставаться съ ними здѣсь онъ не хотѣлъ. А они все расхаживали по плоту неровными шагами, качаясь изъ стороны въ сторону и бормоча безсвязныя слова. Женщины были трезвѣе мужчинъ, лишь рыжая долго не могла подняться со скамьи и, наконецъ, поднявшись, объявила:

— Ну, я пьяна...

Ома сѣлъ на обрубокъ дерева и, поднявъ топоръ, которымъ мужикъ рубилъ дрова для костра, сталъ играть имъ, подбрасывая его въ воздухъ и ловя.

— Ахъ, Боже мой... какъ это пошло!—раздался капризный возгласъ Званцева.

Ома почувствовалъ, что ненавидитъ его... и его, и всѣхъ, кромѣ Саши, возбуждавшей въ немъ какое-то смутное чувство, въ которомъ было и удивленіе предъ нею, и боязнь, что она можетъ сдѣлать что-то неожиданное и страшное.

— С-скотина!—визгливо крикнулъ Званцевъ, и Ома увидѣлъ, что онъ толкнулъ въ грудь мужика, послѣ чего мужикъ снялъ виновато шапку и отошелъ въ сторону...

— Ду-уракъ!—шагая за нимъ и взмахивая рукой, кричалъ Званцевъ.

Ома вскочилъ на ноги и громко, угрожающе сказалъ:

— Ты! Не тронь его!

— Что-о?—обернулся Званцевъ къ нему.

— Степанъ, поди сюда!—позвалъ Ома.

— Мужикъ!—презрительно кинулъ Званцевъ, глядя на Оому.

— Оома приподнялъ плечи, шагнулъ къ нему... И вдругъ въ головѣ его ярко вспыхнула одна мысль! Онъ злорадно усмѣхнулся и тихо спросилъ Степана:

— Въ трехъ мѣстахъ звено счалено?

— Въ трехъ какъ же!

— Руби связи...

— А они?..

— Молчи! Руби...

— Да вѣдь...

— Руби! Тише... чтобы не замѣтили...

Мужикъ взявъ въ руки топоръ, неторопясь подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ звено плотно было связано съ другимъ звеномъ, и нѣсколько разъ стукнувъ топоромъ, воротился къ Оомѣ.

— Я, ваше степенство, не въ отвѣтъ,—сказалъ онъ.

— Не бойся...

— Пофхали...—прошепталъ мужикъ со страхомъ и торопливо перекрестился. А Оома смотрѣлъ, тихонько посмѣиваясь и испытывая жуткое чувство, остро и ягуче щекотавшее ему сердце какой-то странной, приятной и сладкой боязнью.

Люди на плоту все еще расхаживали, двигаясь медленно, сталкиваясь другъ съ другомъ, помогая одѣваться дамамъ, смѣясь и разговаривая, а плотъ тихонько, нерѣшительно повертывался на водѣ.

— Ежели ихъ на караванъ снесетъ,—шепталъ мужикъ,—на пьжи ткнутся—разобьетъ вдрызгъ...

— Молчи...

— Утопнуть...

— Лодку подашь, догонишь...

— Вотъ!.. Спасибо... А то что такъ-то? Все-таки люди вѣдь...

И за нихъ отвѣчать надо...—Довольный, радостно усмѣхаясь, мужикъ прыжками бросился по плотамъ къ берегу. А Оома стоялъ надъ водой, и ему страстно хотѣлось крикнуть что-нибудь, но онъ удерживался, желая, чтобы плотъ отплылъ подальше, и эти пьяные люди не могли перепрыгнуть съ него на причаленныя звеня. Онъ ощущалъ приятное, ласкавшее его чувство, видя, какъ плотъ тихо колеблется на водѣ и уходитъ отъ него съ каждой секундой все дальше. вмѣстѣ съ людьми на плоту и изъ груди его какъ бы уплывало все то тяжелое и темное, чѣмъ онъ наполнилъ ее за это время. Онъ спокойно вдыхалъ свѣжій воздухъ и вмѣстѣ съ нимъ что-то здоровое, отрезвляющее его голову. На самомъ краю уплывавшаго плота стояла спиной къ Оомѣ Саша; онъ смотрѣлъ на ея красивую фигуру и невольно вспоминалъ о

Медынской. Та была меньше ростомъ... Воспоминаніе о ней укололо его, и онъ громкимъ насмѣшливымъ голосомъ крикнулъ:

— Эй вы! Прощайте... ха-ха-ха!..

Темныя фигуры людей вдругъ и всё сразу двинулись къ нему и сбились въ кучу, на срединѣ плота. Но уже между ними и Омой холодно блестяла полоса воды шириною почти въ сажень. Нѣсколько секундъ длилось молчаніе...

И вдругъ на Ому полетѣлъ цѣлый ураганъ звуковъ визгливыхъ, полныхъ животнаго страха, противно-жалобныхъ, а выше всѣхъ и всѣхъ противный рѣзалъ ухо тонкій, дребезжащій крикъ Званцева:

— Спа-сите...

Кто-то—должно быть, солидный господинъ съ бакенбардами—ревѣлъ басомъ:

— Топять... топать людей...

— Развѣ вы люди?!—зло крикнулъ Ома, раздраженный криками, которые точно кусали его.

А люди въ безуміи страха метались по плоту; онъ колебался подъ ихъ ногами, отъ этого плылъ быстрѣе и было слышно, какъ возмущенная вода плещетъ на него и хлопаетъ подъ нимъ. Крики рвали воздухъ, люди прыгали, взмахивали руками, и лишь стройная фигура Саши неподвижно и безмолвно стояла на краю плота.

— Кланяйтесь ракамъ!—кричалъ Ома.—Ему все легче и веселѣе становилось по мѣрѣ того, какъ плоть уходила дальше.

— Ома Игнатьевичъ!—нетвердымъ, но трезвымъ голосомъ заговорилъ Ухтищевъ, — смотрите, это опасная шутка... Я буду жаловаться...

— Когда утонешь? Жалуйся!—весело отвѣтилъ Ома.

— Ты убійца...—рыдая, вскричалъ Званцевъ. Но въ это время раздался звучный плескъ воды, точно она ахнула отъ испуга или удивленія. Ома вздрогнулъ и замеръ. Потомъ раздался опьяняющій, дикій вой женщинъ, полные ужаса возгласы мужчинъ, и всѣ фигуры на плоту замерли, кто какъ стоялъ. И Ома, глядя на воду, чувствовалъ себя окаменѣвшимъ. А по водѣ къ нему плыло что-то черное, окружая себя брызгами...

Скорѣе инстинктивно, а не сознательно, Ома бросился грудью на бревна плота и протянулъ руки впередъ, свѣсивъ надъ водою голову. Прошло нѣсколько невѣроятно долгихъ секундъ... Холодная, мокрая руки охватили его шею и темные глаза блеснули передъ нимъ... Тогда онъ понялъ—это была Саша.

Тупой страхъ, овладѣвшій имъ вдругъ, исчезъ, смѣнившись дикой мятежной радостью. Онъ схватилъ женщину за талію, вырвалъ ее изъ воды, прижалъ къ груди и съ удивленіемъ, не зная,

что сказать ей, смотрѣлъ въ ея глаза. Они ласково улыгнулись ему...

— Холодно мнѣ...—сказала Саша тихо и вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

Ома счастливо засмѣялся при звукѣ ея голоса, вскинулъ ее на руки и быстро, почти бѣгомъ, бросился по плотамъ къ берегу. Она была мокрая и холодная, какъ рыба, но ея дыханіе было горячо, оно жгло щеку Омы и наполняло грудь его буйной радостью.

— Ты утопить меня хотѣлъ?—говорила она, крѣпко прижимаясь къ нему.—Рано еще... погоди...

— Какъ это ты хорошо сдѣлала,—бормоталъ Ома на бѣгу.— Молодчина!

— Ну, и ты не худо выдумаль... хоть съ виду ты такой... смирный...

— А тѣ—все еще орутъ, ха-ха!

— Чортъ съ ними! Утонуть—мы съ тобой въ Сибирь поидемъ...—сказала женщина такъ, точно она хотѣла этими словами утѣшить и ободрить его. Она начала дрожать, и дрожь ея тѣла, ощущаемая Омой, заставила его ускорить свой бѣгъ.

Съ рѣки вслѣдъ имъ неслись вопли и крики о помощи. Тамъ, по спокойной водѣ, удаляясь отъ берега къ струѣ главнаго теченія рѣки, плыль въ сумракѣ маленькій островъ, и на немъ метались темныя человѣческія фигуры.

Ночь надвигалась на нихъ.

IX.

Однажды въ полдень, въ воскресенье, Яковъ Тарасовичъ Маякинъ пилъ чай у себя въ саду и разговаривалъ съ дочерью. Разстегнувъ воротъ рубахи и обмотавъ шею полотенцемъ, онъ сидѣлъ на скамьѣ подъ навѣсомъ зелени вишенъ, размахивалъ руками въ воздухъ, отирая потъ съ лица, и немолчно разсыпалъ въ воздухъ быструю рѣчь.

— И дуракъ, и подлець тотъ человѣкъ, который позволяетъ брюху имѣть власть надъ собой! Али лучше питья да жратвы нѣтъ ничего на свѣтѣ? Чѣмъ ты передъ людьми погордишься, ежели ты—какъ свинья?

Глаза старика блестѣли раздраженно и злобно, губы презрительно кривились, и морщины его темнаго лица вздрагивали.

— Былъ бы Омка сынъ мой родной—я бъ его вышколилъ!

Играя вѣткой акаціи, Любовь молча слушала рѣчь отца, внимательно и пытливо поглядывая на его возмущенное, дрожащее

лицо. Становясь старше, она незамѣтно для себя измѣняла недовѣрчивое и холодное отношеніе къ старику. Въ его словахъ ей все чаще слышался тотъ же смыслъ, который былъ и въ книжкахъ, и это подкупало ее въ пользу отца, невольно заставляя дѣвушку предпочитать его живую рѣчь холоднымъ буквамъ книги. Всегда кипѣвшій въ дѣлахъ, всегда бойкій и умный, онъ одиноко шель по своему пути, а она видѣла его одиночество, знала, какъ тяжело оно, и ея отношенія къ отцу становились теплѣе. Уже порой она вступала въ споры со старикомъ; онъ всегда относился къ ея возраженіямъ пренебрежительно и насмѣшливо, но съ каждымъ разомъ все внимательнѣй и мягче.

— Если бъ да покойникъ Игнатъ прочиталъ въ газетѣ о безобразной жизни своего сына — убилъ бы онъ Өомку! — говорилъ Маякинъ, ударяя кулакомъ по столу. — Вѣдь какъ расписали? Срамъ!

— За дѣло! — сказала Любовь.

— Я не говорю—зря! Облаяли, какъ и слѣдовало... И кто это разошелся?

— Не все ли вамъ равно? — спросила дѣвушка.

— Любопытно... Бойко, жуликъ, изобразилъ онъ Өомкино поведеніе... Видимо—самъ съ нимъ гулялъ и всему его бозобразію свидѣтелемъ былъ...

— Н-ну, онъ не станетъ съ Өомой гулять!—убѣжденно сказала Любовь и густо покраснѣла подъ пытливымъ взглядомъ отца.

— Ижъ ты! Ха-арошія знакомства у тебя, Любка!—юмористически-ядовито сказалъ Маякинъ.—Ну, кто это писалъ?

— Зачѣмъ вамъ, папаша?

— Чай, скажи!

Ей не хотѣлось говорить, но отецъ настаивалъ, и голосъ его становился все суше и сердитѣй. Тогда она безпокойно спросила его о

— А вы ему ничего не сдѣлаете?

— Я? Я ему... голову откушу! Ду-реха! Что я могу сдѣлать? Они, эти писатели, не глупый народъ и потому—тоже сила... сила, черти! А я не губернаторъ... да и тотъ ни руку вывихнуть, ни языка связать не можетъ... Они, какъ мыши, грызутъ насъ по-маленьку... и травить ихъ приходится не спичками, а рублями... н-да! Ну, такъ кто же это?

— А помните, когда я училась, гимназистъ ходилъ къ намъ, Ёжовъ? черненькій такой...

— Мм... Видалъ, какъ же! Знаю... Такъ это онъ?

— Онъ...

— Мышеноекъ!.. И въ ту пору видно уже было, что выйдетъ изъ него... непутевое... И въ ту пору помѣхой людямъ былъ...

Шустрый мальчишка... Надо бы мнѣ тогда заняться имъ... можетъ, человѣкомъ вышелъ бы...

Любовь непріязненно уемѣхнулась, взглянувъ на отца, и съ задоромъ спросила:

— А развѣ тотъ, кто въ газетахъ пишетъ, не человѣкъ?

Старикъ долго не отвѣчалъ дочери, задумчиво барабая пальцами по столу и разсматривая свое лицо, отраженное въ ярко начищенной мѣди самовара. Потомъ, поднявъ голову, онъ прищурилъ глаза и внушительно, съ азартомъ сказалъ:

— Это не люди, а — нарывы! Смѣшалась кровь въ людяхъ русскихъ, смѣшалась, испортилась, и отъ дурной крови явились въ ней всѣ эти книжники-газетчики, лютые фарисеи... Нарвало ихъ вездѣ и все больше нарываетъ... Порча крови — отчего? Отъ медленности движенія... Комары, напримѣръ, откуда? Отъ болота... Въ стоячей водѣ всякая нечисть заводится... И въ неустроенной жизни то же самое...

— Вы не то говорите, папаша! — мягко сказала Любовь.

— Это какъ же — не то?

— Писатели — люди самые безкорыстные... это — свѣтлыя личности! Имъ вѣдь ничего не надо — имъ только справедливости... только правды!.. Они не комары...

Любовь волновалась, расхваливая возлюбленныхъ ею людей; ея лицо вспыхнуло румянцемъ, и глаза смотрѣли на отца съ такимъ чувствомъ, точно она просила вѣрить ей, будучи не въ состояніи убѣдить.

— Э-эхъ ты! — со вздохомъ сказалъ старикъ, перебивая ее. — Начиталась! Отравилась! Ты мнѣ скажи — кто они? Неизвѣстно! Ежовъ вотъ... что онъ такое? Нашему Богу — бя! Только правды имъ надо, — скажите?! Ишь скромники какіе?! А если она, правда-то, самое дорогое и есть?.. Ежели ее, можетъ быть, каждый молча ищетъ? Ты мнѣ повѣрь — безкорыстнымъ человѣкъ не можетъ быть... за чужое онъ не станетъ биться... а ежели бьется — дуракъ ему имя, и толку отъ него никому не будетъ! Нужно, чтобъ человѣкъ за себя встать умѣлъ... за свое кровное... тогда онъ — добьется! Во-отъ! Правда! Я почти сорокъ лѣтъ одну и ту же газету читаю и хорошо вижу... вотъ предъ тобой моя рожка, а предо мной — на самоварѣ вонъ — тоже моя, но другая... Вотъ газеты эти самоварную рожку всему и придаютъ, а настоящей не видятъ... А ты имъ вѣришь.. А я знаю — въ самоварѣ моя рожка испорчена... Настоящей правды никому нельзя сказать: у человѣка для этого — глотка тонка... да и невѣдома она никому, настоящая-то правда...

— Папаша! — тоскливо воскликнула Любовь. — Но вѣдь въ книгахъ и газетахъ защищаютъ общіе интересы, всѣхъ людей.

— А въ какой газетѣ написано про то, что тебѣ жить скучно и давно ужъ замужъ пора? Вотъ-те и не защищаютъ твоего интересу! эхъ ты! Да и моего не защищаютъ... кто знаетъ, чего я хочу? кто, кромѣ меня, интересы мои понимаетъ?

— Нѣтъ, папаша, это все не то, не то! Я не умѣю возразить вамъ, но я чувствую—это не такъ! — говорила Любовь почти съ отчаяніемъ.

— То самое!—твердо говорилъ ей старикъ.—Смутилась Россія, и нѣтъ въ ней ничего стойкаго: все пошатнулось! Всѣ набекрень живутъ, на одинъ бокъ ходятъ, никакой стройности въ жизни нѣтъ... Орутъ только всѣ на разные голоса. А кому чего надо—никто того не понимаетъ! Туманъ на всемъ... туманомъ всѣ дышатъ, оттого и кровь протухла у людей... оттого и нарывы... Дана людямъ большая свобода умствовать, а дѣлать ничего не позволено—отъ этого человѣкъ не живетъ, а гнѣеть и воняетъ...

— Что же надо дѣлать? — спросила Любовь, облокачиваясь на столъ и наклоняясь къ отцу.

— Все!—азартно крикнулъ старикъ.—Все дѣлай!.. Валяй, кто во что гораздъ! А для того — надо дать волю людямъ... полную свободу! Ужъ коли настало такое время, что всякій шибздикъ полагаетъ про себя, будто онъ—все можетъ и сотворенъ для полнаго распоряженія жизнью—дать ему, стервену, свободу! На, сукинъ сынъ, живи! Ну-ка, живи? А-а! Тогда воспослѣдуетъ такая комедія: почувявъ, что узда съ него снята, — зарвется человѣкъ выше своихъ ушей и перомъ полетитъ и туда, и сюда... Чудотворцемъ себя возомнитъ и начнетъ онъ тогда духъ свой испущать...

Старикъ сдѣлалъ паузу и съ ехидной улыбкой, понизивъ голосъ, продолжалъ:

— А духа этого самаго строительнаго со-овсѣмъ въ немъ малая толика! Попыжится это онъ день-другой, потопорщится во всѣ стороны и—въ скорости ослабнетъ, бѣдненькій! Сердцевина-то гнилая въ немъ... хе-хе-хе! Ту-уть его, — хе-хе-хе! — голубчика и поймаютъ настоящіе, достойные люди, тѣ настоящіе люди, которые могутъ... дѣйствительными штатскими хозяевами жизни быть... которые будутъ жизнью править не палкой, не перомъ, а пальцемъ да умомъ. Что, скажутъ, устали, господа? Что, скажутъ, не терпитъ селезенка настоящаго-то жару? Та-акъ-съ...—И, повысивъ голосъ, властнымъ тономъ старикъ закончилъ свою рѣчь:

— Ну, такъ теперь вы, такіе-сякіе, — молчать и не пищать! А то, какъ червей съ дерева, стряхнемъ васъ съ земли! Цыцъ, голубчики! Хе-хе-хе! Вотъ оно какъ произойдетъ, Любавка! Хе-хе-хе!

Старику было весело. Его морщины играли и, упиваясь своей рѣчью, онъ весь вздрагивалъ, закрывалъ глаза и чмокалъ губами, какъ бы смакуя свою мудрость...

— Ну и тогда-то вотъ тѣ, которые верхъ въ сумятицѣ возьмутъ, — жизнь на свой ладъ, по-умному и устроятъ... Не шалаваля пойдетъ дѣло, а какъ по нотамя! Не доживешь до этого, жаль!..

На Любовь слова отца падали одно за другимъ, какъ петли большой крѣпкой сѣти; падали, опутывая ее, и дѣвушка, не умѣя освободиться изъ нихъ, молчала, оглушенная рѣчами отца. Глядя въ лицо его напряженнымъ взглядомъ, она искала опоры для себя въ словахъ его и слышала въ нихъ что-то общее съ тѣмъ, о чемъ она читала въ книгахъ и что казалось ей настоящей правдой. Но злорадный, торжествующій смѣхъ отца парализовалъ ей сердце, и эти морщины, что ползали по лицу его, какъ маленькія, темныя змѣйки, внушали ей какую-то боязнь за себя предъ нимъ. Она чувствовала, что онъ поварачиваетъ ее куда-то въ сторону отъ того, что въ мечтахъ казалось ей такимъ простымъ и свѣтлымъ.

— Папаша!—вдругъ спросила она старика, повинувшись внезапно вспыхнувшей мысли и желанію.—Папаша! А кто... а кто, по-вашему, Тарась?

Маякинъ вздрогнулъ. Брови у него сердито зашевелились, онъ пристально уставился острыми глазками въ лицо дочери и сухо спросилъ ее:

— Это что за разговоръ?

— Развѣ нельзя говорить про него?—тихо и смущенно сказала Любовь.

— Не хочу я о немъ говорить... И тебѣ не совѣтую! — старикъ погрозилъ дочери пальцемъ и, сурово нахмурившись, опустилъ голову. Но, сказавъ, что не хочетъ говорить о сынѣ, онъ, должно быть, не вѣрно понялъ себя, ибо черезъ минуту молчанія заговорилъ хмуро и сердито:

— Тараска—тоже нарывъ... Дышитъ жизнь на васъ, молоко-сосовъ, а вы настоящихъ ея запаховъ разобрать не можете и глотаете всякую дрянъ, и оттого у васъ — муть въ башкахъ... И оттого неспособны вы ни къ чему и несчастны отъ неспособности... Тараска... да-а!.. Лѣтъ подь сорокъ ему теперь... пропалъ онъ для меня!.. Каторжникъ... это мой-то сынъ? Тупорылый поросянокъ... не хотѣлъ съ отцомъ говорить и—запнулся...

— Что онъ сдѣлалъ?—спросила Любовь, жадно вслушиваясь въ рѣчь старика...

— А кто это знаетъ? Онъ самъ, поди, теперь понять себя

не можетъ... ежели уменъ стать... А должно — стать таки умникомъ... не глупаго отца сынъ... и потерпѣлъ не мало... Балуютъ ихъ, нигилистовъ... Мнѣ бы ихъ... Я бы имъ указалъ дѣло... Въ пустыни! Въ пустынный мѣста—шагомъ маршь!.. Ну-ка вы, умники, устройте-ка здѣсь жизнь по своему характеру! Ну-ка! А въ начальники надъ ними поставилъ бы крѣпкихъ мужичковъ... Ну-те-ка, честные господа, васъ поили, кормили, учили — чему вы научились? Пожалуйте должокъ... Н-да, я бы ломаннаго гроша на нихъ не истратилъ, а весь сокъ изъ нихъ выжалъ бы—отдай! Человѣкомъ пренебрегать нельзя.. въ тюрьму его посадить—мало! Ты преступилъ законъ, да и баринъ? Нѣтъ, ты мнѣ поработай... Отъ зерна одного колосъ цѣлый родится, а чтобы человѣкъ безъ пользы пропадалъ—нельзя этого допускать!.. Разсчетливый столяръ каждой щепочкѣ мѣсто въ дѣлѣ найдетъ—такъ и каждый человѣкъ долженъ быть израсходованъ съ пользой для дѣла и весь, до послѣдней своей жилки. Всякая дрянь въ жизни мѣсто имѣеть, а человѣкъ никогда не дрянь... Эхъ! плохо, когда сила живетъ безъ ума, да нехорошо, когда и умъ безъ силы. Вотъ теперь Омка... Кто это тамъ лѣзетъ, взгляни-ка...

Обернувшись, Любовь увидала, что по дорожкѣ сада, почти-тельно снявъ картузь и кланаясь ей, идетъ Ефимъ, капитанъ „Ермака“. Лицо у него было безнадежно - виноватое и весь онъ какой-то пришибленный... Яковъ Тарасовичъ узналъ его и, сразу обезпокоившись, крикнулъ:

— Откуда? Что случилось?

— Такъ что—я къ вамъ!—сказалъ Ефимъ, съ низкимъ поклономъ остановившись у стола.

— Ну, вижу, ко мнѣ... Въ чемъ дѣло? Гдѣ пароходъ?

— Пароходъ—тамъ! — Ефимъ сунулъ рукой куда-то въ воздухъ и тяжело переступилъ съ ноги на ногу.

— Гдѣ, чортъ? Говори связно — что случилось? — гнѣвнымъ крикомъ закричалъ старикъ.

— Такъ что—несчастье, Яковъ...

— Поломались?

— Нѣтъ, Богъ спасъ...

— Сгорѣли? Ну, тyani скорѣе...

Ефимъ вобралъ въ грудь много воздуха и медленно проговорилъ:

— Баржу № 9-й утопили... разбили. Человѣку спину перешибли... а одного совсѣмъ нѣтъ, такъ что, пожалуй, утопъ... Еще человѣкъ пять убились, ну, только не такъ, чтобы ужъ очень... а все-таки, однако, нѣкоторыхъ испортило...

— Та-акъ!—зловѣще измѣряя глазами капитана, протянуть Маякинъ,—Н-ну, Ефимушка, сдѣру же я съ тебя шкуру...

— Это не я!—быстро сказалъ Ефимъ.

— Не ты?—крикнулъ старикъ и весь затрясся.—Кто?

— Сами хозяинъ...

— Оомка?! А ты... ты что?

— Я—въ люкъ лежалъ...

— А-а! Ты ле-ежалъ...

— Я связанный...

— Что-о?—взвизгнулъ старикъ тонкимъ голосомъ.

— Позвольте по порядку... Такъ что они были выпимши и кричатъ: ступай прочь! Я самъ буду командовать! Я говорю—не могу! Какъ я капитанъ... Связать, говорить, его! И, связавши, спустили меня въ люкъ, къ матросамъ... А какъ сами были выпимши, то и захотѣли пошутить... Встрѣчу намъ шель возъ... шесть порожнихъ баржъ подъ „Черногорцемъ“. Оома Игнатьичъ и загородили имъ путь... Свистали тѣ... не разъ... надо говорить правду—свистали!

— Н-ну?

— Ну, и не справились... двѣ переднія навалило на насъ... какъ онѣ вдарили въ бортъ нашей девятой... мы и въ дребезги... И онѣ обѣ разбились... но намъ куда горше пришлось...

Маякинъ всталъ со стула и заемѣлся дребезжающимъ, злымъ смѣхомъ. А Ефимъ вздыхалъ, разводилъ руками и говорилъ:

— Характеръ у нихъ очень ужъ крупный... Тверезые они больше все молчатъ и въ задумчивости ходятъ, а вотъ подмочать виномъ свои пружины и взовьются... Такъ что въ ту пору они и себѣ, и дѣлу не хозяинъ, а лютый врагъ—извините! И я хочу уйти, Яковъ Тарасовичъ! Мнѣ безъ хозяина—не свычно, не могу я безъ хозяина жить...

— Молчать!—сурово сказалъ Маякинъ.—Гдѣ Оома?

— Тамъ, на мѣстѣ... Они, тотчасъ, опосля этого случая пришли въ себя и тутъ же послали за рабочими... Поднимать будутъ баржу... чай ужъ и начали...

— Одинъ онъ тамъ?—спросилъ Маякинъ, опуская голову.

— Не... совсѣмъ...—тихо отвѣтилъ Ефимъ, искоса посмотрѣвъ на Любовь.

— Ну?

— Барыня при нихъ... черная такая...

— Такъ...

— Вродѣ какъ не въ своемъ умѣ женщина...—вздыхая сказалъ Ефимъ. — Все поетъ... очень хорошо поетъ... соблазнъ большой.

— Я тебя про нее не спрашиваю! — злобно закричалъ Маякинъ. Морщины лица его болѣзненно сморщились, и Любви показалось, что отецъ заплачетъ сейчасъ...

— Успокойтесь, папаша!—ласково попросила она. — Можетъ быть, убытокъ не великъ...

— Не великъ? — звонко крикнулъ Яковъ Тарасовичъ. — Что ты, дура, понимаешь! Развѣ баржа разбилась? Эхъ ты! Человѣкъ разбился! Вотъ оно что! А вѣдь онъ—нужень мнѣ! Нужень онъ мнѣ, черти вы тупые!

Старикъ гнѣвно затрясъ головой и быстрыми шагами пошелъ по дорожкѣ сада къ дому...

...А Ома въ это время былъ верстъ за четыреста отъ крестнаго въ деревенской избѣ, на берегу Волги. Онъ только что проснулся и, лежа на полу среди избы, въ постели изъ свѣжаго сѣна, смотрѣлъ угрюмыми глазами въ окно, на небо, покрытое сѣрыми, лохматыми тучами.

Вѣтеръ рвалъ ихъ и гналъ куда-то; тяжелыя и скучныя, онѣ неслись по небу огромнымъ стадомъ, перегоняли одна другую, сливались въ сплошную массу, снова рвались на куски, въ безмолвномъ смятеніи опускались низко къ землѣ и опять поднимались вверхъ, поглощая одна другую.

Не двигая тяжелой съ похмѣлья головой, Ома долго смотрѣлъ на нихъ и наконецъ сталъ чувствовать, что въ груди у него тоже какъ будто безмолвныя тучи ходятъ, ходятъ, вѣютъ на сердце сырымъ холодомъ и тѣнятъ его. Въ движеніи тучъ по небу было что-то безсильное и боязливое... и въ себѣ онъ чувствовалъ такое же... Не думая, онъ представлялъ себѣ все пережитое за послѣдніе мѣсяцы.

Ему казалось, что онъ упалъ въ мутный, горячій потокъ, и вотъ его охватили темныя волны, похожія на эти тучи въ небѣ, охватили и несутъ куда-то, какъ вѣтеръ тучи... Во тьмѣ и въ шумѣ, окружавшемъ его, онъ смутно видѣлъ, что вмѣстѣ съ нимъ несутся еще какіе-то люди... сегодня не тѣ, что вчера, каждый день новые, но все одинаковыя и одинаково жалкіе, противныя. Пьяные, шумныя, жадныя, они вертѣлись вокругъ него, какъ въ вихрѣ, кутили на его деньги, ругали его, дрались между собой, кричали, даже плакали не разъ. И онъ билъ ихъ. Онъ помнитъ, что однажды кого-то ударилъ по лицу, съ кого-то сорвалъ сюртукъ и бросилъ его въ воду и кто-то цѣловалъ ему руки мокрыми, холодными губами, гадкими, какъ лягушки... Цѣловать и съ плачемъ просилъ не убивать... Какія-то лица мелькали въ его памяти, звуки и слова звучали въ ней... Женщина въ желтой

шелковой кофтѣ, разстегнутой на груди, громкимъ, рыдающимъ голосомъ пѣла:

„Такъ будемъ же жить, пока можно..
А тамъ—хоть трава-а не расти!“

...Всѣ эти люди, какъ и онъ, охвачены тою же темной волной и несутся съ нею, какъ мусоръ, одичавшіе, озвѣрѣвшіе отъ чего-то... Всѣмъ имъ, какъ и ему, боязно, должно быть, заглянуть впередъ, чтобы видѣть, куда же несетъ ихъ эта бѣшено-сильная волна. И, заливая виномъ свой страхъ, они рвутся впередъ по теченію, барахтаются, орутъ, дѣлаютъ что-то нелѣпое, дурачатся, шумятъ, шумятъ, и никогда имъ не бываетъ весело. Онъ тоже все это дѣлалъ, вертясь среди нихъ... И теперь ему казалось, что дѣлалъ онъ все это изъ боязни предъ собой, для того, чтобы скорѣе миновать эту полосу жизни, или для того, чтобы не думать, что будетъ дальше?..

Среди кипучей сутолоки кутежей, въ толпѣ людей, охваченныхъ разгуломъ, смятенныхъ буйными страстями, полубезумныхъ въ стремленіи забыть себя—лишь одна Саша всегда была спокойна и ровна. Она не напивалась, она всегда говорила съ людьми твердымъ, властнымъ голосомъ, и всѣ ея движенія были одинаково увѣренны, точно этотъ потокъ не овладѣвалъ ею, а она сама управляла его бурнымъ теченіемъ. Она казалась Томѣ самой умной изъ всѣхъ окружавшихъ его и самой жадной на шумъ и кутежъ; она всѣми командовала, постоянно выдумывала что-нибудь новое и со всѣми людьми говорила одинаково: съ извозчикомъ, лакеемъ и матросомъ тѣмъ же тономъ и такими же словами, какъ и съ подругами своими, и съ Томой. Она была красивѣе и моложе Палагеи, но ласки ея были какія-то молчаливыя, холодныя... Томѣ думалось, что она глубоко въ сердцѣ своемъ прячетъ отъ всѣхъ что-то страшное, что никогда никого она не полюбитъ и не откроетъ всю себя. Это скрытое въ женщинѣ привлекало его къ ней чувствомъ боязливаго любопытства, огромнаго, напряженнаго интереса къ спокойной и холодной душѣ ея, темной, какъ ея глаза.

Какъ-то разъ Тома сказалъ ей:

— Однако, сколько мы съ тобой денегъ-то посѣяли!

Она взглянула на него и спросила:

— А куда же ихъ беречь?

— Куда, въ самомъ дѣлѣ?—подумалъ Тома, удивленный тѣмъ, что она такъ просто рассуждаетъ.

— Ты кто такая?—спросилъ онъ ее въ другой разъ.

— Развѣ забыть, какъ меня зовутъ?

— Ну, вотъ еще!

— Такъ чего жъ тебѣ надо?

— Я насчетъ происхожденія спрашиваю...

— А! Ну, ярославская я... изъ Углича, мѣщанка... Арфистка...

Что же,—слаще я для тебя буду, когда ты узнаешь, кто я?

— Развѣ я узналъ?—усмѣхаясь, спросилъ Оома.

— Мало тебѣ! А больше—я ничего не скажу... На что? всѣ изъ одного мѣста родомъ... и люди и скоты... И что можно сказать про себя... зачѣмъ? Пустяки всѣ эти разговоры - то... Ты вотъ давай подумаемъ, какъ намъ жить сегодня?

Въ этотъ день они катались на пароходѣ съ оркестромъ музыки, пили шампанское и всѣ страшно напились. Саша пѣла какую-то особенную удивительно грустную пѣсню, и Оома плакалъ, какъ ребенокъ, растроганный пѣніемъ. Потомъ онъ плясалъ съ ней „русскую“ и, наконецъ, вспотѣвшій и усталый, бросился въ одеждѣ за бортъ и едва не утонулъ.

Теперь, вспоминая все это и многое другое, онъ чувствовалъ стыдъ за себя и недовольство Сашей. Онъ смотрѣлъ на ея стройную фигуру, слушалъ ровное дыханіе ея и чувствовалъ, что не любитъ эту женщину и не нужна ему она. Въ его похмѣльной головѣ медленно зарождались какія-то сѣрыя, тягучія мысли. Какъ будто все, что онъ пережилъ за это время, скрутилось въ немъ въ клубокъ тяжелый и сырой, и вотъ теперь клубокъ этотъ катается въ груди его, потихоньку разматывается, и его вяжутъ тонкія сѣрыя бичевки...

„Что это со мной происходитъ?—думалъ онъ.—Вотъ началъ я кутить... съ чего? Жить не умѣю... себя не понимаю... Кто я такой?“

Его поразили этотъ вопросъ, и онъ остановился надъ нимъ, пытаясь додуматься, почему это онъ не можетъ жить твердо и увѣренно, какъ другіе живутъ. Ему стало еще болѣе совѣстно и безпокойно отъ этой мысли, онъ завозился на сѣнѣ и съ раздраженіемъ толкнулъ локтемъ Сашу.

— Тише!..—сквозь сонъ сказала она.

— Ну, ладно... не велика барыня!—пробормоталъ Оома.

— Что ты?

— Ничего...

Она повернулась спиной къ нему и, сладко зѣвнувъ, заговорила лѣниво:

— Видѣла во снѣ, будто я опять арфисткой стала. Пою, будто, соло, а противъ меня стоитъ большущая, грязная собака, оскалила зубы и ждетъ, когда я кончу... А мнѣ—страшно ея... и знаю я, что она сожретъ меня, какъ только я перестану пѣть... и вотъ

я все пою, пою... и вдругъ будто не хватаеть у меня голосу... Страшно! А она — щелкаетъ зубами... Господи, помилуй!.. Къ чему это?..

— Погоди болтать! — угрюмо остановилъ ее Оома. — Ты вотъ что скажи: что ты про меня знаешь?

— А вотъ знаю, что проснулся ты, — не поворачиваясь къ нему, отвѣтила она.

— Проснулся? Это вѣрно — проснулся я, — задумчиво молвилъ Оома и, закинувъ руки за голову, продолжалъ: — Оттого тебя и спрашиваю — какой я, по-твоему, человѣкъ?

— Похмѣльный, — зѣвнувъ отвѣтила Саша.

— Александра! — просительно воскликнулъ Оома, — не балуй! Ты скажи, по совѣсти, что ты обо мнѣ думаешь?

— Ничего не думаю! — сухо отвѣтила она. — Что ты пристаешь съ пустяками?

— Развѣ это пустяки? — тоскливо сказалъ Оома. — Эхъ вы... черти! Это самое коренное... самое нужное мнѣ.

Онъ тяжело вздохнулъ и замолчалъ. Полежавъ съ минуту тоже молча, Саша заговорила обычнымъ своимъ, равнодушнымъ голосомъ:

— Скажи ему — кто онъ такой, да почему онъ такой? Ишь ты!.. Подобаеть ли нашу сестру спрашивать про это? И съ какой это стати стану я думать о всякомъ? Мнѣ о себѣ подуматъ и то... некогда... а, можетъ, и не хочется...

Оома сухо засмѣялся и сказалъ:

— Мнѣ бы такъ-то вотъ... не хотѣть бы ничего...

Тогда женщина подняла голову съ подушки, заглянула въ лицо Оомы и снова легла, говоря:

— Мудришь ты... Смотри — добра отъ этого тебѣ не будетъ... Ничего я не могу сказать про тебя... Ничего нельзя вѣрнаго сказать про человѣка... кто можетъ понять его? Онъ самъ себя не знаетъ... Ну, вотъ, скажу я тебѣ — другихъ ты лучше... Что же изъ этого будетъ?

— А почему лучше? — задумчиво спросилъ Оома.

— Да... такъ! Пѣсню хорошую поеть — плачешь ты... подлость человѣкъ дѣлаеть — бьешь его... Съ женщинами — простъ, не охальничаешь надъ ними... смиренъ... ну, и удалымъ можешь быть...

Все это не удовлетворяло Оому.

— Не то ты говоришь! — тихо сказалъ онъ.

— Ну, я не знаю, чего тебѣ надо... А вотъ что: баржу поднимуть — что мы будемъ дѣлать?

— Что мы можемъ дѣлать? — спросилъ Оома.

— Въ Нижній поѣдемъ или въ Казань?

- А зачѣмъ?
- Кутнемъ...
- Не хочу я больше кутить...
- Что же ты будешь дѣлать?
- Что? Ничего...
- Та-акъ...

И оба они долго молчали, не глядя другъ на друга.

— Тяжелый у тебя характеръ,—заговорила Саша.—Скучный характеръ...

— А все-таки я пьянствовать больше не буду!—твердо и увѣренно сказалъ Оома.

— Врешь!—возразила Саша спокойно.

— Вотъ увидишь! Ты что думаешь—хорошо такъ жить?

— Увижу.

— Нѣтъ, ты скажи—хорошо?

— А что лучше?

Оома посмотрѣлъ на нее сбоку и съ раздраженіемъ сказалъ:

— Экія у тебя слова... противныя...

— Ну, и тутъ не угодила!—усмѣхнувшись молвила Саша.

— Нар-родъ!—говорилъ Оома, болѣзненно сморщивъ лицо.—

Какъ дерево... Живутъ тоже... а какъ? Никто не понимаетъ. Лѣзутъ куда-то... и ничего ни себѣ, ни другому сказать не могутъ... Тараканъ ползаетъ—и то онъ знаетъ, куда и зачѣмъ ему надо... а ты что? Ты куда...

— Погоди! — остановила его Саша и спокойно спросила: — Тебѣ до меня какое дѣло? Ты отъ меня берешь, чего хочешь, а въ душу мнѣ не лѣзь!

— Въ ду-ушу! — презрительно протянулъ Оома. — Въ какую душу? Х—хе!

Она стала ходить по комнатѣ, собирая повсюду разбросанную одежду. Оома наблюдалъ за ней и былъ недоволенъ тѣмъ, что она не разсердилась на него за слова о душѣ. Лицо у нея было равнодушно и спокойно, какъ всегда, а ему хотѣлось видѣть ее злой или обиженной, хотѣлось чего-то человѣческаго отъ женщины.

— Душа!—воскликнулъ онъ, добиваясь своего.—Развѣ чело-вѣку съ душой можно жить такъ, какъ ты живешь? Въ душѣ—огонь горитъ... стыдъ въ ней...

Она въ это время, сидя на лавкѣ, надѣвала чулки, но при его словахъ подняла голову и уставилась въ лицо ему строгими глазами:

— Что смотришь?—спросилъ Оома.

— Ты это зачѣмъ говоришь?—отвѣтила она ему, не спуская съ него глазъ.

— Такъ... надо мнѣ...

— Смотри—надо ли?

Въ ея вопросѣ было что-то угрожающее. Ома почувствовала робость предъ ней и уже безъ задора въ голосѣ сказала:

— Какъ же не говорить?

— Э-эхъ ты! — вздохнула Саша и снова принялась одѣваться.

— А что я?

— Да такъ... Ровно ты отъ двухъ отцовъ родился... Знаешь ты, что я замѣтила за людьми?

— Ну?

— Который человекъ самъ за себя отвѣчать не можетъ, значитъ—боится онъ себя, значитъ грошъ ему цѣна!

— Это ты про меня?—спросилъ Ома, помолчавъ.

— И про тебя...

Она накинула на плечи широкій розовый капотъ и, стоя среди комнаты, протянула руку къ Омѣ, лежавшему у ногъ ея, говоря ему низкимъ, глухимъ голосомъ:

— О душѣ моей ты не смѣешь говорить... Нѣтъ тебѣ до нея дѣла! И потому—молчи! Я—могу говорить! Я бы, захотѣвши, сказала всѣмъ вамъ... эхъ какъ! Только—кто посмѣетъ слушать меня, если я да заговорю во весь голосъ? А есть-таки у меня слова про васъ... какъ молотки! Такъ бы по башкамъ застучала я васъ... съ ума бы вы походили... Но хоть и мерзавцы вы всѣ—словами васъ не вылъчишь... Васъ на огнѣ жечь надо бы... вотъ какъ сковороды въ чистый понедѣльникъ выжигаютъ...

Вскинувъ руки къ головѣ, она порывисто распустила волосы и, когда они тяжелыми черными прядями рассыпались по плечамъ ея—женщина гордо потрянула головой и съ презрѣніемъ сказала:

— Не смотри, что я гулящая! Бываетъ—и въ грязи человекъ живетъ, да чище того, кто въ шелкахъ гуляетъ... Знать бы ты, что я про васъ, кобелей, думаю, какую злобу я имѣю противъ васъ! Отъ злобы и молчу... потому—боюсь, что если пропою вамъ ее—пусто въ душѣ будетъ... жить мнѣ нечѣмъ будетъ...

Ома смотрѣлъ на нее, и теперь она правила ему. Въ словахъ ея было что-то родственное его настроенію. Онъ, усмѣхнувшись, съ удовольствіемъ въ голосѣ и на лицѣ сказалъ ей:

— И я тоже чувствую—растетъ у меня въ душѣ что-то... Эхъ, заговорю и я своими словами, придетъ время...

— Противъ кого это?—небрежно спросила Саша.

— Я—противъ веѣхъ!—воскликнулъ Ома, вскакивая на ноги.—Противъ фальши... Я спрошу...

— Спроси-ка: самоваръ готовъ?—равнодушно приказала ему Саша.

Ома взглянулъ на нее и съ сердцемъ крикнулъ:

— Пошла ты къ чорту! Спрашивай сама...

— Ну я спрошу... Чего жъ ты лаешь?

И она ушла изъ избы...

...Вѣтеръ рѣзкими порывами леталъ надъ рѣкой, билъ въ грудь ея и, покрытая возмущенными, бурными волнами, рѣка судорожно рвалась навстрѣчу вѣтра съ шумнымъ плескомъ и вся въ пѣнѣ гнѣва. Кусты прибрежнаго ивняка низко склонялись къ землѣ,—дрожашіе, они не то хотѣли лечь на землю, не то испуганно рвались отъ нея въ даль, гонимые ударами вѣтра. Въ воздухѣ носился свистъ, вой и густой, охающій звукъ, вырывавшійся изъ десятковъ людскихъ грудей:

— Идетъ—идетъ—идетъ!

Возгласъ этотъ краткій, какъ ударъ, и тяжелый, какъ вздохъ огромной груди, задыхающей отъ напряженія, носился надъ рѣкой, падалъ на волны, какъ бы поощряя ихъ буйную игру съ вѣтромъ, и онѣ мощно метались на берега.

У горнаго берега стояли на якоряхъ двѣ порожнія баржи, и высокія мачты ихъ, поднявшись въ небо, тревожно покачивались изъ стороны въ сторону, какъ бы выписывая въ воздухѣ невидимый узоръ. Обѣ палубы баржъ были загромождены лѣсами, выстроенными изъ толстыхъ коричневыхъ бревенъ; повсюду висѣли огромные блоки; цѣпи и канаты спускались отъ нихъ, качаясь въ воздухѣ; звенья цѣпей слабо брякали... Толпа мужиковъ въ синихъ и красныхъ рубахахъ волокла по палубѣ большое бревно и, тяжело топая ногами, охала во всю грудь:

— Идетъ—идетъ—идетъ!

Всюду къ лѣсамъ прилѣпились большіе синіе и красные комья человѣческихъ тѣлъ; вѣтеръ, раздувая рубахи и порты, придавалъ людямъ странныя формы, дѣлая ихъ то горбатыми, то круглыми и надутыми, какъ пузыри. Люди на лѣсахъ и палубахъ баржъ что-то вязали, рубили, пилили, вбивали гвозди, и всюду мелькали большія руки, съ засученными по локти рукавами рубахъ. Вѣтеръ разносилъ въ воздухѣ щепки и разнообразный живой, бодрый шумъ: пила грызла дерево, захлебываясь отъ злой радости; сухо охали и кряхтѣли бревна, раненныя топорами; болѣзненно трещали доски, раскалываясь подъ ударами о нихъ; ехидно взвизгивалъ рубанокъ. Желѣзный лязгъ цѣпей и стонущій скрипъ блоковъ сливались съ гнѣвнымъ шумомъ волнъ, а вѣтеръ

гулко вылъ, разбрасывая надъ рѣкой шумъ работы, и гналъ по небу тучи.

— Мишка-а! Пострѣли-те горо-ой...—звонко кричали откуда-то сверху лѣсовъ. А съ палубы огромный мужикъ, закинувъ голову кверху, отвѣчалъ:

— Что-о?...—и вѣтеръ, играя его длинной русой бородой, бросалъ ее въ лицо ему.

— По-одай конецъ...

Чей-то гулкій басъ оралъ точно въ рупоръ:

— Ты какъ, слѣпой чортъ, пришелъ тесину?! Не видишь? Я-те протру зенки-то!

— Ре-ебя-а-тушки, бе-еремъ, давай!

— Разуда-алый ещо-о разокъ!— просительно выводилъ кто-то высокимъ голосомъ...

Ома, красивый и стройный, въ короткомъ драповомъ пиджакѣ и въ высокихъ сапогахъ стоялъ, прислонясь спиной къ мачтѣ, и, дрожащей рукой пощипывая бородку, любовался бойкой работой мужиковъ. Шумъ, носившійся вокругъ него, вызывалъ въ немъ настойчивое желаніе кричать, возиться вмѣстѣ съ мужиками, рубить дерево, таскать тяжести, командовать — заставить всѣхъ обратить на себя вниманіе и показать всѣмъ свою силу, ловкость, живую душу въ себѣ. Но онъ сдерживался и стоялъ молча, неподвижно: ему было стыдно и боязно чего-то. Его стѣсняло то, что онъ хозяинъ тутъ надъ всѣми и что, если онъ примется работать самъ—никто не повѣритъ, пожалуй, что онъ работаетъ просто изъ охоты, а не для того, чтобъ подогнуть ихъ, показать имъ примѣръ. И еще, пожалуй, насмѣются надъ нимъ мужики...

Русый и кудрявый парень съ разстегнутымъ воротомъ рубахи то и дѣло пробѣгалъ мимо него то съ доской на плечѣ, то съ топоромъ въ рукѣ: онъ подпрыгивалъ, какъ разыгравшійся козель, разсыпалъ вокругъ себя веселый, звонкій смѣхъ, шутки, крѣпкую ругань и работалъ безъ устали, помогая то одному, то другому, быстро и ловко бѣгая по палубѣ, заваленной щепами и деревомъ. Ома упорно слѣдилъ за нимъ и чувствовалъ зависть къ этому веселому парню, отъ котораго такъ и вѣяло чѣмъ-то здоровымъ, возбуждающимъ.

„Счастливыи, должно быть“... — думалъ Ома, и эта мысль вызывала въ немъ острое, колющее желаніе какъ-нибудь оборвать парня, сконфузить его. Всѣ вокругъ были охвачены пыломъ спѣшной работы, всѣ дружно и споро укрѣпляли лѣса, устраивали блоки, готовясь поднять со дна рѣки затонувшую баржу: всѣ были бодро веселы и—жили. Онъ же стоялъ въ сто-

ронѣ отъ нихъ, не зная, что ему дѣлать, ничего не умѣя, чувствуя себя ненужнымъ въ этомъ большомъ трудѣ. Обидно было ему чувствовать себя лишнимъ среди людей, и чѣмъ больше онъ присматривался къ нимъ, тѣмъ болѣе крѣпла въ немъ эта обида. И всего больше его колола та мысль, что вѣдь вотъ—для него все это дѣлается, а однако онъ тутъ не при чемъ...

„Гдѣ же мое мѣсто?—угрюмо думалось ему.—Гдѣ мое дѣло?.. Али я уродъ какой? У меня силы не меньше, чѣмъ у любого... На что же она мнѣ?“

Цѣпи звенѣли, стонали блоки, гулко раздавались надъ рѣкой удары топоровъ, и баржи покачивались подъ ударами волнъ... а Оомѣ казалось, что онъ качается не потому, что палуба колеблется у него подъ ногами, а потому, что не умѣеть онъ ни на чемъ твердо стоять, не суждено ему это...

Подрядчикъ, маленькій мужичокъ, съ острой сѣденькой бородкой и узенькими глазками на сѣромъ сморщенномъ лицѣ, подошелъ къ нему и сказалъ не громко, но съ какой-то особенной ясностью въ словахъ:

— Все изготовили, Оома Игнатьичъ, все теперь какъ слѣдовать... Благословясь, начать бы...

— Ну, начинай...—кратко сказалъ Оома, отвертываясь въ сторону отъ пронизательнаго взгляда узкихъ глазъ мужика.

— Вотъ и слава Тебѣ, Господи!—сказалъ подрядчикъ, неторопливо застегивая поддевку и пріосаниваясь. Потомъ онъ, медленно поворачивая голову, оглядѣлъ лѣса на баржахъ, раздѣленныхъ полосой воды саженъ въ пять шириной, и вдругъ звонко крикнулъ:

— По-о мѣстамъ, ребяташки!

Мужики разсыпались по баржамъ, живо столпились въ отдѣльныя плотныя группы у воротовъ, по бортамъ, и говоръ ихъ умолкъ. Нѣкоторые ловко взобрались на лѣса и молча смотрѣли оттуда, держась за веревки.

— Смотри, ребята!—раздавался звонкій и спокойный голосъ подрядчика.—Все ли какъ быть надо? Придетъ пора бабѣ родить—рубахъ ей тогда не коли шить... Ну... молись Богу!

И, бросивъ картузь на палубу, подрядчикъ поднялъ лицо къ небу и сталъ истово креститься. И всѣ мужики, поднявъ головы къ тучамъ, тоже начали широко размахивать руками, осѣняя груди свои знаменіемъ креста. Иные молились велухъ, и глухой, подавленный ропотъ примѣшался къ шуму волнъ:

— Господи, благослови!.. Пресвятая Богородица... Никола угодникъ...

Оома слушалъ эти возгласы, и они ложились на душу ему,

какъ тяжесть. У всѣхъ головы были обнажены, лишь одинъ онъ забылъ снять картузь, и подрядчикъ, кончивъ молиться, внушительно посовѣтовалъ ему:

— Попросить бы и вамъ Господа-то...

— А ты знай свое дѣло... меня не учи!—сердито взглянувъ на него, отвѣтилъ Тома. Чѣмъ дальше шло дѣло—тѣмъ тяжелѣй и обиднѣй было ему видѣть себя лишнимъ среди этихъ спокойно увѣренныхъ въ своей силѣ людей, готовыхъ поднять для него нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ со дна рѣки. Ему хотѣлось, чтобъ ихъ постигла неудача, чтобы всѣ они сконфузились предъ нимъ, и въ головѣ его мелькала злая мысль:

— Можетъ, еще цѣпи порвутся...

— Ребята! Слушай! — кричалъ подрядчикъ. — Начинай всѣ въ разъ... Господи, благослови! И вдругъ, всплеснувъ руками въ воздухъ, онъ пронзительно закричалъ:

— По-о-оше-о-оль!

Рабочіе подхватили его крикъ, и всѣ въ голосъ, возбужденно и съ напряженіемъ закричали:

— По-оше-оль! Иде-оть...

Блоки визжали и скрипѣли, гремѣли цѣпи, напрягаясь подъ тяжестью, вдругъ повисшей на нихъ, и рабочіе, упершись грудями въ ручки ворота, рычали и тяжело топали по палубѣ. Между баржъ съ шумомъ плескались волны, какъ бы не желая уступить людямъ свою добычу. Всюду вокругъ Тома натягивались и дрожали въ напряженіи веревки, цѣпи и канаты, они куда-то ползли по палубѣ мимо его ногъ, какъ огромные сѣрые черви, поднимались вверхъ звено за звеномъ, съ лязгомъ падали оттуда; а оглушительный ревъ рабочихъ покрывалъ собой всѣ звуки.

— Ве-есь по-ошелъ, весь пошелъ, поше-оль... — пѣли они стройно и торжествующе. А въ густую волну ихъ голосовъ, какъ ножъ въ хлѣбъ, вонзался и рѣзалъ ее звонкій голосъ подрядчика:

— Ребятю-ушки-и! Старайся... разо-омъ... разо-омъ...

Томай овладѣло странное волненіе: ему страстно захотѣлось влиться въ этотъ возбужденный ревъ рабочихъ, широкій и могучій какъ рѣка, въ этотъ раздражающій скрипъ, визгъ, лязгъ желѣза и буйный плескъ волнъ. У него отъ силы желанія выступилъ потъ на лицѣ и вдругъ, оторвавшись отъ мачты, онъ большими прыжками бросился къ вороту, блѣдный отъ возбужденія.

— Разо-омъ! разо-омъ... — кричалъ онъ дикимъ голосомъ Добѣжавъ до ручки ворота, онъ съ размаха ткнулся объ нее грудью и, не чувствуя боли, съ ревомъ началъ ходить вокругъ ворота,

мощно упираясь ногами въ палубу. Что-то могучее, горячее лилось въ грудь ему, заступая мѣсто тѣхъ усилій, которыя онъ тратилъ, ворочая рычагъ! Невыразимая радость бушевала въ немъ и рвалась наружу возбужденнымъ крикомъ. Ему казалось, что онъ одинъ, только своей силой ворочаетъ рычагъ, поднимая тяжесть, и что сила его все растетъ. Согнувшись и опустивъ голову, онъ какъ быкъ шель навстрѣчу силѣ тяжести, откидывавшей его назадъ, но уступавшей ему все-таки. Каждый шагъ впередъ все больше возбуждалъ его, каждое потраченное усиліе тотчасъ же замѣнялось въ немъ наплывомъ жгучей, буйной гордости. Голова у него кружилась, глаза налились кровью, онъ ничего не видѣлъ, и лишь чувствовалъ, что ему уступаютъ, что онъ одолеваетъ, что вотъ сейчасъ онъ опрокинетъ силой своей что-то огромное, заступающее ему путь, опрокинетъ, побѣдитъ и тогда вздохнетъ легко и свободно, полный гордой радости. Первый разъ въ жизни онъ испытывалъ такое мощное, одухотворяющее чувство, и всей силой жадной, голодной души своей глоталъ его, пьянѣлъ отъ него и изливалъ свою радость въ громкихъ, ликующихъ крикахъ въ ладъ съ рабочими:

— Ве-есь по-ошелъ, весь пошолъ, поше-оль...

— Сто-ой! Крѣпи! Стой, ребята!..

Ому толкнуло въ грудь и откинуло назадъ...

— Съ благополучнымъ окончаніемъ, Ома Игнатьичъ! — поздравлялъ его подрядчикъ, и морщины дрожали на лицѣ его радостными лучами.— Слава Тебѣ, Господи! Устали, чай?

Холодный вѣтеръ дулъ въ лицо Омы. Довольный, хвастливый шумъ носился вокругъ него; ласково переругиваясь, веселые съ улыбками на потныхъ лицахъ, мужики подходили къ нему и тѣсно окружали его. Онъ растерянно улыбался: возбужденіе еще не остыло въ немъ и не позволяло ему понять, что случилось и отчего всѣ вокругъ такъ радостны и довольны.

— Сто семьдесятъ тысячъ пудъ ровно рѣдку изъ грядки выдернули! — говорилъ кто-то.

— Надо бы съ хозяина-то на ведроко...

Ома, стоя на грудѣ каната, смотрѣлъ черезъ головы рабочихъ и видѣлъ: среди баржъ, бортъ о бортъ съ ними, явилась третья, черная, скользкая, разбитая, опутанная цѣпами. Всю ее покорило, она точно вспухла отъ какой-то страшной болѣзни и, немощная, неуклюжая, повисла надъ водой, между своихъ подругъ, опираясь на нихъ. Сломанная мачта печально торчала посреди ея; на палубѣ, покрытой пятнами ржавчины, текли красноватая струи воды, похожей на кровь. Всюду на палубѣ лежали груды желѣза, черные, мокрые обломки дерева, веревки...

— Подняли? — спросилъ Оома, не зная, что ему сказать при видѣ этой безобразной, тяжелой массы, и снова чувствуя обиду при мысли, что лишь ради того, чтобы поднять изъ воды эту грязную, разбитую уродину, онъ такъ вскипѣлъ душой, такъ обрадовался...

— Что она... — неопредѣленно сказала Оома подрядчику.

— Она — ничего! Разгрузить скорѣе, да человѣчковъ двадцать артельку плотниковъ на нее спустить — они ее живо въ образъ приведутъ! — утѣшающимъ голосомъ говорилъ подрядчикъ.

А русый парень, широко и весело улыбаясь въ лицо Оомы, спрашивалъ:

— Водченка-то будетъ намъ?

— Успѣешь ты! — сурово сказала ему подрядчикъ. — Видишь — усталъ человѣкъ...

Тогда мужики заговорили:

— Какъ не устать!

— Легкое ли дѣло!

— Съ непривычки извѣстно устанешь...

— Съ непривычки и кашу ѣсть трудно...

— Не усталъ я... — хмуро сказала Оома, и снова раздались почтительные возгласы мужиковъ, все плотнѣе обступавшихъ его:

— Работа, ежели въ охотку кому, — дѣло пріятное.

— Та же игра...

— Вродѣ какъ съ бабой побаловаться...

Только русый парень твердо стоялъ на своемъ:

— Ваше степенство! На ведерочко бы, а? — говорилъ онъ, улыбаясь и вздыхая.

Оома смотрѣлъ на бородатые лица предъ собой и чувствовалъ въ себѣ желаніе сказать имъ что нибудь обидное. Но въ головѣ его все какъ-то спуталось, онъ не находилъ въ ней никакихъ мыслей и, наконецъ, не отдавая себѣ отчета въ словахъ, сказалъ съ сердцемъ:

— Вамъ бы все пьянствовать только! Вамъ все равно, что ни дѣлать! А вы бы подумали — зачѣмъ? къ чему?... Эхъ, вы!

На лицахъ людей, окружавшихъ его, выразилось недоумѣніе: синія и красныя бородатые фигуры начали вздыхать, почесываться, переминаться съ ноги на ногу. Иные, безнадежно посмотрѣвъ на Оому, отворотились въ сторону.

— На-да! — вздохнувъ, сказала подрядчикъ. — Это... не мѣшаетъ! То есть — чтобы подумать, что для чего и какъ... Это слова... отъ ума...

Русый парень остался при особомъ мнѣніи; добродушно улыбаясь, онъ махнулъ рукой и заявилъ:

— Намъ думать надъ работой не приходится! Есть она — ломи ее! Наше дѣло просто: выломилъ рубль и — слава Те, Господу! Мы все можемъ сдѣлать...

— А ты знаешь, что надо дѣлать? — раздражаясь отъ противорѣчя, допрашивалъ Оома.

— А все надо... и то, и это...

— А толкъ какой?

— Толкъ во всемъ одинъ для нашего званія... на хлѣбъ, на подать выработалъ—живи! А ежели еще и выпить...

— Эхъ, ты! — презрительно воскликнулъ Оома. — Говоришь тоже!.. Что ты понимаешь?

— Развѣ наше дѣло понимать? — сказалъ русый парень, тряхнувъ головой. Ему уже скучно стало говорить съ Оомой; онъ заподсѣрилъ его въ нежеланіи дать на водку и сѣрдился немножко.

— Вотъ то-то! — поучительно сказалъ Оома, довольный тѣмъ, что парень уступилъ ему, и не замѣчая косыхъ, насмѣшливыхъ взглядовъ. — А кто понимаетъ... тотъ чувствуетъ, что нужно — вѣчную работу дѣлать!

— Для Бога, значить! — пояснилъ подрядчикъ, оглядывая мужиковъ, и, благочестиво вздохнувъ, добавилъ: --Это вѣрно... охъ и вѣрно это!

А Оома воодушевлялся желаніемъ говорить что-то правильное и вѣское, послѣ чего бы всѣ эти люди отнеслись къ нему какъ-нибудь иначе, ибо ему не нравилось, что всѣ они, кромѣ русаго, молчать и смотреть на него недружелюбно, исподлобья, такими скучными, угрюмыми глазами.

— Нужно такую работу дѣлать, — говорилъ онъ, двигая бровями, — такую... чтобы и тысячу лѣтъ спустя люди сказали: вотъ это богородскіе мужики сдѣлали... да!..

Русый парень съ удивленіемъ взглянулъ на Оому и спросилъ:

— Волгу, что ли, намъ выпить? — А потомъ фыркнулъ и, заболтавъ головой, заявилъ:

— Не сможемъ мы этого... полопаемся всѣ!..

Оома сконфузился отъ его словъ и посмотрѣлъ вокругъ себя: мужики улыбались хмуро, пренебрежительно, ѣдко... И эти улыбки кололи его, какъ иглы.

Какой-то серьезный мужикъ съ большой сивой бородой, до этой поры не открывавшій рта, вдругъ открылъ его, подвинулся къ Оомѣ и медленно выговорилъ:

— А ежели намъ и Волгу до-суха выпить, да еще вотъ этой горой закусить — и это забудется, ваше степенство. Все забудется... жизнь-то длинна... Такихъ дѣловъ, чтобы надо всѣмъ

высоко торчали — не намъ надѣлать... Лѣса вотъ — можемъ мы поставить...

Сказаль и, скептически сплунувъ подъ ноги себѣ, равнодушно отошелъ отъ Оомы, войдя въ толпу, какъ клинъ въ дерево. Его рѣчь окончательно пришибла Оому; онъ чувствовалъ, что мужики считаютъ его глупымъ и смѣшнымъ. И чтобы спасти свое хозяйское значеніе въ ихъ глазахъ, чтобы снова привлечь къ себѣ уже утомленное вниманіе мужиковъ, онъ напыжился, смѣшно надулъ щеки и внушительнымъ голосомъ бухнулъ:

— Жертвую... на три ведра!

Краткія рѣчи всегда болѣе содержательны и всегда способны вызвать сильное впечатлѣніе. Мужики почтительно разступились передъ Оомой, низко кланаясь ему и съ веселыми, благодарными улыбками благодаря его за щедрость дружнымъ, одобрительнымъ гуломъ.

— Перемахните-ка меня на берегъ,—сказаль Оома, чувствуя, что вновь возникающее въ немъ возбужденіе не долго продержится въ немъ. Какой-то червь сосаль его сердце, и ему было скучно.

— Тошно мнѣ!—сказаль онъ, придя въ избу, гдѣ Саша, въ нарядномъ розовомъ платьѣ, хлопотала около стола, разставляя въ немъ вина и закуски. — Тошно мнѣ, Александра! Хоть бы ты что-нибудь сдѣлала со мной, что ли... а?

Она внимательно посмотрѣла на него и, сѣвши на лавку плечомъ къ плечу съ нимъ, сказала:

— Коли тошно—значить, хочется чего-нибудь... Чего тебѣ надо?

— Не знаю я!—грустно качнувъ головой, отвѣтилъ Оома.

— А ты подумай... поищи...

— Не умѣю я думать... Не выходитъ ничего отъ думь...

— Эхъ ты... дитячко! — тихо и пренебрежительно сказала Саша, отодвигаясь отъ него.—Лишняя тебѣ голова-то...

Оома не уловилъ ея тона и не замѣтилъ движенія. Упираясь руками въ лавку, онъ наклонился впередъ и смотрѣлъ въ полъ, и говорилъ, качаясь всѣмъ корпусомъ:

— Иной разъ думаешь, думаешь... всю тебѣ душу мысли, какъ смолой, облѣпять... И вдругъ все исчезнетъ изъ тебя, точно провалится насквозь куда-то... Въ душѣ тогда—какъ въ погребѣ темно, сыро и совсѣмъ пусто... совсѣмъ ничего нѣтъ! Даже страшно... какъ будто ты не человѣкъ, а оврагъ бездонный... Чего мнѣ надо?

Саша искося взглянула на него и вполголоса задумчиво заплѣла:

„Эхъ и дунеть вѣтеръ—туманъ со моря поидеть“...

— Кутить я не хочу... противно это! Все одно и то же: и люди и забавы, и вино... Злой я становлюсь—такъ бы всёхъ и билъ... Не нравятся мнѣ люди... что они? Никакъ ихъ не поймешь—зачѣмъ больше живутъ? И когда правду говорятъ... кого слушать? Одинъ говорить—одно, другой — другое... А я — ничего не могу сказать...

„Эхъ и тошно безъ тебя мнѣ, милый, жить“ — пѣла Саша, глядя въ стѣну предъ собой.

А Ома все качался и говорилъ:

— Бываетъ, чувствую я себя и виноватымъ предъ людьми... всё живутъ, шумятъ, а я пугаюсь и только глазами хлопаю... И ровно земли подъ собой не чувствую... Мать, что ли, это меня безчувственностью наградила? Крестный говорить—она какъ ледъ была... И все ее тянуло куда-то... Вотъ и меня тянетъ... къ людямъ тянетъ. Пошелъ бы и сказалъ: братцы, помогите! Научите! Жить не могу! А если виновать—простите! Оглянешься—некому сказать... Никому это не нужно... всё сволочи! И даже будто хуже они меня... я хоть вотъ... стыжусь жить, какъ живу... а они—ничего! Дѣйствуютъ...

Ома крѣпко, неприлично выругался и умолкъ. Саша оборвала пѣсню и отодвинулась еще подальше отъ него. За окномъ бушеваль вѣтеръ, бросая пыль въ стекла оконъ. На печи тараканы шуршали, ползая по пучку лучины. Гдѣ-то на дворѣ жалобно мычалъ теленокъ.

Саша съ усмѣшкой взглянула на Ому и сказала:

— Вонъ еще одинъ несчастненькій мычить... Шель бы ты къ нему; можетъ, споетесь...—И, положивъ руку на его кудрявую голову, она шутливо толкнула ее въ бокъ...

— Подумаль бы ты вотъ надъ чѣмъ—на что вы, такіе, нужны? Чего ты скрипишь? Гулять тошно—дѣломъ займись...

— Господи,—качнулъ головой Ома,—трудно говорить такъ, чтобы понимали тебя... трудно!—И съ раздраженіемъ онъ почти закричалъ: Какое дѣло? Не тянетъ меня къ дѣлу! Что оно, дѣло? Только званіе одно — дѣло, а такъ ежели въ глубь, въ корень посмотрѣть — безтолочь! Не понимаю, что ли, я этого? Все я понимаю, все вижу, все чувствую!.. Только языкъ у меня... нѣмой... Какой прокъ въ дѣлахъ? Деньги? Много ихъ у меня!.. Задушить могу ими до смерти, засыпать тебя съ головой... Обманъ одинъ дѣла эти всё... Вижу я дѣльцовъ—ну что же? Жадность у нихъ большая... а все-таки нарочно это они кружатся въ дѣлахъ, для того, чтобы самихъ себя не видать было... Прячутся, дьяволы... Ну-ка освободи ихъ отъ суеты этой,—что будетъ? Какъ слѣпые начнутъ соваться туда и сюда... всякій смыслъ потеряютъ... съ

ума походить! Я это знаю! А ты думаешь, есть дѣло—такъ и будетъ отъ него человѣку счастье? Нѣтъ, врешь—тутъ еще надо одно... тутъ—не все еще!.. Рѣка течетъ, чтобы по ней ѣздили, дерево растетъ для пользы, собака—домъ стережетъ... всему на свѣтѣ можно найти оправданіе! А люди—какъ тараканы—совѣмъ лишніе на землѣ... Все для нихъ, а они для чего? Ага?! Въ чемъ имъ оправданіе? Ха-ха!

Ома торжествовать. Ему показалось, что онъ нашелъ что-то хорошее для себя и сильное противъ людей. И, чувствуя въ себѣ большую радость отъ этого, онъ громко смѣялся.

— Голова у тебя не болитъ?—заботливо спросила его Саша испытующимъ взглядомъ глядя въ лицо ему.

— Душа у меня болитъ!—азартно воскликнулъ Ома.—И отъ того болитъ, что... прямая она... на маломъ не мирится... Давай ей отвѣтъ, какъ жить? для чего? Вотъ—крестный... онъ съ умомъ! Онъ говоритъ—жизнь дѣлай! Одинъ онъ такой... Ну, я его спрошу, погоди! А все говорятъ—заѣла насъ жизнь! Удушила насъ жизнь... И у нихъ спрошу... И какъ это жизнь дѣлать? Надо ее для того въ рукахъ держать... овладѣть ею надо... И горшка не сдѣлаешь, не взявши въ руки глину...

— Слушай!—серьезно сказала Саша,—по-моему, надо тебѣ жениться—вотъ и все!

— Зачѣмъ?—передернувъ плечами, спросилъ Ома.

— Хомуть тебѣ надо...

— Ладно! Живу съ тобой... Чай, вѣдь все вы одинаковы? Одна другой не слаще... До тебя была у меня одна... изъ такихъ же, какъ ты... Нѣтъ, та по своей охотѣ... понравился я ей, она и... согласилась... Хорошая была... а впрочемъ—все одно, то же самое, совѣмъ какъ и у тебя, хоша ты ее краше... Но—барыня одна приглянулась мнѣ... настоящая барыня, дворянка! Говорили, гуляетъ... Но я до нея не достигъ... Н-да-а... Умная, образованная... въ красотѣ жила... Я, бывало, думалъ—вотъ гдѣ отвѣдаю настоящаго-го!.. Не достигъ... а, можетъ, если бы удалось... другой бы оборотъ все приняло... Тянуло меня къ ней... думалъ—не оторвусь... А теперь вотъ—запилъ, залилъ ее виномъ—забываю... И это тоже не хорошо... Эхъ ты, человѣкъ! Подлецъ ты, если по совѣсти сказать...

Ома замолчалъ и задумался. А Саша встала со скамьи и прошлась по избѣ, покусывая губы. Потомъ остановилась противъ него и, закинувъ руки на голову, сказала:

— Знаешь что? Уйду я отъ тебя...

— Куда?—спросилъ Ома, не поднимая головы.

— Не знаю... все равно!

— А зачѣмъ?

— Лишнее ты все говоришь... Скучно съ тобой... тоску наводишь...

Оома поднялъ голову, взглянулъ на нее и уныло засмѣялся:

— Ну-у? Неужто?

— Наводишь! Вотъ что: я если подумаю, такъ пойму, что ты говоришь и отчего... Я вѣдь тоже изъ такихъ... тоже, придетъ мое время, задумаюсь... И тогда пропаду... Но теперь мнѣ еще рано... Нѣтъ, я еще поживу... а потомъ ужь—будь, что будетъ!

— А я—тоже пропаду?—равнодушно спросилъ Оома, уже утомленный своими рѣчами.

— А какъ же!—спокойно и увѣренно отвѣтила Саша.—Такіе люди всѣ пропадутъ... У кого характеръ не ломкій, а ума—нѣтъ—какая же тому жизнь? Это мы и есть...

— Нѣтъ у меня никакого характера...—сказалъ Оома, потягиваясь... Потомъ помолчалъ и добавилъ:

— И ума нѣтъ...

Они съ минуту молчали, глядя въ глаза другъ другу.

— Что же будемъ дѣлать?—спросилъ Оома.

— Обѣдать надо.

— Нѣтъ, вообще? Потомъ?

— Потомъ?... Н-не знаю...

— Такъ уходишь ты?

— Уйду... Давай еще покутимъ на прощанье. Поѣдемъ въ Казань, да тамъ съ дымомъ, съ полымемъ и кутнемъ. Отпою я тебя...

— Это можно!—согласился Оома.—На прощанье—слѣдуетъ... Эхъ ты... дьяволъ! Житье... веселое! А слушай, Сашка, про васъ, гулящихъ, говорятъ, что вы до денегъ жадныя и даже воровки...

— Пускай говорятъ...—спокойно сказала Саша.

— Развѣ тебѣ не обидно это?—съ любопытствомъ спросилъ Оома.—Вотъ ты—не жадная... выгодно тебѣ со мной... богатый я, а ты уходишь... значить—не жадная...

— Я-то?—Саша подумала и сказала, махнувъ рукой.—Можетъ, и не жадная—что въ томъ? Я вѣдь еще не совсѣмъ... низкая... такая, что по улицамъ ходить... А обижаться—на кого? Пускай говорятъ, что хотять... Люди же скажутъ, не быки замычатъ... а мнѣ людская святость да честность хорошо извѣстны... э-эхъ, какъ она мнѣ извѣстна! Выбрали бы меня въ судьи—только мертвого оправдала бы!.. И, засмѣявшись нехорошимъ смѣхомъ, Саша сказала:

— Ну, будетъ пустяки говорить... садись за столъ!..

.. На другой день утромъ Оома и Саша стояли рядомъ на

трапѣ парохода, подходившаго къ пристани на Устьѣ. Огромная черная шляпа Саши привлекала общее вниманіе публики своими ухарски изогнутыми полями и бѣлыми перьями, и Оомѣ было неловко стоять рядомъ съ ней и чувствовать, какъ по его смущенному лицу точно ползають любопытные взгляды. Пароходъ шипѣлъ и вздрагивалъ, подваливая бортомъ къ конторкѣ, усѣянной по-лѣтнему ярко одѣтой толпой народа, ожидавшей его, и Оомѣ казалось, что онъ видитъ среди разнообразныхъ лицъ и фигуръ кого-то знакомаго ему, кто какъ будто все прячется за спины другихъ, но не сводитъ съ него глазъ.

— Пойдемъ въ каюту!—безпокойно сказалъ онъ своей подругѣ.

— А ты не учишь грѣхи отъ людей прятать, — усмѣхаясь отвѣтила Саша.— Знакомаго, что ли, увидаль?..

— Мм... да-а... Кто-то караулить меня...

— Нянька съ соской? Ха, ха, ха!

— Ну ты... заржал! — свирѣпо покосившись на нее, сказалъ Оома.— Думаешь—боюсь?

— Вижу ужъ я храбрость твою...

— Увидишь! Я противъ всякаго пойду...—зло сказалъ Оома но, всмотрѣвшись въ толпу на пристани, вдругъ измѣнился въ лицѣ и тихо добавилъ:

— А, это крестный...

У самаго борта пристани, втиснувшись между двухъ грузныхъ женщинъ, стоялъ Яковъ Тарасовичъ Маякинъ и съ ехидной вѣжливостью помахивалъ въ воздухѣ картузомъ, поднимая кверху свое иконописное лицо. Бородка у него вздрагивала, лысина блестѣла, и глазки сверлили Оому, какъ буравчики.

— Н-ну и ястребъ!—пробормоталъ Оома, тоже снявъ картузъ и кивая головой крестному.

Его поклонъ доставилъ Маякину, должно быть, большое удовольствие, — старикъ какъ-то весь извился, затопалъ ногами, и лицо его точно освѣтилось отъ ядовитой улыбки.

— Видно, будетъ мальчику на орѣшки!—подзадоривала Саша Оому.

— Ея слова вмѣстѣ съ улыбкой крестнаго точно угли въ груди Оомы разожгли.

— Поглядимъ, что будетъ... — сквозь зубы сказалъ онъ и вдругъ оцѣпенѣлъ въ зломъ спокойствіи. Пароходъ присталъ, и люди хлынули волной на пристань. Затертый толпою Маякинъ на минуту скрылся изъ глазъ крестника и снова вынырнулъ, улыбаясь острой ехидно-торжествующей улыбкой. Оома, сдвинувъ брови, въ упоръ смотрѣлъ на него и подвигался навстрѣчу ему,

медленно шагая по мосткамъ. Его толкали въ спину, навалились на него, тѣснили—и все это еще болѣе возбуждало Оому. Вотъ онъ столкнулся грудь съ грудью со старикомъ, и тотъ встрѣтилъ его вѣжливымъ поклономъ и вопросомъ:

— Куда изволите путешествовать, Оома Игнатьичъ?

— По своимъ дѣламъ,—твердо отвѣтилъ Оома, не здороваясь съ крестнымъ.

— Похвально, сударь мой! — весь просіявъ отъ улыбочки, сказалъ Яковъ Тарасовичъ.—Барынька-то съ перьями какъ вамъ приходится?

— Любовница,—громко сказалъ Оома, не опуская глазъ подъ острымъ взглядомъ крестнаго.

Саша стояла сзади него и изъ-за плеча спокойно разглядывала маленькаго старичка, голова котораго была ниже подбородка Оомы. Публика, привлеченная громкимъ словомъ Оомы, посматривала на нихъ, чуя скандалъ. И Маякинъ тотчасъ же, почувявъ возможность скандала, сразу и вѣрно опредѣлилъ боевое настроеніе крестника. Онъ поигралъ морщинами, пожевалъ губами и мирно сказалъ Оомѣ:

— Надо мнѣ съ тобой побесѣдовать.... Въ гостиницу пойдемъ со мной?...

— Могу... не надолго...

— Некогда, значить? Дѣло ясное—видно еще баржу разбить торопишься?—не стерпѣвъ, сказалъ старикъ.

— А что жъ ихъ не бить, если бьются?—задорно, но твердо возразилъ Оома.

— А конечно!.. Не ты наживаль... тебѣ ли жалѣть? Ну, пойдемъ... Да нельзя ли барыньку-то... хоть въ водѣ утопить на время?—тихо сказалъ Маякинъ.

— Поѣзжай, Саша, въ городъ, возьми номеръ въ Сибирскомъ подворьѣ... я скоро пріѣду! — сказалъ Оома и, обратясь къ Маякину, съ удалствомъ объявилъ:

— Готовъ!.. Пойдемте...

До гостиницы они оба шли молча. Оома, видя, что крестный, чтобъ не отстать отъ него, подпрыгиваетъ на ходу, нарочно шагаль шире, и то, что старикъ не можетъ идти въ ногу съ нимъ, поддерживало и усиливало въ немъ буйное чувство протеста, которое онъ и теперь уже едва сдерживалъ въ себѣ.

— Человѣчекъ! — ласково сказалъ Маякинъ, придя въ залъ гостиницы и направляясь въ отдаленный уголь. — Поддай-ка ты мнѣ клюквеннаго кваску бутылочку...

— А мнѣ—коньяку,—приказалъ Оома.

— Во-отъ... При плохихъ картахъ всегда съ послѣдняго козыря ходи!—насмѣшливо посовѣтовалъ ему Маякинъ.

— Вы моей игры не знаете! — сказала Ѳома, усаживаясь за столъ.

— Ну-у? Полно-ка! Многіе такъ играютъ...

— Какъ?

— Да вотъ какъ ты... храбро, да не умно...

— Я такъ играю, что—или башка въ дребезги, или стѣна пополамъ! — горячо сказала Ѳома и пристукнулъ кулакомъ по столу...

— Не опохмѣлялся еще нынче?—спросилъ Маякинъ съ улыбочкой.

Ѳома усѣлся на стулѣ поплотнѣе и съ искаженнымъ отъ злого волненія лицомъ заговорилъ:

— Папаша крестный!.. Вы умный человѣкъ... я уважаю васъ за умъ...

— Спасибо, сынокъ! — поклонился Маякинъ, привставъ и опершись руками о столъ.

— Не на чемъ... Я хочу сказать, что мнѣ уже не двадцать лѣтъ... Я уже не маленькій.

— Еще-бы-те!—согласился Маякинъ.—Не малъ вѣкъ ты прожилъ, что и говорить! Кабы комаръ столько время жилъ—съ курицу бы выросъ...

— Погоди шутки шутить!..—предупредилъ Ѳома и сдѣлалъ это такъ спокойно, что Маякина даже повело всего, и морщины на его лицѣ тревожно задрожали.

— Вы зачѣмъ сюда пріѣхали?—спросилъ Ѳома.

— А... набезобразилъ ты тутъ... такъ я хочу посмотрѣть—много ли? Я, видишь ли, родственникомъ тебѣ довожусь... и одинъ я у тебя...

— Напрасно вы беспокоитесь... Вотъ что, папаша... Или вы дайте мнѣ полную волю, или все мое дѣло берите въ свои руки... все берите! Все до рубля!

Это предложеніе вырвалось у Ѳомы совершенно неожиданно для него; раньше онъ никогда не думалъ ничего подобнаго. Но теперь, сказавъ крестному такія слова, онъ вдругъ понялъ, что если бъ крестный взялъ у него все имущество—онъ сталъ бы совершенно свободнымъ человѣкомъ, могъ бы идти, куда хочется, дѣлать, что угодно... До этой минуты онъ былъ связанъ и опутанъ чѣмъ-то, но не зналъ своихъ путей и не умѣлъ сорвать ихъ съ себя, а теперь вотъ они сами спадаютъ съ него такъ легко и просто. Въ груди его вспыхнула тревожная и радостная надежда, онъ точно увидалъ, что въ мутную жизнь его вдругъ откуда-то

хлынулъ свѣтъ и предъ нимъ какъ бы легла широкая, просторная дорога... Какіе-то образы зарождались въ его мозгу и, съ изумленіемъ слѣдя за ихъ смѣной, онъ безсвязно бормоталъ:

— Вотъ... это всего лучше! Возьмите все и—шабашъ! А я—на всѣ четыре стороны!.. Я эдакъ жить не могу... точно гири на меня навѣшаны.. Ровно связанъ весь я... Туда—нельзя, этого—нельзя... Я хочу жить свободно... чтобы самому все знать... я буду искать жизнь себѣ... А то что я? Арестантъ... Вы, пожалуйста, возьмите все это... къ чорту все! Освободите вы меня, пожалуйста? Какой я купецъ? Не люблю я ничего... А такъ—ушелъ бы я отъ людей... отъ всего... напелъ бы себѣ мѣсто... работу какую-нибудь, работалъ бы... ей Богу! Папаша! отпустите меня на волю... А то вотъ—пью я... съ бабой связался..

Маякинъ смотрѣлъ на него, внимательно слушалъ его рѣчь, и лицо его было сурово, неподвижно, точно окаменѣло. Надъ ними носился трактирный, глупый шумъ, проходили мимо ихъ какіе-то люди, Маякину кланялись, но онъ ничего не видалъ, упорно разглядывая взволнованное лицо крестника, улыбавшееся растерянно, радостно и въ то же время жалобно...

— Э-эхъ, яжевика ты моя кисла ягода!—вздыхнувъ, сказалъ онъ, перебивая рѣчь Оома. Заплутался ты, вижу я... И плетешь—несуразное... Надо понять—съ коньяку ты это или съ глупости?

— Папаша! — воскликнулъ Оома. — Вѣдь это можно! Вѣдь было такъ... бросали все имѣніе люди и тѣмъ спасались...

— Не при мнѣ было... не близкіе мнѣ люди!—сказалъ Маякинъ строго.—А то бы я имъ... показалъ!

— Многіе угодниками стали, какъ ушли...

— Мм... у меня не ушли бы!.. Тутъ дѣло просто—шашки знаешь? Ходи съ мѣста на мѣсто, пока не съѣдятъ,—а не съѣдятъ—въ дамки! И тогда всѣ пути тебѣ открыты. Понялъ? И зачѣмъ я съ тобой серьезно говорю? Тьфу!..

— Папаша! Почему вы не хотите!—съ сердцемъ воскликнулъ Оома.

— Ты слушай! Если ты трубочистъ—лѣзь, сукинъ сынъ, на крышу!.. Пожарный—стой на каланчѣ! И всякій родъ человѣка долженъ имѣть свой порядокъ жизни... Телятамъ же по-медвѣжьи не ревѣть! Живешь ты своей жизнью и—живи! И не лопочи, не лѣзь, куда не надо тебѣ... Дѣлай жизнь свою... въ своемъ родѣ.—И изъ темныхъ устъ старика забила трепетной, блестящей струей знакомая Оомѣ дребезжащая, но увѣренная и бойкая рѣчь. Онъ не слушалъ ея, охваченный думой о свободѣ, которая казалась ему такъ просто возможной. Эта дума впиалась ему въ мозгъ, и въ груди его все крѣпло желаніе порвать связь свою съ этой

мутной и скучной жизнью, съ крестнымъ, пароходами, баржей, кутежами,—со всёмъ, среди чего ему было такъ душно и тѣсно жить.

Рѣчь старика долетала до него какъ бы издали: она сливалась со звономъ посуды, съ шарканьемъ ногъ лакеевъ по полу, съ чьимъ-то пьянымъ крикомъ. Недалеко отъ нихъ за столомъ сидѣли четверо купцовъ и громко спорили.

— Двѣ съ четью и—молись Богу!

— Лука Митричъ! Да развѣ это можно?

— Да-ай ты ему двѣ съ половиной!

— Вѣрно! Надо дать... пароходикъ хорошій, везеть бойко..

— Братцы! Не могу... Двѣ съ четью!..

— И вся эта чепуха въ башкѣ у тебя завелась—отъ молодой твоей ярости!—увѣсисто говорилъ Маякинъ, постукивая рукой по столу.—Удалство твое—глупость; всё эти рѣчи твои—ерунда... Не въ монастырь ли пойти тебѣ? А то, можетъ, на большую дорогу хочется?

Өома слушалъ и молчалъ. Шумъ, кипѣвшій вокругъ него, какъ будто уходилъ куда-то все дальше. Онъ представлялъ себя въ срединѣ огромной, суетливой толпы людей, которые неизвѣстно для чего мнутъ, лѣзутъ другъ на другъ, глаза у нихъ жадно вытаращены, они орутъ, ругаются, падаютъ, давятъ другъ друга и всё толкуются на одномъ мѣстѣ. Ему оттого плохо среди нихъ, что онъ не понимаетъ, чего они хотятъ, не вѣрять въ ихъ слова и чувствуетъ, что они и сами не вѣрятъ себѣ и ничего не понимаютъ. И если вырваться изъ средины ихъ на свободу, на край жизни, да оттуда посмотрѣть на нихъ—тогда все и поймешь. Поймешь и то, чего имъ надо, и увидишь, гдѣ среди нихъ твое мѣсто.

— Я вѣдь понимаю,—уже мягче говорилъ Маякинъ, видя Өому задумавшимся и полагая, что онъ думаетъ надъ его словами,—хочешь ты счастья себѣ... Ну, другъ, оно скоро не дается... Его, какъ грибокъ въ лѣсу, поискать надо, надо надъ нимъ спину поломать... да и найдя,—посмотри—не поганка ли?

— Такъ освободите вы меня?—вдругъ поднявъ голову, спросилъ Өома, и Маякинъ отвелъ глаза въ сторону отъ его горячаго взгляда.

— Папаша! Хоть на время! Дайте вздохнуть... дайте мнѣ въ сторону отойти отъ всего!—просилъ Өома.—Я присмотрюсь, какъ все происходитъ... и тогда ужь... А такъ—сопьюсь я..

— Не говори пустяковъ! Что юродствуешь?—сердито крикнулъ Маякинъ.

— Ну—хорошо!—спокойно отвѣтилъ Өома.—Ладно! Не хотите

вы этого? Такъ—ничего не будетъ! Все спущу! И больше намъ говорить не о чемъ... прощайте! Примусь я теперь за дѣло—увидите! Порадуетесь... дымъ отъ всего пойдетъ!..

Оома былъ спокоенъ, говорилъ увѣренно; ему казалось, что коли онъ такъ рѣшилъ—не сможетъ крестный помѣшать ему. Но Маякинъ выпрямился на стулѣ и сказалъ—тоже просто и спокойно:

— А знаешь ты, какъ я могу съ тобой поступить?

— Какъ хотите!—махнувъ рукой, сказалъ Оома.

— Вотъ. Теперь я такъ хочу—приѣду въ городъ и буду хлопотать, чтобы признали тебя умалишеннымъ и посадили въ сумасшедшій домъ...

— Развѣ это можно?—недовѣрчиво, но уже съ испугомъ въ голосѣ спросилъ Оома.

— У насъ, другъ милый, все можно...

— Такъ...

Оома опустилъ голову и, исподлобья посмотрѣвъ въ лицо крестнаго, вздрогнулъ, думая:

„А посадить... не пожалѣть...“

— Если ты серьезно дуришь—я тоже долженъ серьезно поступать съ тобой... Я за тебя отцу твоему далъ слово—поставить тебя на ноги... И я тебя поставлю... не будешь стоять—въ желѣзо закую... Тогда устоишь... Хоша я знаю—всѣ эти благочестивыя слова твои дурная блажь съ перепоею... Но ежели ты это не бросишь... ежели продолжишь безобразность поведенія, да отцомъ нажитое имущество озорства ради губить будешь—я тебя съ головой накрою... колоколь солью надъ тобой... Шутить со мной очень неудобно...

Маякинъ говорилъ ласково. Морщины на щекахъ его всѣ поднялись кверху, и глазки улыбались изъ ихъ темныхъ мѣшковъ насмѣшливо, холодно. И на лбу у него морщины изобразили какой-то странный узоръ, поднимаясь до лысины. Непреклонно и безжалостно было его лицо, и отъ него на душу Оомы вѣяло тоской и холодомъ...

— Стало быть, нѣтъ мнѣ ходу?—угрюмо спросилъ Оома.— Запираете вы мнѣ пути?

— Ходъ есть... иди! А я тебя направляю... не безпокойся—вѣрно будетъ! Какъ разъ на свое мѣсто придешь...

Эта самоувѣренность, эта непоколебимая хвастливость взорвали Оому. Засунувъ руки въ карманы, чтобы не ударить старика, онъ выпрямился на стулѣ и въ упоръ заговорилъ, стиснувъ зубы:

— Что вы все хвалитесь? Чѣмъ тебѣ хвалиться? Сынь-то

твой—гдѣ?—Дочь-то твоя—что такое? Эхъ ты... устроитель жизни! Ну, умень ты... все ты знаешь... Скажи—зачѣмъ живешь? Зачѣмъ тебѣ деньги наживать? Не умрешь, что ли? Ну, что жъ? Полонилъ ты меня... захватилъ, одолѣлъ... Погоди еще... еще, можетъ, вырвусь! Не кончено еще! Э-эхъ ты! Что ты сдѣлалъ за жизнь? Чѣмъ тебя помянуть?.. Отецъ вонъ—домъ выстроилъ, а ты что?

Морщины Маякина дрогнули и всѣ опустились книзу, отчего лицо его приняло болѣзненное, плачущее выраженіе. Онъ открылъ ротъ, но ничего не сказалъ, глядя на крестника съ удивленіемъ и чуть ли не съ боязнью.

— Чѣмъ оправдаешься?—не громко спрашивалъ Оома, не сводя съ него глазъ.

— Молчать, щенокъ!—тихо сказалъ старикъ, тревожнымъ взглядомъ окидывая залъ.

— Я все сказалъ! А теперь—уйду! Удержи!

Оома всталъ со стула, кинулъ картузь на голову себѣ и съ ненавистью оглянулъ старика.

— Иди... а я тебя... я тебя—поймаю! Будетъ по-моему!—прерывающимся голосомъ сказалъ Яковъ Тарасовичъ.

— А я—кутить буду! Все прокучу!..

— Ладно... увидимъ!..

— Прощай! Герой...—усмѣхнулся Оома.

— До скорого свиданья! Не отступаюсъ я отъ своего... я это люблю... и тебя люблю... ничего, хорошъ парнишка!—говорилъ Маякинъ тихо и какъ будто задыхаясь.

— Ты меня не люби—ты меня научи... А научить настоящему—не можешь!—сказалъ Оома, обернувшись спиной къ старику, и пошелъ изъ зала.

Яковъ Тарасовичъ Маякинъ остался въ трактирѣ одинъ. Онъ сидѣлъ за столомъ и, наклонясь надъ нимъ, рисовалъ на подносѣ узоры, макая дрожащій палецъ въ пролитый квасъ. И острая голова его опускалась все ниже надъ столомъ, какъ будто онъ не разбиралъ и не могъ понять того, что чертилъ на подносѣ его сухой палецъ.

На лысинѣ у него блестяли капли пота и, по обыкновенію, морщины на щекахъ вздрагивали частой, тревожной дрожью...

А въ трактирѣ стоялъ гулкій шумъ, отъ котораго стекла въ окнахъ дребезжали. Съ Волги доносились свистки пароходовъ, глухіе удары колесъ по водѣ, крики грузчиковъ — жизнь двигалась впередъ безъ усталы и сомнѣнія.

Поманивъ кивкомъ головы лакея, Яковъ Тарасовичъ спросилъ его какъ-то особенно внушительно и напряженно:

— Что съ меня за все слѣдуетъ?

Х.

До ссоры съ Маякинымъ Тома кутиль отъ скуки жизни, изъ любопытства и полудуравнодушно, — теперь онъ загулялъ съ озлобленіемъ, почти съ отчаяніемъ, полный мстительнаго чувства и какой-то дерзости въ отношеніи къ людямъ, дерзости, порою удивлявшей и его самого. Онъ видѣлъ, что люди, окружавшіе его, какъ и онъ самъ, лишены опоры и смысла, только они не понимаютъ этого или нарочно не хотятъ понимать, чтобъ не мѣшать себѣ жить слѣпо и — безъ думъ отдавать себя волиѣ разгульной жизни. Онъ не находилъ въ нихъ ничего твердаго, устойчиваго; трезвые они казались ему несчастными и глупыми, пьяные — были противны и еще болѣе глупы. Никто изъ нихъ не возбуждалъ въ немъ уваженія и глубокаго, сердечнаго интереса, онъ даже не спрашивалъ ихъ именъ, забывалъ, когда и гдѣ познакомился съ ними, и, относясь къ нимъ съ презрительнымъ любопытствомъ, всегда чувствовалъ желаніе сказать и сдѣлать что-нибудь обидное для нихъ. Онъ проводилъ съ ними дни и ночи въ разныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ, и его знакомства всегда зависѣли именно отъ степени каждаго заведенія. Въ дорогихъ и шикарныхъ ресторанахъ его окружали какіе-то проходимцы изъ чистой публики, шулера, куплетисты, фокусники, актеры, разорившіеся на кутежахъ помѣщики. Эти люди сначала относились къ нему покровительственно и хвастались предъ нимъ своими тонкими вкусами, знаніемъ достоинствъ винъ и кушаній, а потомъ заискивали у него, подлизывались къ нему, занимали деньги, которыми онъ сорилъ безъ счета, черпая ихъ изъ банковъ и уже занимая подъ векселя. Въ дешевыхъ трактирахъ около него вились, какъ ястреба, парикмахеры, маркера, какіе-то приказчики, чиновники, пѣвчіе, и среди этихъ людей онъ всегда чувствовалъ себя лучше, свободнѣе. Въ нихъ онъ видѣлъ людей простыхъ, не такъ уродливо изломанныхъ и искривленныхъ, какъ вся эта „чистая публика“ шикарныхъ ресторановъ, они были менѣе развратны, болѣе умны, проще понимались имъ, порою они проявляли здоровыя, сильныя чувства и всегда въ нихъ было больше чего-то человѣческаго. Но, какъ и „чистая публика“, — эти тоже были жадны до денегъ и нахально обирали его, а онъ видѣлъ это и грубо издѣвался надъ ними.

Разумѣтся — были женщины. Физически здоровыи, но не чувственный, Тома покупалъ ихъ и дорогихъ, и дешевыхъ, красивыхъ и дурныхъ, дарилъ имъ большія деньги, мѣнялъ ихъ чуть не каждую недѣлю и въ общемъ — относился къ нимъ лучше, чѣмъ къ мужчинамъ. Онъ смѣялся надъ ними, говорилъ имъ зорныя и обидныя слова, но никогда, даже полупьяный, не могъ избавиться отъ какого-то стѣсненія предъ ними. Всѣ онъ — и самыя нахальныя, самыя здоровыя и безстыдныя — казались ему слабыми и беззащитными, какъ малыя дѣти. Всегда готовый избить любого мужчину, онъ никогда не трогалъ женщинъ, хотя порой безобразно ругалъ ихъ, раздраженный чѣмъ-либо. Онъ чувствовалъ себя неизмѣримо сильнѣйшимъ каждой женщины, и каждая женщина казалась ему неизмѣримо несчастнѣе его. Тѣ, которыя развратничали съ удалствомъ, хвастаясь своей распущенностью, вызывали у Тома стыдливое чувство, отъ котораго онъ дѣлался робкимъ и неловкимъ. Однажды одна изъ такихъ женщинъ, пьяная и озорная, во время ужина сидя рядомъ съ нимъ, ударила его по щекѣ коркой дыни. Тома былъ полупьянъ. Онъ поблѣднѣлъ отъ оскорбленія, всталъ со стула и, сунувъ руки въ карманы, свирѣпымъ, дрожащимъ отъ обиды голосомъ сказалъ:

— Ты, стерва! Пошла вонъ... прочь! Другой бы тебѣ за это голову расколешь... А ты знаешь, что я смиренъ съ вами и не поднимется рука у меня на вашу сестру... Выгоните ее, къ чорту!

Саша черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Казань поступила на содержаніе къ сыну какого-то водочнаго заводчика, кутившему вмѣстѣ съ Томой. Уфъжая съ новымъ хозяиномъ куда-то на Каму, она сказала Томѣ:

— Прощай, милый человѣкъ! Можетъ, встрѣтимся еще... одна у насъ дорога! А сердцу воли, совѣтую, не давай... Гуляй себѣ безъ оглядки... а тамъ — кашку слопалъ — чашку о поль... Прощай!

И она крѣпко поцѣловала его въ губы, причемъ глаза ея стали еще темнѣе.

Тома былъ радъ, что она уфъжаетъ отъ него: надоѣла она ему и пугало его ея холодное равнодушіе. Но тутъ въ немъ что-то дрогнуло, онъ отвернулся въ сторону отъ нея и тихо молвилъ:

— Можетъ, не уживешься... тогда опять ко мнѣ пріѣзжай...

— Спасибо! — отвѣтила она ему и почему-то засмѣялась необычнымъ для нея, хрипящимъ смѣхомъ...

Такъ и жилъ Тома день за днемъ, вращаясь все на одномъ мѣстѣ и среди однообразныхъ людей, не внушавшихъ ему никакихъ хорошихъ чувствъ. Онъ еще и потому считалъ себя выше ихъ, что въ головѣ его все крѣпче внѣдрялась мысль о возможности освобожденія отъ этой жизни, все сильнѣе обнимало его

желаніе воли, все ярче рисовалъ онъ себѣ себя самого отошедшимъ на край жизни, вонъ изъ этой сутолоки и бурелома. Не разъ ночами, оставаясь одинъ на одинъ съ собой, онъ, крѣпко закрывъ глаза, представлялъ себѣ темную толпу людей, несчислимо большую и даже страшную огромностью своей. Столпившись гдѣ-то въ котловинѣ, окруженной буграми и полной пыльнаго тумана, эта толпа въ шумномъ смятеніи толкалась на одномъ и томъ же мѣстѣ и была похожа на зерно въ ковшѣ мельницы. Какъ будто невидимый жерновъ, скрытый подъ ногами ея, молоть ее, и люди волнообразно двигались подъ нимъ не то стремясь внизъ, чтобъ тамъ скорѣе быть смолотыми и исчезнуть, не то вырываясь вверхъ, въ стремленіи избѣжать безжалостнаго жернова. Были также люди эти похожи на раковъ, только что пойманныхъ и брошенныхъ въ большую корзину, — цѣпляясь другъ за друга, они тяжело ворочались, ползли куда-то и мѣшали другъ другу, и ничего не могли сдѣлать, чтобъ выйти изъ плѣна.

Ома видѣлъ среди толпы знакомыя ему лица: вотъ отецъ ломить куда-то, могуче расталкивая и опрокидывая всѣхъ на пути своемъ; онъ работаетъ широкими палами, претъ на все грудью и громогласно хохочетъ... и исчезаетъ, проваливаясь куда-то въ глубь, подъ ноги людей. Вотъ, извиваясь ужомъ, то прыгая на плечи, то проскальзывая между ногъ людей, работаетъ всѣмъ своимъ сухимъ, но гибкимъ и жилистымъ тѣломъ крестный... Любость кричитъ и бьется, слѣдуя за отцомъ, порывистыми, но слабыми движеніями, то отставая отъ него, то снова приближаясь. Тихими шагами, съ доброй улыбкой на лицѣ и сторонясь ото всѣхъ всѣмъ уступая дорогу медленно двигается тетка Анѣиса... образъ ея колеблется во тьмѣ предъ Омой, какъ скромное пламя восковой свѣчи... и гаснетъ она, исчезаетъ во мракѣ. Палагея быстро и прямымъ путемъ идетъ куда-то... Вотъ Софья Павловна Медынская стоитъ, безсильно опустивъ руки, какъ стояла она тогда, послѣдній разъ — у себя въ гостиной... Глаза у нея большіе, и большая боязнь свѣтится въ нихъ. Тутъ и Саша. Равнодушная, не обращая вниманія на толчки, она твердо идетъ прямо въ самую гущу жизни и во весь голосъ поетъ свои пѣсни, спокойно глядя темными глазами впередъ... Шумъ, вой, смѣхъ, пьяные крики, азартный споръ о копейкахъ слышитъ Ома; пѣсни и плачь несутся надъ этой огромной, суетливой кучей живыхъ, человѣческихъ тѣлъ, стѣсненныхъ въ ямѣ; они прыгаютъ, падаютъ, ползаютъ, давятъ другъ друга, вспрыгиваютъ на плечи одинъ другому, суются всюду, какъ слѣпые, всюду наталкиваются на подобныхъ себѣ, борются и, падая, исчезаютъ изъ глазъ. Шелестятъ деньги, носятся, какъ летучія мыши надъ головами людей, и люди жадно простира-

ютъ къ нимъ руки, брякаетъ золото и серебро, звенять бутылки, хлопають пробки, кто-то рыдаетъ, и тоскливый женскій голосъ поетъ:

„Такъ будемъ же жить, пока можно-о,
А тамъ—хоть тра-ава не расти!“

Эта безумная картина укрѣпилась въ головѣ Оомы и съ каждымъ разомъ все болѣе яркая, все болѣе огромная и живая возникала предъ нимъ, возбуждая въ груди его что-то хаотическое, одно большое неопредѣлимое чувство, въ которое, какъ ручьи въ рѣку, вливались и страхъ, и возмущеніе, и жалость, и злоба и еще многое. Все это вскипало въ груди до напряженнаго желанія, распиравшаго ее, до желанія, отъ силы котораго онъ задыхался, на глазахъ его являлись слезы, и ему хотѣлось кричать, выть звѣремъ, испугать всѣхъ людей—остановить ихъ бессмысленную возню, влить въ шумъ и суету ихъ жизни что-то новое, свое, сказать имъ какія-то громкія, твердыя слова, направить ихъ всѣхъ въ одну сторону, а не другъ противъ друга. Ему хотѣлось хватать ихъ руками за головы, отрывать другъ отъ друга, избить однихъ, другихъ же приласкать, укорять всѣхъ, освѣтить ихъ какимъ-то огнемъ...

Ничего въ немъ не было — ни нужныхъ словъ, ни огня, было въ немъ лишь одно желаніе, понятное ему, но не выполнимое... Онъ представлялъ себя выше жизни, внѣ той котловины, въ которой кипятъ люди; онъ видѣлъ себя твердо стоящимъ на ногахъ и — нѣмымъ. Онъ могъ бы крикнуть людямъ:

— Какъ живете? Не стыдно ли?

И могъ бы обругать ихъ. Но если они, услышавъ его голосъ, спросятъ:

— А какъ надо жить?

Онъ прекрасно понималъ, что послѣ такого вопроса ему пришлось бы слетѣть съ высоты кувыркою, туда, подъ ноги людямъ, къ жернову. И смѣхомъ проводили бы его гибель.

Онъ бредилъ порой, подъ давленіемъ этого кошмара. Изъ устъ его вырывались какія-то слова, безъ связи и значенія; онъ даже потѣлъ отъ этой тяжелой возни внутри себя. Порой ему казалось, что онъ сходитъ съ ума отъ пьянства, и вотъ почему лѣзетъ ему въ голову все это страшное и угрюмое. Большимъ усиліемъ воли онъ изгонялъ изъ себя эти картины и побужденія, но лишь только оставался одинъ и былъ не очень пьянъ, — онъ снова наполнялся своимъ бредомъ и вновь изнемогалъ подъ тяжестью его. И желаніе свободы все росло и крѣпло въ немъ, мучая его своей силой. Но вырваться изъ путъ своего богатства онъ не

могъ. Маякинъ, имѣвшій отъ него полную довѣренность на управленіе всѣмъ дѣломъ, дѣйствовалъ теперь такъ, что Оомъ чуть не каждый день приходилось ощущать тяжесть лежащихъ на немъ обязанностей. Къ нему то и дѣло обращались за платежами, предлагали ему сдѣлки по перевозкѣ грузовъ, служащіе обращались лично и письменно съ такими мелочами, которыя раньше не касались его, выполняемыя ими на свой страхъ. Его отыскивали въ трактирахъ, спрашивали его о томъ, какъ и что нужно дѣлать; онъ говорилъ имъ, порой совѣмъ не понимая, такъ это нужно дѣлать или иначе, замѣчалъ ихъ скрытое пренебреженіе къ нему и почти всегда видѣлъ, что они дѣлаютъ дѣло не такъ, какъ онъ приказалъ, а иначе и лучше. Въ этомъ онъ чувствовалъ ловкую руку крестнаго и понималъ, что старикъ тѣснить его затѣмъ, чтобъ поворотить на свой путь. И въ то же время замѣчалъ, что онъ—не господинъ въ своемъ дѣлѣ, а лишь составная часть его и часть не важная. Это раздражало его и еще дальше отталкивало отъ старика, еще сильнѣе возбуждало его стремленіе вырваться изъ дѣла, хотя бы цѣной его гибели. Онъ съ яростью разбрасывалъ деньги по трактирамъ и притонамъ, но это продолжалось не долго—Яковъ Тарасовичъ закрылъ въ банкахъ текущіе счета, выбравъ все вклады. Вскорѣ Оома почувствовалъ, что и подъ векселя даютъ ему уже не такъ охотно, какъ сначала давали. Это задѣло его самолюбіе и совѣмъ возмутило и испугало его, когда онъ узналъ, что крестный пустилъ въ торговый міръ слухъ о томъ, что онъ, Оома,—не въ своемъ умѣ и что надъ нимъ, можетъ быть, придется учредить опеку. Оома не зналъ предѣловъ власти крестнаго и не рѣшался посовѣтоваться съ кѣмъ-нибудь по этому поводу: онъ былъ увѣренъ, что въ торговомъ мірѣ старикъ—сила и можетъ сдѣлать все, что захочетъ. Сначала ему было жутко чувствовать надъ собой руку Маякина, но потомъ онъ помирился съ этимъ, махнулъ на все рукой и продолжалъ свою безшабашную, пьяную жизнь, въ которой только одно утѣшало его—люди. Съ каждымъ днемъ онъ все больше убѣждался, что они—безсмысленнѣе и всячески хуже его, что они—не господа жизни, а лакеи ея, и что она вертитъ ими, какъ хочетъ, гнетъ и ломаетъ, какъ ей угодно, а они безчувственно и безропотно поддаются ей, и никто изъ нихъ не хочетъ свободы для себя. Онъ же хотѣлъ ее и потому кичливо возвышалъ себя надъ своими собутыльниками, не желая видѣть въ нихъ ничего, кромѣ дурного...

Однажды въ трактирѣ какой-то полупьяный человѣкъ жаловался ему на свою жизнь. Это былъ маленькій, сухой человѣчекъ съ испуганными тусклыми глазами, не бритый, въ короткомъ сюр-

тучкѣ и въ яркомъ галстукѣ. Онъ печально моргалъ, уши у него пугливо вздрагивали, и тихій голосокъ тоже дрожалъ.

— Я всякъ бился, чтобъ въ люди попасть... За все брался, работалъ я, какъ волъ. Но затолкала меня жизнь, заѣла, затерла... Не хватило больше терпѣнія... Эхъ! И вотъ — началъ я пить... Чувствую — погибну... Ну, туда и дорога!

— Дуракъ!—презрительно сказалъ Оома.— Зачѣмъ было въ люди выходить? Держалъ бы вправо отъ нихъ... Всталъ бы къ сторонкѣ, посмотрѣлъ, гдѣ тебѣ среди ихъ мѣсто, и тогда — вали прямо на свой пунктъ!

— Не понимаю вашихъ словъ!—покачалъ человѣчекъ своей гладко-остриженной, угловатой головой.

Оома самодовольно усмѣхнулся.

— Тебѣ ли это понять?

— Нѣтъ, знаете, я такъ думаю, что кому Богъ судить...

— Жизнь не Богъ, а люди строятъ! — выпалилъ Оома и даже самъ удивился дерзости своихъ словъ. И человѣчекъ, искоса взглянувъ на него, тоже робко поежился.

— Богъ разумъ тебѣ даль? — спросилъ Оома, оправясь отъ смущенія.

— Навѣрно... то есть, сколько полагается маленькому человѣку...—неувѣренно сказалъ собесѣдникъ Оомы.

— Ну — и ты съ Него больше не смѣешь просить ни зерна! Строй свою жизнь своимъ разумомъ... Богъ же будетъ судить тебя... Всѣ мы на службѣ Его... и всѣмъ намъ одна передъ Нимъ цѣна... Понялъ?

Очень часто случалось, что Оома вдругъ говорилъ что-то такое, что и ему самому казалось дерзкимъ и что, въ то же время, поднимало его въ своихъ глазахъ. Это были какія-то неожиданныя, смѣлыя мысли и слова, которыя вдругъ являлись, какъ искры—впечатлѣніе какъ бы высѣкало ихъ изъ мозга Оомы. И онъ самъ не разъ замѣчалъ за собой, что придуманное имъ онъ хуже, тусклѣе высказываетъ, чѣмъ то, что сразу вспыхиваетъ въ сердцѣ.

Оома жилъ—какъ будто шель по болоту, съ опасностью на каждомъ шагу увязнуть въ грязи и тинѣ, а его крестный — въюномъ вился на сухонькомъ и твердомъ мѣстечкѣ, зорко слѣдя издали за жизнью крестника.

Послѣ ссоры съ Оомой Яковъ Тарасовичъ вернулся къ себѣ угрюмо-задумчивымъ. Глазки его блестяли сухо, и весь онъ выпрямился, какъ туго натянутая струна. Морщины болѣзненно съежились, лицо какъ будто стало еще меньше и темнѣй, и, когда Любовь увидала его такимъ—ей показалось, что онъ серьезно боленъ, только сдерживается, ломаетъ себя. Молчали-

вый старикъ нервно метался по комнатѣ, бросая дочери въ отвѣтъ на ея вопросы сухія, краткія слова и, наконецъ, прямо крикнулъ ей:

— Отстань! Видишь—не до тебя...

Ей стало жалко его, когда она увидала, какъ тоскливо и уныло смотрять его острые, зеленые глаза; она поставила себѣ въ обязанность допросить его, что съ нимъ творится, и, когда онъ сѣлъ за обѣденный столъ, порывисто подошла къ нему, положила руки на плечи ему и, заглядывая въ лицо, ласково и тревожно спросила:

— Папаша! Вамъ нездоровится—скажите!

Ея ласки были крайне рѣдки; онъ всегда смягчали одинокаго старика, и хотя онъ не отвѣчалъ на нихъ почему-то, но все жъ таки не могъ не цѣнить ихъ. И теперь, передернувъ плечами и сбросивъ съ нихъ ея руки, онъ сказалъ ей:

— Иди, иди на свое мѣсто... Ишь разбираетъ тебя Евинъ зудь...

Но Любовь не ушла; настойчиво заглядывая въ глаза его, она съ обидой въ голосѣ спросила:

— Почему вы, папаша, всегда такъ говорите со мной... точно я маленькая или очень глупая?

— Потому что ты большая, а не очень умная... Н-да! Вотъ-те и весь сказъ! Иди, садись и ѣшь...

Она отошла и молча сѣла противъ отца, обиженно поджавъ губы. Маякинъ ѣлъ противъ обыкновенія медленно, по долгу шевирая ложкой въ тарелкѣ щей и упорно разсматривая ихъ.

— Кабы засоренный умъ твой могъ понять отцовы мысли!— вдругъ сказалъ онъ, вздыхая съ какимъ-то свистомъ.

Любовь отбросила въ сторону свою ложку и чуть не со слезами въ голосѣ заговорила:

— Зачѣмъ обижать меня, папаша? Вѣдь видите вы—одна я! всегда одна! Вѣдь понятно вамъ, какъ тяжело мнѣ жить... и никогда вы слова ласковаго не скажете мнѣ... Никогда ничего не говорите! И вы вѣдь одиноки... и вамъ тяжело... Я это вижу... Вамъ очень трудно жить... но,—вы сами въ этомъ виноваты! Вы сами...

— Вотъ и Валаамова ослица заговорила!—усмѣхнувшись сказалъ старикъ.—Н-ну? Что же дальше будетъ?

— Горды вы очень, папаша, вашимъ умомъ...

— А еще что?

— Это не хорошо... и очень больно мнѣ... зачѣмъ вы меня отталкиваете? Вѣдь у меня никого нѣтъ кромѣ васъ...

У нея на глазахъ появились слезы; отецъ замѣтилъ ихъ, и лицо его вздрогнуло.

— Кабы ты не дѣвка была!—воскликнулъ онъ.—Кабы у тебя умъ былъ, какъ... у Марѣы Посадницы, примѣрно... эхъ, Любовь! Тогда бы... Наплевалъ бы я на всѣхъ... на Өомку... Ну, не реви!

Она вытерла глаза и спросила:

— Что же Өомка?

— Бунтуеть... Ха-ха! Говорить: возьмите у меня все имущество, отпустите меня на волю... Спасаться хочеть... въ кабакахъ... Вотъ онъ что задумалъ, нашъ Өома...

— Что же... это?...—нерѣшительно спросила Любовь. Ей хотѣлось сказать, что желаніе Өомы хорошо, что это благородное желаніе, если оно серьезно, но она боялась раздражить отца своими словами и лишь вопросительно смотрѣла на него.

— Что это?—горячась и вздрагивая заговорилъ Маякинъ.— А это у него или съ перепоею, или—не дай Богъ!—материно... старовѣрческое... И если это кулугурская опара всходитъ въ немъ—много будетъ мнѣ съ нимъ бою! Великая склока пойдетъ у меня съ нимъ... Онъ—грудью пошелъ противъ меня... дерзость сразу большую обнаружилъ... Молодь... хитрости нѣтъ еще въ немъ... Говорить: все пропью, все прахомъ пойдетъ... Я-те пропью!

Маякинъ поднялъ руку надъ головой и, сжавъ кулакъ, яростно погрозилъ имъ.

— Какъ смѣешь? Кто нажилъ дѣло, кто его оборудовалъ? Ты? Отецъ твой... Сорокъ лѣтъ труда положено, а ты его разрушить хочешь? Мы всѣ должны, гдѣ дружно стѣной, гдѣ осторожно, гуськомъ, одинъ за другимъ, идти къ своему мѣсту... Мы, кушцы, торговые люди, вѣками Россію на своихъ плечахъ несли и теперь несемъ... Петръ Великій былъ царь божескаго ума... онъ намъ цѣну зналъ... Какъ онъ насъ поддерживалъ? Книжки печаталъ нарочно для нашего обученія дѣлу... Вонъ у меня его повелѣніемъ напечатанная книга Полидора Виргилія Урбинскаго объ изобрѣтателяхъ вещей... въ 720 году печатана... да! Это надо понять... Онъ и понималъ... и далъ намъ ходъ... А теперь—мы на своихъ ногахъ стоимъ... и свое мѣсто чуемъ. Ходу намъ дайте! Мы фундаментъ жизни закладывали—сами въ землю вмѣсто кирпичей ложились... теперь намъ этажи надо строить... позвольте намъ свободы дѣйствій! Вотъ, куда нашъ братъ долженъ курсъ держать... Вотъ, гдѣ задача... а Өомка этого не понимаетъ... Долженъ понять и—продолжать... У него отповы средства... Я издохну—мои присоединятся: работай, щенокъ! А онъ колобродить. Нѣтъ, ты погоди! Я тебя вознесу до надлежащей точки!

Старикъ задыхался отъ возбужденія, и сверкающими глазами смотрѣлъ на дочь такъ яростно, точно на ея мѣстѣ Оома сидѣлъ. Любовь пугало его возбужденіе, но у нея не хватало смѣлости остановить отца, и она молча смотрѣла на его суровое и мрачное лицо.

— Проложень путь отцами — и ты долженъ идти по немъ. Пятьдесятъ лѣтъ я работаль—для чего? Чтобы послѣ меня мое дѣло закончили... дѣти мои... Дѣти мои! Гдѣ у меня дѣти?

Старикъ уныло опустилъ голову, голосъ его оборвался; и такъ глухо, точно онъ говорилъ куда-то внутрь себя, онъ сказаль:

— Одинъ—каторжникъ... пропащій... другой—пьяница, и мало на него надежды... Дочь... Кому же я трудъ свой передъ смертью сдамъ?.. Зять былъ бы... Я думаль—перебродить Оомка, наточится,—отдамъ тебя ему и съ тобой все—на! Но вотъ Оомка не годень... А другого на мѣсто его—не вижу... Какіе люди пошли!.. Раньше—жельзный былъ народъ, а теперь—резина... Гнутя всѣ... и ничего, никакой прочности не имѣють... Что это? Отчего?

Маякинъ съ тревогой смотрѣлъ на дочь, она молчала.

— Скажи,—спросилъ онъ ее,—чего тебѣ надо? Какъ, по-твоему, жить надо? Чего ты хочешь? Ты училась, читала—что тебѣ нужно?

Вопросы сыпались на голову Любви неожиданно для нея, и она смутилась. Она и довольна была тѣмъ, что отецъ спрашиваетъ ее объ этомъ, и боялась отвѣчать ему, чтобъ не уронить себя въ его глазахъ. И вотъ, вся какъ-то подобравшись, точно собираясь прыгнуть черезъ столъ, она неувѣренно и съ дрожью въ голосѣ сказала:

— Чтобы всѣ были счастливы... и довольны... всѣ люди—равны... и всѣ имѣють одинаковое право на жизнь... на блага жизни... свобода нужна всѣмъ... такъ же, какъ воздухъ... и во всемъ—равенство!

Въ началѣ ея взволнованной рѣчи отецъ смотрѣлъ въ лицо ей съ тревожнымъ любопытствомъ въ глазахъ, но по мѣрѣ того, какъ она торопливо бросала ему свои слова, выраженіе глазъ его все измѣнялось, и, наконецъ, онъ со спокойнымъ презрѣніемъ сказаль ей:

— Такъ я и зналь: позлощенная дура ты!

Она поникла головой, но тотчасъ же вскинула ее и съ тоской воскликнула:

— Вы же сами говорите: свобода...

— Молчи уяъ!—грубо крикнулъ на нее старикъ.—Даже того

не видишь, что изъ каждого человѣка явно наружу преть... Какъ могутъ быть всё счастливы и равны, если каждый хочетъ выше другого быть? Даже нищій свою гордость имѣеть и предъ другими чѣмъ-нибудь всегда хвастается... Маль ребенокъ—и тотъ хочетъ первымъ въ товарищахъ быть... И никогда человѣкъ человѣку не уступитъ—дураки только это думаютъ... У каждого—душа своя... и лицо—свое... только тѣхъ, кто души своей не любить и лица не бережетъ, можно обтесать подъ одну мѣрку... Эхъ ты!.. Начиталась, нажралась дряни...

Горькій укоръ и ядовитое презрѣнiе выразились на лицѣ старика. Съ шумомъ оттолкнувъ отъ стола свое кресло, онъ вскочилъ съ него и, заложивъ руки за спину, мелкими шагами сталъ бѣгать по комнатѣ, потряхивая головой и что-то говоря про себя злымъ, свистящимъ шопотомъ... Любовь, блѣдная отъ волненiя и обиды, чувствуя себя глупой и безпомощной предъ нимъ, вслушивалась въ его шопотъ, и сердце ея трепетно билось.

— Одинъ остался... одинъ... Какъ Ювъ... О Господи!.. Что сдѣлаю? О... одинъ! Я ли—не умень? Я ли—не хитерь? А жизнь и меня перехитрила... Что она любитъ? Кого она милуетъ? Хорошихъ бьетъ и дурнымъ не спускаетъ... И никому не понятна справедливость ея...

Дѣвушка стало до боли жалко старика; ее охватило страшное желанiе помочь ему; ей хотѣлось быть нужной для него.

Горячими глазами слѣдя за нимъ, она вдругъ сказала ему тихонько:

— Папаша... милый! Не тоскуйте... вѣдь еще Тарасъ живъ... можетъ быть, онъ...

Маякинъ вдругъ остановился, какъ вкопанный, и медленно поднимать голову.

— Молодымъ дерево покривилось, не выдержало, въ старости и подавно изломится... Ну, все-таки... и Тарасъ теперь мнѣ соломинуа... Хоть едва ли цѣна его выше Өомы... Есть у Гордѣва характерецъ... есть въ немъ отцово дерзновение... Много онъ можетъ поднять на себѣ... А Тараска... это ты во-время вспомнила... н-да!

И старикъ, за минуту предъ тѣмъ упавшій духомъ до жалобъ, въ тоскѣ метавшійся по комнатѣ, какъ мышъ въ мышеловкѣ, теперь, съ озабоченнымъ лицомъ, спокойно и твердо снова подошелъ къ столу, тщательно уставиъ около него свое кресло и сѣлъ, говоря:

— Надо будетъ пощупать Тараску... въ Усольѣ онъ живетъ, на заводѣ какомъ-то... Слышалъ я отъ купцовъ—соду что ли работаютъ тамъ... Узнаю подробно... Напишу...

— Позвольте, я напишу ему, папаша?—вздрагивая от радости и вся красная тихо попросила Любовь...

— Ты?—спросил Маякинъ, мелькомъ взглянувъ на нее, потомъ помолчалъ, подумалъ и сказалъ:

— Можно! Это даже... лучше. Напиши... Спроси—не женатъ ли? Какъ, моль, живешь? Что думаешь?.. Да, впрочемъ, я тебѣ скажу, что написать, когда придетъ время...

— Вы скорѣе, папаша!..—сказала дѣвушка.

— Скорѣе-то надо вотъ замужъ тебя выдавать... Я тутъ приглядываюсь къ одному, рыженькому... парень какъ будто не дуракъ... Заграничной выдѣлки, между прочимъ...

— Это Смолинъ, папаша?—съ тревогой и любопытствомъ спросила Любовь.

— А хоть бы и онъ... что же?—дѣловито освѣдомился Яковъ Тарасовичъ.

— Ничего... Я его не знаю...—неопредѣленно отвѣтила Любовь.

— Познакомимъ... Пора, Любовь, пора! На Оому надежда плоха... хоть я и не отступлюсь отъ него...

— Я на Оому не рассчитывала... Что онъ мнѣ?

— Это ты напрасно... Кабы умнѣе была—можетъ онъ бы не свихнулся!.. Я, бывало, видя васъ вдвоемъ думалъ: прикормить дѣвка моя парня къ себѣ! Крѣпко дѣло будетъ! Анъ—прогадалъ... думалъ, ты... свою выгоду безъ указокъ понять можешь... Такъ-то, дѣвушка!—поучительно сказалъ ей отецъ.

Она задумалась, слушая его внушительную рѣчь. За послѣднее время ей, здоровой и сильной, все чаще приходила въ голову мысль о замужествѣ, ибо иного выхода изъ своего одиночества она не видѣла. Желаніе бросить отца и уѣхать куда-нибудь, чтобы чему-нибудь учиться, что-либо работать—она давно уже пережила, какъ пережила одиноко въ самой себѣ много другихъ желаній столь же острыхъ, но не глубокихъ и неопредѣленныхъ. Отъ разнообразныхъ книгъ, прочитанныхъ ею, въ ней остался мутный осадокъ, и хотя это было нѣчто живое, но живое какъ протоплазма. Изъ этого осадка въ дѣвущкѣ развилось чувство неудовлетворенности своей жизнью, стремленіе къ личной независимости, желаніе освободиться отъ тяжелой опеки отца,—но не было ни силъ для осуществленія этихъ желаній, ни яснаго представленія о томъ, какъ осуществляются они. А природа внушала свое, и дѣвушка, не разъ уже при видѣ молодыхъ матерей съ дѣтьми на рукахъ, чувствовала въ себѣ тоскливое и обидное томленіе. Порою, останавливаясь передъ зеркаломъ, она съ грустью разсматривала въ немъ свое полное, свѣжее лицо, съ темными кругами около глазъ, и ей становилось жаль себя: она чув-

ствовала что жизнь обходить, забываетъ ее въ сторонѣ гдѣ-то. Теперь, слушая рѣчь отца, она представляла себѣ — какимъ можетъ быть этотъ Смолинъ? Она встрѣчала его еще гимназистомъ, онъ тогда былъ весь въ веснушкахъ, курносый, всегда чистенькій, степенный и скучный. Танцевалъ онъ тяжело и неуклюже, говорилъ неинтересно... Съ той поры прошло много времени: онъ былъ за-границей, учился тамъ чему-то,—каковъ онъ теперь? Отъ Смолина мысль ея перескочила къ брату, и она съ замираніемъ сердца подумала: что-то онъ отвѣтитъ ей на письмо? Каковъ онъ? Образъ брата, какимъ она представляла его себѣ, заслонилъ предъ ней и отца, и Смолина, и она уже говорила себѣ, что до встрѣчи съ Тарасомъ ни за что не согласится выйти замужъ, какъ вдругъ отецъ крикнулъ ей:

— Эй, Любавка! Что задумалась? Надъ чѣмъ больше?

— Такъ... быстро все идетъ...—улыбнувшись, отвѣтила Люба.

— Что—быстро?

— Да все... недѣлю тому назадъ говорить съ вами о Тарасѣ нельзя было, а теперь вотъ...

— Нужда, дѣвка! Нужда—сила, стальной пруть въ пружину гнетъ... а сталь упориста... Тарасъ... поглядимъ! Человѣкъ цѣненъ по сопротивленію своему силѣ жизни... ежели не она его, а онъ ее на свой ладъ крутитъ,—мое ему почтеніе! Позвольте руку пожать и давайте вмѣстѣ дѣло охаживать... Э-эхъ, старъ я... А жизнь-то теперь куда какъ бойка стала! Интересу въ ней — съ каждымъ годомъ все прибавляется... все больше смаку въ ней! Такъ бы и жила все, такъ бы все и дѣйствовала!..

Старикъ вкусно почмокивалъ губами, потиралъ руки, и глазки его жадно поблескивали.

— А вы вотъ—жидкой крови людишки! Еще не выросли, а ужъ себя переросли и дряблые живете, какъ старая рѣдька.. И то, что жизнь все краше становится,—не доступно вамъ... Я, шестьдесятъ семь лѣтъ на сей землѣ живу и уже вотъ у гроба своего стою, но вижу: въ старину, когда я молодъ былъ, и цвѣтовъ на землѣ меньше было, и не столь красивые цвѣты были... Все украшается! Зданія какія пошли! Орудіе разное, торговое... Пароходищи! Ума во все бездна вложено! Смотришь—думаешь: ай да люди, молодцы! въ ротъ вамъ комъ каши! Ловко жизнь обтяпали... Все хорошо, все пріятно... только вы, наслѣдники наши,—всякаго живого чувства лишены! Какой-нибудь шарлатанишко изъ мѣщанъ и то бойчѣе васъ... Вонъ этотъ... Ежовъ-то — что онъ такое? А изображаетъ собою судью надъ вами... и даже надо всей жизнью... Одаренъ смѣлостью. А вы... тѣфу! Нищими живете... въ весельѣ

вы—скоты, въ несчастѣ—мразь! Тухлые люди... огня бы вамъ въ жилы пустить... содрать бы съ васъ шкуры, да посыпать по живому мясу солью—запрыгали бы, чай?

Яковъ Тарасовичъ, маленькій, сморщенный и костлявый, съ черными обломками зубовъ во рту, лысый и темный, какъ будто опаленный жаромъ жизни и прокоптившій въ немъ, весь трепетать въ пылкомъ возбужденіи, осыпая дребезжащими, презрительными словами свою дочь—молодую, рослую и полную. Она смотрѣла на него виноватыми глазами, смущенно улыбалась, и въ сердцѣ ея все росло уваженіе къ живому и стойкому въ своихъ желаньяхъ старику...

А Ома все блуждала и колобродила, проводя дни и ночи въ трактирахъ и вертепахъ и все глубже усваивая презрительно-ненавистное отношеніе къ людямъ, окружавшимъ его. Порой они вызывали въ немъ тоскливое желаніе найти среди нихъ какой-нибудь отпоръ своему злему чувству, встрѣтить человѣка достойнаго и смѣлаго, который устыдилъ бы его горячимъ, укоризненнымъ словомъ. Это желаніе съ каждымъ разомъ возникало въ немъ все болѣе ясное ему,—это было желаніе помощи со стороны человѣку, который чувствовалъ, что заплутался онъ и гибнетъ...

— Братцы!—крикнулъ онъ какъ-то, сидя за столомъ въ трактирѣ, полупьяный и окруженный какими-то темными и жадными людьми, которые такъ много ѣли и пили, какъ будто передъ тѣмъ въ продолженіе долгихъ дней у нихъ куска во рту не было.—Братцы! Тошно мнѣ... скучно мнѣ съ вами! Избейте вы меня... прогоните меня!.. Мерзавцы вы... но другъ ко другу вы ближе, чѣмъ ко мнѣ... Почему? Вѣдь и я тоже пьяница и мерзавецъ... а—чужой вамъ! Я вижу—чужой... Изъ меня вы пьете и въ меня потихоньку плюете... я чувствую это! За что?

Они не могли, разумѣется, относиться иначе къ нему: въ глубинѣ души, быть можетъ, ни одинъ изъ нихъ не считалъ себя ниже его, но онъ былъ богатъ,—это мѣшало имъ отнестись къ нему болѣе по-товарищески, и онъ говорилъ все какія-то насмѣшливо-сердитыя, совѣстливыя слова,—это стѣсняло ихъ. Затѣмъ — онъ былъ силенъ и дерзокъ на руку,—они не смѣли ни слова сказать противъ него. А ему именно этого хотѣлось, онъ все сильнѣе желалъ, чтобъ нѣкто изъ нихъ, презираемыхъ имъ, всталъ противъ него, лицомъ къ лицу, и сказалъ ему что-нибудь сильное, что, какъ рычагомъ, своротило бы его въ сторону съ этого покататаго пути, опасность котораго онъ чувствовалъ и грязь—видѣлъ, полный безсильнаго отвращенія къ ней...

И Оома нашель нужное ему.

Однажды онъ, раздраженный невниманіемъ къ нему, крикнулъ своимъ собутыльникамъ:

— Вы, клопы! Молчать всё!.. Кто васъ поить, кормить? Забыли? Я васъ приведу въ порядокъ! Я научу уважать меня! Арестанты! Я говорю—значить—цыць всё!

Они дѣйствительно замолчали, должно быть напуганные возможностью потерять его расположение, или, быть можетъ, боясь, что онъ, здоровый и сильный звѣрь, побьетъ ихъ. Съ минуту они сидѣли въ молчаніи, тая въ себѣ злобу противъ него, наклонившись надъ тарелками и стараясь скрыть отъ него свой испугъ и смущеніе. Оома самодовольно осмотрѣлъ ихъ и, удовлетворенный ихъ рабской покорностью, хвастливо сказалъ:

— Ага! Пришипелись... то-то! У меня—строго! Я...

— Балбесъ!—раздался чей-то спокойный и громкій возгласъ.

— Что-о?—заревѣлъ Оома, вскакивая со стула.—Кто это говорить?

Тогда на концѣ стола поднялся какой-то страннѣйшій, потертый человѣкъ, высокій, въ длинномъ сюртукѣ съ кошной полусѣдыхъ волосъ на огромной головѣ. Волосы его были жестки и торчали во все стороны густыми вихрами, лицо желтое, бритое, съ большимъ горбатымъ носомъ. Оомѣ онъ показался похожимъ на швабру, которой моютъ парходныя палубы, и это развеселило полупьянаго парня...

— Хо-орощъ!—съ усмѣшкой сказалъ онъ.—Ты что же лаешься, а? Ты знаешь, кто я?

Человѣкъ жестомъ трагическаго актера протянулъ къ Оомѣ руку, съ длинными и гибкими, какъ у фокусника, пальцами, и густымъ хрипящимъ басомъ сказалъ:

— Ты — гнилая болѣзнь твоего отца, который, хотя и былъ грабитель, но все-таки — достойный человѣкъ въ сравненіи съ тобой..

У Оомы отъ неожиданности и гнѣва дыханіе въ груди сперло, онъ свирѣпо вытаращилъ глаза и молчалъ, не находя, чѣмъ отвѣтить на эту дерзость. А человѣкъ, стоявшій противъ него, воодушевленно хрипѣлъ, звѣрски вращая большими, но выпѣвѣтыми и опухшими глазами:

— Ты требуешь отъ насъ почтенія къ тебѣ — дур-ракъ! — чѣмъ ты заслужилъ его? Кто ты? Пьяница, пропивающій капиталы отца!.. Дикарь! ты долженъ гордиться тѣмъ, что я, знаменитый артистъ, безкорыстный и вѣрный слуга искусства, пью изъ одной бутылки съ тобой! Въ бутылкѣ этой — скандалъ и патокъ,

настоенная на нюхательномъ табакѣ, а ты думаешь—это портвейнъ Она—твой патентъ на званіе дикаря и осла!

— Ахъ ты, ар-рестантъ!—взревѣлъ Тома, бросаясь къ артисту. Но его схватили и удержали. Барахтаясь въ объятіяхъ вцѣпившихся въ него людей, онъ принужденъ былъ безответно слушать, какъ человѣкъ, похожій на швабру, громилъ его густой и тяжелой октавой.

— Ты кинулъ людямъ семишникъ изъ украденнаго рубля и мнишь себя героемъ? Ты дважды воръ: укралъ рубль и теперь воруешь благодарность за семишникъ твой... Но я не дамъ тебѣ ея! Я, посвятившій всю жизнь свою обличенію порока, стою предъ тобой и говорю смѣло: ты — дуракъ и нищій, ибо слишкомъ богатъ! Тутъ—мудрость: всѣ богачи — нищіе... Вотъ какъ знаменитый куплетистъ Римскій-Каннибальскій служить правдѣ!

Тома уже стоялъ смирно среди людей, плотно обступившихъ, и съ жадностью слушалъ громовую рѣчь куплетиста, которая теперь вызывала у него такое ощущеніе, какъ будто ему почесывали больное мѣсто и этимъ укрощали острый зудъ боли. Публика волновалась: одни старались прекратить потокъ краснорѣчія куплетиста, другіе хотѣли увести Тому куда-то. Онъ молча отталкивалъ ихъ и слушалъ, все болѣе поглощаемый острымъ наслажденіемъ униженія, которое чувствовалъ онъ предъ этими людьми. Все горячѣй ласкала его душу боль, возбужденная въ ней словами куплетиста, а тотъ гремѣлъ, упиваясь безнаказанностью своего обличенія:

— Ты думаешь, что ты владыка жизни? Ты—низкій рабъ рубля...

Кто-то изъ публики громко икалъ, и, должно быть, недовольный собой за это, каждый разъ, икнувъ, ругался:

— О ч-чортъ...

А въ какомъ-то небритомъ человѣкѣ съ жирнымъ лицомъ пробудилась жалость къ Томѣ или ему стало скучно присутствовать при этой сценѣ, и онъ, махая руками, жалобно тянулъ:

— Го-оспода-а! Бро-осьте! Не х-рошо! Вѣдь всѣ мы—грѣшники! Положительно всѣ... повѣрьте мнѣ!

— Ну, говори!—бормоталъ Тома.—Говори все! Я тебя не трону...

Зеркала въ простѣнкахъ отражали эту пьяную сумятицу, и отраженные въ нихъ люди казались еще гаже и гнуснѣй, чѣмъ были въ дѣйствительности...

— Не хочу говорить!—закричалъ куплетистъ,—не хочу бисера правды и ярости моей метать предъ тобой...

Онъ рванулся и, великолѣпно поднявъ голову вверхъ, трагическими шагами пошелъ къ двери.

— Врешь!—сказалъ Өома, порываясь за нимъ.—Постой! Ты меня растревожилъ—ты и успокой!

Его схватили, окружили и что-то кричали ему, а онъ рвался впередъ, опрокидывая всѣхъ. Когда на пути его встрѣчались осязательныя преграды—борьба съ ними успокоивала его, объединяя всѣ его смутныя чувства въ одномъ стремленіи—опрокинуть то, что ему мѣшаетъ. И теперь, растолкавъ всѣхъ и выскочивъ на улицу, онъ былъ уже менѣе возбужденъ. Стоя на тротуарѣ, онъ оглядывалъ улицу и со стыдомъ думалъ:

„Какъ онъ могъ позволить этой швабрѣ издѣваться надъ нимъ и ругать воровъ отца его?“

Вокругъ было темно и тихо; ярко свѣтила луна, и дулъ легкой, освѣжающей вѣтеръ. Подставивъ лицо его прохладному дыханію, Өома быстрыми шагами пошелъ противъ вѣтра, пугливо оглядываясь и не желая, чтобы за нимъ послѣдовалъ кто-нибудь изъ компаніи въ трактирѣ: онъ понималъ, что уронилъ себя въ глазахъ всѣхъ этихъ людей. Шелъ онъ и думалъ о томъ, что вотъ до чего дожилъ: какой-то проходимецъ публично ругаетъ его позорными словами, а онъ, сынъ именитаго купца, ничѣмъ не могъ отплатить за издѣвательство...

„Такъ мнѣ и надо! — злорадно и уныло думалось Өомѣ.— Такъ и надо! Не теряй себя... понимай... И опять же—самъ хотѣлъ... самъ всѣхъ задиралъ... Вотъ и—получи!“ Ему стало до боли жалко себя отъ этихъ думъ. Охваченный ими и отрезвленный, онъ все шелъ куда-то по улицамъ и все искалъ въ себѣ чего-нибудь крѣпкаго, твердаго... Но все было смутно въ немъ и лишь тѣснило сердце, не принимая никакихъ опредѣленныхъ формъ. Точно въ тяжелой дремѣ онъ дошелъ до рѣки, сѣлъ на бревна на берегу ея и сталъ смотрѣть на тихую, темную воду, покрытую мелкой рябью. Спокойно и почти безшумно текла широкая, могучая рѣка и несла на груди своей огромныя тяжести. Вся она была загромождена черными судами, сигнальные огни и звѣзды отражались на водѣ ея; маленькія, легкія волны ласково и съ тихимъ звукомъ набѣгали на берегъ прямо подъ ноги Өомѣ... Съ неба вѣяло грустью; чувство одиночества давило Өому...

„Господи Иисусе! — думалъ онъ, тоскливо глядя въ небо.— Экой я неудачный... Ничего во мнѣ нѣтъ... ничего въ меня Богомъ не вложено... Зачѣмъ я такой нуженъ? Господи Иисусе!“

Отъ воспоминанія о Христѣ Өомѣ стало какъ-то легче, одиночество какъ бы смягчилось, и, вздохнувъ всей грудью, Өома началъ безмолвно говорить Богу:

„Господи Иисусе!.. Иные люди тоже ничего не понимаютъ, но думаютъ они, что имъ все извѣстно, и оттого легко имъ жить..“

А мнѣ—нѣтъ оправданія... Ночь вотъ... а я одинѣ и идти мнѣ некуда... Никому я ничего не могу сказать... никого не люблю... Только крестный, а онъ безъ души... Кабы Ты наказалъ его чѣмъ-нибудь!.. Онъ думаетъ, что умнѣе и лучше его вовсе нѣтъ ничего на землѣ... а Ты это терпишь... И я тоже... Хотя бы несчастіе какое-нибудь дано мнѣ было... захворать бы... А то вотъ здоровъ я... ровно желѣзо... Пью, гуляю... живу въ грязи... но тѣло даже не ржавѣетъ, а только душа болитъ... О Господи! Зачѣмъ такая жизнь?“

Одна за другой въ головѣ одинокаго, заплутавшагося чело-вѣка возникали робкія протестующія мысли, а тишина вокругъ него все сгущалась, и ночь становилась темнѣй. Недалеко отъ берега стояла на якорѣ косовая лодка; она покачивалась изъ стороны въ сторону, и что-то на ней поскрипывало, точно стонало...

„Какъ мнѣ освободиться отъ такой жизни? — раздумывалъ Ома, глядя на лодку.—И какое мнѣ дѣло опредѣлено? Всѣ работаютъ..“

И вдругъ его поразила одна большая для него мысль:

„И тяжелая работа дешевле легкой! Иной за рубль всего себя уложить въ работу, а тотъ—тысячу однимъ пальцемъ беретъ...“

Его пріятно возбудила эта мысль: ему показалось, что вотъ онъ нашелъ въ жизни людей еще одну фальшь, еще обманъ, который они скрываютъ... Онъ вспомнилъ одного изъ своихъ кочегаровъ—старика Илью, который за гривенникъ вставалъ на вахту къ топкѣ не въ очередь и работалъ за товарища по восьми часовъ въ духотѣ и жарѣ. Однажды онъ, захворавъ отъ непосильной работы, валялся на кормѣ парохода, и, когда Ома спросилъ его, зачѣмъ онъ такъ убивается, то Илья отвѣтилъ грубо и угрюмо:

— А затѣмъ, что мнѣ каждая копейка нужнѣе, чѣмъ тебѣ это рублевъ... вотъ зачѣмъ!..

И, сказавъ это, старикъ тяжело поворотилъ свое горящее отъ болѣзни тѣло задомъ къ Омѣ.

Остановившись на кочегарѣ, мысль его вдругъ и безъ усилія обняла собой всѣхъ этихъ маленькихъ людей, работающихъ тяжелую работу. Было странно—зачѣмъ они живутъ? Какое удовольствіе для нихъ жить на землѣ? Все только работаютъ свою грязную, трудную работу, ѣдятъ скверно, одѣты плохо, пьянствуютъ... Иному лѣтъ шестьдесятъ, а онъ все еще ломается на-ряду съ молодыми парнями... И всѣ они представились Омѣ большой кучей червей, которые копошатся на землѣ только для того, чтобъ поѣсть. Въ памяти возникали одно за другимъ его столкновенія съ этими людьми, ихъ рѣчи о жизни,—рѣчи то насмѣшливыя и грустныя, то безнадежно-угрюмыя,—ихъ воющія пѣсни... И тутъ

же вспомнилось ему, какъ однажды въ конторѣ Ефимъ говорилъ служащему, нанимавшему матросовъ:

— Тамъ лопухинскіе мужики наниматься пришли, такъ ты имъ больше десяти въ мѣсяцъ не давай. Они лѣтось дотла сгорѣли, и нужда у нихъ теперь большая—пойдутъ и за десять...

Сидя на бревнахъ, Тома покачивался все́мъ корпусомъ, а изъ тьмы съ рѣки предъ нимъ безмолвно появлялись разнообразныя человѣческія фигуры—матросы, кочегары, приказчики, половые изъ трактировъ, полупьяныя, раскрашенныя женщины, трактирные завсегдатаи. Они плыли въ воздухѣ какъ тѣни, отъ нихъ пахло чѣмъ-то сырмъи солоноватымъ, и темная, густая куча ихъ вращалась такъ медленно, безшумно и безпутно, какъ осеннія облака въ небѣ. Тихій плескъ волнъ лился въ душу грустно вздыхающей музыкой. Далеко, гдѣ-то на другомъ берегу рѣки, горѣлъ костеръ; объятый тьмой со все́хъ сторонъ иногда онъ почти все́мъ поглощался ею—и во тьмѣ дрожало чуть видное глазу красноватое пятно. Но вотъ вновь вспыхивалъ огонь — тьма разступалась предъ нимъ, и было видно, какъ онъ рвется кверху. А потомъ онъ снова гасъ...

„Господи, Господи! — тяжело и горько думалъ Тома, чувствуя, какъ тоска все сильнѣе щемитъ ему сердце. — Вотъ и я тоже... все́мъ одинъ, какъ этотъ огонь... Только свѣта нѣтъ отъ меня, а чадъ... угаръ. Хотъ бы умнаго человѣка встрѣтить... Поговорить бы съ кѣмъ... Все́мъ невозможно мнѣ жить одному... Ничего я не могу... Человѣка бы встрѣтить...“

Вдали, на рѣкѣ, появились два большихъ багровыхъ огня и высоко надъ ними—третій. Что-то глухо шумѣло тамъ, что-то черное двигалось къ Томѣ.

„Пароходъ идетъ снизу... — думалось ему.— На немъ, можетъ, не одна сотня людей... а никому изъ нихъ нѣтъ до меня дѣла... Всѣ знаютъ, куда плывутъ... У все́хъ свое есть... каждый, чай, понимаетъ, чего ему надо... а мнѣ чего? И кто мнѣ скажетъ? Гдѣ такой человѣкъ?“

Огни парохода отражались въ рѣкѣ и дрожали въ ней, освѣщенная вода разбѣгалась отъ него съ глухимъ ропотомъ—и пароходъ казался огромной черной рыбой, съ огненными плавниками...

Прошло еще нѣсколько дней послѣ этой тяжелой ночи, и Тома снова закутилъ. Это вышло нечаянно и противъ его желанія. Онъ рѣшилъ было удержаться отъ пьянства и пошелъ обѣдать въ одну изъ дорогихъ гостиницъ города, надѣясь, что въ ней не встрѣтитъ никого изъ знакомыхъ собутыльниковъ, всегда избравшихъ для кутежей болѣе дешевыя и менѣе приличныя мѣста. Но расчетъ его оказался невѣрнымъ: онъ сразу попалъ въ прія-

тельски-радостныя объятія сына водочнаго заводчика, который взялъ на содержаніе Сашу.

Онъ подбѣжалъ къ Ѳомѣ, обнялъ его и весело захохоталъ.

— Вотъ это встрѣча! А я здѣсь третій день пробѣдаю и скучаю въ тяжкомъ одиночествѣ... Во всемъ городѣ нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка, такъ что я даже съ газетчиками вчера познакомился... Ничего, народъ веселый... хоть и играли сначала аристократовъ и все фыркали на меня, но потомъ всѣ въ дребезги напились... Сегодня то же будетъ — клянусь капиталами отца! Я васъ познакомлю съ ними... Тутъ одинъ есть фельетонистъ, знаете—этотъ, который васъ тогда возвеличилъ... какъ его? Увеселительный малый... чортъ его дери! Знаете—панять бы такого для собственнаго употребленія?! Дать ему сколько-нибудь и прикомандировать къ себѣ—увеселяй! Здѣрово? У меня былъ въ услуженіи куплетистъ одинъ,—ничего, знаете, весело съ нимъ было... Бывало, я ему скоманую: „Римскій! валяй куплеты!“ Онъ начнетъ—прямо говорю—животики надорвешь... Жаль, сбѣжалъ куда-то... Обѣдали?

— Нѣтъ еще... А что Александра?—спросилъ Ѳома, немного оглушенный громкой рѣчью этого высокаго, развязнаго парня съ краснымъ лицомъ и въ пестромъ костюмѣ.

— Н-ну, знаете,—поморщился тотъ,—эта ваша Александра—дрянь-женщина! Какая-то... темная... скучно съ ней, чортъ ее возьми! Холодная, какъ лягушка, брр! Нѣтъ, я ей дамъ отставку...

— Холодная—это вѣрно, —сказалъ Ѳома и задумался...

— Каждый человѣкъ долженъ дѣлать свое дѣло самымъ лучшимъ образомъ,—поучительно сказалъ сынъ водочнаго заводчика,— и если ты поступаешь на содержаніе, такъ тоже должна исполнять свою обязанность какъ нельзя лучше... коли ты порядочная женщина... Ну-съ, водки выпьемъ?

Выпили. И, разумѣется, напились.

Къ вечеру въ гостиницѣ собралась большая и шумная компанія, и Ѳома, пьяный, но грустный и тихій, говорилъ ей заплетающимся языкомъ:

— Я такъ понимаю: одни люди—черви, другіе—воробы... Воробы—это купцы... Они клюютъ червей... Такъ ужъ имъ положено... Они—нужны... А я... и всѣ вы—ни къ чему... Мы живемъ безъ сравненія... и безъ оправданія... совсѣмъ—зря... И совсѣмъ не нужно насъ... Но и тѣ... и всѣ—для чего? Это надо понять... Братцы! Мы всѣ—лопнемъ... ей Богу! А отчего—лопнемъ? Оттого что... лишнее все въ насъ... въ душѣ лишнее... и вся жизнь наша—лишняя! Братцы! Я плачу... на что меня нужно? Не нужно меня!.. Убейте меня... чтобы я умеръ... Хочу, чтобы я умеръ...

И онъ плакалъ обильными, пьяными слезами. Къ нему под-
сѣлъ какой-то пьяненькій и маленькій черный человѣчекъ и о-
чемъ-то напоминалъ ему, лѣзь цѣловаться съ нимъ и кричалъ
стуча ножомъ по столу:

— Вѣрно! Молчать! Слово сырю! Дайте слово слонамъ и ма-
монтамъ неустройства жизни! Говорить святая рѣчи сырая рус-
ская совѣсть! Рычи, Гордѣевъ! Рычи на все!—И онъ снова цѣп-
лялся за плечи Оомы и лѣзь на грудь къ нему, поднимая къ
его лицу свою круглую, черную, гладко остриженную голову, не-
устанно вертѣвшуюся на его плечахъ во всѣ стороны, такъ что
Оома не могъ разсмотрѣть его лица, сердился на него за это и
все отталкивалъ его отъ себя, раздраженно вскрикивая:

— Не лѣзь! Гдѣ у тебя рожа? Пшелъ!

Вокругъ нихъ стоялъ оглушающій, пьяный хохотъ, и, зады-
хаясь отъ него, сынъ водочнаго заводчика хрипло ревѣлъ кому-то:

— Иди ко мнѣ! Сто рублей въ мѣсяць, столъ и квартиру!
Честное слово! Иди! Честное слово! Плюнь на газету... я дороже дамъ!

И все качалось изъ стороны въ сторону плавными, волно-
образными движеніями. Люди то отдалялись отъ Оомы, то при-
ближались къ нему, потолокъ опускался, а полъ двигался вверхъ,
и Оомѣ казалось, что вотъ его сейчасъ расплющить, раздавить. За-
тѣмъ онъ почувствовалъ, что плыветъ куда-то, по необъятно широ-
кой и бурной рѣкѣ, и, шатаясь на ногахъ, въ испугъ началъ кричать:

— Куда плывемъ? Гдѣ капитанъ?

Ему отвѣчали громкій, бессмысленный смѣхъ пьяныхъ лю-
дей и рѣзкій, противный крикъ черного человѣчка.

— Вѣрно-о! Всѣ мы—безъ руля и безъ вѣтриль... Гдѣ капи-
танъ? Что-о? Ха-ха-ха!..

Оома очнулся отъ этого кошмара въ маленькой комнаткѣ
съ двумя окнами, и первое, на чемъ остановились его глаза, было
сухое дерево. Оно стояло подъ окномъ; толстый стволъ его, съ
облѣзлой корой и гнилою сердцевиной, преграждалъ свѣту доступъ
въ комнату, изогнутыя и черныя вѣтви безъ листьевъ печально
и безсильно распростерлись въ воздухъ и, покачиваясь, тихо,
жалобно скрипѣли. Шелъ дождь, по стекламъ лились потоки
воды, было слышно, какъ она течетъ съ крыши на землю и вехли-
пываетъ. Къ этому плачущему звуку примѣшивался другой, тон-
кій, то и дѣло прерывавшійся торопливый скрипъ пера по бу-
магѣ и какое-то отрывистое ворчаніе.

Съ трудомъ поворотивъ на подушкѣ больную и тяжелую го-

лову, Ома увидалъ маленькаго чернаго человѣчка, который, сидя за столомъ, быстро паропалъ перомъ по бумагѣ, одобрительно встряхивалъ круглой головой, вертѣлъ ею во всѣ стороны, передергивалъ плечами и весь—всѣмъ своимъ маленькимъ тѣломъ, одѣтымъ лишь въ подштанники и ночную рубаху—неустанно двигался на стулѣ, точно ему было горячо сидѣть, а встать онъ не могъ почему-то. Лѣвая его рука, худая и тонкая, то крѣпко потирала лобъ, то дѣлала въ воздухѣ какіе-то непонятные знаки; босыя ноги шаркали по полу, на шеѣ трепетала какая-то жила, и даже уши его двигались. Когда его лицо обращалось къ Оомѣ—Ома видѣлъ тонкія губы, что-то шептавшія, острый носъ, опускавшійся къ рѣдкимъ усикамъ, и эти усики, прыгавшіе вверхъ каждый разъ, когда человѣчекъ улыбался... Лицо у него было желтое, опухшее, морщинистое, и черные, живые, блестящіе глазки казались чужими на немъ.

Уставъ смотрѣть на него, Ома сталъ медленно водить глазами по комнатѣ. На большіе гвозди, вбитые въ ея стѣны, были воткнуты пучки газетъ, отчего казалось, что стѣны покрыты опухолями. Потолокъ былъ оклеенъ когда-то бѣлой бумагой; она вздулась пузырями, полопалась, отстала и висѣла грязными клочьями; на полу валялось платье, сапоги, книги, рваная бумага... Вся комната производила такое впечатлѣніе, точно она была ошпарена кипяткомъ.

Человѣчекъ бросилъ перо, наклонился надъ столомъ, бойко забарабанилъ по краю его пальцами рукъ и тихонько слабенькимъ голоскомъ зашѣлъ:

„Бе-ери барабанъ и—не бойся!
Цѣ-луй маркитантку звучный!
Вотъ смыслъ глубочайшій науки,
Вотъ смыслъ философіи все-ей!“

Ома тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— А... зельтерской бы выпить... нельзя?

— Ага!—воскликнулъ человѣчекъ и, спрыгнувъ со стула, очутился у широкаго дивана, обитаго клеенкой, на которомъ лежалъ Ома.—Здорово, товарищъ! Зельтерской? Могу! Съ коньякомъ или просто?

— Лучше съ коньякомъ...—сказалъ Ома, пожимая протянутую ему сухую и горячую руку и пристально всматриваясь въ лицо человѣчка...

— Егоровна!—крикнулъ тотъ къ двери и, обратясь къ Оомѣ, спросилъ:—Не узнаешь, Ома Игнатьевичъ?

— Помню... что-то... будто встрѣчались...

— Четыре года продолжалась эта встрѣча... но это давно было! Ежовъ...

— Господи!—воскликнулъ Ома съ изумленіемъ, привставъ на диванъ.—Да развѣ это ты?

— Я, братъ, самъ порой не вѣрю въ это, но реальный фактъ— есть нѣчто такое, отчего сомнѣніе отскакиваетъ, какъ резиновый мячъ отъ желѣза...

Лицо Ежова смѣшно исказилось, и руки для чего-то начали ощупывать грудь.

— Н-ну-у!—протянулъ Ома.— Вотъ такъ постарѣлъ ты! А-я-яй! Сколько жъ тебѣ лѣтъ-то?

— Тридцать...

— А ровно пятьдесятъ... сухой, желтый... Видно не сладко жить-то? И пьешь, вотъ...

Омѣ было жалко видѣть веселаго и бойкаго школьника товарища такимъ изношеннымъ и живущимъ въ этой конурѣ, какъ бы распухшей отъ ожоговъ. Онъ смотрѣлъ на него, грустно мигалъ глазами и видѣлъ, какъ лицо Ежова все подергивается, а глазки пылаютъ раздраженіемъ. Ежовъ откупоривалъ бутылку съ водой и, занятый этимъ, молчалъ, сжавъ бутылку кофѣнями и тщето напрягаясь, чтобы вытащить изъ нея пробку. И это его безсиліе тоже трогало Ому.

— Н-да, обсосала тебя жизнь-то... А учился... Видно и отъ наукъ человѣку мало помощи,—задумчиво говорилъ Гордѣевъ.

— Пей!—сказалъ Ежовъ, даже поблѣднѣвшій отъ усталости и подавая ему стаканъ. Затѣмъ онъ потеръ лобъ, сѣлъ на диванъ къ Омѣ и заговорилъ:

— Науку оставь! Наука есть божественный напитокъ... но пока онъ еще не перебродилъ и не годенъ къ употребленію, какъ водка, не очищенная отъ сивушнаго масла. Для счастья человѣка наука еще не готова, другъ мой... и у живыхъ людей, потребляющихъ ее, только головы болятъ... вотъ какъ у насъ съ тобой теперь... Ты что это, какъ неосторожно пьешь?

— Я?... А что мнѣ дѣлать?—спросилъ Ома, усмѣхаясь.

Ежовъ пылливо прищуренными глазами посмотрѣлъ на Ому и сказалъ:

— Сопоставляя твой вопросъ со всѣмъ тѣмъ, что ты вчера мололь, чую я душой моей смущенной, что ты, другъ, тоже не отъ веселой жизни веселишься...

— Эхъ!—тяжко вздохнулъ Ома, вставая съ дивана.— Какая моя жизнь? Такъ что-то... несуразное... Живу одинъ... ничего не понимаю... а чего-то хочется... плюнуть на все хочется и провалиться бы куда-нибудь! Бѣжать бы отъ всего... Тоска!

— Это любопытно!—сказалъ Ежовъ, потирая руки и весь вертясь.—Это любопытно, если это вѣрно и глубоко, ибо доказываетъ, что святой духъ недовольства жизнью проникъ уже и въ купеческія спальни... въ мертвецкія душъ, утопленныхъ въ жирныхъ щахъ, въ озерахъ чая и прочихъ жидкостяхъ... Ты мнѣ изложи все по порядку... Я, братъ, тогда романъ напишу...

— Мнѣ говорили, что ты и то ужъ написалъ про меня что-то? — съ любопытствомъ спросилъ Оома и еще разъ внимательно осмотрѣлъ стараго товарища, не понимая, что можетъ написать онъ, такой жалкій.

— Написалъ! А ты читалъ?

— Нѣтъ, не довелось...

— А что же тебѣ говорили?

— Здорово, будто, изругалъ ты меня...

— Гм... А тебѣ не интересно самому прочесть?—допрашивалъ Ежовъ, въ упоръ разсматривая Гордѣева.

— Я прочитаю! — обнадежилъ его Оома, чувствуя, что неловко ему передъ Ежовымъ, и что Ежова какъ будто обижаетъ такое отношеніе къ его писаніямъ.—Въ самомъ дѣлѣ—вѣдь интересно, ежели про меня написано...—добавилъ онъ, добродушно улыбаясь товарищу.

Но, говоря это, онъ не ощущалъ никакого интереса и говорилъ лишь по чувству жалости къ Ежову. Ощущалъ онъ нѣчто другое: ему хотѣлось знать, что за человѣкъ Ежовъ, и отчего онъ сталъ такимъ истертымъ?

Эта встрѣча родила въ немъ тихое и доброе чувство, вызвала у него воспоминанія о дѣтствѣ, и они мелькали теперь въ памяти его,—мелькали, какъ маленькіе скромные огоньки, пугливо свѣтя ему изъ дали прощлаго...

Ежовъ подошелъ къ столу, на которомъ уже стоялъ кипящій самоваръ, молча налилъ два стакана густого, какъ деготь, чая и сказалъ Оомѣ:

— Иди пей чай... И рассказывай про себя...

— Мнѣ нечего рассказывать... Я ничего въ жизни не видалъ... Пустая у меня жизнь! Лучше ты мнѣ про себя расскажи... ты все-таки, чай, больше моего знаешь...

Ежовъ задумался, не переставая вертѣться всѣмъ тѣломъ и крутить головой. Въ задумчивости только лицо его становилось неподвижнымъ,—всѣ морщинки на немъ собирались около глазъ и окружали ихъ какъ бы лучами, а глаза отъ этого уходили глубже подъ лобъ...

— Н-да, я, братъ, кое-что видѣлъ и знаю...—заговорилъ онъ, встряхивая головой. — И, пожалуй, знаю я — больше, чѣмъ мнѣ

слѣдуетъ знать, а знать больше, чѣмъ нужно, такъ же вредно для человѣка, какъ и не знать того, что необходимо знать... Разсказать тебѣ, какъ я жилъ? Могу... то есть, попробую. Никогда, никому не рассказывалъ о себѣ... потому что ни въ комъ не возбуждалъ интереса... Преобидно жить на свѣтѣ, не возбуждая въ людяхъ интереса къ себѣ!..

— Ужъ я по лицу да и по всему вижу, что не хорошо тебѣ жилось!—сказалъ Гома, чувствуя удовольствіе отъ того, что и товарищу, какъ оказывается, жизнь тоже не сладка была...

Ежовъ залпомъ выпилъ свой чай, швырнулъ стаканъ на блюдо, поставилъ ноги на край стула и, обнявъ колѣни руками, положилъ на нихъ подбородокъ. Въ этой позѣ, маленькій и гибкій, какъ резина, онъ заговорилъ:

— Студентъ Сачковъ, бывший мой учитель, а нынѣ докторъ медицины, винтеръ и холопъ, говорилъ мнѣ, бывало, когда я хорошо выучу урокъ: „Молодецъ Коля! Ты способный мальчикъ. Мы, разночинцы, простые и бѣдные люди, съ задняго двора жизни должны учиться и учиться, чтобъ встать впереди всѣхъ... Россія нуждается въ умныхъ и честныхъ людяхъ, старайся быть такимъ, и ты будешь хозяиномъ своей судьбы и полезнымъ членомъ общества... На насъ, разночинцахъ, покоятся теперь лучшія надежды страны, мы призваны внести въ нее свѣтъ, правду...“ и т. д. Я ему, скотинѣ, вѣрилъ... И вотъ съ той поры прошло около двадцати лѣтъ—мы, разночинцы, выросли, но ума не вынесли и свѣта въ жизнь не внесли. Россія по-прежнему страдаетъ своей хронической болѣзью — избыткомъ мерзавцевъ,—и мы, разночинцы, съ удовольствіемъ пополняемъ собой ихъ густыя толпы. Мой учитель, повторяю, — лакей, безличное и безмолвное существо, которому городской голова приказываетъ... а я — паяцъ на службѣ обществу. Меня, братъ, здѣсь въ городѣ преслѣдуетъ слава... Иду по улицѣ и слышу — извозчикъ говоритъ своему товарищу: „Вонъ Ежовъ идетъ! Здорово лается, фдятъ его мухи!“ Н-да! Этого тоже достигъ надо...

Лицо Ежова сморщилось въ фдную гримасу, и онъ какъ-то беззвучно, однѣми губами заемѣлся. Гома была непонятна его рѣчь, и онъ, чтобъ сказать что-нибудь, сказалъ наобумъ:

— Не туда, значить, попалъ, куда мѣтилъ...

— Да, я думалъ, что вырасту покрупнѣе... И выросъ бы! Я выросъ бы, говорю!

Онъ вскочилъ со стула и забѣгалъ по комнатѣ, быстро и съ визгомъ восклицая:

— Но, чтобъ сохранить себя цѣльнымъ для жизни и чтобы быть въ ней свободнымъ человѣкомъ, — нужны огромныя силы!

имѣть силы для твоего дѣла — вотъ, что называется мученіемъ!

— Вотъ! Ты погоди-ка!—оживился Ома.—Ты скажи-ка—а что нужно дѣлать, чтобы спокойно жить... то есть, чтобы собой быть довольнымъ?

— Для этого нужно жить безпокойно и избѣгать, какъ дурной болѣзни, даже возможности быть довольнымъ собой!

Для Омы эти слова прозвучали громко, но пусто, и звуки ихъ замерли, не шелохнувъ въ сердцѣ его никакого чувства, не зародивъ въ головѣ ни одной мысли.

— Нужно жить всегда влюбленнымъ во что-нибудь недо-ступное тебѣ... Человѣкъ становится выше ростомъ отъ того, что тянется къ верху...

Теперь, бросивъ говорить о себѣ, Ежовъ заговорилъ инымъ тономъ, спокойнѣе. Голосъ его звучалъ твердо и увѣренно, а лицо стало важно и строго. Онъ стоялъ среди комнаты, поднявъ руку съ вытянутымъ пальцемъ, и говорилъ, точно читалъ:

— Люди низки, потому что стремятся къ сытости... Сытый человѣкъ—животное, ибо сытость есть самодовольство тѣла... И самодовольство духа обращаетъ человѣка въ животное...

Его снова какъ-то передернуло, точно все жилы и мускулы его вдругъ напряглись, и снова онъ забѣгалъ по комнатѣ, въ кипучемъ возбужденіи.

— Самодовольный человѣкъ—это затвердѣвшая опухоль на груди общества... это мой заклятый врагъ! Онъ набиваетъ себя грошовыми истинами, обгрызанными кусочками затхлои мудрости и существуетъ, какъ чуланъ, въ которомъ скупая хозяйка хранить всякій хламъ, совершенно не нужный ей, ни на что не годный... Дотронешься до такого человѣка, отворишь дверь въ него, и на тебя пахнетъ вонью разложенія, и въ воздухъ, которымъ ты дышишь, вольется струя какой-то затхлои дряни... Эти несчастные люди именуются людьми твердыми духомъ, людьми принциповъ и убѣжденій... и никто не хочетъ замѣтить, что убѣжденія для нихъ—только штаны, которыми они прикрываютъ нищенскую наготу своихъ душъ. На узкихъ лбахъ такихъ людей всегда сіяетъ всемъ ясная надпись: спокойствіе и увѣренность—фальшивая надпись! Потри лбы ихъ твердой рукой, и ты увидишь истинную вывѣску,—на ней изображено: ограниченность и туподушіе!..

Ома смотрѣлъ, какъ Ежовъ мечется по комнатѣ, и съ грустью думалъ:

„Кого это онъ ругаетъ? Непонятно... А обидѣли его больно... это видать“...

— Сколько видѣлъ я такихъ людей!—съ гнѣвомъ и съ ужасомъ вскричалъ Ежовъ.—Сколько развелось въ жизни этихъ мелочныхъ лавочекъ! Въ нихъ найдешь и коленкоръ для савановъ, и деготь, леденцы и буру для истребленія таракановъ—но не отыщешь ничего свѣжаго, горячаго, ничего здороваго! Къ нимъ приходишь съ больной душой, истомленный одиночествомъ, приходишь съ жаждой услышать что-нибудь живое... Они предлагаютъ тебѣ какую-то теплую жвачку, пережеванные ими книжныя мысли, прокисшія отъ старости... И всегда эти сухія и жесткія мысли настолько мизерны, что для выраженія ихъ потребно огромное количество звонкихъ и пустыхъ словъ. Когда такой человѣкъ говоритъ, мнѣ кажется: вотъ сытая, но и опоенная кляча, увѣшенная бубенчиками,—везетъ возъ мусора за городъ и—несчастливая!—довольна своей судьбой...

— Тоже, значитъ, лишніе люди...—сказалъ Тома. Ежовъ остановился противъ него и съ ѣдкой улыбкой на губахъ сказалъ:

— Нѣтъ, они не лишніе, о нѣтъ! Они существуютъ для образца... для указанія, чѣмъ человѣкъ не долженъ быть. Собственно говоря—мѣсто имъ въ анатомическихъ музеяхъ, тамъ, гдѣ хранятся всевозможные уроды, различныя болѣзненные уклоненія отъ гармоничнаго... Въ жизни, братъ, ничего нѣтъ лишняго... въ ней даже я нуженъ! Только тѣ люди, въ душахъ которыхъ поселилась рабья трусость предъ жизнью, у которыхъ въ груди на мѣстѣ умершаго сердца—огромный нарывъ мерзѣйшаго самообожанія,—только они—лишніе... но и они нужны, хотя бы для того, чтобы я могъ излить на нихъ мою ненависть...

Весь день, вплоть до вечера кипятился Ежовъ, изрыгая хулу на людей, ненавистныхъ ему, и его рѣчи—хотя содержаніе ихъ было темно для Тома—заражали его своимъ злымъ пыломъ заражали, вызывая у Тома боевое чувство. Порой въ немъ вспыхивало недовѣріе къ Ежову, и въ одинъ изъ такихъ моментовъ онъ прямо спросилъ его:

— Ну... а въ глаза людямъ можешь ты такъ говорить?

— При всякомъ удобномъ случаѣ... И каждое воскресенье—въ газетѣ... Хочешь—почитаю?

Не дожидаясь отвѣта Тома, онъ сорвалъ со стѣны нѣсколько листовъ газеты и, продолжая бѣгать по комнатамъ, сталъ читать ему. Онъ рычалъ, взвизгивалъ, смѣялся, оскаливалъ зубы и былъ похожъ на злою собаку, которая рвется съ цѣпи въ безсильной ярости. Не улавливая мысли въ твореніяхъ товарища, Тома чувствовалъ ихъ дерзкую смѣлость, ядовитую насмѣшку, горячую злобу, и ему было такъ пріятно... точно его въ жаркой банѣ вѣниками парили...

— Ловко!—восклицалъ онъ, улавливая какую-нибудь отдѣльную фразу.—Здорово пущено!

То и дѣло предъ нимъ мелькали знакомыя фамиліи купцовъ и именитыхъ горожанъ, которыхъ Ежовъ язвилъ то смѣло и рѣзко, то почтительно и тонкимъ, какъ игла, жаломъ.

Одобренія Оомы, его горячіе удовольствіемъ глаза и возбужденное лицо вдохновляли Ежова еще болѣе, и онъ все громче вылъ и рычалъ, то въ изнеможеніи падая на диванъ, то снова вскакивая и подбѣгая къ Оомѣ.

— Ну-ка, про меня прочитай!—вскричалъ Оома, разохотившись.

Ежовъ порылся въ грудѣ газетъ, вырвалъ изъ нея листъ и, взявъ его въ обѣ руки, всталъ предъ Оомой, широко разставивъ ноги, а Оома развалился въ креслѣ съ продавленнымъ сидѣньемъ и слушалъ, улыбаясь.

Замѣтка о Оомѣ начиналась описаніемъ кутежа на плотяхъ, и Оома при чтеніи ея сталъ чувствовать, что нѣкоторыя отдѣльныя слова покусываютъ его, какъ комары. Лицо у него стало серьезнѣе, онъ наклонилъ голову и угрюмо молчалъ. А комаровъ становилось все больше...

— Ужъ очень ты разошелся!—сказалъ онъ наконецъ смущенно и недовольно. — Вѣдь однимъ тѣмъ, что опозорить человѣка умѣешь, передъ Богомъ не послужишься...

— Молчи! Подожди!—кратко бросилъ ему Ежовъ и продолжалъ чтеніе.

Установивъ въ своей статьѣ, что купецъ въ дѣлѣ творчества безобразій и скандаловъ несомнѣнно возвышается надъ представителями другихъ сословій, Ежовъ спрашивалъ: отчего это?—и отвѣчалъ:

„Мнѣ кажется, что эта склонность къ дикимъ выходкамъ вытекаетъ изъ недостатка культуры постольку же, поскольку обусловлена избыткомъ энергіи и бездѣльемъ. Не можетъ быть сомнѣнья въ томъ, что наше купечество—за малыми исключеніями—сословіе наиболѣе богатое здоровьемъ и въ то же время наименѣе трупящееся“...

— Вотъ это вѣрно-о!—воскликнулъ Оома, ударивъ кулакомъ по столу.—Это такъ! У меня силы—на быка, а работы—на воробья...

„Куда же дѣвать купцу свою энергію? На биржѣ ее много не истратишь, и вотъ онъ расточаетъ избытокъ мускульнаго капитала въ кабакахъ на кутежи, не имѣя представленія объ иныхъ, болѣе продуктивныхъ и цѣнныхъ для жизни пунктахъ приложенія силы. Онъ—еще звѣрь, а жизнь для него уже стала клѣткой, и ему тѣсно въ ней при его добромъ здоровьѣ и склонности къ широкому размаху. Стѣсненный культурой, онъ нѣтъ-нѣтъ да и

надебоширить. Купеческій дебошъ—всегда бунтъ плѣннаго звѣря. Разумѣется—это дурно... Но,—ахъ!—будетъ еще хуже, когда этотъ звѣрь къ своей силѣ прикопитъ немножко ума и дисциплинируетъ ее! Повѣрьте—онъ и тогда не перестанетъ производить скандалы, но это уже будутъ историческія событія. Избави насъ, Боже, отъ такихъ событий! Ибо они проистекуть изъ стремленія купца ко власти, ихъ цѣлью будетъ всемогущество одного соловія и—не постѣснится купецъ въ средствахъ ради этой цѣли“..

— Ну, что скажешь—вѣрно?—спросилъ Ежовъ, дочитавъ газету и бросая ее въ сторону.

— Конца я не понимаю...—отвѣтилъ Ома.—А вотъ о силѣ—вѣрно! Куда я употреблю силу мою, ежели нѣтъ на нее спроса! Мнѣ бы... съ разбойниками сражаться или самому разбойникомъ быть... вообще что бынибудь эдакое... большущее дѣлать... И что бы не головой, а руками, грудью... А тутъ—иди на биржу и приноравливайся, какъ бы рубль зашибить... А зачѣмъ его? И опять же что такое? Развѣ жизнь навсегда въ такомъ видѣ устроена? Какая это жизнь, коли всѣ ноютъ и всѣмъ тѣсно? Она должна быть по вкусу людямъ, жизнь-то... Мнѣ тѣсно, стало быть, долженъ я ее раздвигать... чтобы свободнѣе было... Значить—надо ее ломать и перестраивать... А какъ? Вотъ тутъ мнѣ и петля!.. Что надо дѣлать, чтобы свободнѣе жилось? Не понимаю я этого и—тутъ мнѣ конецъ!

— Н-да-а!—протянулъ Ежовъ.—Вотъ ты до чего долѣзъ!.. Это, братъ, дѣло доброе! Ахъ, поучиться бы тебѣ слегка! Ты какъ насчетъ книжекъ? Читаешь какія-нибудь?

— Нѣтъ, не люблю... не читываль...

— Оттого и не любишь, что не читываль...

— Я даже боюсь читать... Видѣлъ я—тутъ одна... хуже запоя у нея это! И какой толкъ въ книгѣ? Одинъ человѣкъ придумаетъ что-нибудь и напечатаетъ, а другіе читаютъ... Коли любопытно, такъ ладно... Но чтобы учиться изъ книги, какъ жить,—это ужъ что-то несуразное. Вѣдь человѣкъ написалъ, не Богъ, а какіе законы и примѣры человѣкъ установить можетъ самъ для себя?

— А Евангеліе? Его написали люди же.

— То апостолы... Теперь ихъ нѣтъ...

— Ничего, — возразилъ дѣльно! Вѣрно, братъ, апостоловъ нѣтъ... Остались только Іуды, да и то дрянненькіе.

Ома чувствовалъ себя прекрасно, ибо видѣлъ, что Ежовъ слушаетъ его слова внимательно и точно взвѣшиваетъ каждое слово, сказанное имъ. Первый разъ въ жизни встрѣчаясь съ такимъ отношеніемъ къ себѣ, Ома смѣло и свободно изливаль

предъ товарищем свои думы, не заботясь о словахъ и чувствуя, что его поймутъ, потому что хотятъ понять.

— А любопытный ты парень!—сказаль ему Ежовъ, дня черезъ два послѣ встрѣчи.—И хоть тяжело ты говоришь, но чувствуется въ тебѣ многое... большая дерзость сердца! Кабы тебѣ немножко знанія порядковъ жизни! Заговорилъ бы ты тогда... довольно громко, я думаю... да-а!

— Все-таки словами себя не очистишь... и не освободишь...—вздохнувъ, замѣтилъ Оома. — Ты вотъ какъ-то говорилъ про людей, которые притворяются, что все знаютъ и могутъ... Я тоже знаю такихъ... Крестный мой, примѣрно... Вотъ противъ ихъ бы двинуть... ихъ бы уличить... Довольно вредный народъ!..

— Не представляю я, Оома, какъ ты будешь жить, если сохранишь въ себѣ то, что теперь носишь...—задумчиво сказаль Ежовъ.

— Трудно мнѣ... Устойчивости нѣту у меня... Сразу бы я могъ что-нибудь сдѣлать... Я вотъ очень хорошо понимаю, что всѣмъ трудно и тѣсно... и что крестный это тоже видитъ—знаю! Но онъ отъ тѣсноты пользуется... Ему въ ней хорошо; онъ, какъ игла, острый и всюду, куда хочетъ, пройдетъ... А я человѣкъ большой и тяжелый... оттого и задыхаюсь! Оттого я и живу связаный... И развязаться мнѣ со всѣмъ—однимъ приѣмомъ можно: двинуться хорошенько всѣмъ тѣломъ... тогда всѣ связи порвешь!

— А потомъ что?—спросилъ Ежовъ.

— Потомъ?—Оома задумался и, подумавъ, махнулъ рукой.— Не знаю, что потомъ... тамъ увижу!

— Увидимъ!—согласился Ежовъ.

Онъ шлъ, этотъ маленькій, ошпаренный жизнью человѣчекъ. Его день начинался такъ: утромъ за чаемъ онъ просматриваль мѣстные газеты и почерпаль въ нихъ изъ репортерскихъ замѣтокъ материалъ для своего фельетона, который и сочиняль тутъ же, на углу стола. Затѣмъ бѣжалъ въ редакцію и тамъ рѣзаль иногороднія газеты, составляя изъ вырѣзокъ „Провинціальныя картинки“. Въ пятницу онъ долженъ былъ писать воскресный фельетонъ. За все это ему платили сто двадцать пять рублей въ мѣсяцъ; работалъ онъ быстро, и все свободное время посвящаль „обозрѣнію и изученію богоугодныхъ учреждений“. вмѣстѣ съ Оомой онъ шлялся до глубокой ночи по клубамъ, гостиницамъ, трактирамъ, всюду черпая материалъ для своихъ писаній, которыя онъ называль „счетками для чистки общественной совѣсти“. Цензора онъ именоваль „завѣдующимъ распространеніемъ въ жизни истины и справедливости“, газету называль „сводней, занимающейя ознакомленіемъ читателя съ вредонос-

ными „идеями“, а свою въ ней работу „продажей души въ розницу“ и „поползновеніемъ къ дерзновенію противъ божественныхъ учреждений“.

Ома плохо понималъ, когда Ежовъ шутить и когда онъ говорить серьезно. Обо всемъ онъ говорилъ горячо и страстно, все рѣзко осуждалъ, и это нравилось Омѣ. Но часто, начавъ рѣчь со страстью, онъ такъ же страстно возражалъ самъ себѣ и опровергалъ себя или заканчивалъ ее какой-нибудь смѣшной выходкой. Тогда Омѣ казалось, что у этого человѣка нѣтъ ничего такого, что бы онъ любилъ, что бы крѣпко сидѣло въ немъ и управляло имъ. Только о себѣ самомъ онъ говорилъ какимъ-то особымъ голосомъ и, чѣмъ горячѣе говорилъ о себѣ, тѣмъ безпощаднѣе и злѣй ругалъ всѣхъ и все. И къ Омѣ отношеніе его было двойственнымъ—то онъ ободрялъ его и говорилъ ему съ жаромъ и трепетомъ во всемъ тѣлѣ:

— Вали! Опровергай и опрокидывай все, что можешь! Толкайся впередъ всей грудью! Дороже человѣка ничего нѣтъ, такъ и знай! Кричи во всю силу: свободы! свободы!..

А когда Ома, загораясь отъ жгучихъ искръ его рѣчи, начиналъ мечтать о томъ, какъ онъ начнетъ опровергать и опрокидывать людей, которые ради своей выгоды не хотятъ расширить жизнь,—Ежовъ часто обрывалъ его:

— Брось! Ничего ты не можешь! Такихъ, какъ ты,—не надо... Ваша пора,—пора сильныхъ, но не умныхъ прошла, братъ! Опоздалъ ты... Нѣтъ тебѣ мѣста въ жизни...

— Нѣтъ?... Врешь!—кричалъ Ома, возбужденный противорѣчіемъ.

— Ну, что ты можешь сдѣлать?

— Я?

— Ты!

— А вотъ... убью тебя!—злобно говорилъ Ома, сжимая кулакъ.

— Э, чучело!—пожимая плечами, убѣдительно и съ сожалѣніемъ произносилъ Ежовъ.—Развѣ это дѣло? Я и такъ изувѣченъ до полусмерти...

И вдругъ, воспламененный тоскливой злостью, онъ весь подергивался и говорилъ:

— Обидѣла меня судьба моя! Зачѣмъ я унижался, принимая подачки общества, зачѣмъ я работалъ, какъ машина, двѣнадцать лѣтъ кряду. Чтобы учиться... Зачѣмъ я двѣнадцать лѣтъ безъ отдыха глоталъ въ гимназій и университетѣ сухую и скучную, ни на что не нужную мнѣ гадость и противорѣчивую ерунду? Чтобы стать фельетонистомъ, чтобы изо-дня-въ-день балаганить,

увеселяя публику и убѣждая себя въ томъ, что это ей нужно, полезно... Гдѣ порохъ юности моей? Разстрѣлялъ я весь зарядъ души по три копейки за выстрѣлъ... Какую вѣру приобрѣлъ я себѣ? Только вѣру въ то, что все въ сей жизни ни къ чорту не годится, все должно быть изломано, разрушено... Что я люблю? Себя... и чувствую—предметъ любви моей недостойнымъ любви моей... Что я могу сдѣлать?

Онъ почти плакалъ и все какъ-то царапалъ тонкими, слабыми руками грудь и шею себѣ.

Но иногда имъ овладѣвалъ приливъ бодрости и онъ говорилъ въ иномъ духѣ:

— Я? Ну, нѣтъ, еще моя пѣсня не спѣта! Вспитала кое-что грудь моя и—я свистну, какъ бичъ! Погоди, брошу газету, примусь за серьезное дѣло и напишу одну маленькую книгу... Я назову ее— „Отходная“: есть такая молитва,—ее читаютъ надъ умирающими. И это общество, проклятое проклятіемъ внутренняго безсилія, передъ тѣмъ, какъ издохнуть ему, приметъ мою книгу, какъ мускусъ.

Вслушиваясь въ каждое его слово, слѣдя за нимъ и сравнивая его рѣчи, Гома видѣлъ, что и Ежовъ такой же слабый и заплутавшійся человѣкъ, какъ онъ самъ. Но настроеніе Ежова продолжало заражать Гома, рѣчи его обогащали языкъ Гома, и порой онъ съ радостнымъ изумленіемъ замѣчалъ за собой, какъ ловко и сильно высказана имъ та или другая мысль.

Не разъ онъ встрѣчалъ у Ежова какихъ-то особенныхъ людей, которые, казалось ему, все знали, все понимали и всему противорѣчили, во всемъ видѣли обманъ и фальшь. Онъ молча присматривался къ нимъ, прислушивался къ ихъ словамъ; ихъ дерзость нравилась ему, но его стѣсняло и отталкивало отъ нихъ что-то барское, гордое въ ихъ отношеніи къ нему. И затѣмъ ему рѣзко бросалось въ глаза то, что въ комнатѣ Ежова всѣ были умнѣе и лучше, чѣмъ на улицѣ и въ гостиницахъ. У нихъ были особые комнатные разговоры, комнатныя слова, жесты, и все это—въ комнаты замѣнялось самымъ обыкновеннымъ, человѣческимъ. Иногда въ комнатѣ они всѣ разгорались, какъ большой костеръ, и Ежовъ былъ среди нихъ самой яркой головней, но блескъ этого костра слабо освѣщаль тьму души Гома Гордѣева.

Какъ-то разъ Ежовъ сказалъ ему:

— Сегодня—кутимъ! Наши наборщики устроили артель и берутъ у издателя всю работу сдѣльно... По этому поводу будутъ спрыски и я приглашенъ... это я имъ посовѣтовалъ... Идемъ? Угостишь ихъ хорошенько...

— Могу...—сказаль Ѳома, которому было безразлично, съ кѣмъ проводить время, тяготившее его.

Вечеромъ этого дня Ѳома и Ежовъ сидѣли въ компаніи людей съ сѣрыми лицами, за городомъ, у опушки рощи. Наборщикъ было человѣкъ двѣнадцать; прилично одѣтые, они держались съ Ежовымъ просто, по-товарищески, и это нѣсколько удивляло и смущало Ѳому, въ глазахъ котораго Ежовъ все-таки былъ чѣмъ-то вродѣ хозяина или начальника для нихъ, а они всѣ—только слуги его. Они какъ будто не замѣчали Гордѣева, хотя, когда Ежовъ знакомилъ Ѳому съ ними, всѣ пожимали его руку и говорили, что рады видѣть его... Онъ легъ въ сторонкѣ, подѣ кустомъ орѣшника, и слѣдилъ за всѣми, чувствуя себя чужимъ въ этой компаніи и замѣчая, что и Ежовъ какъ будто нарочно отошелъ отъ него подальше и тоже мало обращаетъ вниманія на него. Онъ замѣчалъ за Ежовымъ нѣчто странное: маленькій фельетонистъ какъ будто подыгрывался подѣ тонъ и рѣчи наборщиковъ. Онъ суетился вмѣстѣ съ ними около костра, откупориваль бутылки съ пивомъ, поругивался, громко хохоталь и всячески старался быть похожимъ на нихъ. Онъ и одѣтъ былъ проще, чѣмъ всегда одѣвался.

— Эхъ, братцы!—восклицаль онъ съ удалствомъ.—Хорошо мнѣ съ вами! Вѣдь я тоже не величка-птичка..., всего только сынъ судейскаго сторожа, унтеръ-офицера Матвѣя Ежова!

„На что это онъ говоритъ?“ думаль Ѳома.—Мало-ли кто чей сынъ... чай не по отцу почетъ, а по уму...

Заходило солнце и въ небѣ тоже пылаль огромный огненный костеръ, окрашивая облака въ цвѣтъ золота и крови. Изъ лѣса пахло сыростью, вѣяло тишиной, а у опушки его шумно возились темныя фигуры людей. Одинъ изъ нихъ, невысокій и худой, въ широкой соломенной шляпѣ наигрываль на гармони, другой, съ черными усами и въ картузѣ на затылкѣ, вполголоса подпѣваль ему. Еще двое тянулись на палкѣ, пробуя силу. Нѣсколько фигуръ возилось у корзины съ пивомъ и провизіей; высокий человѣкъ съ полусѣдою бородой подбрасываль въ костеръ сучья, окутанный тяжелымъ, бѣловатымъ дымомъ. Сырыя вѣтви, попадая въ огонь, жалобно пищали и потрескивали, а гармоника задорно выводила веселую мелодію, и фальцетъ пѣвца подкрѣпляль и дополняль ея бойкую игру.

Въ сторонѣ ото всѣхъ, у обрыва небольшой промоины, улеглось трое молодыхъ парней, а предъ ними стояль Ежовъ и звонко говорилъ:

— Вы несете священное знамя труда... и я, какъ вы, рядо-

вой той же арміи, мы всё служимъ ея величеству прессѣ... и должны жить въ крѣпкой, прочной дружбѣ...

— Это вѣрно, Николай Матвѣичъ! — перебилъ его рѣчь чей-то густой голосъ. — И вотъ мы хотимъ просить васъ — подѣйствуйте на издателя-то! Повліяйте! Болѣзнь и пьянство нельзя трактовать за одно и то же... А по его системѣ выходитъ такъ: запыеть товарищъ, мы его штрафуемъ на дневной заработокъ, заболѣеть — то же самое... Мы бы, въ случаѣ болѣзни, свидѣтельство отъ доктора представляли... для вѣрности, а онъ — для справедливости пускай бы хоть половину заработка замѣстителю большого платилъ... А то намъ тяжело... вдругъ сразу трое захворають?

— Н-да... это, разумѣется, резонно... — согласился Ежовъ. — Но, друзья мои, — принципъ коопераціи...

Ома пересталъ вслушиваться въ рѣчь товарища, отвлеченный другимъ разговоромъ. Говорили двое: одинъ высокій, чахоточный, плохо одѣтый и смотрѣвшій сердито, другой молоденькій, съ русыми волосами и бородкой.

— По-моему, — угрюмо и покашливая говорилъ высокій, — глупо это! Какъ можно жениться нашему брату? Пойдутъ дѣти — развѣ хватить на нихъ? Жену надо одѣвать... да еще какая попадется...

— Дѣвушка она славная... — тихо сказалъ русый.

— Ну, это теперь хороша... Одно дѣло невѣста, другое — жена... Да не въ этомъ суть... попробовать можно... можетъ и въ самомъ дѣлѣ хороша будетъ. А только — средствъ не хватить... и самъ надорвешься въ работѣ и ее заѣздишь... Совсѣмъ невозможное дѣло женитьба для насъ... Развѣ мы можемъ семью поднять на такомъ заработкѣ? Вотъ видишь... я женатъ... всего четыре года... а ужъ скоро мнѣ — конецъ. И никакой радости не видалъ я... кромѣ безпокойства да заботъ...

Онъ закашлялся, кашлялъ долго, съ воемъ и, когда пересталъ, то сказалъ товарищу задыхаясь:

— Брось... ничего не выйдетъ...

Тотъ грустно опустилъ голову, а Ома подумалъ:

„Дѣльно говорить... тоже, видно, можетъ понимать“...

Невниманіе къ нему немножко обижало его и въ то же время возбуждало въ немъ чувство уваженія къ этимъ людямъ съ темными, пропитанными свинцовой пылью лицами. Почти всё они вели дѣловой, серьезный разговоръ, въ рѣчахъ ихъ сверкали какія-то особенныя слова. Никто изъ нихъ не заискивалъ предъ нимъ, не лѣзъ къ нему съ назойливостью, обычной для его трактирныхъ знакомыхъ, товарищей по кутежамъ. Это нравилось ему...

— Ишь какіе...—думаль онъ, внутренно усмѣхаясь, —имѣють свою гордость...

— А вы, Николай Матвѣичъ, — раздался чей-то, какъ будто укоряющій голосъ,—вы не по книжкѣ судите, а по живой правдѣ... Вѣдь за кусокъ-то хлѣба не по книжкѣ бьются, а по необходимости и какъ Богъ на душу положить, а не какъ въ правилахъ вашихъ написано...

— По-озвольте, друзья мои! Чему насъ учить опытъ нашихъ собратій...

Тома повернулъ голову туда, гдѣ громко ораторствовалъ Ежовъ, снявъ шляпу и размахивая ею надъ головой. Но въ это время ему сказали:

— Подвигайтесь поближе къ намъ, господинъ Гордѣевъ!

Предъ нимъ стоялъ низенькій и толстый паренъ, въ блузѣ и высокихъ сапогахъ и, добродушно улыбаясь, смотрѣлъ въ лицо ему. Томѣ понравилась его широкая, круглая рожа съ толстымъ носомъ и онъ тоже съ улыбкой отвѣтилъ:

— Можно и поближе... А что—къ коньяку не пора намъ приблизиться? Я тутъ захватилъ бутылокъ съ десять... на всякій случай...

— Ого!—Видать—вы сурьезный купецъ... Сейчасъ я сообщу компаніи вашу дипломатическую ноту!..

И онъ самъ первый расхохотался надъ своими словами веселымъ и громкимъ смѣхомъ. И Тома захохоталъ, чувствуя, какъ на него отъ костра или отъ парня пахнуло весельемъ и тепломъ.

Вечерняя заря тихо гасла. Казалось, тамъ, на западѣ, опускается въ землю огромный и мягкій пурпурный занавѣсъ, открывая бездонную глубь неба и веселый блескъ звѣздъ, играющихъ въ немъ. Вдали, въ темной массѣ города невидимая рука сѣяла огни, а здѣсь въ молчаливомъ покоѣ стоялъ лѣсъ, черной стѣною вздымаясь до неба... Луна еще не взошла и надъ полемъ лежалъ теплый сумракъ...

Вся компанія усѣлась въ большой кружокъ неподалеку отъ костра; Тома сидѣлъ рядомъ съ Ежовымъ спиной къ огню и видѣлъ предъ собою рядъ ярко освѣщенныхъ лицъ веселыхъ и простыхъ. Всѣ были уже возбуждены выпивкой, но еще не пьяны, смѣялись, шутили, пробовали пѣть и пили, закусывая огурцами, бѣлымъ хлѣбомъ, колбасой. Все это для Тома имѣло какой-то особый, пріятный вкусъ, онъ становился смѣлѣе, охваченный общимъ, славнымъ настроеніемъ, и чувствовалъ въ себѣ желаніе сказать что-нибудь хорошее этимъ людямъ, чѣмъ-нибудь понравиться всѣмъ имъ. Ежовъ, сидя рядомъ съ нимъ, возился на

землѣ, толкалъ его плечомъ и, потряхивая головой, невнятно бормоталъ что-то подъ носъ себѣ...

— Братцы! — крикнулъ толстый парень. — Давайте грянемъ студенческую... ну, разъ, два!..

„Быстры, ка-акъ во-олны...“

Кто-то загудѣлъ басомъ:

„Д-дни-и нашей...“

— Товарищи! — сказалъ Ежовъ, поднимаясь на ноги со стаканомъ въ рукѣ. Онъ пошатывался и опирался другой рукой о голову Оомы. Начатая пѣсня оборвалась и всѣ повернули къ нему головы...

— Труженики! Позвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ... словъ отъ сердца... Я счастливъ съ вами! Мнѣ хорошо среди васъ... Это потому, что вы—люди труда, люди, чье право на счастье не подлежитъ сомнѣнью, хотя и не признается... Въ здоровой, облагораживающей душу средѣ вашей, честные люди, такъ хорошо, свободно дышится одинокому, отравленному жизнью человеку...

Голосъ Ежова дрогнулъ, зазвенѣлъ и голова затряслась. Оома почувствовалъ, какъ что-то теплое капнуло ему на руку, и взглянулъ въ сморщенное лицо Ежова который продолжалъ рѣчь, вздрагивая всѣмъ тѣломъ:

— Я—не одинъ...насъ много такихъ, загнанныхъ судьбой, разбитыхъ и больныхъ людей... Мы—несчастнѣе васъ, потому что слабѣе и тѣломъ, и духомъ, но мы сильнѣе васъ, ибо вооружены знаніемъ... которое намъ некуда приложить... Мы всѣ съ радостью готовы придти къ вамъ и отдать вамъ себя, помочь вамъ жить... больше намъ нечего дѣлать! Безъ васъ мы—безъ почвы, вы безъ насъ—безъ свѣта! Товарищи! Мы судьбой самою созданы для того, чтобъ дополнять другъ друга!

„Чего это онъ у нихъ просить?“ — думалъ Оома, съ недоумѣніемъ слушая рѣчь Ежова. И, оглядывая лица наборщиковъ, онъ видѣлъ, что они смотрять на оратора тоже вопросительно, недоумѣвающе, скучно.

— Будущее — ваше, друзья мои! — говорилъ Ежовъ нетвердо и грустно покачивая головой, точно сожалѣя о будущемъ и противъ своего желанія уступая власть надъ нимъ этимъ людямъ. — Будущее принадлежитъ людямъ честнаго труда... Великая работа предстоить вамъ! Это вы должны создать новую культуру... все свободное, живое и яркое! Я—вашъ по плоти и духу, сынъ солдата—предлагаю: выпьемъ же за ваше будущее! Ур-ра-а!

Ежовъ, выпивъ изъ своего стакана, тяжело опустился на зем-

лю. Наборщики дружно подхватили его надорванный возгласъ, и въ воздухъ прокатился гремѣющій, сильный крикъ, сотрясая листву на деревьяхъ.

— Теперь пѣсню! — снова предложилъ толстый парень.

— Давай! — поддержали его два-три голоса. Завязался шумный споръ о томъ, что пѣть. Ежовъ слушалъ шумъ и, повертывая головой изъ стороны въ сторону, осматривалъ всѣхъ.

— Братцы! — вдругъ снова крикнулъ онъ. — Отвѣтьте мнѣ... отвѣтьте парой словъ на мой привѣтъ вамъ...

Снова — хотя и не сразу — всѣ замолчали, глядя на него — иные съ любопытствомъ, иные скрывая усмѣшку, нѣкоторые съ ясно выраженнымъ неудовольствіемъ на лицахъ. А онъ вновь поднялся съ земли и возбужденно говорилъ:

— Здѣсь двое насъ... отверженныхъ отъ жизни, — я и вотъ этотъ... Мы оба хотимъ... одного и того же... вниманія къ человѣку... счастья чувствовать себя нужными людямъ... Товарищи! И этотъ большой и глупый человѣкъ...

— А вы, Николай Матвѣичъ, не обижайте гостя! — раздался чей-то густой и недовольный голосъ.

— Да, это лишнее! — подтвердилъ толстый парень, пригласившій Ѳому къ костру. — Зачѣмъ обидныя слова?

Третій голосъ громко и отчетливо сказалъ:

— Мы собрались повеселиться... отдохнуть...

— Глупцы! — слабозасмѣялся Ежовъ. — Добрые глупцы!.. Вамъ жалко его? Но — знаете ли вы, кто онъ? Это одинъ изъ тѣхъ, которые сосутъ у васъ кровь...

— Будетъ, Николай Матвѣичъ! — крикнули Ежову. И всѣ загудѣли, не обращая больше вниманія на него. Ѳомъ до такой степени стало жалко товарища, что онъ даже и не обидѣлся на него. Онъ видѣлъ, что эти люди, защищавшіе его отъ нападокъ Ежова, теперь нарочно не обращаютъ вниманія на фельетониста. И понималъ, что если Ежовъ замѣтитъ это — больно будетъ ему. И, чтобъ отвлечь товарища въ сторону отъ возможной непріятности, онъ толкнулъ его въ бокъ и сказалъ добродушно усмѣхаясь:

— Ну, ты, ругатель... выпьемъ что ли? А то можетъ домой пора?

— Домой? Гдѣ домъ у человѣка, которому нѣтъ мѣста среди людей? — спросилъ Ежовъ и снова закричалъ: — Товарищи!

Его крикъ утонулъ въ общемъ говорѣ безъ отвѣта. Тогда онъ поникъ головой и сказалъ Ѳомѣ:

— Уйдемъ отсюда!..

— Ну, идемъ... Хотя я бы еще посидѣлъ... Любопытно.. Благородно, они, черти, ведутъ себя... ей Богу!

— Я не могу больше: мнѣ холодно... душно...

— Ну, айда!..

Өома поднялся на ноги, снялъ картузь и, поклонившись на-борщикамъ, громко и весело сказалъ:

— Спасибо, господа, за угощенье! Прощайте!

Его сразу окружили и раздались убѣдительные голоса:

— Подождите! Куда вы? Вотъ спѣли бы вмѣстѣ, а?

— Нѣтъ, надо идти... вотъ и товарищу одному неловко... про-вожу... Весело вамъ пировать!

— Эхъ, подождали бы вы!.. — воскликнулъ толстый паренъ и тихо шепнулъ:—его можно одного проводить...

Чахоточный тоже сказалъ тихонько:

— Вы оставайтесь... А мы его до города проводимъ, тамъ на извозчика и—готово!

Өомѣ хотѣлось остаться и въ то же время было боязно чего-то. А Ежовъ поднялся на ноги и, вцѣпившись въ рукава его пальто пробормоталъ:

— Иде-емъ... чортъ съ ними!

— До свиданія, господа! Пойду! — сказалъ Өома и пошелъ прочь отъ нихъ, сопровождаемый возгласами вѣжливаго сожа-лѣнія.

— Ха-ха-ха! — разсмѣялся Ежовъ, отойдя отъ костра ша-говъ на двадцать. — Провожаютъ съ прискорбіемъ, а сами рады, что я ушелъ... Я имъ мѣшалъ превратиться въ скотовъ...

— Это вѣрно, что мѣшалъ...—сказалъ Өома.—На что ты рѣчи разводишь? Люди собрались повеселиться, а ты клянчишь у нихъ... Имъ отъ этого скука...

— Молчи! Ты ничего не понимаешь! — рѣзко крикнулъ Ежовъ.—Ты думаешь—я пьянъ? Это тѣло мое пьяно... а душа—трезва... она всегда трезва и все чувствуетъ... О, сколько гнус-наго на свѣтѣ, тупого, жалкаго! И люди... эти глупые, несчастные люди...

Ежовъ остановился и, схватившись за голову руками, по-стоялъ съ минуту, пошатываясь на ногахъ.

— Н-да-а!—протянулъ Өома.—Очень они не похожи одни на другихъ... Вонъ какіе эти... Вѣжливы... Господа, вродѣ... И раз-суждаютъ правильно... и все такое... Съ понятіемъ... А вѣдь просто—работіе...

Во тьмѣ сзади ихъ громко запѣли какую-то сильную хоро-вую пѣсню. Нестройная сначала, она все росла и вотъ полилась широкой, бодрой волной въ ночномъ, свѣжемъ воздухѣ надъ пу-стыннымъ полемъ.

— О Боже мой! — вздохнувъ, сказалъ Ежовъ грустно и тихо. — Чѣмъ жить? Къ чему прилѣпиться душой? Кто утолитъ ея жажду дружбы, братства, любви, работы чистой и святой...

— Эти простые разные люди, — медленно и задумчиво говорилъ Тома, не вслушиваясь въ рѣчь товарища, поглощенный своими думами, — они, ежели присмотрѣться къ нимъ, — ничего! Даже очень... Любопытно... Мужики... рабочіе... ежели ихъ такъ просто брать — все равно какъ лошади. Везутъ себѣ, пыхтятъ...

— Всю нашу жизнь они везутъ на своихъ горбахъ, — съ раздраженіемъ воскликнулъ Ежовъ. — Везутъ, какъ лошади... покорно тупо... И эта ихъ покорность — наше несчастіе, наше проклятіе...

А Тома, увлекаясь своей мыслью, разсуждалъ:

— Везутъ, работаютъ всю жизнь изъ-за пустяковъ... И вдругъ — скажутъ что-нибудь такое — во вѣкъ не выдумаешь... Значить — чувствуютъ... Н-да-а около нихъ... любопытно...

Ежовъ, пошатываясь, долгое время шелъ молча и вдругъ какимъ-то глухимъ, захлебывающимся голосомъ, который точно изъ живота у него выходилъ, сталъ читать, размахивая въ воздухъ рукой:

„Я жизнью жестоко обмануть
И столько я бѣды перенесъ...“

— Это, братъ, мои стихи, — сказалъ онъ, остановившись и грустно покачивая головой. — Какъ тамъ дальше? Забылъ... Тамъ говорится о грезахъ... о святыхъ и чистыхъ желаніяхъ... они задушены въ груди моей чадомъ жизни... Э-эхъ!

„Въ груди никогда не воспрянуть
Рои погрѣбленныхъ въ ней грезъ...“

— Братъ! Ты счастливѣе меня, потому что — глупъ... А я...

— Не скули! — съ раздраженіемъ сказалъ Тома. — Вотъ слушай, какъ они поютъ...

— Не хочу слушать чужихъ пѣсень... — отрицательно качнувъ головой, сказалъ Ежовъ. — У меня есть своя... пѣснь истерзанной жизнью души, —

И онъ завылъ дикимъ голосомъ:

„Въ душ-шѣ никогда не воспря-ануть
Р-рои погр-ребенныхъ въ ней грезъ...
Ихъ мно-ого та-амъ!“

— Былъ цѣлый цвѣтникъ живыхъ и яркихъ мечтаній, надеждъ... Умерли... завяли и умерли... Смерть въ сердцѣ моемъ... Трупы грезъ гніютъ тамъ... о! о!

Ежовъ заплакалъ, всхлипывая, какъ женщина. Томъ было

жалко его и тяжело съ нимъ. Нетерпѣливо дернувъ его за плечо, онъ сказалъ:

— Перестань! Пойдемъ... Экій ты, братъ, слабый...

Схватившись руками за голову, Ежовъ выпрямилъ согнутое тѣло, напрягся и снова тоскливо дико и запѣлъ:

„Ихъ много-ого та-амъ!

Склепъ имъ тамъ тѣ-есень!

Я въ саваны риѣмъ ихъ одѣ-ѣль...

И много надъ ними я пѣсень

Печальныхъ и грустныхъ про-опѣ-ѣль!“

— О Господи! — съ отчаяніемъ вздохнулъ Оома. — Будеть тебѣ... Христа ради! Вѣдь тоска, ей Богу...

Издали къ нимъ плыла сквозь тьму и тишину громкая хоровая пѣсня. Кто-то присвистывалъ въ тактъ припѣва и этотъ острый, рѣжущій ухо свистъ обгонялъ волну сильныхъ голосовъ. Оома смотрѣлъ туда и видѣлъ высокую и черную стѣну лѣса, яркое, играющее на ней огненное пятно костра и туманныя фигуры вокругъ него. Стѣна лѣса была—какъ грудь, а костеръ—какъ кровавая рана въ ней. Казалось, что грудь трепещетъ, истекая кровью, обливающей ее горячими струями. Охваченные густою тьмой со всѣхъ сторонъ, люди на фонѣ лѣса казались маленькими какъ дѣти, они какъ бы тоже горѣли, облитые пламенемъ костра, взмахивали руками и пѣли свою пѣсню громко сильно.

А Ежовъ, стоя рядомъ съ Оомой, возмущенно говорилъ ему:

— Ты, безчувственная дубина! Зачѣмъ ты отталкиваешь меня? Ты долженъ слушать пѣсню умирающей души... и плакать надъ нею... ибо—за что она изранена и умираетъ? Пошелъ прочь отъ меня... прочь! Ты думаешь—я пьянъ? Я—отравленъ... пошелъ прочь!

Оома, не отрывая глазъ отъ лѣса и костра, такъ красиваго во тьмѣ, отступилъ на нѣсколько шаговъ въ сторону отъ Ежова и тихо сказалъ ему:

— Не дури... что зря ругаешься?

— Я хочу остаться одинъ и... допѣть мою пѣсню...

Онъ, невѣрными шагами, тоже двинулся въ сторону отъ Оомы и черезъ нѣсколько секундъ вновь закричалъ рыдающимъ голосомъ:

„Про-опѣль—и теперь не нарушу

Я больше ихъ мертваго сна...

Господь! упокой мо-ю ду-ушу!

Она-а безнаде-ежно-о больна-а...

Господь... упокой мо-ю душу...“

Ома вздрогнулъ при звукахъ этого мрачнаго воя и быстро пошелъ вслѣдъ за Ежовымъ; но раньше, чѣмъ онъ догналъ его, маленькій фельетонистъ истерически взвизгнулъ, прямо грудью бросился на землю и зарыдалъ такъ жалобно и тихо, какъ плачуть больныя дѣти...

— Николай!—говорилъ Ома, поднимая его за плечи.— Перестань... что такое? О Господи... Николай! Будеть... какъ не стыдно!

Но тому было не стыдно: онъ бился на землѣ, какъ рыба, только что выхваченная изъ воды, а когда Ома поднималъ его на ноги—крѣпко прижался къ его груди, охвативъ его бока тонкими руками, и все плакалъ...

— Ну, ладно!—говорилъ Ома сквозь крѣпко сжатые зубы.— Будеть, милый...

И возмущенный страданіемъ измученнаго тѣснотою жизни человѣка, полный обиды за него, онъ, въ порывѣ злой тоски, густымъ и громкимъ голосомъ зарычалъ, обративъ лицо туда гдѣ во тьмѣ сверкали огни города:

— А-а-ана-аемы! Будь вы прокляты! Погодите... и вы задохнетесь! Будь вы прокляты!

X.

— Любавка!—сказалъ однажды Маякицъ, придя домой съ биржи,—сегодня вечеромъ приготовься — жениха привезу! Закусочку намъ устрой посолиднѣ... Серебра стараго побольше выставь на столъ... вазы для фруктовъ тоже вынь... Чтобы въ носъ ему бросился нашъ столъ! Пускай видитъ, что у насъ, что ни вещь—рѣдкость!

Любовь, сидя у окна, штопала носки отца, и голова ея была низко опущена къ работѣ.

— Зачѣмъ все это, папаша?—съ неудовольствіемъ и обидой спросила она.

— А для соуса... для вкуса... И для порядка... Потому—дѣвка не лошадь, безъ сбруи съ рукъ не сбудешь...

Любовь нервно вскинула голову и, бросивъ прочь отъ себя работу, вся красная отъ обиды взглянула на отца... и, снова взявъ въ руки носки, еще ниже опустила надъ ними голову. Старикъ расхаживалъ по комнатѣ, озабоченно подергивая рукой свою огненную бородку; глаза его смотрѣли куда-то далеко, и было видно, что весь онъ погрузился въ какую-то большую и сложную думу. Дѣвушка поняла, что онъ не будетъ слушать ее и не захочетъ понять того, какъ унижительно для нея его слова. Ея романическія мечты о мужѣ-другѣ, образованномъ человѣкѣ, который читалъ бы вмѣстѣ съ нею умныя книжки и помогъ бы ей

разобраться въ смутныхъ желаніяхъ ея,—были задушены въ ней непреклоннымъ рѣшеніемъ отца выдать ее за Смолина, были убиты, разложились и осѣли въ душѣ ея горькимъ осадкомъ. Она привыкла смотрѣть на себя, какъ на что-то лучшее и высшее обыкновенной дѣвушки купеческаго сословія, дѣвушки пустой и глупой, которая думаетъ только о нарядахъ и выходитъ замужъ почти всегда по расчетамъ родителей и рѣдко по свободному влеченію сердца. И вотъ теперь она сама выходитъ лишь потому, что—пора и потому еще, что отцу ея нужно зятя, преемника въ дѣлахъ. А отецъ, видимо, думаетъ, что сама по себѣ она едва ли способна привлечь вниманіе мужчины и украшаетъ ее серебромъ. Возмущенная, она нервно работала, колола себѣ пальцы, ломала иголки, но молчала, хорошо зная, что все, что можетъ сказать она,—сердце отца ея не услышитъ.

А старикъ все расхаживалъ по комнатѣ и то вполголоса напѣвалъ псалмы, то внушительно поучалъ дочь, какъ нужно ей держаться съ женихомъ. И тутъ же онъ что-то высчитывалъ на пальцахъ, хмурился и улыбался...

— Мм... тэкъ-съ!.. Суди меня, Боже, и разсуди прю мою... отъ человѣка неправедна и лъстива избави мя... Н-да-а... Материны изумруды надѣнь, Любовь...

— Будеть, папаша! — воскликнула дѣвушка съ тоской.— Оставьте, пожалуйста...

— А ты не брыкайся! Знай, слушай, чему учать...

И онъ снова погружался въ свои расчеты, прищуривая зеленые глаза и играя пальцами у себя предъ лицомъ.

— Тридцать пять процентовъ выходитъ... мм... жуликъ-парень... Посли свѣтъ Тво-ой и истину Твою...

— Папаша!—уныло и съ боязнью воскликнула Любовь.

— Ась?

— Вы... вамъ онъ нравится?

— Кто?

— Смолинъ...

— Смолинъ? Н-да... онъ — ше-ельма... онъ дѣльный парень... ха-арошій купецъ! Ну и—я ушелъ... Такъ ты тово... вооружись...

Оставшись одна, Любовь бросила работу и прислонилась къ спинкѣ стула, плотно закрывъ глаза. Крѣпко сжатые руки ея лежали на колѣняхъ, и пальцы ихъ хрустѣли. Полная горечью оскорбленнаго самолюбія, она чувствовала жуткій страхъ предъ будущимъ и безмолвно молилась:

— О Боже мой! О Господи!.. Если бъ онъ былъ порядочный человѣкъ!.. Сдѣлай, чтобъ былъ порядочный... сердечный... О Боже! Приходитъ какой-то мужчина, смотреть тебя... и на долгіе

годы брать себя... если ты понравишься ему! Какъ это позорно... страшно... Боже мой, Боже! Если бъ я могла... убѣжать!.. Посовѣтоваться бы съ кѣмъ-нибудь... что дѣлать? Кто онъ? Какъ узнать его? Ничего я не могу! А думала... столько думала! Читала... Зачѣмъ я читала? Зачѣмъ мнѣ знать, что можно жить иначе... такъ, какъ я не могу? А... можетъ быть если бъ не книги... мнѣ бы... легче жилось... проще... Какъ это мучительно все! Какая я жалкая... несчастная... Одна... Тарасъ хоть бы...

При воспоминаніи о братѣ ей стало еще обиднѣе, еще болѣе жаль себя. Она написала Тарасу длинное ликующее письмо, въ которомъ говорила о своей любви къ нему, о своихъ надеждахъ на него; умоляя брата скорѣе пріѣхать повидаться съ отцомъ, она рисовала ему планы совмѣстной жизни, увѣряла Тараса въ томъ, что отецъ—умница и можетъ все понять, рассказывала объ его одиночествѣ, восхищалась его жизнеспособностью и тутъ же жаловалась на его отношеніе къ ней.

Двѣ недѣли она съ трепетомъ ждала отвѣта и, когда, получивъ, прочитала его—то разревѣлась до истерики отъ радости и разочарованія. Отвѣтъ былъ сухъ и кратокъ; въ немъ Тарасъ извѣщалъ, что черезъ мѣсяць будетъ по дѣламъ на Волгѣ и не преминетъ зайти къ отцу, если старикъ противъ этого дѣйствительно ничего не имѣетъ. Письмо было холодно, какъ льдина; она со слезами нѣсколько разъ перечитывала его, и мяла, и комкала, но оно не стало теплѣе отъ этого, а только взмогло. Съ листочка жесткой почтовой бумаги, исписаннаго крупнымъ, твердымъ почеркомъ, на нее какъ бы смотрѣло сморщенное, недовѣрчиво нахмуренное лицо, худое и угловатое, какъ лицо отца.

На Якова Тарасовича письмо сына произвело иное впечатлѣніе. Узнавъ, что Тарасъ написалъ, старикъ весь встрепенулся и оживленно, съ какой-то особенной улыбочкой торопливо обратился къ дочери.

— Ну-ка, дай-ко, сюда! Покажи-ко! Хе! Почитаемъ, какъ умники пишутъ... Гдѣ очки-то? Мм... „Дорогая сестра“! Н-да...

Старикъ замолчалъ; прочитавъ про себя посланіе сына; положилъ его на столъ и, высоко поднявъ брови, съ удивленнымъ лицомъ молча прошелся по комнатѣ. Потомъ снова прочитавъ письмо; задумчиво постукалъ пальцами по столу и изрекъ:

— Ничего... писаніе основательное... безъ лишнихъ словъ... Что жъ? Можетъ и въ самомъ дѣлѣ окрѣпъ человекъ на холодъ-то... Холода тамъ сердитые... Пускай его пріѣдетъ... поглядимъ... Любопытно... Н-да... Въ псалмѣ Давидовѣ о тайныхъ

сына сказано: вьегда возвратитися врагу моему вспять... забыть, какъ дальше-то... Врагу оскудѣша оружія въ конецъ... и погиге память его съ шумомъ... Ну, мы съ нимъ безъ шума потолкуемъ...

Старикъ старался говорить спокойно и съ пренебрежительной усмѣшкой, но усмѣшка не выходила на лицѣ у него, морщины возбужденно вздрагивали, и глазки сверкали какъ-то особенно ясно.

— Ты ему еще напиши, Любавка... валяй, молъ, смѣло прѣзжай, молъ...

Любовь написала Тарасу еще, но уже болѣе краткое и спокойное письмо и теперь со дня на день ждала отвѣта, пытаясь представить себѣ, какимъ долженъ быть онъ, этотъ таинственный братъ? Раньше она думала о немъ съ замираніемъ сердца, съ тѣмъ благоговѣйнымъ уваженіемъ, съ какимъ вѣрующіе думаютъ о подвижникахъ, людяхъ праведной жизни,—теперь ей стало боязно его, ибо онъ цѣною тяжелыхъ страданій, цѣною молодости своей, загубленной въ ссылкѣ, пріобрѣлъ право суда надъ жизнью и людьми... Вотъ прѣдетъ онъ и спроситъ ее:

— Что же, ты свободно, по любви выходишь замужъ?

Что скажетъ она ему? Проститъ ли онъ ей малодушіе ея? И зачѣмъ она выходить? Дѣйствительно ли это все, что можетъ сдѣлать она, для того, чтобъ измѣнить свою жизнь?

Одна за другой въ головѣ дѣвушки рождались унылыя думы и смущали и мучили ее, безсильную противопоставить имъ какое-либо опредѣленное, всепобѣждающее желаніе. Охваченная тревожнымъ и нервнымъ настроеніемъ, близкая къ отчаянію и едва сдерживая слезы, она все-таки, хотя и полусознательно, но точно исполнила все указанія отца: убрала столь стариннымъ серебромъ и рѣдкой хрусталью, одѣла шелковое платье цвѣта стали и, сидя передъ зеркаломъ, стала вдѣвать въ уши огромные изумруды—фамильную драгоценность князей Грузинскихъ, оставшуюся у Маякина въ закладѣ, вмѣстѣ со множествомъ другихъ рѣдкихъ вещей.

Глядя въ зеркало на свое взволнованное лицо, на которомъ крупныя и сочныя губы казались еще краснѣе отъ блѣдности щекъ, осматривая свой пышный бюстъ, плотно обтянутый шелкомъ, она почувствовала себя красивой и достойной вниманія любого мужчины, кто бы онъ ни былъ. Зеленые камни, сверкавшіе въ ея ушахъ, оскорбляли ее, какъ лишнее ей, и къ тому же ей показалось, что ихъ игра ложится ей на щеги тонкой желтоватой тѣнью. Она вынула изъ ушей изумруды, замѣнивъ ихъ маленькими рубинами и думая въ это время о Смолинѣ—что это

за человѣкъ? Каковъ его характеръ? Чего онъ хочетъ? Читаетъ ли онъ книги?..

Потомъ ей не понравились темные круги подъ глазами, и она стала тщательно осыпать ихъ пудрой, не переставая думать о несчастіи быть женщиной и упрекая себя за безволіе. Когда пятна около глазъ скрылись подъ слоемъ бѣлилъ и пудры, Любви показалось, что отъ этого глаза ея лишились блеска, и она стерла пудру... Послѣдній взглядъ въ зеркало убѣдилъ ее, что она внушительно-красива, красива добротной и прочной красотой смолистой сосны. Это пріятное сознаніе нѣсколько успокоило ея тревожное настроеніе, и она вышла въ столовую солидной походкой богатой невѣсты, знающей себѣ цѣну.

Отецъ и Смолинъ уже пришли.

Любовь на секунду остановилась въ дверяхъ, красиво прищуривъ глаза и гордо сжавъ губы. Смолинъ всталъ со стула, шагнулъ навстрѣчу ей и почтительно поклонился. Ей понравился этотъ поклонъ—низкій и ловкій, ей понравился и дорогой сюртукъ, красиво сидѣвшій на гибкомъ тѣлѣ Смолина. Онъ мало измѣнился—такой же рыжий, гладко остриженный, весь въ веснушкахъ; только усы выросли у него длинные и пышные, да глаза стали какъ будто больше.

— Каковъ сталъ, э?—крикнулъ Маякинъ дочери, указывая на жениха.

А Смолинъ жалъ ей руку и, улыбаясь, говорилъ звучнымъ баритономъ:

— Смѣю надѣяться—вы не забыли стараго товарища?

— Ладно!.. Вы послѣ поговорите,—сказалъ старикъ, оцупывая дочь глазами.—Ты, Любава, пока распорядись тутъ, а мы съ нимъ докончимъ одинъ разговорецъ. Ну-ка, Африканъ Митричъ, изъясняй!..

— Вы извините меня, Любовь Яковлевна?—ласково спросилъ Смолинъ.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь,—сказала Любовь.

„Вѣжливо и ловко!“—отмѣтила она про себя и, расхаживая по комнатѣ отъ стола къ буфету, стала внимательно вслушиваться въ рѣчь Смолина. Говорилъ онъ мягко, увѣренно, съ простотой, въ которой чувствовалось снисхожденіе къ собесѣднику.

— Такъ вотъ—я около четырехъ лѣтъ тщательно изучалъ положеніе русской кожи на заграничныхъ рынкахъ. Печальное и скверное положеніе! Лѣтъ тридцать тому назадъ наша кожа считалась тамъ образцовой, а теперь спросъ на нее все падаетъ, разумѣется, вмѣстѣ съ цѣной. И это вполне естественно — въ

при отсутствіи капитала и знаній, всѣ эти мелкіе производители-кожники не имѣютъ возможности поднять производство на должную высоту и въ то же время—удешевить его... Товаръ ихъ возмутительно плохъ и дорогъ... И всѣ они прямо-таки повинны предъ Россіей въ томъ, что испортили ея репутацію производителя лучшей кожи. Вообще — мелкій производитель, лишенный техническихъ знаній и капитала, стало быть, поставленный въ невозможность улучшать свое производство, сообразно развитію техники, — такой производитель—несчастіе страны, паразитъ ея торговли...

— Мм... промычалъ старикъ, однимъ глазомъ глядя на гостя, а другимъ наблюдая за дочерью.—Такъ, значитъ, твое теперь намѣреніе — взбудрить такую громадную фабрику, чтобы всѣмъ другимъ—гробъ и крышка?

— О, нѣтъ!—воскликнулъ Смолинъ, плавнымъ жестомъ отмахиваясь отъ словъ старика.—Зачѣмъ обижать другихъ? Какое я имѣю право на это? Моя цѣль—поднять значеніе и цѣну русской кожи за-границей, и вотъ, вооруженный знаніемъ производства, я строю образцовую фабрику и выпускаю на рынки образцовый товаръ... Торговая честь страны...

— Много ли, говоришь, капитала-то требуется?—задумчиво спросилъ Маякинъ.

— Около трехсотъ тысячъ...

„Столько отецъ не дастъ за мной“,—подумала Любовь.

— Моя фабрика будетъ выпускать и кожу въ дѣлѣ, въ видѣ чемодановъ, обуви, сбруи, ремней и т. д.

— А о какомъ ты процентѣ мечтаешь?—спросилъ старикъ.

— Я — не мечтаю, я — высчитываю со всей точностью, возможной въ нашихъ русскихъ условіяхъ,—внушительно сказалъ Смолинъ.—Производитель долженъ быть строго-трезвъ, какъ механикъ, создающій машину... Нужно принимать въ расчетъ треніе каждаго, самомалѣйшаго винтика, если ты хочешь дѣлать серьезное дѣло серьезно. Я могу дать вамъ для прочтенія составленную мною записочку, основанную мною на личномъ изученіи скотоводства и потребленія мяса въ Россіи...

— Ишь ты!—усмѣхнулся Маякинъ.—Ты мнѣ принеси записочку... любопытно! Видать—ты въ этихъ самыхъ западныхъ Европахъ не даромъ время проводилъ... А теперь—поѣдимъ чего-нибудь, по русскому обычаю...

— Какъ вы поживаете, Любовь Яковлевна?—спросилъ Смолинъ, вооружаясь ножомъ и вилкой.

— Она у меня скучно живетъ...—отвѣтилъ за дочь Маякинъ.—

Домоправительница моя... все хозяйство на ней лежит, ну, и некогда ей веселиться-то...

— И негдѣ, нужно добавить,—сказала Люба.—Купеческихъ баловъ и вечеринокъ я не люблю...

— А театръ?—спросилъ Смолинъ.

— Тоже рѣдко бываю... не съ кѣмъ...

— Театръ!—воскликнулъ старикъ.—Скажите на милость—зачѣмъ это тамъ взяли такую моду, чтобы купца дикимъ дуракомъ представлять? Очень это смѣшно, но—непонятно, потому—неправда! Какой я дуракъ, ежели въ думѣ я—хозяинъ, въ торговлѣ—хозяинъ, да и театришко-то мой?.. Смотришь на театрѣ купца и видишь—не сообразно съ жизнью! Конечно, ежели историческое представляютъ—примѣрно: „Жизнь за Царя“ съ пѣніемъ и пляской, али „Гамлета“ тамъ, „Чародѣйку“, „Василису“—тутъ правды не требуется, потому—дѣло прошлое и насъ не касается... Вѣрно или не вѣрно—было бы здорово... Но ежели современность представляешь,—такъ ужъ ты не ври! И показывай человѣка, какъ слѣдуетъ...

Смолинъ слушалъ рѣчь старика съ вѣжливой улыбкой на губахъ и бросалъ Любви такіе взгляды, точно приглашалъ ее возразить отцу. Немного смущенная, она сказала:

— А все-таки, папаша, въ большинствѣ купеческое сословіе необразованно и дико...

— Н-да,—утвердительно кивнувъ головой, молвилъ Смолинъ съ сожалѣніемъ,—это печальная истина...

— Вотъ, напримѣръ, Ома...—продолжала дѣвушка.

— О?—воскликнулъ Маякинъ. Ну, вы люди молодые—вамъ и книги въ руки...

— А въ обществахъ вы ни въ какихъ не участвуете?—спросилъ Смолинъ у Любви.—Вѣдь у васъ тутъ много разныхъ обществъ...

— Да,—вздохнувъ сказала Любовь,—но я какъ-то въ сторонѣ отъ всего живу...

— Хозяйство!—вставилъ ее отецъ.—Вонъ сколько разной дребедени у насъ... требуется содержать все на счету, въ чистотѣ и порядкѣ...

Онъ самодовольно кивнулъ головой на столъ, уставленный сверкающей хрусталью и серебромъ, и на горку, полки которой ломились подъ тяжестью вещей и напоминали о выставкѣ въ окнѣ магазина. Смолинъ осмотрѣлъ все это, и на губахъ его мелькнула проницательная улыбка. Потомъ онъ взглянулъ въ лицо Любви; она въ его взглядѣ уловила что-то дружеское,

сочувственное ей. Легкій румянецъ покрылъ ея щеки, и она внутренно съ робкой радостью сказала про себя:

„Слава Богу!..“

Огонь тяжелой бронзовой лампы какъ будто ярче засверкали въ граняхъ хрустальныхъ вазъ, и въ комнатѣ стало свѣтлѣй.

— А мнѣ нравится нашъ старый, славный городъ!—говорилъ Смолинъ, съ ласковой улыбкой глядя на дѣвушку,—такой онъ красивый, бойкій... есть въ немъ что-то бодрое, располагающее къ труду... сама его картинность возбуждаетъ какъ-то... Въ немъ хочется жить широкой жизнью... хочется работать много и серьезно... И притомъ—интеллигентный городъ... Смотрите—какая дѣльная газета издается здѣсь... Кстати — мы хотимъ ее купить...

— Кто это—вы? спросилъ Маякинъ.

— Да вотъ я... Урванцовъ, Шукинъ.

— Это—похвально!—ударивъ рукой по столу, сказалъ старикъ.—Это—очень дѣльно! Пора имъ глотку заткнуть—давно пора! Особенно Ежовъ тамъ есть... пила такая зубастая... Вотъ его вы и приструньте! Да хорошенько!..

Смолинъ снова бросилъ Любви улыбающійся взглядъ, и вновь ея сердце радостно дрогнуло. Съ яркимъ румянцемъ на лицѣ она сказала отцу, внутренно адресуясь къ жениху:

— Насколько я понимаю Африка на Дмитріевича, онъ покупаетъ газету совсѣмъ не для того, чтобы... зажать ей ротъ какъ вы говорите... в к. г. н.

— А куда ее?—спросилъ старикъ, пожавъ плечами.—Одно пустозвонство и смута отъ нея... Конечно, ежели дѣловой народъ, самъ купецъ возьмется въ ней писать...

— Изданіе газеты,—поучительно заговорилъ Смолинъ, перебивая рѣчь старика,—разсматриваемое даже только съ коммерческой точки зрѣнія,—можетъ быть очень прибыльнымъ дѣломъ. Но помимо этого у газеты есть другая, болѣе важная цѣль—это защита правъ личности и интересовъ промышленности и торговли...

— Вотъ я и говорю—ежели самъ купецъ будетъ руководствовать ей, газетой,—то тогда—она нужна...

— Позвольте, папаша,—сказала Любовь.

Она начинала чувствовать потребность высказаться предъ Смолинымъ; ей хотѣлось убѣдить его, что она понимаетъ значеніе его словъ, что она—не простая купеческая дочь, тряпичница и плясунья. Смолинъ нравился ей. Первый разъ она видѣла кушца, который долго жилъ за-границей, разсуждаетъ такъ внушительно, такъ прилично держится, такъ ловко одѣтъ и гово-

рить съ ея отцомъ—первымъ умникомъ въ городъ—снисходительнымъ тономъ взрослога съ малолѣтнимъ.

„Послѣ свадьбы уговорю его свозить меня за-границу...“—вдругъ подумала она и, смутившись отъ этой думы, забыла то, что хотѣла сказать отцу. Густо покраснѣвъ, она нѣсколько секундъ молчала, вся охваченная страхомъ, что это молчаніе Смолинъ можетъ истолковать не лестно для нея.

— Вы, за разговоромъ, совсѣмъ забыли предложить гостю вина...—нашлась она послѣ нѣсколькихъ непріятныхъ секундъ молчанія.

— Это твое дѣло: ты хозяйка...—возразилъ отецъ.

— О, пожалуйста не беспокойтесь!—живо воскликнула Смолинъ.—Я вѣдь почти не пью...

— Ой ли?—спросилъ Маякинъ.

— Увѣряю васъ! Иногда рюмку, двѣ, въ случаѣ утомленія, нездоровья... А вино для удовольствія—непонятно мнѣ. Есть другія удовольствія, болѣе достойныя культурнаго человѣка...

— Барыни, что ли?—подмигнувъ, спросилъ старикъ.

У Смолина и щеки, и шея сдѣлались рыжими отъ краски, бросившейся ему въ лицо. Извиняющимся глазами и онъ взглянулъ на Любовь и сухо сказалъ ея отцу:

— Это—театръ, книги, музыка...

Любовь такъ вся и расцвѣла при его словахъ.

А старикъ исподлобья посмотрѣлъ на достойнаго молодого человѣка, усмѣхнулся остренько и вдругъ выпалилъ:

— Эхъ, двигается жизнь-то! Раньше пѣсикъ корку жралъ, нынче моськѣ сливки жидки... Простите, любезные господа, на кисломъ словѣ... слово-то больно ужъ къ мѣсту! Оно — не про васъ, а вообще...

Любовь поблѣднѣла и съ испугомъ взглянула на Смолина. Онъ сидѣлъ спокойно, разматривая старинную солонку-ковчезекъ, украшенную эмалью, крутилъ усы и какъ будто не слыхалъ словъ старика... Но его глаза потемнѣли, и губы были сложены какъ-то очень плотно, отчего бритый подбородокъ упрямо выдался впередъ.

— Такъ, значитъ, господинъ будущій первѣйшій фабрикантъ,—какъ ни въ чемъ не бывало заговорилъ Маякинъ,—триста тысячъ цѣлковыхъ, и—дѣло твое заиграетъ, какъ пожаръ?

— И черезъ полтора года я выпущу первую партію товара, который у меня оторвутъ съ руками, — просто и съ непоколебимой увѣренностью сказалъ Смолинъ и уставился въ глаза старика твердымъ и холоднымъ взглядомъ.

— Стало быть: торговый домъ Смолинъ и Маякинъ и—боль-

ше никакихъ? Тэжъ-съ... Но только... поздно мнѣ, будто бы, новое дѣло затѣвать, а? Надо полагать, что ужъ давно для меня гробикъ сдѣланъ... ты какъ думаешь про это?

Вмѣсто отвѣта Смолинъ нѣсколько секундъ смѣялся сочнымъ, но ровнодушнымъ и холоднымъ смѣхомъ, а потомъ сказалъ:

— Э, полноте...

Старикъ вздрогнулъ при смѣхѣ его и пугливо отшатнулся чуть замѣтнымъ движеніемъ корпуса. Послѣ словъ Смолина всѣ трое съ минуту молчали.

— Н-да-а...—сказалъ Маякинъ, не поднимая низко опущенной головы.—Надо подумать объ этомъ... надобно мнѣ подумать...—Потомъ, поднявъ голову, онъ пристально осмотрѣлъ дочь и жениха и, вставъ со стула, сказалъ угрюмо и грубо:

— На минуточку я отойду отъ васъ въ кабинетикъ къ себѣ... Чай, не соскучитесь безъ меня...

И ушелъ, тяжело шаркая ногами, согнувъ спину, опустивъ голову...

Молодые люди, оставшись одинъ на одинъ, перекинулись нѣсколькими пустыми фразами и, должно быть, почувствовавъ, что это только отдаляетъ ихъ другъ отъ друга, оба замолчали тяжелымъ и неловкимъ, выжидающимъ молчаніемъ. Любовь, взявъ апельсинъ, съ преувеличеннымъ вниманіемъ начала чистить его, а Смолинъ осмотрѣлъ свои усы, опустивъ глаза внизъ, потомъ тщательно разгладилъ ихъ лѣвой рукой, поигралъ ножомъ и вдругъ пониженнымъ голосомъ спросилъ у дѣвушки:

— А... извините меня за нескромность!—должно быть, въ самомъ дѣлѣ тяжело вамъ, Любовь Яковлевна, жить съ папашей... ветхозавѣтенъ онъ у васъ и—простите—черствовать!

Любовь вздрогнула и взглянула на рыжаго человѣка благодарными глазами, говоря ему:

— Не легко, но я привыкла... У него есть свои достоинства...

— О, это несомнѣнно! Но вамъ, молодой, красивой, образованной, вамъ съ вашими взглядами... я вѣдь кое-что слышала о васъ...

Онъ такъ ласково и сочувственно улыбался и голосъ у него былъ такой мягкій... Въ комнатѣ повѣяло тепломъ, согрѣвающимъ душу. И въ сердцѣ дѣвушки все ярче разгоралась робкая надежда на счастье, быть освобожденной изъ тѣснаго плѣна одиночества...

XI.

Густой сѣроватый туманъ стоялъ надъ рѣкой и пароходъ, глухо вскрикивая, медленно плыль въ немъ противъ теченія. Сырыя и холодныя, одноцвѣтно-мертвенныя облака стискивали пароходъ со всѣхъ сторонъ и проглатывали всѣ звуки, растворяя ихъ въ своей мутной сырости. Мѣдный ревъ сигналовъ гудѣлъ подавленно, уныло и былъ странно кратокъ, вырываясь изъ свистка: звукъ какъ бы не находилъ себѣ мѣста въ воздухѣ, пропитанномъ густой сыростью, и, падалъ внизъ мокрый, задушенный. И шумъ колесъ парохода звучалъ такъ фантастично-глухо, точно онъ рождался не тутъ близко, у бортовъ судна, а гдѣ-то глубоко внизу, на темномъ днѣ рѣки. Съ парохода не было видно ни воды, ни береговъ, ни неба: его охватила со всѣхъ сторонъ свинцово-сѣрая муть; лишенная оттѣнковъ, тоскливо однообразная, она была неподвижна, давила на пароходъ неизмѣримой тяжестью, замедляла его движеніе и точно готовилась всосать его въ себя, какъ всасывала звуки. Несмотря на глухіе удары плещъ по водѣ и мѣрную дрожь корпуса — казалось, пароходъ тяжело бьется на одномъ мѣстѣ, задыхаясь въ агоніи, шипить, какъ издыхающее сказочное чудовище, воеетъ въ предсмертной тоскѣ, воеетъ отъ боли и страха смерти.

Безжизненны были огни парохода. Вокругъ фонаря на мачтѣ образовалось желтое, неподвижное пятно; оно стояло въ туманѣ надъ пароходомъ, лишенное блеска и ничего не освѣщая, кромѣ сѣрой мглы. Красный бортовой огонь былъ похожъ на огромное око, выдавленное чьей-то жестокой рукой, ослѣпшее, залитое кровью. Блѣдныя пятна свѣта падали въ туманъ изъ оконъ парохода и только оттѣняли его холодное, лишенное радости, торжество надъ судномъ, стиснутымъ неподвижной массой удушливой сырости.

Дымъ изъ трубы падалъ внизъ и вмѣстѣ съ ключьями тумана проникалъ во всѣ щели на палубу, гдѣ пассажиры третьяго класса молчаливо кутались въ свои лохмотья, сбившись въ кучки, какъ овцы. Изъ машины доносились тяжелые, напряженные вздохи, дребезжащіе звонки, глухіе звуки команды и отрывистыя слова машиниста:

— Есть — тихій!.. Есть — до средняго!..

На кормѣ, въ углу, заставленномъ бочками съ соленой рыбой, расположилась группа людей, освѣщенная электрической лампочкой. Это были какіе-то степенные, тепло и чисто одѣтые мужики; одинъ изъ нихъ лежалъ на скамьѣ, спиной кверху, другой сидѣлъ въ ногахъ у него, еще одинъ стоялъ, прислонясь спиной

къ бочкѣ, а двое усѣлись прямо на палубѣ. Лица всѣхъ ихъ, задумчивыя и внимательныя, были обращены на сутулаго чело-вѣка въ порыжѣвшемъ подрясникѣ и изорванной мѣховой шапкѣ. Человѣкъ этотъ, согнувъ спину, сидѣлъ на какомъ-то ящикѣ и, глядя подъ ноги себѣ, говорилъ тихимъ, увѣреннымъ голосомъ:

— Придетъ же конецъ долготерпѣнью Господа, и разразится надъ челоуѣками гнѣвъ Его... Все есть мы — яко черви предъ Нимъ и како намъ оразити гнѣвъ Его тогда, кѣими воплями воззвать намъ къ милосердію Его?

Гонимый тоскою своей, Тома спустился изъ своей каюты на палубу и давно уже, стоя въ тѣни у какого-то товара, покрытаго брезентомъ, слушалъ увѣщающій и кроткій голосъ проповѣд-ника. Расхаживая по палубѣ, онъ наткнулся на эту группу и остановился около нея, привлеченный фигурой странника. Было что-то знакомое ему въ этомъ большомъ крѣпкомъ тѣлѣ, съ су-ровымъ, темнымъ лицомъ и большими спокойными глазами. Куд-рявые, полусѣдые волосы, выбивавшіеся изъ-подъ скуфьи, борода нечесанная, густая, разбившаяся на толстыя пряди, этотъ длин-ный горбатый носъ, острыя уши, толстыя губы—все это Тома уже видѣлъ когда-то, но не могъ вспомнить, когда и гдѣ.

— Н-да... много лежитъ на насъ недоимки передъ Госпо-домъ!—сказалъ, тяжело вздохнувъ, одинъ изъ мужиковъ.

— Молиться надо... — чуть слышно прошепталъ мужикъ, ле-жавшій на скамьѣ...

— Али молитвеннымъ-то словомъ соскребешь съ души окаян-ство грѣховное?—громко и почти съ отчаяніемъ въ голосъ вос-кликнулъ кто-то со стороны.

Никто изъ составлявшихъ группу вокругъ странника не обернулся на этотъ голосъ, только головы всѣхъ опустились ниже и долгое время люди эти сидѣли неподвижно и молча.

Странникъ обвелъ всѣхъ слушателей серьезнымъ и вдумчи-вымъ взглядомъ голубыхъ глазъ и тихо заговорилъ:

— У Ефрема Сирина сказано: „Содѣйя душу твою средото-чіемъ мысли твоя и укрѣпись хотѣніемъ твоимъ на свободѣ отъ грѣха...“

И вновь онъ опустилъ голову, медленно перебирая пальцами четки...

— Думать, значить, надо...—сказалъ одинъ изъ мужиковъ.— А когда челоуѣку думать, на міру живучи?

— Кругомъ — склока...

— Въ пустыню бѣжать...—проговорилъ лежавшій мужикъ.

— Не всякому это возможно...

Отозвались мужики и — снова замолчали. Завылъ свистокъ,

въ машинѣ задрожалъ колокольчикъ. Откуда-то раздался громкій возгласъ:

— Вань! Къ наметкѣ...

— О Господи, Царица Небесная!—раздался тяжелый вздохъ.

А глухой, полузадушенный голосъ возглашалъ:

— Де-е-вя-ять... де-е-вя-ять...

Ключья тумана ворвались откуда-то на палубу и поплыли по ней холоднымъ, сѣрымъ дымомъ...

— Вотъ, люди добрые, послушайте слова царя Давида...—сказалъ странникъ и, покачивая головой, началъ внятно читать:

— „Господи, настави мя правдою Твоею; врагъ моихъ ради исправи предъ Тобою путь мой! Яко нѣсть во устахъ ихъ истины, сердце ихъ суетно, гробъ отверстъ—гортань ихъ, языки своими льщаху... Суди имъ Боже, да отпадутъ отъ мыслей своихъ...“

— Во-осемь... Се-емь...—доносилось издали тяжелыми вздохами.

Пароходъ гнѣвно зашипѣлъ и пошелъ тише. Рокочущее шипѣніе пара заглушало слова странника, и Тома видѣлъ только движенія его губъ.

— Пошелъ долой!—раздался злой и громкій крикъ. — Мое мѣсто!

— Тво-ое?

— Вотъ-те и тво-ое!

— Я-те лягну въ морду... ты и найдешь свое мѣсто... Ишь какой баринъ!

— По-ошелъ!

Началась возня. Мужики, слушавшіе странника, повертели головы въ ту сторону, гдѣ возились, и странникъ, вздохнувъ, замолчалъ. Около машины вспыхнулъ живой и громкій говоръ, точно загорѣлись сухія вѣтви, брошенные въ угасавшій костеръ.

— Я васъ, черти! Брысь оба...

— Отвести ихъ къ капитану...

— Ха-ха-ха! Вотъ это разборка!

— Здорово онъ ему сѣздилъ по шеѣ-то!

— Матросы—они ловкіе...

— Во-осемь... Де-е-вя-ять...—выкрикивалъ наметчикъ.

— Есть—прибавить!—раздался громкій возгласъ машиниста.

Покачиваясь на ногахъ отъ движенія парохода, Тома стоялъ, прижавшись къ брезенту, и чутко прислушивался ко всему, что звучало вокругъ него, и все сливалось для него въ одну картину, знакомую ему.

Въ туманѣ и неизвѣстности, окруженная со всѣхъ сторонъ непроницаемой для глаза мутью, медленно и тяжело двигается

куда-то жизнь людей. А люди сокрушаются о грѣхахъ, вздыхаютъ тяжело, и тутъ же дерутся за теплое мѣсто и, побивъ другъ друга за обладаніе имъ—принимаютъ еще побои отъ тѣхъ, кто хочетъ добиться порядка въ жизни. Робко ищутъ они свободный путь къ цѣли своей.

— Де-евять... Восе-емь...

Тихо разносится по судну ноющій крикъ... и святая молитва странника гложетъ въ шумѣ жизни. И нѣтъ свободы отъ тоски, нѣтъ радости тому, кто задумается надъ судьбой своей...

Θомъ хотѣлось поговорить съ этимъ странникомъ, въ тихихъ словахъ котораго звучаль искренній страхъ предъ Господомъ и всякая боязнь за людей предъ лицомъ Его. Кроткій, увѣщающій голосъ странника обладалъ своеобразной силой, заставляя Θому вслушиваться въ глубокой, грудной звукъ его.

„Вотъ бы спросить, какъ живетъ онъ...—думаль Θома, пристально оглядывая большую согнутую фигуру.—И гдѣ это я его видѣлъ? Или онъ похожъ на знакомаго?“

Вдругъ Θомъ почему-то съ особенной ясностью представилось, что этотъ кроткій проповѣдникъ не кто иной, какъ сынъ стараго Ананія Щурова. Пораженный этой догадкой, онъ подошелъ къ страннику и, сядя рядомъ съ нимъ, развязно спросилъ:

— Съ Иргиза, что ли, отецъ?

Тотъ поднялъ голову, медленно и тяжело повернулъ лицо къ Θомъ, всмотрѣлся въ него и кротко, спокойнымъ голосомъ сказалъ:

— Быль и на Иргизѣ...

— Тамошній, самъ-то?

— Нѣтъ...

— А теперь—оттуда?

— Отъ преподобнаго Стефана...

Разговоръ оборвался,—у Θомы не хватало смѣлости спросить странника, не Щуровъ ли онъ?

— Запоздаемъ мы съ туманомъ-то,—сказаль кто-то...

— Какъ не запоздать!..

Всѣ молчали, глядя на Θому. Молодой, красивый, чисто и богато одѣтый, онъ возбуждалъ любопытство у окружавшихъ его внезапнымъ появленіемъ среди нихъ, чувствовалъ это любопытство, понималъ, что всѣ ждуть его словъ, хотять понять, зачѣмъ онъ пришелъ къ нимъ, и—все это смущало и сердило его.

— Будто видаль я тебя, отецъ, гдѣ-то...—сказаль онъ наконецъ.

Странникъ, не глядя на него, отвѣтилъ:

— А можетъ...

— Поговорить бы мнѣ съ тобой надо... — не смѣло и не громко заявилъ Оома.

— Что же? Говори...

— Пойдемъ со мной...

— Куда?

— Въ каюту ко мнѣ...

Странникъ взглянулъ на лицо Оомы и, помолчавъ, согласился:

— Идемъ...

Уходя, Оома чувствовалъ на спинѣ своей взгляды мужиковъ и теперь ему было пріятно знать, что они заинтересованы имъ.

Въ каютѣ онъ ласково спросилъ:

— Можетъ, поѣшь чего? Скажи—спрошу...

— Спаси Христось... Что надо-то тебѣ?

Этотъ человѣкъ,—въ порывѣвшемъ отъ старости, покрытомъ заплатами подрясникѣ, грязный и оборванный,—брезгливо осмотрѣлъ каюту и, когда сѣлся на диванъ, обитый плюшемъ, то подвернулъ подъ себя полу подрясника, такъ, точно боялся запачкать его о плюшь.

— Какъ звать-то тебя, отецъ?—спросилъ Оома, замѣтившій выраженіе брезгливости на лицѣ его.

— Миронъ...

— А не Михаиломъ?

— Отчего—Михаиломъ?—спросилъ странникъ.

— А... былъ у насъ въ городу... сынъ у купца одного, у Щурова... тоже на Иргизъ онъ ушелъ... такъ его Михайлой звали...

Оома говорилъ и пристально смотрѣлъ на отца Мирона; но тотъ былъ покоенъ, какъ глухонѣмой.

— Не встрѣчалъ такого... не помню, не встрѣчалъ...—задумчиво сказалъ онъ.—Такъ ты про него хотѣлъ спросить?

— Д-да...

— Не встрѣчалъ Михаила Щурова... Ну, прости меня, Христа ради!—и, поднявшись съ дивана, странникъ поклонился Оомѣ и пошелъ къ двери...

— Да ты погоди... посиди... поговоримъ!—воскликнулъ Оома, безпокойно метнувшись къ нему. Тотъ пытливо взглянулъ на него и опустился на диванъ.

Откуда-то издали донесся тусклый звукъ, похожій на тяжелый стонъ, и вслѣдъ за нимъ надъ головами Оомы и его гостя завылъ испуганно и протяжно пароходный свистокъ. Издали снова отвѣтили ему уже болѣе ясно, и снова онъ заревѣлъ прерывистыми, пугливыми криками. Оома открылъ окно: въ туманѣ,

неподалеку отъ ихъ парохода двигалось что-то съ тяжелымъ шумомъ, проплыли пятна призрачнаго свѣта, туманъ всколыхнулся и снова замеръ въ мертвой неподвижности...

— Экая страсть!—воскликнулъ Ома, закрывая окно.

— Чего бояться?—спросилъ странникъ.

— Да—вотъ! Ни день, ни ночь... ни тѣмъ, ни свѣтъ! Ничего не видно... плывемъ куда-то, плуаемъ по рѣкѣ...

— Имѣй въ себѣ огонь внутренній, имѣй свѣтъ въ душѣ—и все увидишь...—сказалъ странникъ поучительно и строго.

Ома почувствовалъ недовольство отъ этихъ холодныхъ словъ и искося взглянулъ на странника. Тотъ сидѣлъ, наклонивъ голову, неподвижный, какъ бы застывшій въ думахъ и молитвѣ. Тихо шуршали четки въ его рукахъ...

Его поза породила какую-то развязную смѣлость въ груди Омы, и онъ заговорилъ:

— Скажи, отецъ Миронъ, хорошо такъ жить... на полной своей волѣ... безъ дѣла, безъ родныхъ... странничать вотъ, какъ ты?

Отецъ Миронъ поднялъ голову и тихо засмѣялся какимъ-то ласковымъ дѣтскимъ смѣхомъ. Все лицо его, коричневое отъ вѣтра и загара, просвѣтилось свѣтомъ внутренней радости. Это былъ другой человѣкъ—не молитвенникъ и проповѣдникъ праведной жизни и страха Божія, а добрый и простой мужикъ, мягкій смѣхъ котораго вызвалъ и у Омы добродушную улыбку. Но, посмѣявшись и посмотрѣвъ на Ому, Миронъ только вздохнулъ глубоко и кратко сказалъ:

— Плохо-ли!..

— Доволенъ ты, значить, твоей жизнью?

— Не отягощаю ухо Господа моего пенями... ничего, живу! Нищее житіе—истинно Божіе... единое—свободное отъ путъ мірскихъ...

— А я вотъ...—заговорилъ было Ома, но оборвался и умолкъ. Въ ушахъ его все звучалъ этотъ завидно-радостный смѣхъ...

— Отчего ты ушелъ изъ міра-то?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Чуждъ бѣхъ братіи моей...—спокойно отвѣчалъ Миронъ и, обведя каюту внимательнымъ, изучающимъ взглядомъ, сказалъ съ презрительнымъ сожалѣніемъ:

— Эко настроили! Украшаютъ, украшаютъ себя снаружи-то, а внутри все хламъ...

— Да-а...—протянулъ Ома, глядя въ окно. Такъ хорошо тебѣ странствовать? Свободно одному-то жить?

— Эхъ, братъ мой!—тихо воскликнулъ странникъ, подвигаясь къ Омѣ и заглядывая въ лицо ему ласково и грустно.— Чую я—смутился ты душой... такъ ли? Ома молча кивнулъ го-

ловой и съ ожиданіемъ взглянулъ на собесѣдника. У Мирона лицо сіяло тихой радостью, онъ дотронулся рукой до колѣна Ѳомы и заговорилъ задушевнымъ голосомъ:

— Отжени отъ себя мірское, ибо нѣтъ сладости въ немъ. Правое слово говорю,—отойди ото зла. Помнишь, сказано: „Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста?“ Удались-ка, освѣжи душу свою одиночествомъ и наполнись думою о Господѣ... Ибо только мыслью о Немъ и можно человѣкъ спасти себя отъ оскверненія...

— Не то!—сказалъ Ѳома.—Мнѣ не спастись надо... али много я согрѣшилъ? Другіе-то вонъ... Мнѣ бы уразумѣть...

— И уразумѣешь, если отложишься отъ міра... Выдь-ка ты на дорогу вольную, на поля, на степи, на равнины, горы... выдь да посмотри на міръ съ воли, издали...

— Вотъ!—вскричалъ Ѳома.—Вотъ это самое я и думаю... Со стороны виднѣ!

А Миронъ, не обращая вниманія, на его слова, говорилъ такъ тихо, точно рѣчь шла о великой тайнѣ, вѣдомой лишь ему, страннику.

— За шумятъ вокругъ тебя лѣса дремучіе сладкими головами о мудрости Господа; запоютъ тебѣ птички Божіи о святой славѣ Его, а степныя травы курятъ ладаномъ Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ...

Голосъ странника то возвышался и дрожалъ отъ полноты чувства, то спускался до тайнаго шопота. Онъ точно помолодѣлъ: глаза его сіяли такъ увѣренно и ясно, и все лицо сверкало отъ счастливой улыбки человѣка, который нашелъ исходъ чувству радости своей и ликуеть, изливая его.

— Въ каждой травкѣ бьется сердце Господа; всякое насѣкомое, воздушное и земное, дышитъ святымъ духомъ Его: всюду живъ Богъ-Господь Иисусъ Христосъ!—Красота какая на землѣ въ поляхъ, да въ лѣсахъ! Бываль ли ты на Керженцѣ? Тишина тамъ, ничему не подобная, деревья, травы—райскія...

Ѳома слушалъ и его воображеніе, плѣненное тихимъ чарующимъ рассказомъ, рисовало ему эти широкія поля и глухіе лѣса полные красоты и тишины, умиротворяющей душу...

— Смотришь въ небо, лежа гдѣ-нибудь подъ кустикомъ, а оно все къ тебѣ опускается, какъ обнять тебя хочеть... На душѣ тепло и тихо-радостно, ничего-то тебѣ не хочется, ничему не завидно... Такъ вотъ и кажется, что на всей землѣ—только ты да Богъ...

Странникъ говорилъ, а Ѳомѣ его голосъ и пѣвучая рѣчь напоминали чудныя сказки старой тетки Анфисы. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто послѣ долгаго пути въ жаркій день шилъ

чистую и студеную влагу лѣснаго ручья, влагу, пропитанную запахомъ травъ и цвѣтовъ, омываемыхъ ею... Предъ нимъ все шире раздвѣивались яркія картины: вотъ тропинка въ дремучемъ лѣсу; сквозь вѣтви деревьевъ проникли тонкіе лучи солнца и дрожать въ воздухѣ и подъ ногами путника... Вкусно пахнеть грибами и прѣлой листвою; медвяный аромать цвѣтовъ, густой запахъ сосны невидимо курятся въ воздухѣ и проникаютъ въ грудь теплой, сытной струей... Тишина вокругъ: только птицы поютъ, и тишина эта такъ чудесна, что кажется—и птицы поютъ въ груди твоей... Идешь ты, не торопясь, и жизнь твоя идетъ, какъ сонъ...

А здѣсь—все охвачено сѣрымъ, мертвымъ туманомъ и безпутно мы бьемся въ немъ, тоскуя о свободѣ и свѣтѣ. Вонъ—запѣли внизу, едва слышными голосами, не то пѣсню, не то молитву. Опять кто-то кричитъ, ругается. И все ищутъ путь:

— Семь съ половиной... Се-емь!..

— И ни о чемъ нѣтъ заботы тебѣ,—говорилъ странникъ,—и голосъ его журчалъ какъ ручей,—кусочекъ хлѣба вездѣ дадутъ; а чего еще тебѣ, вольному то, надобно? Въ міру заботы цѣпями ложатся на душу...

— Хорошо ты говоришь!—вздохнувъ сказала Ома.

— Братикъ мой милый!—тихо воскликнулъ странникъ,—еще ближе подвигаясь къ нему.—Коли проснулась душа, коли просится на волю—не усыпляй ее насильственно, слушай ея голоса... Нѣтъ на міру, въ его прелестяхъ, никакой красоты и святости—чего ради подчинится закону его? Въ Іоаннѣ Златоустѣ сказано: истинный шекинахъ есть человѣкъ! Шекинахъ же еврейское слово и значить оно—святая святыхъ... Стало быть...

Протяжный вой свистка заглушилъ его голосъ. Онъ прислушался, быстро всталъ съ дивана и сказалъ:

— Къ пристани свистятъ это... слѣзай мнѣ тутъ! Ну, прощай, братикъ! Дай тебѣ Господи крѣпости и силы содѣять по хотѣнію души твоея! Прощай, родимой!

Онъ низко поклонился Омѣ. Было что-то женственно-ласковое и мягкое въ его прощальныхъ словахъ и поклонѣ. И Ома тоже низко поклонился ему, поклонился и замеръ, стоя съ опущенной головой, опершись рукой о столъ.

— Будешь въ городѣ, зайди ко мнѣ...—попросилъ онъ странника, торопливо вертѣвшаго ручку у двери каюты.

— Зайду! Я приду... Прощай! Спаси тебя Христось...

Когда пароходъ ткнулся бортомъ о пристань, Ома вышелъ на галлерею и сталъ смотрѣть внизъ, въ туманъ. По мостикамъ съ парохода шель народъ, но среди этихъ темныхъ фигуръ, оку-

танныхъ густою мглой, онъ не узналъ странника. Всѣ, уходящiе съ парохода, были одинаково не ясны и всѣ быстро исчезали изъ глазъ, точно таяли въ сѣрой сырости... Не видно было ни берега, ничего твердаго, пристань покачивалась отъ волненiя, разведеннаго пароходомъ, надъ нею колебалось желтое пятно фонаря, шумъ шаговъ и суеты людской были глухы...

Пароходъ отвалилъ и медленно вдвинулся въ облака. Странникъ, пристань, шумъ людскихъ голосовъ—все вдругъ исчезло, какъ сонъ, и снова осталась только одна густая муть и пароходъ, тяжело ворочавшiйся въ ней. Ома смотрѣлъ передъ собой въ мертвое море тумана и думалъ о голубомъ, безоблачномъ и ласково-тепломъ небѣ—гдѣ оно?

На другой день около полудня онъ сидѣлъ въ комнаткѣ Ежова и слушалъ городскiя новости изъ устъ своего товарища. Ежовъ взобрался на столъ, заваленный газетами, и, болтая ногами, рассказывалъ:

— Началась выборная компанiя... купечество выдвигаетъ въ головы твоего крестнаго... стараго дьявола! Какъ дьяволь—онъ безсмертенъ... хотя ему, должно быть, полтора ста лѣтъ уже минуло. Дочь свою онъ выдаетъ за Смолина... помнишь, рыжого! Про него говорятъ, что это порядочный человѣкъ... но по нынѣшнимъ временамъ порядочными людьми именуютъ и умныхъ мерзавцевъ... потому что людей—нѣтъ! Теперь Африкашка корчитъ изъ себя просвѣщеннаго человѣка, уже успѣлъ влѣзть въ интеллигентное общество, что-то, куда-то пожертвовалъ и—сразу всталъ на виду. По рождѣ судя, онъ—жуликъ первой степени, но будетъ играть роль, ибо обладаетъ чувствомъ мѣры... Н-да, братъ, Африкашка—либераль... А либеральный купецъ—это помѣсь волка и свиньи съ жабой и змѣей...

— Песъ съ ними со всѣми!—сказалъ Ома, равнодушно махнувъ рукой.—Что мнѣ до нихъ? Ты какъ—пьешь все?

— Пью! Почему же мнѣ не пить?

Полуодѣтый и растрепанный Ежовъ былъ похожъ на какую-то ощианную птицу, которая только что подралась и еще не успѣла пережить возбужденiе боя.

— Пью, потому что надо мнѣ отъ времени до времени укрощать пламя моего оскорбленнаго сердца... А—ты, сырой пень, тлѣешь понемножку?

— Надо мнѣ идти къ старику... — сморщивъ лицо, сказалъ Ома.

— Дерзай!

— Не хочется... Начнетъ рацеи читать...

— Такъ не ходи!..

— Да нужно...

— А тогда—иди!..

— Ну что ты все балагуришь?—недовольно сказала Оома.— Будто и въ самомъ дѣлѣ весело ему...

— Мнѣ, ей Богу, весело!—воскликнулъ Ежовъ, спрыгнувъ со стула.—Ка-акъ я вчер-ра одного сударя распатронилъ въ газетѣ! И потомъ—я слышалъ одинъ мудрый анекдотъ: сидитъ компанія на берегу моря и пространно философствуетъ о жизни. А еврей говоритъ: „Гашпада! И за-ачѣмъ штольки много разнаго шловъ? И я вамъ шкажу все и сразу: жизнь наша не стоитъ ни копейки, какъ это бушующее море“!..

— Э, ну тебя!—сказалъ Оома.—Прощай... пойду...

— Валяй! Я сегодня высоко настроенъ и стонать я съ тобой не могу... тѣмъ болѣе, что ты и не стонешь, а хрюкаешь...

Оома ушелъ, оставивъ Ежова распѣвающимъ во все горло:

„Греми въ барабанъ и—не бойся...“

„Барабанъ... самъ-то ты барабанъ...“ съ раздраженіемъ подумалъ Оома, неторопливо выходя на улицу.

У Маякина его встрѣтила Люба. Чѣмъ то взволнованная и и оживленная, она вдругъ явилась предъ нимъ, быстро говоря:

— Ты? Боже мой! Ка-акой ты блѣдный... какъ похудѣлъ... Хорошую, видно, жизнь ведешь!

Потомъ лицо ея исказилось тревогой и она почти шопотомъ воскликнула:

— Ахъ, Оома! Ты не знаешь—вѣдь... вотъ! Слышишь? Звонять! Можетъ быть—онъ...

И дѣвушка бросилась изъ комнаты, оставивъ за собой въ воздухѣ шелестъ шелкового платья и изумленного Оому, не успѣвшаго даже спросить ее, гдѣ отецъ? Яковъ Тарасовичъ былъ дома. Онъ, парадно одѣтый, въ длинномъ сюртукѣ и съ медалями на груди, стоялъ въ дверяхъ, раскинувъ руки и держась ими за косяки. Его зеленые глазки щупали Оому, и, почувствовавъ на себѣ ихъ взглядъ, онъ поднялъ голову и встрѣтился съ ними.

— Здравствуйте, господинъ хорошій!—заговорилъ старикъ, укоризненно качая головой.—Откуда изволили прибыть? Кто это жирокъ-то обсосалъ съ васъ? Али—свинья ищетъ, гдѣ лужа, а Оома, гдѣ хуже?

— Нѣтъ у васъ другихъ словъ для меня?—угрюмо спросилъ Оома, въ упоръ глядя на старика.

И вдругъ онъ увидаль, что крестный весь вздрогнулъ, ноги его затряслись, глаза учащенно замигали, и руки съ напряженіемъ вцѣпились въ косяки. Оома двинулся къ нему, по-

лагая, что старику дурно, но Яковъ Тарасовичъ глухимъ и сердитымъ голосомъ сказалъ:

— Посторонись... отойди...

И лицо его приняло обычное выраженіе...

Өома отступилъ назадъ и очутился рядомъ съ какимъ-то невысокимъ и круглымъ человѣкомъ, который, кланяясь Маякину, хриплымъ голосомъ заговорилъ:

— Здравствуйте, папаша!

— Здра-авствуй, Тарасъ Яковличъ, здравствуй...—неотнимая рукъ отъ косяковъ, говорилъ и кланялся старику, растерянно улыбаясь.

Өома растерянно отошелъ въ сторону, сѣлъ въ кресло и, окаменѣвъ отъ любопытства, сталъ смотрѣть широко открытыми глазами на встрѣчу отца съ сыномъ.

Отецъ, стоя въ дверяхъ, раскачивалъ свое хилое тѣло, упираясь руками въ косяки, и, склонивъ голову на бокъ, прищуренными глазами, молча смотрѣлъ на сына. Сынъ стоялъ въ трехъ шагахъ отъ него, высоко поднявъ голову, уже посѣдѣвшую, нахмуривъ брови и глядя на отца большими темными глазами. Черная клинообразная борода и маленькіе усы вздрагивали на его сухомъ лицѣ, съ хрящеватымъ, какъ у отца, носомъ. И шляпа вздрагивала въ рукѣ у него. Изъ-за его плеча Өома видѣлъ блѣдное, испуганное и радостное лицо Любы — она смотрѣла на отца умоляющими глазами и, казалось, сейчасъ она закричитъ. Нѣсколько секундъ всѣ молчали и не двигались, подавленные огромностью того, что ощущали. Молчаніе разрушилъ тихій, странно глухой и дрожащій голосъ Якова Маякина:

— Старенекъ ты, Тарасъ...

Сынъ молча усмѣхнулся въ лицо отцу и быстрымъ взглядомъ окинулъ его съ головы до ногъ.

Отецъ, оторвавъ руки отъ косяковъ, шагнулъ навстрѣчу сыну и —остановился, вдругъ нахмурившись. Тогда Тарасъ Маякинъ однимъ большимъ шагомъ всталъ противъ отца и протянулъ ему руку.

— Ну... поцѣлуемся...—тихо предложилъ отецъ.

Два старика судорожно обвили другъ друга руками, крѣпко поцѣловались и отступили другъ отъ друга. Морщины старшаго вздрагивали, сухое лицо младшаго было неподвижно, почти сурово. Поцѣлуй не измѣнилъ ничего во внѣшней сторонѣ этой сцены, только Любовь радостно всхлипнула, да Өома неуклюже завозился на креслѣ, чувствуя что у него спираетъ дыханіе.

— Эхъ... дѣти... язвы сердца... а не радость его вы...—звенящимъ голосомъ пожаловался Яковъ Тарасовичъ и —должно быть

онъ много вложилъ въ эти слова, потому что тотчасъ же послѣ нихъ просіялъ, приободрился и бойко заговорилъ, обращаясь къ дочери:

— Ну ты, раскисла отъ сладости! Айда-ка собери намъ чего-нибудь... чаю и прочее... Угостимъ что ли блуднаго сына! Ты, чай, старичинко, забылъ, каковъ есть отецъ-то у тебя?

Тарасъ Маякинъ разсматривалъ родителя вдумчивымъ взглядомъ своихъ большихъ глазъ и улыбался, молчаливый, одѣтый въ черное, отчего сѣдые волосы на головѣ и въ бородѣ его выступали рѣзче...

— Ну, садись! Говори—какъ жилъ, что дѣлалъ?.. Куда смотришь? А! Это—крестникъ мой... Игната Гордѣева сынъ, Ома... Игната помнишь?

— Я все помню,—сказалъ Тарасъ.

— О? Это хорошо... коли не хвастаешь... Ну, женатъ?

— Вдовъ...

— Дѣти есть?

— Померли... двое было...

— Жа-аль... Внуки у меня были бы...

— Я закурю?—спросилъ Тарасъ у отца.

— Вали!.. Ишь ты,—сигары куришь...

— А вы не любите ихъ?

— Я? Валяй, все равно мнѣ... Я къ тому, что барственно какъ-то... когда сигара...

— А зачѣмъ нужно ставить себя ниже баръ?—усмѣхаясь сказалъ Тарасъ.

— Да развѣ я ниже ставлю?! — воскликнулъ старикъ.—Я просто такъ сказалъ... смѣшно мнѣ... Эдакій солидный старичина, борода по иностранному, сигара въ зубахъ... Кто такой? Мой сынишка—хе-хе-хе!—Старикъ толкнулъ Тараса въ плечо и отскочилъ отъ него, какъ бы испугавшись, не рано ли онъ радуется, такъ ли какъ надо, относится къ этому полусѣдому человѣку? И онъ пыливо и подозрительно заглянулъ въ большіе, окруженные желтоватыми припухлостями, глаза сына.

Тарасъ улыбнулся въ лицо отца привѣтливой и теплой улыбкой и задумчиво сказалъ ему:

— Такимъ вотъ я помню васъ... веселымъ и живымъ... Какъ будто вы за эти годы ничуть не измѣнились...

Старикъ гордо выпрямился и, ударивъ себя кулакомъ въ грудь, сказалъ:

— Я—никогда не измѣнюсь!.. Потому—надъ человѣкомъ, который себѣ цѣну знаетъ, жизнь не властна! Такъ-то?

— Ого! какой вы гордый...

— Въ сына пошелъ, должно быть!—съ хитрой гримасой молвилъ старикъ. — У меня, братъ, сынъ семнадцать лѣтъ молчалъ изъ гордости...

— Это потому, что отецъ не хотѣлъ его слушать...—напомнилъ Тарасъ.

— Ладно ужъ! Мало ли что было... Богу лишь извѣстно, кто предъ кѣмъ виноватъ... Онъ, справедливый, скажетъ это тебѣ, погоди! А я помолчу... Не время намъ съ тобой объ этомъ теперь разговаривать... Ты вотъ что скажи—чѣмъ ты занимался въ эти годы? Какъ это ты на содовый заводъ попалъ? Въ люди-то какъ выбился?

— Исторія длинная!—вздохнувъ сказалъ Тарасъ и, выпустивъ изо-рта огромный клубъ дыма, началъ неторопясь:—Когда я получилъ возможность жить на волѣ, то поступилъ въ контору управляющаго золотыми приисками Ремезовыхъ...

— Знаю... богатѣйшіе люди! Три брата... всѣхъ знаю! Одинъ—уродъ, другой—дуракъ, а третій—скряга... Говори дальше!..

— Два года прослужилъ у него... а потомъ женился на его дочери...—хрипящимъ голосомъ рассказывалъ Маякинъ.

— Управляющаго-то? Не глупо...

Тарасъ задумался и помолчалъ. Старикъ взглянулъ на его грустное лицо и—понялъ сына.

— Съ женой, значить, хорошо жилъ...—сказалъ онъ.—Ну, что жъ? Мертвому—рай, живой дальше играй... Не такъ ужъ ты старъ... Давно овдовѣлъ?

— Третій годъ...

— Такъ... А на соду какъ попалъ?..

— Это заводъ тестя...

— Ага-а! Сколько получаешь?

— Около пяти тысячъ...

— Мм... кусокъ не черствый! Н-да-а! Вотъ-те и каторжникъ!

Тарасъ взглянулъ на отца твердымъ взглядомъ и сухо спросилъ его:

— Кетати—съ чего это вы взяли, что я въ каторгѣ былъ?

Старикъ взглянулъ на сына съ изумленіемъ, которое быстро смѣнилось въ немъ радостью:

— А... какъ же? Не былъ? О, чтобъ вамъ! Стало быть—какъ же? Да ты не обижайся! Развѣ разберешь? Сказано—въ Сибирь! Ну, а тамъ—каторга!..

— Чтобы разъ на всегда покончить съ этимъ,—серьезно и внушительно сказалъ Тарасъ, похлопывая рукой по колѣну,—я скажу вамъ теперь же, какъ все это было. Я былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе на шесть лѣтъ, и все время ссылки жилъ въ

Ленскомъ горномъ округѣ... Въ Москвѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ около девяти мѣсяцевъ... вотъ и все!

— Та-акъ! Однако... что же это?—смущенно и радостно бормоталъ Яковъ Тарасовичъ.

— А тутъ распустили этотъ нелѣпый слухъ...

— Ужъ подлинно—нелѣпый!—сокрушился старикъ.

— И очень насолили мнѣ однажды...

— Но-о? Неужто?

— Да... Я началъ было свое дѣло... и лишился кредита по милости...

— Тьфу!—озлобленно сплюнулъ Яковъ Маякинъ.—Ахъ, дьяволь! Поди жъ ты!

Все время внимательно слушая разговоръ Маякиныхъ и упорно разглядывая прѣзжаго, Ома сидѣлъ въ своемъ углу и недоумѣвающе моргалъ глазами. Вспоминая отношеніе Любви къ брату, до извѣстной степени настроенный ея разказами о Тарасѣ, онъ ожидалъ увидать въ лицѣ его что-то необычное, не похожее на обыкновенныхъ людей. Онъ думалъ, что Тарасъ и говорить какъ-нибудь особенно, и одѣвается по-своему, и вообще—не похожъ на людей. А предъ нимъ сидѣлъ солидный, полный человѣкъ, строго одѣтый, со строгими глазами, очень похожій лицомъ на отца и отличавшійся отъ него только сигарой да черной бородкой. Говорить онъ кратко, дѣльно, о простыхъ такихъ вещахъ—гдѣ же особенное въ немъ? Вотъ онъ началъ рассказывать отцу о выгодности производства соды... Въ каторгѣ онъ не былъ—наврала Любовь! И Омѣ стало пріятно, когда онъ представилъ себѣ, какъ будетъ говорить съ Любовью объ ея братѣ...

Она не разъ появлялась въ дверяхъ во время разговора отца съ братомъ. Ея лицо сіяло счастьемъ, и глаза съ восторгомъ осматривали черную фигуру Тараса, одѣтаго въ такой особенный, толстый сюртукъ съ карманами на бокахъ и съ большими пуговицами. Она ходила на ципочкахъ и какъ-то все вытягивала шею по направленію къ брату. Ома вопросительно поглядывалъ на нее, но она его не замѣчала, то и дѣло пробѣгая мимо двери съ тарелками и бутылками въ рукахъ.

Случилось такъ, что она заглянула въ комнату какъ разъ въ то время, когда ея братъ говорилъ отцу о каторгѣ. Она замерла на мѣстѣ, держа подносъ въ протянутыхъ рукахъ, и выслушала все, что сказалъ братъ о наказаніи, понесенномъ имъ. Выслушала и—медленно пошла прочь, не уловивъ недоумѣвающе-насмѣшливаго взгляда Омы. Погруженный въ свои соображенія о Тарасѣ, немного обиженный тѣмъ, что никто не обращаетъ на него вниманія и что

Тарась съ той поры, какъ при знакомствѣ пожалъ ему руку, еще ни разу не взглянулъ на него, — Ома пересталъ на минутку слѣдить за разговоромъ Маякиныхъ и вдругъ почувствовалъ, что его схватили за плечо. Онъ вздрогнулъ и вскочилъ на ноги, чуть не уронивъ крестнаго, стоявшаго противъ него съ возбужденнымъ лицомъ:

— Вотъ—гляди! Вотъ—человѣкъ! Вотъ что такое Маякинъ! Его кипятили въ семи щелокахъ, изъ него масло жали, а онъ—живъ! И—богатъ! Понялъ? Безъ всякой помощи... одинъ—пробился къ своему мѣсту и—гордъ! Это значитъ—Маякинъ! Маякинъ, значитъ, человѣкъ, который держитъ свою судьбу въ своихъ рукахъ... Понялъ? Учись! Гляди на него!.. Въ сотнѣ нѣтъ такого, ищи въ тысячѣ... Что-о? Такъ и знай: Маякина изъ человѣка ни въ чорта, ни въ ангела не перекуешь...

Ошеломленный этимъ буйнымъ натискомъ, Ома растерялся и не зналъ, что сказать старику въ отвѣтъ на его шумную похвальбу. Онъ видѣлъ, что Тарась, спокойно покуривая свою сигару, смотритъ на отца, и углы его губъ вздрагиваютъ отъ улыбки. Лицо у него снисходительно-довольное, и вся фигура какая-то барски-гордая. Онъ какъ бы забавлялся радостью старика...

А Яковъ Тарасовичъ тыкалъ Ому пальцемъ въ грудь и говорилъ:

— Я его, сына родного, не знаю... онъ души своей не открывалъ предо мной... Можетъ между нами такая разница выросла, что ее не токмо орелъ не перелетитъ—чортъ не перелѣзетъ... Можетъ его кровь такъ перекипѣла, что ни запаха отцова нѣтъ ужъ въ ней... но—Маякинъ онъ! И я это чую сразу... Чую и говорю: нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко!..

Старикъ весь дрожалъ въ лихорадкѣ своего ликованія и точно приплясывалъ, стоя предъ Омой.

— Ну, успокойтесь, батюшка!—сказалъ Тарась, неторопливо вставъ со стула и подходя къ отцу.—Зачѣмъ смущать молодого человѣка? Пойдемте, сядемъ...

Онъ небрежно усмѣхнулся Омѣ и, взявъ отца подъ руки, повелъ къ столу...

— Я въ кровь вѣрю! — говорилъ Яковъ Тарасовичъ.—Въ родовую кровь... въ ней вся сила! Отецъ мой, помню, говорилъ мнѣ: Яшка! ты подлинная моя кровь! Вотъ... У Маякиныхъ кровь густая... она переливается отъ отца къ отцу, и никакая баба никогда не разбавитъ ее... А мы выпьемъ шампанскаго! Выпьемъ? Ну и ладно! Говори мнѣ опять... говори про себя... какъ тамъ, въ Сибири?

И снова, точно испуганный и отрезвленный какой-то мыслью, старикъ уставился въ лицо сына испытующими глазами. А черезъ нѣсколько минутъ обстоятельныя, но краткіе отвѣты сына опять возбудили въ немъ шумную радость. Ома все слушалъ и присматривался, смиренно посиживая въ своемъ углу.

— Золотопромышленность, разумѣется, дѣло солидное, — говорилъ Тарасъ спокойно и важно, — но это операція все-таки рискованная и требующая крупнаго капитала... Земля ни слова не говоритъ о томъ, что имѣетъ въ себѣ... Очень выгодно имѣть дѣло съ инородцами... Торговля съ ними, даже поставленная кое-какъ, даетъ огромный процентъ. Это уже совершенно безошибочное предпріятіе... Но — скучное нужно сказать. Оно не требуетъ большого ума, въ немъ негдѣ развернуться человѣку недюжинному, человѣку крупнаго почина...

Вошла Любовь и пригласила всѣхъ въ столовую. Когда Маякины пошли туда, Ома незамѣтно дернулъ Любовь за рукавъ, и она осталась вдвоемъ съ нимъ, торопливо спрашивая его:

— Ты что?

— Ничего... — улыбаясь сказалъ Ома. — Хочу спросить тебя — рада?

— Еще бы! — воскликнула Любовь.

— А чему?

— Т. е. какъ это?

— Такъ... Чему?

— Странный ты! — удивленно взглянувъ на него, сказала Любовь. — Развѣ не видишь?

— Чего? — насмѣшливо спросилъ Ома

— Фу! Что съ тобой? — безпокойно глядя на него, сказала Люба.

— Э-эхъ ты! — съ презрительнымъ сожалѣніемъ громко протянулъ Ома. — Развѣ отъ твоего отца... развѣ въ нашемъ купецкомъ быту родится что-нибудь хорошее? Жди отъ рѣпья малины!.. А вралъ ты мнѣ: Тарасъ такой, Тарасъ сякой... Что въ немъ? Купецъ, какъ купецъ... И брюхо у него купеческое... Хе-хе! — Онъ былъ доволенъ, видя, что дѣвушка, возмущенная его словами, кусаетъ губы то краснѣя, то блѣднѣя.

— Ты... ты, Ома... — задыхаясь начала она и вдругъ, топнувъ ногой, крикнула ему:

— Не смѣй говорить со мной!

На порогѣ комнаты она обернула къ нему гнѣвное лицо и вполголоса, съ силой кинула ему:

— У, ненавистникъ!..

Ома засмѣялся. Ему не хотѣлось идти туда за столъ, гдѣ

сидять трое счастливыхъ людей, живо разговаривая другъ съ другомъ. Онъ слышалъ ихъ веселые голоса, довольный смѣхъ, звонъ посуды и понималъ, что ему, съ его тяжестью на сердцѣ, не мѣсто рядомъ съ ними. И нигдѣ нѣтъ ему мѣста. Если бъ всѣ люди возненавидѣли его, — вотъ какъ Любовь теперь, — ему лучше было бы среди нихъ, — думалъ онъ. Тогда онъ зналъ бы, какъ держать себя съ ними, нашелъ бы, что сказать имъ. А теперь — непонятно: жалѣютъ ли его, смѣются ли надъ нимъ за то, что онъ сбился съ пути и не можетъ ни къ чему приспособиться? Постоявъ одиноко среди комнаты, Оома незамѣтно для себя рѣшилъ уйти куда-нибудь изъ этого дома, гдѣ люди радовались, а онъ былъ лишнимъ. Выйдя на улицу, онъ почувствовалъ въ себѣ обиду на Маякиныхъ: все-таки это были единственные на свѣтѣ люди, близкіе ему. Предъ нимъ встало лицо крестнаго, на которомъ дрожащія отъ возбужденія морщины, освѣщаемыя радостнымъ блескомъ его зеленыхъ глазъ, точно сіяли фосфорическимъ свѣтомъ.

„Въ темнотѣ и гнилушка свѣтитъ“, — злостно думалъ онъ. Потомъ ему вспомнилось спокойное и серьезное лицо Тараса и рядомъ съ нимъ напряженно стремящаяся къ нему фигура Любы. Это возбудило въ немъ зависть и — грусть.

„Кто на меня такъ посмотритъ?... Нѣтъ такой души...“

Онъ очнулся отъ своихъ думъ на набережной, у пристаней, разбуженной шумомъ труда. Всюду несли и везли разные вещи и товары; люди двигались спѣшно, озабоченно, понукали лошадей раздражаясь, кричали другъ на друга, наполняли улицу безтолковой суетой и оглушающимъ шумомъ торопливой работы. Они возились на узкой полосѣ вымощенной камнемъ земли, съ одной стороны застроенной высокими домами, а съ другой — обрѣзанной крутымъ обрывомъ къ рѣкѣ, и ихъ кипучая возня производила на Оому такое впечатлѣніе, какъ будто всѣ они собрались бѣжать куда-то отъ этой работы въ грязи, тѣснотѣ и шумѣ, — собрались бѣжать и спѣшать какъ-нибудь скорѣе окончить не додѣланное и не отпускающее ихъ отъ себя. Ихъ уже ждали огромные пароходы, стоя у береговъ и выпускающая изъ трубъ клубы дыма. Мутная вода рѣки, тѣсно заставленной судами, жалобно и тихо плескалась о берегъ, точно просила дать и ей минутку покоя и отдыха...

— Ваше степенство! — раздался надъ ухомъ Оомы хриплый возгласъ. — Пожертвуйте на построение косушки!

Оома равнодушно взглянулъ на просящаго: это былъ огромный, бородатый дѣтина, босый, въ изорванной рубашкѣ, съ разбитымъ опухшимъ лицомъ.

— Пошелъ прочь! — пробормоталъ Ома и отвернулся отъ него.

— Купецъ! Умрешь — деньги съ собой не возьмешь — дай на шкаликъ! Али лѣнь руку въ карманъ сунуть?

Ома снова взглянулъ на просящаго: тотъ стоялъ предъ нимъ прикрытый больше грязью, чѣмъ одеждой, и, вздрагивая съ похмѣлья, настойчиво ждалъ, глядя въ лицо Омы налитыми кровью, опухшими глазами.

— Развѣ такъ просятъ? — сказалъ ему Ома.

— Что же — на колѣни предъ тобой изъ-за гривенника встать? — смѣло спросилъ босякъ.

— На! — сунулъ ему Ома, какую-то монету.

— Мерси!.. Пятіалтынный... мерси! А если еще пятіалтынный дашь — вплоть до того вонь кабака на четверенькахъ пройду — желаешь?! — предложилъ босякъ.

— Ну отстань! — сказалъ Ома отмахиваяеъ рукой отъ него.

— Была бы честь предложена, а отъ убытка Богъ избавилъ, — сказалъ босякъ и отошелъ въ сторону.

Ома смотрѣлъ вслѣдъ ему и думалъ:

„Вѣдь вотъ — погибшій человѣкъ, а смѣлый какой... Милостыню просить, какъ долгъ требуетъ... Отчего у такихъ смѣлость?..“

И глубоко вздохнувъ, онъ отвѣтилъ самъ себѣ:

„Отъ свободы... Ничѣмъ человѣкъ не связанъ... чего ему жалѣть? чего бояться? А я чего боюсь? Мнѣ-то чего жаль?“

Эти два вопроса какъ бы толкнули сердце Омы и вызвали въ немъ тупое недоумѣніе. Онъ смотрѣлъ на движеніе трудившихся людей и упорно думалъ: чего ему жаль? чего боится онъ?

„Самому мнѣ, своей силой видно не выйти никуда... такъ дуракомъ и буду болтаться среди людей... на смѣху, да на обидѣ у всѣхъ... Вотъ кабы они меня оттолкнули... возненавидѣли бы... тогда бы... тогда бы — иди на всѣ четыре стороны!.. Хошь, не хошь — иди!“

Съ одной изъ пристаней давно уже разносилась по воздуху веселая „дубинушка“. Крючники работали какую-то работу, требовавшую быстрыхъ движеній, и подгоняли къ нимъ запѣвку и припѣвъ.

Въ кабакахъ кучи большіе

„Пью-ють наливочки густыя“.—

бойкимъ речитативомъ рассказывалъ запѣвало. Артель дружно подхватывала:

„Ой, да дубинушка, ухнемъ!“

И потомъ басы кидали въ воздухъ твердые звуки:

„Идетъ, идетъ...“

А тенора вторили имъ:

„Идеть, идеть...“

Томъ вслушался въ пѣсню и пошелъ къ ней на пристань. Тамъ онъ увидаль, что крючники, вытянувшись въ двѣ линіи, выкатываютъ на веревкахъ изъ трюма парохода огромныя бочки съ соленой рыбой. Грязныя, въ красныхъ рубахахъ съ разстегнутыми воротами, въ рукавицахъ на рукахъ, обнаженныхъ по локоть, они стояли надъ трюмомъ и шутя, весело, съ оживленными работой лицами, дружно, въ тактъ пѣснѣ, дергали веревки. А изъ трюма выносился высокій, смѣющийся голосъ невидимаго запѣвалы.

А мужицкой нашей глоткѣ
Не-е хватаетъ вдоволь водки...

И артель громко и дружно, какъ одна большая грудь, вздыхала:

„Э-эхъ, ду-убинушка, ухнемъ!“

Томѣ было пріятно и завидно смотрѣть на эту стройную, какъ музыка, работу. Чумазыя лица крючниковъ свѣтились улыбками, работа была легкая, шла успѣшно, а запѣвало находился въ артистическомъ ударѣ. Томѣ думалось, что хорошо бы вотъ такъ дружно работать съ добрыми товарищами подъ веселую пѣсню, устать отъ работы, выпить стаканъ водки и поѣсть жирныхъ щей, изготовленныхъ дородной и разбитной артельной маткой...

— Проворне, ребята, проворне! — раздался рядомъ съ нимъ непріятный, хриплый голосъ. Томъ обернулся. Толстый человѣкъ съ огромнымъ животомъ, стучая въ палубу пристани палкой, смотрѣлъ на крючниковъ маленькими глазками и говорилъ:

— Орите поменьше, а работайте поскорѣе...

Лицо и шея у него были облиты потомъ; онъ поминутно вытиралъ его лѣвой рукой и дышалъ такъ тяжело, точно шель въ гору.

Томъ непріязненно посмотрѣлъ на этого человѣка и подумаль:

„Люди работаютъ, а онъ потѣеть... А я еще его хуже... какъ ворона на заборѣ... Ни къ чему...“

Изъ каждаго впечатлѣнія у Тома сейчасъ же выдѣлялась колкая мысль объ его неспособности къ жизни. Все, на чемъ оставалось его вниманіе, имѣло въ себѣ что-то обидное для него, и это обидное кирпичомъ ложилось на грудь ему. Сбоку отъ него, у багажныхъ вѣсовъ стояли два матроса, и одинъ изъ нихъ, коренастый парень съ красной рожей, рассказываль товарищу:

— Ка-акъ они на меня бросятся-а! Тутъ, братъ ты мой, и

по-ошло! Ихъ четверо—я одинъ! Ну только я не сдался имъ... потому вижу—изобьютъ до смерти! И баранъ дрыгаться будетъ, ежели съ него живого да шкуру драть... Кэ-екъ я рванусь! Сразу они покатались, кто куда...

— А насыпали тебѣ все-таки?—освѣдомился другой матросъ.

— Ка-акъ же! Попало... разовъ пятокъ съѣлъ... Да развѣ за этимъ гонишься? Не убили... ну и спасибо!..

— Это конечно...

— На корму, говорятъ вамъ, дьяволы!—заревѣлъ дикимъ голосомъ потный человѣкъ на двухъ крючниковъ, катившихъ по палубѣ бочку съ рыбой.

— Ты что орешь?—сурово обратился къ нему Оома, вздрогнувшій отъ его крика.

— А вамъ какое дѣло?—спросилъ тотъ, взглянувъ на Оому.

— А такое... Люди работаютъ, а у тебя жиръ таетъ... такъ ты и думаешь, что надо тебѣ орать на нихъ?—подвинувшись къ нему, грозно говорилъ Оома.

— Вы... не очень...

Вспотѣвшій человѣкъ какъ-то вдругъ сорвался съ мѣста и ушелъ въ контору. Оома поглядѣлъ вслѣдъ ему и тоже пошелъ съ пристани, полный желанія разругаться съ кѣмъ-нибудь, сдѣлать что-либо, чтобы хоть не надолго отвлечь свои мысли отъ себя самого. А они все одолѣвали его:

„Вонъ какъ матросъ-то... рванулся и—цѣль!.. Н-да-а... А я...“

Вечеромъ онъ снова зашелъ къ Маякинымъ. Старика не было дома и въ столовой за чаемъ сидѣла Любовь съ братомъ. Подходя къ двери, Оома слышалъ сильный голосъ Тараса:

— Что же заставляетъ отца возиться съ нимъ?

При видѣ Оомы онъ замолчалъ, уставившись въ лицо его серьезнымъ, испытующимъ взглядомъ. На лицѣ Любви ясно выразилось смущеніе, и она, недовольно и въ то же время какъ бы извиняясь, сказала Оомѣ:

— А! Это ты...

„Про меня шла рѣчь“,—сообразилъ Оома, подсаживаясь къ столу.

Тарасъ отвелъ отъ него глаза и усѣлся въ кресло поглубже. Съ минуту продолжалось неловкое молчаніе, и оно было приятно Оомѣ.

— Ты на обѣдъ пойдешь?—спросила наконецъ Любовь.

— На какой?..

— Развѣ не знаешь? Кононовъ новый пароходъ освящаетъ... Молебень будетъ, а потомъ поѣдутъ вверхъ по Волгѣ...

— Меня не звали,—сказалъ Оома.

— Никого не звали... Просто онъ на биржѣ пригласилъ— кому угодно почтить меня,—пожалуйте!

— Мнѣ не угодно...

— Да? Смотри — выпивка будетъ тамъ грандіозная,—искоса взглянувъ на него, сказала Любовь.

— Я и на свои напьюсь, коли захочу...

— Знаю...—выразительно кивнувъ головой, сказала Любовь.

Тарасъ игралъ чайной ложкой, вертя ее между пальцами, и исподлобья поглядывалъ на нихъ.

— А гдѣ крестный?—спросилъ Ома.

— Въ банкъ поѣхалъ... Сегодня засѣданіе правленія... Выборы будутъ...

— Опять его выберутъ...

— Разумѣется...

И снова разговоръ оборвался. Ома сталъ слѣдить за братомъ и сестрой. Тарасъ, бросивъ ложку, медленно, большими глотками выпилъ чай, и молча подвинувъ къ сестрѣ стаканъ, улыбнулся ей. Она тоже улыбнулась радостно и счастливо, схватила стаканъ и начала усердно мыть его. Потомъ ея лицо приняло выраженіе напряженное, она вся какъ-то насторожилась и впологолоса, почти благоговѣйно спросила брата:

— Можно возвратиться къ началу разговора?

— Пожалуйста!—кратко разрѣшилъ ей Тарасъ.

— Ты сказалъ... я не поняла — какъ это? Я спросила: если все это — утопія по-твоему, если это невозможно... мечты... то что же дѣлать человѣку, котораго не удовлетворяетъ жизнь, какъ она есть?

Дѣвушка потянулась къ брату всѣмъ тѣломъ, и ея глаза съ напряженнымъ ожиданіемъ остановились на спокойномъ лицѣ брата. Онъ взглянулъ на нее утомленно, повозился на креслѣ и, опустивъ голову, спокойно и внушительно заговорилъ:

— Надо подумать, изъ какого источника является неудовлетворенность жизнью?.. Мнѣ кажется, что это, во-первыхъ, отъ немумѣнія трудиться... отъ недостатка уваженія къ труду. И, во-вторыхъ, отъ невѣрнаго представленія о своихъ силахъ... Несчастіе большинства людей въ томъ, что они считаютъ себя способными на большее, чѣмъ могутъ... А между тѣмъ отъ человѣка требуется — не много: онъ долженъ избрать себѣ дѣло по силамъ и дѣлать его какъ можно лучше, какъ можно внимательнѣе... Нужно любить то, что дѣлаешь, и тогда трудъ — даже самый грубый — возвышается до творчества... Стулъ, сдѣланный съ любовью, всегда будетъ хорошей, красивый и прочный стулъ... И такъ—во всемъ... Ты почитай Смайльса — не читала? Очень дѣльная книга... Здо-

ровая книга... Леббока почитай... Вообще попомни, что англичане самая трудоспособная нація, чѣмъ и объясняется ихъ изумительный успѣхъ въ области промышленной и торговой... У нихъ трудъ—почти культъ... Высота культуры всегда стоитъ въ прямой зависимости отъ любви къ труду... А чѣмъ выше культура, тѣмъ глубже удовлетворены потребности людей, тѣмъ меньше препятствій къ дальнѣйшему развитію потребностей человѣка... Счастье—возможно полное удовлетвореніе потребностей... Вотъ... И, какъ видишь, счастье человѣка обусловлено его отношеніемъ къ своему труду...

Тарасъ Маякинъ говорилъ такъ медленно и тягуче, точно ему самому было непріятно и скучно говорить. А Любовь, нахмуривъ брови и вытянувшись по направленію къ нему, слушала рѣчь его съ жаднымъ вниманіемъ въ глазахъ, готовая все принять и впитать въ душу свою.

— Ну, а ежели человѣку все противно... — вдругъ густымъ голосомъ заговорилъ Ома, взглянувъ въ лицо Тарасу.

— Т. е. что именно противно человѣку?—спросилъ Маякинъ спокойно и не взглянувъ на Ому.

Тотъ наклонилъ голову, уперся руками въ столъ и такъ, быкомъ, продолжалъ изъясняться:

— Все—не по душѣ... Дѣла... труды... Всѣ люди... и дѣйствія... Ежели, скажемъ, я вижу, что все—обманъ... Не дѣло, а такъ себѣ—затычка... Пустоту души затыкаемъ... Одни работаютъ, другіе только командуютъ и потѣютъ... но получаютъ за это больше... Это зачѣмъ же такъ? а?

— Не могу уловить вашу мысль... — заявилъ Тарасъ, когда Ома остановился, чувствуя на себѣ пренебрежительный и сердитый взглядъ Любви.

— Не понимаете?—съ усмѣшкой посмотрѣвъ на Тараса, спросилъ Ома. — Ну... скажемъ такъ: ѣдетъ человѣкъ въ лодкѣ по рѣкѣ... Лодка, можетъ быть, хорошая, а подъ ней все-таки всегда глубина... Лодка — крѣпкая... но ежели человѣкъ глубину эту темную подъ собой почувствуетъ... никакая лодка его не спасетъ...

Тарасъ смотрѣлъ на Ому равнодушно и спокойно. Смотрѣлъ, молчалъ и тихо постукивалъ пальцами по краю стола. Любовь безпокойно вертѣлась на стулѣ. Маяникъ часовъ глухимъ, vzdыхающимъ звукомъ отбивалъ секунды. И сердце Омы билось медленно и тяжко, точно чувствуя, что здѣсь никто не откликнется теплымъ словомъ на его тяжелое недоумѣніе.

— Работа—еще не все для человѣка... — говорилъ онъ скорѣе себѣ самому, чѣмъ этимъ людямъ, не вѣрившимъ въ искрен-

ность его рѣчей. — Это не вѣрно, что въ трудахъ — оправданіе.. Которые люди не работаютъ совсѣмъ ничего всю жизнь, а живутъ они лучше трудящихся... это какъ? А трудящіе—они просто несчастныя... лошади! На нихъ ѣдутъ, они терпятъ... и больше ничего... Но они имѣютъ передъ Богомъ свое оправданіе... Ихъ спросятъ: вы для чего жили, а? Тогда они скажутъ: намъ некогда было думать насчетъ этого... мы всю жизнь работали. А я какое оправданіе имѣю? И всѣ люди, которые командуютъ, чѣмъ они оправдаются? Для чего жили? А я такъ полагаю, что непременно всѣмъ надо твердо знать—для чего живешь?

Онъ помолчалъ и, вскинувъ голову, воскликнулъ глухимъ голосомъ:

— Неужто затѣмъ человекъ рождается, чтобы поработать, денегъ зашибить, домъ выстроить, дѣтей народить и — умереть? Нѣтъ, жизнь: что-нибудь означаетъ собой... Человекъ родился, пожилъ и померъ... зачѣмъ? Нужно, ей-Богу, нужно сообразить всѣмъ — зачѣмъ живемъ? Толку нѣтъ въ жизни нашей... никакого нѣтъ въ ней толку! Потомъ—не ровно все... это сразу видно. Одни богаты — на тысячу человекъ денегъ у себя имѣютъ... и живутъ безъ дѣла... другіе—всю жизнь гнутъ спину въ работѣ, а нѣтъ у нихъ ни гроша... А между тѣмъ разница въ людяхъ—малая... Иной—безъ штановъ живетъ, а разсуждаетъ, такъ ровно въ шелки одѣтъ...

Охваченный своими мыслями, Ома долго бы излагалъ ихъ, но Тарасъ отодвинулъ свое кресло отъ стола, всталъ и со вздохомъ, негромко произнесъ:

— Нѣтъ, спасибо!.. Больше не хочу...

Ома круто оборвалъ свою рѣчь и повелъ плечами, съ усмѣшкой взглянувъ на Любовь.

— Откуда это ты набрался такой... философіи? — спросила она недовѣрчиво и сухо.

— Это не философія... Это... такъ ужъ... наказаніе это! — полногласно сказалъ Ома.—Открой глаза и смотри на все... тогда это само въ голову полѣзетъ...

— Вотъ кстати, Люба, обрати вниманіе, — заговорилъ Тарасъ, стоя спиной къ столу и разсматривая часы, — пессимизмъ совершенно чуждъ англо-саксонской расѣ... То, что называютъ пессимизмомъ у Свифта и Байрона, — только жгучій, ѣдкій протестъ противъ несовершенства жизни и человека... А холоднаго, разсудочнаго и пассивнаго пессимизма у нихъ не встрѣтишь...

Затѣмъ, какъ бы вдругъ вспомнивъ о Омѣ, онъ обернулся къ нему, заложилъ руки за спину и, дрыгая ляжкой, сказалъ:

— Вы поднимаете очень важныя вопросы... И... если они серьезно

занимають васъ... вамъ надо почитать книгъ... Въ нихъ вы найдете не мало очень цѣнныхъ сужденій о смыслѣ жизни... Вы какъ — читаете книги?

— Нѣтъ! — кратко отвѣтилъ Оома.

— А!..

— Не люблю ихъ...

— Ага!.. Но однако онѣ могли бы кое въ чемъ помочь вамъ... — сказала Тарась, и по губамъ его скользнула улыбка.

— Книги? Если люди помочь мнѣ въ мысляхъ моихъ не могутъ — книги и подавно... — угрюмо проговорилъ Оома.

Ему стало скучно и неловко съ этимъ равнодушнымъ человекомъ. Онъ хотѣлъ бы уйти, но въ то же время ему хотѣлось сказать Любви что-нибудь обидное объ ея братѣ и онъ ждалъ, не выйдетъ ли Тарась изъ комнаты. Любовь мыла посуду; лицо у нея было сосредоточено и задумчиво, а руки двигались вяло. Тарась, расхаживая по комнатѣ, останавливался предъ горками съ серебромъ, посвистывалъ, щелкалъ пальцами по стеклу и разсматривалъ вещи, прищуривая глаза. Маятникъ часовъ мелькалъ за стекломъ футляра, точно чья-то широкая, ухмыляющаяся рожа, и монотонно отбивалъ секунды... Оома, замѣтивъ, что Любовь нѣсколько разъ вопросительно, съ неприязнью и ожиданіемъ взглянула на него, понялъ, что онъ стѣсняетъ ее, и она ждетъ, не дождется, когда онъ уйдетъ.

— Я у васъ ночую... — сказала онъ, улыбаясь ей. — Надо мнѣ поговорить съ крестнымъ. Да и скучно дома одному...

— Такъ ты поди, скажи Марфушѣ, чтобъ она приготовила тебѣ постель въ угловой... — торопливо посоветовала Любовь.

— Могу...

Онъ всталъ и вышелъ изъ столовой. И тотчасъ же услыхалъ, что Тарась не громко спросилъ сестру о чемъ-то.

Про меня! — подумалъ онъ. Вдругъ въ головѣ его мелькнула злая мысль: — Послушать бы... что скажутъ умные люди...

Онъ засмѣялся тихонько и, ступая на ципочки, безшумно прошелъ въ другую комнату, тоже смежную со столовой. Огня тутъ не было и лишь узкая лента свѣта изъ столовой, проходя сквозь непритворенную дверь, лежала на темномъ полу. Оома тихо, съ замираніемъ въ сердцѣ и злорадно усмѣхаясь, подошелъ вплотъ къ двери и остановился...

— Тяжелый парень... — говорилъ Тарась.

Раздалась пониженная и торопливая рѣчь Любви:

— Онъ тутъ все кутиль... Безобразничалъ — ужасно! Вдругъ какъ-то началось у него... Сначала избилъ въ клубѣ зятя вице-губернатора. Папаша возился, возился, чтобы загасить скандалъ.

и хорошо еще, что избитый оказался человѣкомъ очень дурной репутаціи... Шулеръ онъ... и вообще — темная личность... Однако слишкомъ двѣ тысячи стоило это отцу... А пока отецъ хлопоталъ по поводу одного скандала, Ома чуть не утопилъ цѣлую компанію въ Волгѣ.

— Ха-ха! Вотъ чудовище! И онъ же занимается изслѣдованіями о смыслѣ жизни...

— Другой разъ, ѣхалъ на пароходѣ съ компаніей такихъ же, какъ самъ, кутилъ и вдругъ говорить имъ: молитесь Богу! Всѣхъ васъ сейчасъ пошвыряю въ воду! Онъ страшно сильный... Тѣ — кричать... А онъ: хочу послужить отечеству, хочу очистить землю отъ дрянныхъ людей...

— Ну? Это остроумно!

— Ужасный человѣкъ! Сколько онъ натворилъ за эти годы дикихъ выходокъ... Сколько прожилъ денегъ!

— А... скажи—отецъ управляетъ его дѣломъ на какихъ условіяхъ—не знаешь?

— Не знаю! У него полная довѣренность есть... А что?

— Такъ... Солидное дѣло! Разумѣется, поставлено оно на чисто русскую ногу, т. е. — отвратительно... И тѣмъ не менѣе — прекрасное дѣло! Оно, если имъ заняться какъ слѣдуетъ, можетъ быть... богатѣйшимъ золотымъ приискомъ...

— Ома совершенно ничего не дѣлаетъ... Все въ рукахъ отца...

— Да? Это прекрасно...

— Знаешь, порой мнѣ кажется, что у Омы это... вдумчивое настроеніе... рѣчи эти—искренни и что онъ можетъ быть очень... порядочнымъ... Но я не могу помирить его скандальной жизни съ его рѣчами и сужденіями... Никакъ не могу!

— Да и не стоитъ объ этомъ заботиться... Недоросль и лѣнтяй—ищетъ оправданія своей лѣни...

— Нѣтъ, видишь ли, иногда онъ бываетъ... какъ ребенокъ... Особенно раньше бывало...

— Ну, я и сказалъ: недоросль. Стоитъ ли говорить о невѣждѣ и дикарѣ, который самъ хочетъ быть дикаремъ и невѣждой, чего онъ не скрываетъ? Ты видишь: онъ разсуждаетъ такъ же, какъ медвѣдь въ баснѣ оглобли гнудь...

— Очень ты строгъ...

— Да, я строгъ! Люди этого требуютъ... Мы всѣ, русскіе, отчаянные распустихи... Къ счастью, жизнь слагается такъ, что волей-неволей мы понемножку подтягиваемся... Мечты юношамъ я дѣвамъ, а серьезнымъ людямъ—серьезное дѣло...

— Иногда мнѣ очень жалко Ому... Что съ нимъ будетъ?

— Это меня не касается... Я думаю, что ничего не будет особеннаго—ни хорошаго, ни дурнаго... Безалаберный парень... прожить деньги, разорится... что же еще? Э, ну его! Такіе, какъ онъ теперь ужъ рѣдки... Теперь купецъ понимаетъ силу образованія... А онъ, этотъ твой молочный братъ, онъ погибнетъ...

— Вѣрно, баринъ!—сказаль Оома, отворивъ дверь и являясь на порогѣ. Блѣдный, нахмуривъ брови и скрививъ губы, онъ въ упоръ смотрѣлъ на Тараса и глухо говорилъ:

— Вѣрно! Пропаду я и—аминь! Скорѣ бы только!

Любовь со страхомъ на лицѣ вскочила со стула и подбѣжала къ Тарасу, спокойно стоявшему среди комнаты, засунувъ руки въ карманы.

— Оома! О! Стыдно! Ты подслушиваль... ахъ, Оома! — растерянно говорила она.

— Молчи ты! Овечка...—сказаль ей Оома.

— Н-да, подслушивать у дверей не хорошо-о!—медленно выговориль Тарасъ, не спуская съ Оомы пренебрежительнаго взгляда.

— Пускай не хорошо!—махнувъ рукой, сказаль Оома.—Али я виновать въ томъ, что правду только подслушать можно?

— Уйди, Оома! Пожалуйста!—просила Любовь, прижимаясь къ брату.

— Вы, можетъ быть, имѣете что-нибудь сказать мнѣ?—спокойно спросиль Тарасъ.

— Я?—воскликнулъ Оома.—Что я могу сказать? Ничего не могу!.. Это вы вотъ—вы, чай, все можете...

— Значить, вамъ со мной не о чемъ разговаривать? — снова спросиль Тарасъ.

— Нѣтъ!

— Это мнѣ пріятно...

Онъ повернулся бокомъ къ Оомѣ и спросиль у Любви:

— Какъ ты думаешь—скоро вернется отецъ?

Оома посмотрѣлъ на него и, чувствуя что-то похожее на уваженіе къ этому человѣку, осторожно пошелъ вонъ изъ дома. Ему не хотѣлось идти къ себѣ, въ огромный пустой домъ, гдѣ каждый шагъ его будиль звучное эхо, и онъ пошелъ по улицѣ, окутанной тоскливо-сѣрыми сумерками поздней осени. Ему думалось о Тарасѣ Маякинѣ.

„Твердый какой.. Въ отца... только не такъ суетливъ... Чай, тоже—выжига... А Любка—чуть ли не святымъ его считала... дуреха! Какъ онъ меня отчитываль! Судья... А она — добрая ко мнѣ...“

Но всѣ эти мысли не возбуждали въ немъ никакихъ чувствъ—ни обиды противъ Тараса, ни симпатіи къ Любви. Онъ несъ въ

себѣ что-то тяжелое и неудобное, непонятное ему. Это выросло въ груди у него, и казалось ему, что его сердце распухло и ноетъ, точно отъ нарыва. Онъ прислушивался къ этой неотвязной и неукротимой боли, отмѣчалъ, что она съ каждымъ часомъ все растетъ, усиливается, и, не зная, чѣмъ укротить ее, тупо ждалъ, чѣмъ она разрѣшится.

Вотъ мимо него промчался рысакъ крестнаго. Ома видѣлъ въ пролеткѣ маленькую фигурку Якова Маякина, но и она не возбудила въ немъ ничего. Фонарщикъ пробѣжалъ мимо Омы, обогналъ его, подставилъ лѣстницу къ фонарю и полгѣзъ по ней. А она вдругъ поѣхала подъ его тяжестью, и онъ, обнявъ фонарный столбъ, сердито и громко обругался. Какая-то дѣвушка толкнула Ому узломъ въ бокъ и сказала:

— Ахъ, извините...

Онъ взглянулъ на нее и ничего не отвѣтилъ. Потомъ съ неба посыпалась изморозь,—маленькія, едва видныя капельки сырости заволакивали огни фонарей и окна магазиновъ сѣрватою пылью. Отъ этой пыли стало тяжело дышать...

— Къ Ежову что ли пойти ночевать? Выпить съ нимъ...— подумалъ Ома и пошелъ къ Ежову, не имѣя никакого желанія ни видѣть фельетониста, ни пить съ нимъ...

У Ежова на диванѣ сидѣлъ какой-то лохматый парень въ блузѣ и въ сѣрыхъ штанахъ. Лицо у него было темное, точно копченое, глаза большіе, неподвижные и сердитые, надъ толстыми губами торчали щетинистые солдатскіе усы. Сидѣлъ онъ на диванѣ съ ногами, обнявъ ихъ большущими ручищами и положивъ на колѣни подбородокъ. Ежовъ сидѣлъ бокомъ въ креслѣ, перекинувъ ноги черезъ его ручку. Среди книгъ и бумагъ на столѣ стояла бутылка водки и въ комнатѣ пахло чѣмъ-то соленымъ.

— Ты что бродишь?—спросилъ Ежовъ Ому и, кивнувъ на него головой, сказалъ человѣку, сидѣвшему на диванѣ:

— Гордѣевъ!

Тотъ взглянулъ на вошедшаго и рѣзкимъ, скрипящимъ голосомъ сказалъ:

— Краснощекоевъ...

Ома сѣлъ въ уголь дивана, объявивъ Ежову:

— Я ночевать пришелъ...

— Ну такъ что? Говори дальше, Василій...

Тотъ искоса взглянулъ на Ому и заскрипѣлъ:

— По-моему, вы напрасно наваливаетесь такъ на глурыхъ-то людей... Мазаньелло дуракъ былъ, но то, что надо, исполнилъ въ лучшемъ видѣ. И какой-нибудь Винкельридь—тоже дуракъ, навѣрно... а однако, кабы онъ не воткнулъ въ себя имперскихъ

никъ, глядишь—швейцарцевъ - то и вздули бы. Мало ли такихъ дураковъ! Но однако—они герои... А умники-то—труссы... Гдѣ бы ему ударить изо всей силы по препятствію, онъ соображаетъ: а что отсюда выйдетъ? а какъ бы даромъ не пропасть? И стоитъ передъ дѣломъ, какъ колъ... пока не околѣетъ. А дуракъ—онъ храбрый! Прямо лбомъ въ стѣну—хрясь! Разобьетъ башку—ну что жъ? Телячьи головы не дороги... А коли онъ трещину въ стѣнѣ сдѣлаетъ... умники ее въ ворота расковыряютъ, пройдутъ и—честь себѣ припишутъ... Нѣтъ, Николай Матвѣичъ, храбрость дѣло хорошее и безъ ума...

— Василій, ты говоришь глупости!—сказалъ Ежовъ, протягивая къ нему руку.

— А, конечно!—согласился Василій.—Гдѣ мнѣ лаптемъ щи хлебать... А все-таки я не слѣпой... И вотъ вижу: ума много, а толку нѣтъ. Пока умники-то судятъ да рядятъ, какъ бы поумнѣе дѣйствовать, дураки ихъ въ бараній рогъ гнутъ... Только и всего...

— Подожди!—сказалъ Ежовъ.

— Не могу! У меня сегодня дежурство... Я и то, чай, опоздалъ... Я завтра зайду,—можно?

— Валяй! Я тебя распатрону!

— Такое ваше дѣло...

Василій медленно расправился, всталъ съ дивана, взялъ большой, черной лапой желтую, сухонькую ручку Ежова и тиснулъ ее.

— Прощайте!

Затѣмъ кивнулъ головой Оомѣ и бокомъ полѣзъ въ дверь.

— Видалъ?—спросилъ Ежовъ у Оомы, указывая рукой на дверь, за которой еще раздавались тяжелые шаги.

— Что за человѣкъ?

— Помощникъ машиниста, Васька Краснощековъ... Вотъ возьми съ него примѣръ: пятнадцати лѣтъ началъ грамотѣ учиться человѣкъ, а въ двадцать восемь прочиталъ, чортъ его знаетъ, сколько хорошихъ книгъ, да два языка изучилъ въ совершенствѣ... За-границу вонъ ѣдетъ...

— Зачѣмъ?—спросилъ Оома.

— Учиться... посмотрѣть, какъ тамъ люди живутъ... А ты вотъ—киснешь... чего ради?

— Насчетъ дураковъ дѣльно онъ говорил!—задумчиво сказалъ Оома.

— Не знаю, ибо я—не дуракъ...

— Дѣльно! Тупому человѣку надо сразу дѣйствовать... Навалился, опрокинулъ...

— Пошла писать губернія!—воскликнулъ Ежовъ.—Ты мнѣ лучше вотъ что скажи: правда, что къ Маякину сынъ воротился?

— Правда...

— Та-акъ!..

— А что?

— Ничего!

— А по рожѣ твоей видать, что есть что-то...

— Знаемъ мы этого сына... слышали о немъ...

— А я его видѣлъ...

— Ну? Каковъ?

— А... чортъ его знаетъ! Что мнѣ до него?

— На отца похожъ?

— Толще... круглѣе... серьезности больше... такой онъ... холодный...

— Значить, еще хуже Яшки будетъ... Ну, ты, братъ, смотри теперь въ оба! А то они тебя огложутъ...

— Ну и пускай!

— Ограбятъ... нищимъ будешь... Этотъ Тарасъ тестя своего въ Екатеринбургѣ такъ ловко обтяпалъ...

— Пусть и меня обтяпаетъ, коли захочетъ. Я ему за это кромѣ спасибо ни слова не скажу...

— Это ты все о старомъ?

— О немъ...

— Чтобы освободиться?

— Ну, да...

— Брось! На что тебѣ свобода? Что ты будешь съ ней дѣлать? Вѣдь ты ни къ чему не способенъ, безграмотенъ... полѣна дровъ навѣрно не расколешь?! Вотъ если бъ мнѣ освободиться отъ необходимости пить водку и ѣсть хлѣбъ!

Ежовъ вскочилъ на ноги и, вставъ противъ Оомы, сталъ говорить высокимъ голосомъ и точно декламируя:

— Я собралъ бы остатки моей истерзанной души и вмѣстѣ съ кровью сердца плюнулъ бы въ рожи нашей интеллег-генціи, чор-ртъ ее побери! Я бъ имъ сказалъ: букашки! вы, лучший сокъ моей страны! Фактъ вашего бытія оплаченъ кровью и слезами десятковъ поколѣній русскихъ людей, о! гниды! Какъ вы дорого стоите своей странѣ! Что же вы дѣлаете для нея? Превратили ли вы слезы прошлаго въ перлы? Что дали вы жизни? Что сдѣлали? Позволили побѣдить себя? Что дѣлаете? Позволяете издѣваться надъ собой...

Онъ въ ярости затопалъ ногами и, сцѣпивъ зубы, смотрѣлъ на Оому горящимъ, злымъ взглядомъ, похожій на осwirѣлѣвшее хищное животное.

— Я сказалъ бы имъ: вы! Вы слишкомъ много разсуждаете, но вы мало умны и совершенно безсильны и — трусы все вы! Ваше сердце набито моралью и добрыми намѣреніями, но оно мягко и

тепло, какъ перина, духъ творчества спокойно и крѣпко спитъ въ немъ, и оно не бьется у васъ, а медленно покачивается, какъ люлька. Окунувъ персть въ кровь сердца моего, я бы намазалъ на ихъ лбахъ клейма моихъ упрековъ, и они, нищѣ духомъ, несчастные въ своемъ самодовольствѣ, страдали бы... о, ужъ тогда они страдали бы! Бичъ мой тонокъ, и тверда рука! И я слишкомъ люблю, чтобъ жалѣть! Они страдали бы! А теперь они—не страдаютъ, ибо слишкомъ много, слишкомъ часто и громко говорятъ о своихъ страданіяхъ! Лгутъ! Истинное страданіе молчаливо, а истинная страсть не знаетъ преградъ себѣ!.. Страсти, страсти! Когда онѣ возродятся въ сердцахъ людей? Всѣ мы несчастны отъ безстрастія...

Задохнувшись, онъ закашлялся и кашлялъ долго, прыгая по комнатѣ и размахивая руками, какъ безумный. И снова всталъ предъ Ѳомой съ блѣднымъ лицомъ и налившимся кровью глазами. Дышалъ онъ тяжело, губы у него вздрагивали, обнажая мелкіе и острые зубы. Растрепанный, съ короткими волосами на головѣ, онъ походилъ на ерша, выброшеннаго изъ воды... Ѳома не первый разъ видѣлъ его такимъ и, какъ всегда, заражался его возбужденіемъ. Онъ слушалъ кипучую рѣчь маленькаго человѣка молча, не стараясь понять ея смысла, не желая знать, противъ кого она направлена,—глотаю лишь одну ея силу. Слова Ежова брызгали на него, какъ кипятки, и грѣли его душу.

— Я скажу имъ, этимъ несчастнымъ бездѣльникамъ: смотрите! Жизнь идетъ и оставляетъ васъ сзади себя!

— Эхъ! Здорово!—воскликнулъ Ѳома съ восхищеніемъ и завозился на диванѣ.—Герой ты, Николай! У-у! Валяй ихъ! Сыпь въ глаза прямо!

Но Ежовъ не нуждался въ поощреніи, онъ, казалось, даже не слышалъ восклицаній Ѳомы и продолжалъ:

— Я знаю мѣру силъ моихъ, я знаю—мнѣ закричать: молчать! Мнѣ скажутъ: цыцъ! Скажутъ умно, скажутъ спокойно, издѣваясь надо мной, съ высоты величія своего скажутъ... Я знаю—я маленькая птичка, о, я не соловей! Я неучъ по сравненію съ ними, я только фельетонистъ, человѣкъ для потѣхи публики... Пускай кричатъ и оборвутъ меня, пускай! Пощечина упадетъ на щеку, а сердце все-таки будетъ биться! И я скажу имъ: да, я неучъ! И первое мое преимущество предъ вами есть то, что я не знаю ни одной книжной истины, коя для меня была бы дороже человѣка! Человѣкъ есть вселенная, и да здравствуетъ вовѣки онъ, носящій въ себѣ весь міръ! А вы, скажу я, вы ради слова, въ которомъ можетъ быть не всегда и есть содержаніе, понятное вамъ,—вы зачастую ради слова наносите другъ

другу язвы и раны, ради слова брызжете другъ на друга желчью, насилуете душу... За это жизнь сурово взыщетъ съ васъ, повѣрьте: разразится буря, и она смететъ и смоетъ васъ съ земли, какъ дождь и вѣтеръ пыль съ дерева! На языкѣ людскомъ есть только одно слово, содержаніе коего всеѣмъ ясно и дорого, и когда это слово произносятъ, оно звучитъ такъ: свобода!

— Круши!—взревѣлъ Ома, вскочивъ съ дивана и хватая Ежова за плечи. Сверкающими глазами онъ заглядывалъ въ лицо Ежова, наклонясь къ нему, и съ тоской, съ горестью почти застоналъ:

— Э-эхъ! Николка... Милый, жаль мнѣ тебя до смерти! Такъ жаль—сказать не могу!

— Что такое? Что ты?—отталкивая его, крикнулъ Ежовъ, удивленный и сбитый съ позиціи неожиданнымъ порывомъ и странными словами Омы.

— Эхъ, братъ!—говорилъ Ома, понижая голосъ, отчего онъ остановился убѣдительно и гуще.—Живая ты душа... за что пропадаешь?

— Кто? Я? Пропадаю? Врешь!

— Милый! Ничего ты не скажешь никому! Некому! Кто тебя услышитъ? Только я вотъ...

— Пошелъ ты къ чорту!—злбно крикнулъ Ежовъ, отскакивая отъ него, какъ обожженный...

А Ома шелъ на него и говорилъ убѣдительно и съ великой грустью:

— Ты говори! Говори мнѣ! Я вынесу твои слова, куда надо... Я ихъ понимаю... И, ахъ, какъ я оягу людей! Погоди только!.. Придетъ мнѣ случай...

— Уйди!—истерически закричалъ Ежовъ, прижавшись спиной къ стѣнѣ подъ напоромъ Омы. Онъ стоялъ растерянный, подавленный, обозленный и отмахивался отъ простертыхъ къ нему рукъ Омы. А въ это время дверь въ комнату отворилась, и на порогѣ встала какая-то вся черная женщина. Лицо у нея было злое, возмущенное, щека завязана платкомъ. Она закинула голову, протянула къ Ежову руку и заговорила съ шипѣніемъ и свистомъ:

— Николай Матвѣвичъ! Извините... это невозможно! Звѣрскій вой... ревъ... Каждый день гости... Полиція ходитъ... Нѣтъ, я больше терпѣть не могу! У меня нервы... Извольте завтра очистить квартиру... Вы не въ пустынь живете... вокругъ васъ—люди... А еще образованный человекъ! Писатель! Всеѣмъ людямъ нуженъ покой... У меня зубы... Завтра же прошу васъ... Наклею билетки... заявлю полиціи...

Она говорила быстро, и большая часть ея словъ исчезала въ свистѣ и шипѣніи; выдѣлялись лишь тѣ слова, которыя она выкрикивала визгливымъ, раздраженнымъ голосомъ. Концы платка торчали на головѣ у нея, какъ маленькіе рожки, и тряслись отъ движенія ея челюсти. Ома при видѣ ея взволнованной и смѣшной фигуры постепенно началъ отступать къ дивану, а Ежовъ стоялъ и, потирая себѣ лобъ, съ напряженіемъ всматривался и вслушивался въ ея рѣчь...

— Такъ и знайте!—крикнула она, а за дверью еще разъ сказала:

— Завтра же! Какое безобразіе...

— Ч-чортъ!—прошепталъ Ежовъ, тупо глядя на дверь.

— Н-да-а! Какая? Строго! — удивленно поглядывая на него сказалъ Ома и усѣлся на диванъ.

Ежовъ, поднявъ плечи, подошелъ къ столу, налилъ половину чайнаго стакана водки, проглотилъ ее и сѣлъ у стола, низко опустивъ голову. Съ минуту молчали. Потомъ Ома робко и не громко сказалъ:

— Какъ все это произошло... глазомъ не успѣли моргнуть и — вдругъ такая раздѣлка... а?

— Ты! — вскинувъ голову, заговорилъ Ежовъ вполголоса, озлобленно и дико глядя на Ому — Ты молчи! Ты... чортъ тебя возьми... Ложись и спи!.. Чудовище... Кошмаръ... у!

И онъ погрозилъ Омѣ кулакомъ. Потомъ налилъ еще водки и снова выпилъ...

Черезъ нѣсколько минутъ Ома, раздѣтый, лежалъ на диванѣ и сквозь полузакрытые глаза слѣдилъ за Ежовымъ, неподвижно въ изломанной позѣ сидѣвшимъ за столомъ. Онъ смотрѣлъ въ полъ, и губы его тихо шевелились... Ома былъ удивленъ — онъ не понималъ, за что разсердился на него Ежовъ? Не за то же, что ему отказали отъ квартиры? Вѣдь онъ самъ кричалъ...

— О дьяволь...—прошепталъ Ежовъ и заскрипѣлъ зубами.

Ома осторожно поднялъ голову съ подушки. Ежовъ, глубоко и шумно вздыхая, снова протянулъ руку къ бутылкѣ... Тогда Ома тихонько сказалъ ему:

— Пойдемъ лучше куда-нибудь въ гостиницу... Еще не поздно...

Ежовъ посмотрѣлъ на него и странно засмѣялся, потирая голову руками. Потомъ всталъ со стула и кратко сказалъ Омѣ:

— Одѣвайся!..

И видя, какъ медленно и неуклюже Ома заворочался на диванѣ, онъ нетерпѣливо и со злобой закричалъ:

— Ну, скорѣе возись!.. Олицетвореніе нелѣпости... оглобля символическая!

— А ты не ругайся! — миролюбиво улыбаясь, сказалъ Тома. — Стоить ли сердиться изъ-за того, что баба расквакалась? Ежовъ взглянулъ на него, плюнулъ и рѣзко захохоталъ...

ХІІ.

— Всѣ ли здѣсь? — спросилъ Илья Ефимовичъ Кононовъ, стоя на носу своего новаго парохода и сіяющими глазами оглядывая толпу гостей. — Кажись всѣ!

И поднявъ кверху свое толстое и красное, счастливое лицо, онъ крикнулъ капитану, уже стоявшему на мостикѣ у рупора:

— Отваливай, Петруха!

— Есть!..

Капитанъ обнажилъ огромную лысую голову, истово перекрестился, взглянувъ на небо, провелъ рукой по широкой, черной бородѣ, крикнулъ и скомандовалъ:

— Назадъ!

Гости внимательно и молча прослѣдили за дѣйствіями капитана и, слѣдуя его примѣру, тоже стали креститься, причемъ ихъ картузы и цилиндры мелькнули въ воздухѣ, какъ стая черныхъ птицъ.

— Благослови-ко, Господи! — умиленно воскликнулъ Кононовъ.

— Отдай кормовую! Впередъ! — командовалъ капитанъ.

Огромный „Илья Муромецъ“ могучимъ вздохомъ выпустилъ въ бортъ пристани густой клубъ бѣлаго пара и плавно, лебедемъ, двинулся противъ теченія.

— Экъ пошелъ! — съ восхищеніемъ сказалъ коммерціи совѣтникъ Лупъ Григорьевъ Рѣзниковъ, человекъ высокій, худой и благообразный. — Не дрогнулъ! Какъ барыня въ плясь!..

— Средній ходъ!..

— Не судно — Левіафанъ! — благочестиво вздыхая, молвилъ рябой и сутулый Трофимъ Зубовъ, соборный староста и первый въ городѣ ростовщикъ.

День былъ сѣрый; сплошь покрытое осенними тучами небо отразилось въ водѣ рѣки и придадо ей холодный свинцовый отблескъ. Блестяя свѣжестью окраски, пароходъ плылъ по одноцвѣтному фону рѣки огромнымъ, яркимъ пятномъ, и черный дымъ его дыханія тяжелой тучей стоялъ въ воздухѣ. Весь бѣлый, съ розоватыми кожухами и ярко красными колесами, онъ легко рѣзалъ носомъ холодную воду и разгонялъ ее къ берегамъ, а стекла въ круглыхъ окнахъ бортовъ и въ окнахъ рубки ярко блестѣли, точно улыбались самодовольной, торжествующей улыбкой.

— Господа почтенная компанія! — снявъ шляпу съ головы,

возгласилъ Кононовъ, низко кланяясь гостямъ.—Какъ теперь мы, такъ сказать, воздали Богу—Богови, то позвольте, дабы музыканты воздали кесарю—кесарево!

И, не ожидая отвѣта гостей, онъ, приставивъ кулакъ ко рту, крикнулъ:

— Музыка! „Слався“ играй!

Военный оркестръ, стоявшій за машиной, грянулъ маршъ.

А Макарь Бобровъ, директоръ-учредитель мѣстнаго купеческаго банка, сталъ подпѣвать пріятнымъ баскомъ, отбивая тактъ пальцами на своемъ огромномъ животѣ:

— Слався, сла-ався, нашъ русскій царь—тра-ра-та! Бумъ!

— Прошу, господа, за столъ! Пожалуйте! Чѣмъ Богъ послалъ.. хе-хе! Покорнѣйше прошу...—приглашалъ Кононовъ, толкаясь въ тѣсной группѣ гостей.

Ихъ было человѣкъ тридцать, все солидные люди, цвѣтъ мѣстнаго купечества. Тѣ изъ нихъ, которые были постарше, лысые и сѣдые, одѣлись въ старомодные сюртуки, картузы и сапоги бутылками. Но такихъ было немного: преобладали цилиндры, штиблеты и модныя визитки. Всѣ они толпились на носу парохода и постепенно, уступая просьбамъ Коконова, шли на корму, покрытую парусиной, гдѣ стояли столы съ закуской. Лупъ Рѣзниковъ шелъ подъ руку съ Яковомъ Маякинымъ и, наклоняясь къ его уху, что-то нашептывалъ ему, а тотъ слушалъ и тонко улыбался. Оома, котораго крестный привелъ на торжество послѣ долгихъ увѣщаній,—не нашелъ себѣ товарища среди этихъ непріятныхъ ему людей и одиноко держался въ сторонѣ отъ нихъ, угрюмый и блѣдный. Послѣдніе два дня онъ въ компаніи съ Ежовымъ сильно пилъ, и теперь у него трещала голова съ похмѣлья. Ему было неловко въ этой солидной и веселой компаніи; гулъ головань, громъ музыки и шумъ парохода—все это раздражало его.

Онъ чувствовалъ настоящую потребность опохмѣлиться, и му не давала покоя мысль о томъ, почему это крестный былъ сегодня такъ ласковъ съ нимъ и зачѣмъ привелъ его сюда, въ компанію этихъ первыхъ въ городѣ купцовъ? Зачѣмъ онъ такъ убѣдительно уговаривалъ и даже упрашивалъ его идти къ Кононову на молебень и обѣдъ?

— А ты не дури, пойдемъ-ко!—вспоминалъ Оома увѣщанія крестнаго.—Чего дичишься? Характеръ у человѣка отъ природы, а по богатству ты немногихъ ниже... Надо держаться со всѣми ровень... пойдемъ!

— А когда же, папаша, вы со мной серьезно говорить будете?—спрашивалъ Оома, слѣдя за игрой лица и зеленыхъ глазъ Якова Тарасовича.

— Это насчетъ освобожденія твоего отъ дѣла? Хе, хе! Поговоримъ... поговоримъ, другъ мой! Чу-удакъ ты... Что же?—въ монастырь пойдешь, имѣнїе бросимши? По примѣру святыхъ подвижниковъ?.. а?

— Тамъ ужъ... увижу!..—отвѣтилъ Оома.

— Такъ... Ну, а пока, до монастыря-то,—ѣдемъ! Сбирайся живо... Потри себѣ вывѣску-то чѣмъ-нибудь мокренькимъ, а то она у тебя очень вспухла. Да окропись одеколономъ,— у Любви возьми, — чтобы не воняло отъ тебя кабакомъ-то... Айда!

Приѣхавъ на пароходъ во время молебна, Оома всталъ къ сторонкѣ и всю службу наблюдалъ за купцами.

Они стояли въ благоговѣйномъ молчанїи; лица ихъ были благочестиво сосредоточены; молились они истово и усердно, глубоко вздыхая, низко кланяясь, умиленно возводя глаза къ небу. А Оома смотрѣлъ то на того, то на другого и вспоминалъ то, что ему было извѣстно о нихъ.

Вотъ Лупъ Рѣзниковъ,—онъ началъ карьеру содержателемъ публичнаго дома и разбогатѣлъ какъ-то сразу. Говорятъ, онъ удушилъ одного изъ своихъ гостей, богатаго сибиряка... Зубовъ въ молодости занимался скупкой крестьянской пряжи. Дважды банкротился... Кононовъ лѣтъ двадцать назадъ судился за поджогъ, а теперь тоже состоитъ подъ слѣдствїемъ за растлѣнїе малолѣтней. Вмѣстѣ съ нимъ—второй уже разъ, по такому же обвиненїю — привлеченъ къ дѣлу и Захаръ Кирилловъ Робустовъ,— толстый и низенькій купецъ съ круглымъ лицомъ и веселыми, голубыми глазами... Среди этихъ людей нѣтъ почти ни одного, о которомъ Оомѣ не было бы извѣстно чего-нибудь позорнаго.

И онъ зналъ, что всѣ они навѣрное завидуютъ успѣху Кононова, который изъ года въ годъ все увеличиваетъ количество своихъ пароходовъ. Многіе изъ нихъ въ ссорѣ другъ съ другомъ, и всѣ не даютъ пощады другъ другу въ боевомъ, торговомъ дѣлѣ, и всѣ знаютъ другъ за другомъ нехорошіе, нечестные поступки... Но теперь, собравшись вокругъ Кононова, торжествующаго и счастливаго, они слились въ плотную, темную массу и стояли и дышали, какъ одинъ человекъ, сосредоточенно-молчаливые и окруженные чѣмъ-то хотя и невидимымъ, но твердымъ, чѣмъ-то такимъ, что отталкивало Оому отъ нихъ и возбуждало въ немъ робость предъ ними.

Обманщики... думалъ — онъ, ободряя себя.

А они тихонько покашливали, вздыхали, крестились, кланялись и, окруживъ духовенство плотной стѣной, стояли непоколебимо и твердо, какъ большїе, черные камни.

„Притворяются!“ — восклицалъ про себя Оома. А стоявшій

о богъ съ нимъ горбатый и кривой Павлинъ Гуцинъ, не такъ давно пустившій по міру дѣтей своего полумумнаго брата, проникновенно шепталъ, глядя единственнымъ глазомъ въ тоскливое небо:

— „Го-осподи! Да не яростію Твоею обличиши мене... ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши мене...“

И Ома чувствовала, что человекъ этотъ взываетъ къ Богу съ непоколебимой, глубочайшей вѣрой въ милость Его.

— „Господи Боже отецъ нашихъ, заповѣдавый Ною, рабу Твоему, устроить кивотъ ко спасенію міра... — густымъ басовымъ голосомъ говорилъ священникъ, возводя глаза къ небу и простирая вверхъ руки. „И сей корабль соблюди и даждь ему ангела блага, мирна... хотящія плиты на немъ сохрани...“

Купечество единодушно, широкими взмахами рукъ осѣняло груди свои знаменіемъ креста, и на всѣхъ лицахъ выражалось одно чувство — вѣры въ силу молитвы...

Всѣ эти картины вѣзались въ память Омы и возбудили въ немъ недоумѣніе предъ людьми, которые, умѣя твердо вѣрить въ милость Бога, были такъ жестки къ человекѣ. Онъ упорно слѣдилъ за ними, желая уловить ихъ фальшь, убѣдиться въ ихъ лжи...

Его злила ихъ солидная стойкость, эта единодушная увѣренность въ себѣ, торжествующія лица, громкіе голоса, смѣхъ. Они уже усѣлись за столы, уставленные закусками, и плотоядно любовались огромнымъ, чуть не въ сажень длиной, осетромъ, красиво осыпаннымъ зеленью и крупными раками. Трофимъ Зубовъ, подвязывая салфетку, счастливыми, сладко прищуренными глазами смотрѣлъ на чудовищную рыбу и говорилъ сосѣду, мукомолу Ionъ Юшкову:

— Иона Никифорычъ! Гляди—китъ! Вполнѣ для твоей особы футляромъ можетъ быть... а? Ха-ха! Какъ нога въ сапогъ влѣзешь, а? Хе-хе!

Маленькій и кругленькій Иона осторожно протягивалъ коротенькую руку къ серебряному ушату со свѣжей икрой, жадно чмокалъ губами и косилъ глазами на бутылки предъ собой, боясь опрокинуть ихъ.

Противъ Кононова, на козлахъ стоялъ полу-ведерный боченокъ со старой водкой, выписанной имъ изъ Польши; въ огромной раковинѣ, окованной серебромъ, лежали устрицы и выше всѣхъ яствъ возвышался какой-то разноцвѣтный паштетъ, сдѣланный въ видѣ башни...

— Господа! Прошу! Кто чего желаетъ! — кричалъ Кононовъ. — У меня все сразу пущено... что кому по душѣ... Русское наше,

родное — и чужое, иностранное... все сразу! Эдакъ-то лучше... Кто чего желаетъ? Кто хочетъ улитокъ, ракушекъ этихъ—а? Изъ Инди, говорить...

А Зубовъ говорилъ своему сосѣду, Маякину:

— Молитва „Во еже устроить корабль“ къ буксирному и рѣчному пароходу не подходяща, т. е. не то — неподходяща, а одной ея мало... Рѣчной пароходъ, какъ есть, — онъ мѣсто постоянного жительства команды, долженъ быть приравненъ къ дому... Стало быть, потребно окромѣ молитвы „Во еже устроить корабль“ — читать еще молитву на основаніе дома... Ты чего выпьешь однако?

— Я человекъ невинный, налей мнѣ водочки тминной... — отвѣтилъ Яковъ Тарасовичъ.

Θома, усѣвшись на концѣ стола, среди какихъ-то неизвѣстныхъ ему робкихъ и скромныхъ людей, то и дѣло чувствовалъ на себѣ острые взгляды старика.

„Бойтся, что наскандалю...“ — думалъ Θома.

— Братцы! — хрипѣлъ безобразно толстый пароходчикъ Ящуровъ. — Я безъ селедки не могу! Я обязательно отъ селедки начинаю... у меня такая природа...

— Музыка! Вали „Персидскій маршъ“...

— Стой! Лучше — „Коль славенъ“...

— Дуй „Коль славенъ“...

Вздохи машины и шумъ пароходныхъ колесъ, слившись со звуками музыки, образовали въ воздухѣ нѣчто, похожее на дикую пѣсню зимней вьюги. Свистъ флейты, рѣзкое пѣніе кларнетовъ, утрюмое рычаніе басовъ, дробь маленькаго барабана и гулъ ударовъ въ большой, — все это падало на монотонный и глухой звукъ колесъ, разбивающихъ воду, мятежно носилось въ воздухѣ, поглощало шумъ людскихъ голосовъ и несло за пароходомъ, какъ ураганъ, заставляя людей кричать во весь голосъ. Иногда въ машинѣ раздавалось злое шипѣніе пара, и въ этомъ звукѣ, неожиданно врывавшемся въ хаосъ гула, воя и криковъ, было что-то раздраженное и презрительное...

— А что ты вексель мнѣ отказался учеть — этого я по гробъ не забуду! — кричалъ кто-то неистовымъ голосомъ.

— Бу-удеть! Развѣ здѣсь счѣтамъ мѣсто? — раздавался басъ Боброва.

— Братцы! Надо рѣчи говорить!

— Музыка — цыцъ!

— Ты приди ко мнѣ въ банкъ, я тебѣ и объясню, почему не учель...

— Рѣчь! Тише...

— Му-зыка, переста-ать!

— „Во лузяхъ“ играй...

— Мадамъ Англу!..

— Не надо! Яковъ Тарасычъ — просимъ!

— Это называется — страсбургскій пирогъ...

— Просимъ! Просимъ!

— Пирогъ? Н-не похоже... ну, все-таки я поѣмъ...

— Тарасычъ! Дѣйствуй...

— Братцы мои! Весело! Ей Богу...

— А въ „Прекрасной Еленѣ“ она, голубчикъ, выходила совсѣмъ почти голенькая..—вдругъ прорвался сквозь шумъ тонкій и умиленный голосъ Робустова.

— Погоди! Яковъ Исава—надулъ? Ага!

— Не могу! Языкъ у меня не молотъ, а самъ я не молодъ...

— Яша! Всѣ просимъ!..

— Уважь!

— Въ головы выберемъ!..

— Тарасычъ! Не ломайся!

— Шш! Тише! Господа! Яковъ Тарасовичъ скажетъ слово!

— Шш!

И какъ разъ въ то время, когда шумъ замолкъ, раздался чей-то громкій, негодующій шопотъ:

— Ка-акъ он-на меня, шельма, ущипнетъ...

А Бобровъ спросилъ громкимъ басомъ:

— З-за к...какое мѣсто?

Грянуль хохоть, но скоро умолкъ, ибо Яковъ Тарасовичъ Маякинъ, вставши на ноги, откашливался и, поглаживая лысину, осматривалъ купечество ожидающимъ вниманія, серьезнымъ взглядомъ.

— Ну, братцы, разѣвай уши! — съ удовольствіемъ крикнулъ Кононовъ.

— Господа купечество! — заговорилъ Маякинъ усмѣхаясь.— Есть въ рѣчахъ образованныхъ и ученыхъ людей одно иностранное слово, „культура“ называемое. Такъ вотъ насчетъ этого слова я и побесѣдую по простотѣ души...

— Энь куда метнулъ!—раздался чей-то довольный возгласъ.

— Шш! Смирно!..

— Милостивые государи! — повысивъ голосъ, говорилъ Маякинъ. — Въ газетахъ про насъ, купечество, то и дѣло пишутъ, что мы-де съ этой культурой не знакомы, мы-де ее не желаемъ и не понимаемъ. И называютъ насъ дикими, некультурными людьми... Что же это такое — культура? Обидно мнѣ, старику,

слушать этакія рѣчи, и занялся я однажды разсмотрѣніемъ слова— что оно въ себѣ заключаетъ?

Маякинъ замолчалъ, обвелъ глазами публику и, торжествующе усмѣхнувшись, раздѣльно продолжалъ:

— Оказалось, по розыску моему, что слово это значитъ обожаніе, т. е. любовь, высокую любовь къ дѣлу и порядку жизни. Такъ!— подумаль я,— такъ! Значить—культурный человѣкъ тотъ будетъ, который любить дѣло и порядокъ... который вообще — жизнь любить устраивать, жить любить, цѣну себѣ и жизни знаетъ... Хорошо!— Яковъ Тарасовичъ вздрогнулъ; морщины разошлись по лицу его лучами отъ улыбающихся глазъ къ губамъ, и вся его лысая голова стала похожа на какую-то темную звѣзду.

Купечество молча и внимательно смотрѣло ему въ ротъ, и всѣ лица были напряжены вниманіемъ. Люди такъ и замерли въ тѣхъ позахъ, въ которыхъ ихъ застала рѣчь Маякина.

— Но, коли такъ, — а именно такъ, — надо толковать это слово, — коли такъ, то—люди, называющіе насъ некультурными и дикими, клеветуютъ и изрыгаютъ на насъ хулу! Ибо они только слово это любятъ, но не смыслъ его, а мы любимъ самый корень слова, любимъ сущую его начинку, мы — дѣло любимъ! Мы-то и имѣемъ въ себѣ настоящій культъ къ жизни, т. е. обожаніе жизни, а не они! Они сужденіе возлюбили, — мы же дѣйствіе... И вотъ, господа купечество, примѣръ нашей культуры, т. е. любви къ дѣлу, — Волга! Вотъ она, родная наша матушка! Она можетъ каждой каплей воды своей утвердить нашу честь и опровергнуть пустую хулу на насъ... Сто лѣтъ только прошло, государи мои, съ той поры, какъ императоръ Петръ Великій на рѣку эту расшивы пустилъ, а теперь по рѣкѣ тысячи паровыхъ судовъ ходятъ... Кто ихъ строилъ? Русскій мужикъ, совершенно неученый человѣкъ! Всѣ эти огромные пароходицы, баржи—чи они? Наши! Кѣмъ удуманы? Нами! Тутъ все — наше, тутъ все — плодъ нашего ума, нашей русской смѣтки и великой любви къ дѣлу! Никто ни въ чемъ не помогаль намъ! Мы сами разбои на Волгѣ выводили, сами на свои рубли дружины нанимали — вывели разбои и завели на Волгѣ, на всѣхъ тысячахъ версть длины ея тысячи пароходовъ и разныхъ судовъ. Какой лучшій городъ на Волгѣ? Въ которомъ купца больше... Чи лучшіе дома въ городѣ? Купеческіе! Кто больше всѣхъ о бѣдномъ печется? Купецъ! По грошику-копеечкѣ собираетъ, сотни тысячъ жертвуетъ. Кто храмы воздвигъ? Мы! Кто государству больше всѣхъ денегъ даетъ? Купцы!.. Господа! Только намъ дѣло дорого ради самого дѣла, ради любви нашей къ устройству жизни, только мы и любимъ порядокъ и жизнь! А кто про насъ говорить — тотъ гово-

речь... и больше ничего! Пускай! Дуетъ вѣтеръ—шумитъ ветла, пересталь—молчитъ ветла... И не выйдетъ изъ ветлы ни оглобли, ни метлы... бесполезное дерево! Отъ бесполезности и шумъ... Что они, судьи наши, сдѣлали, чѣмъ жизнь украсили? Намъ это неизвѣстно... А наше дѣло на лицо! Господа купечество! Видя въ васъ первыхъ людей жизни, самыхъ трудящихся и любящихъ труды свои, видя въ васъ людей, которые все сдѣлали и все могутъ сдѣлать, — вотъ я всѣмъ сердцемъ моимъ, съ уваженіемъ и любовью къ вамъ поднимаю этотъ свой полный бокаль — за славное, крѣпкое духомъ, рабочее русское купечество... Многая вамъ лѣта! Здравствуйте во славу матери Россіи! Ура-а!

Рѣзкій, дребезжащій крикъ Маякина вызваль оглушительный восторженный ревъ купечества. Всѣ эти крупныя мясистыя тѣла, возбужденныя виномъ и рѣчью старика, задвигались и выпустили изъ груди такой дружный, массивный крикъ, что, казалось, все вокругъ дрогнуло и затряслось.

— Яковъ! Труба ты Божія! — кричалъ Зубовъ, протягивая свой бокаль Маякину.

Опрокидывая стулья, толкая столъ, причемъ посуда и бутылки звенѣли и падали, купцы лѣзли на Маякина съ бокалами въ рукахъ, возбужденные, радостные, иные со слезами на глазахъ.

— А? Чтò это сказано?—спрашиваль Кононовъ, схвативъ за плечо Робустова и потрясая его. — Ты—пойми! Великая сказана рѣчь!

— Яковъ Тарасовичъ! Дай — облобызаю!

— Качать Маякина!

— Музыка, играй...

— Тушь! Маршь... Персидскій...

— Не надо музыку! Къ чорту!

— Тутъ вотъ она, музыка! Эхъ Яковъ Тарасычъ! Го-олова!

— Маль бѣхъ во братіи моей... по ума имама...

— Врешь, Трофимъ!

— Яковъ! Умрешь ты скоро... эхъ, жаль! Такъ жаль... нельзя сказать!

— Ну, какія же это будутъ похороны!

— Господа! Оснуемъ капиталъ имени Маякина! Кладу тыщу!

— Молчать! Погодите!

— Господа!—весь вздрагивая, снова началъ говорить Яковъ Тарасовичъ.—И еще потому мы есть первые люди жизни и настоящіе хозяева въ своемъ отечествѣ, что мы—мужики!

— Вѣрно!

— Такъ! Ммать честная! Ну, старикъ!

— Стойте! Дай сказать...

— Мы—коренные русскіе люди, и все, что отъ насъ,—корренное русское! Значить, оно-то и есть самое настоящее... самое полезное и обязательное...

— Какъ дважды два!

— Просто.

— Мудръ, яко змій!

— И кротокъ, яко...

— Ястребъ! Ха-ха!

Кущи окружили своего оратора тѣснымъ кольцомъ; масляными глазами смотрѣли на него и уже не могли отъ возбужденія спокойно слушать его рѣчи. Вокругъ него стоялъ гулъ голосовъ и, сливаясь съ шумомъ машины, съ ударами колесъ по водѣ, образовалъ вихрь звуковъ, заглушавшій дребезжащій голосъ старика. Возбужденіе купечества росло; на всѣхъ лицахъ сіяло торжество; къ Маякину тянулись руки съ бокалами; его хлопали по плечу, толкали, цѣловали, умильно заглядывали въ лицо ему. И кто-то въ восторгѣ визжалъ:

— Кам-маринскаго! Русскую!..

— Это мы все сдѣлали!—кричалъ Яковъ Тарасовичъ, указывая на рѣку.—Наше все! Мы жизнь строили!

Вдругъ раздался громкій возгласъ, покрывшій всё звуки:

— А! Это вы? Ахъ вы...

И вслѣдъ затѣмъ въ воздухѣ отчетливо раздалось площадное ругательство, произнесенное съ великой злобой глухимъ, но сильнымъ голосомъ. Всѣ сразу услышали его и на секунду—замолчали, отыскивая глазами того, кто обругалъ ихъ. Въ эту секунду были слышны только тяжелые вздохи машины да скрипъ рулевыхъ цѣпей..

— Это кто лаетъ?—спросилъ Кононовъ, нахмутивъ брови...

— Эхъ! Не можемъ не безобразить!—сокрушенно вздыхая, произнесъ Рѣзниковъ.

— Кто это зря выругался?..

Лица кущовъ отражали тревогу, любопытство, удивленіе, укоризну, и всѣ люди какъ-то безтолково замялись. Только одинъ Яковъ Тарасовичъ былъ спокоенъ и даже какъ будто доволенъ происшедшимъ. Поднявшись на носки, онъ смотрѣлъ, вытянувъ шею куда-то на конецъ стола, и глазки его странно блестя, точно тамъ онъ видѣлъ что-то пріятное для себя.

— Гордѣевъ...—тихо сказалъ Іона Юшковъ...

И всѣ головы поворотились по тому направленію, куда смотрѣлъ Яковъ Маякинъ.

Тамъ, упираясь руками въ столъ, стоялъ Оома. Съ лицомъ, искаженнымъ злобой, оскаливъ зубы, онъ молча оглядывалъ ку-

печество горящими, широко раскрытыми глазами. Нижняя челюсть у него тряслась, плечи вздрагивали, и пальцы рукъ, крѣпко вцѣпившись въ край стола, судорожно царапали ска-терть. При видѣ его по-волчьи злого лица и этой гнѣвной позы купечество вновь замолчало на секунду.

— Что вытаращили зенки?—спросилъ Оома и вновь сопро-водилъ вопросъ свой крѣпкимъ ругательствомъ.

— Упился!—качнувъ головой, сказалъ Бобровъ.

— И зачѣмъ его пригласили?—тихо шепталь Рѣзниковъ.

— Оома Игнатъевичъ!—степенно заговорилъ Кононовъ.—Бе-зобразить не надо... Ежели... тово... голова кружится—поди, братъ, тихо, мирно въ каюту и—лягъ! Лягъ, милый, и...

— Цыцъ, ты!—зарычалъ Оома, поводя на него глазами.—Не смѣй со мной говорить! Я не пьянъ... я всѣхъ трезвѣ здѣсь! Понялъ?..

— Да ты погоди-ка, душа... тебя кто звалъ сюда?—покрас-нѣвъ отъ обиды, спросилъ Кононовъ.

— Это я его привелъ!—раздался голосъ Маякина...

— А! Ну, тогда... конечно... Извините, Оома Игнатъевичъ... Но какъ ты его, Яковъ, привелъ... тебѣ его и укротить надо... А то—нехорошо...

Оома молчалъ и улыбался. И купцы молчали, глядя на него.

— Эхъ, Оомка!—заговорилъ Маякинъ.—Опять ты позоришь старость мою...

— Папаша крестный!—оскаливая зубы, сказалъ Оома.—Я еще ничего не сдѣлалъ, значить рано мнѣ рацеи читать... Я не пьянъ... я не пилъ, а все слушалъ... Господа купцы! Позвольте мнѣ рѣчь держать? Вотъ уважаемый вами мой крестный говорилъ... а те-перь крестника послушайте...

— Какія рѣчи?—сказалъ Рѣзниковъ.—Зачѣмъ разговоры? Сошлись повеселиться...

— Нѣтъ ужъ, ты оставь, Оома Игнатъевичъ...

— Лучше вышей чего-нибудь...

— Выпьемъ-ко! Ахъ Оома... славнаго ты отца сынъ!

Оома оттолкнулся отъ стола, выпрямился и все улыбаясь слушалъ ласковыя, увѣщающія рѣчи. Среди этихъ солидныхъ людей онъ былъ самый молодой и красивый. Стройная фигура его, обтянутая сюртукомъ, выгодно выдѣлялась изъ кучи жир-ныхъ тѣлъ съ толстыми животами. Его смуглое лицо съ боль-шими глазами было правильнѣе и свѣжѣе обрюзглыхъ, красныхъ рожь, стоявшихъ противъ него съ выраженіемъ ожиданія и не-

доумѣнія.—Онъ выпятилъ грудь впередъ, стиснулъ зубы и, распахнувъ полы сюртука, сунулъ руки въ карманы...

— Лестью да лаской вы мнѣ теперь рта не замажете!—сказалъ онъ твердо и съ угрозой.—Будете слушать или нѣтъ, а я говорить буду... Выгнать здѣсь меня некуда...

Онъ качнулъ головой и, приподнявъ плечи, объявилъ спокойно:

— Но ежели кто пальцемъ тронетъ—убью! Клянусь Господомъ Богомъ... сколько смогу—убью!

Толпа людей, стоявшихъ противъ него, колыхнулась, какъ кусты подъ вѣтромъ. Раздался тревожный шопотъ. Лицо Оомы потемнѣло, глаза стали круглыми...

— Ну, говорилось тутъ, что вы это жизнь дѣлали... и что вы сдѣлали самое настоящее и вѣрное...

Оома глубоко вздохнулъ и съ невыразимой ненавистью осмотрѣлъ лица слушателей, вдругъ какъ-то странно надувшіяся, точно они вспухли... Купечество молчало, все плотнѣе прижимаясь другъ къ другу. Въ заднихъ рядахъ кто-то бормоталъ:

— Насчетъ чего онъ? А? П-по писанію, али отъ ума?

— О с-сволочи!—воскликнулъ Гордѣевъ, качая головой.—Что вы сдѣлали? Не жизнь вы сдѣлали—тюрьму... Не порядокъ вы устроили—цѣпи на человѣка выковали... Душно, тѣсно, повернуться негдѣ живой душѣ... Погибаетъ человѣкъ!.. Душегубы вы... Понимаете ли, что только терпѣніемъ человѣческимъ вы живы?

— Это что же такое?—воскликнулъ Рѣзниковъ, въ негодовавіи и гнѣвѣ всплескивая руками.—Илья Ефимовъ? Что такое? Я такихъ рѣчей слышать не могу...

— Гордѣевъ!—закричалъ Бобровъ.—Смотри—ты говоришь неладно...

— За такія рѣчи ой-ой-ой!—внушительно сказала Зубовъ.

— Цыцъ!—взревѣлъ Оома, и глаза у него налились кровью,—Захрюкали...

— Господа!—завучала, какъ скрипъ подпилка по желѣзу, спокойно-зловѣщій голосъ Маякина.—Не троньте его!.. Покорнѣйше прошу... не препятствуйте... Пусть полагаетъ... пусть его потѣшится... Отъ его словъ вы не изломитесь...

— Ну нѣтъ, покорно благодарю!—крикнулъ Юшковъ.

А рядомъ съ Оомой стоялъ Смолинъ и шепталъ ему въ ухо:

— Перестаньте, голубчикъ! Что вы, съ ума сошли? Они васъ...

— Пошелъ прочь!—твердо сказала Оома, блеснувъ на него гнѣвными глазами.—Иди-вонъ къ Маякину, лижи его... авось кусокъ перепадетъ!

Смолинъ свистнулъ сквозь зубы и отошелъ въ сторону. И купечество одинъ за другимъ стало расходиться по пароходу. Это еще болѣе раздражило Оому: онъ хотѣлъ бы приковать ихъ къ мѣсту своими словами и—не находилъ въ себѣ такихъ сильныхъ словъ.

— Вы сдѣлали жизнь?—крикнулъ онъ.—Кто вы? Мошенники, грабители...

Нѣсколько человѣкъ обернулось къ Оомѣ, точно онъ ихъ звалъ.

— Кононовъ! Скоро тебя за дѣвочку судить будутъ? Въ каторгу осудятъ... прощай, Илья. Напрасно пароходы строишь... Въ Сибирь на казенномъ повезутъ...

Кононовъ опустился на стулъ; лицо его налилось кровью, и онъ молча погрозилъ кулакомъ. Оома хрипло сказалъ:

— Ладно... хорошо... я этого не-е забуду...

Оома увидѣлъ его искаженное лицо съ трясущимися губами и понялъ, какимъ оружіемъ и сильнѣе всего онъ ударить этихъ людей.

— Ха-ха-ха! Строители жизни! Гущинъ—подаешь ли мило-стыню племяшамъ-то? Подавай хоть по копейкѣ въ день... не мало—шестьдесятъ семь тысячъ укралъ ты у нихъ... Бобровъ! Зачѣмъ на любовницу навралъ, что обокрала она тебя, и въ тюрьму ее засадилъ? Коли надоѣла—сыну бы отдалъ... все равно, онъ теперь съ другой твоей шашни завель... А ты не зналъ? Эхъ, свинья толстая... ха-ха! А ты Лупъ—открой опять веселый домъ да и лупи тамъ гостей, какъ липки... Потомъ тебя черти облупятъ, ха-ха!.. Съ такой благочестивой рожей хорошо мошенникомъ быть!.. Кого ты убилъ тогда Лупъ?

Оома говорилъ, прерывая рѣчь свою злораднымъ, громкимъ хохотомъ, и видѣлъ, что слова его хорошо дѣйствуютъ на этихъ людей. Прежде, когда онъ держалъ рѣчь ко всѣмъ имъ, они отвертывались отъ него, отходили въ сторону, собирались въ группы и издали смотрѣли на своего обличителя презрительными и злыми глазами. Онъ видѣлъ улыбки на ихъ лицахъ, онъ чувствовалъ въ каждомъ ихъ движеніи что-то пренебрежительное и понималъ, что слова его хотя и злятъ ихъ, но не задѣваютъ такъ глубоко, какъ бы ему хотѣлось. Все это охлаждало его гнѣвъ, и уже въ немъ зарождалось горькое сознаніе неудачи своего нападенія на нихъ... Но какъ только онъ заговорилъ о каждомъ отдѣльно,—отношеніе слушателей къ нему быстро и рѣзко измѣнилось.

Когда Кононовъ грузно сѣлъ на стулъ, точно не выдержавъ тяжести суровыхъ словъ Оомы,—Оома замѣтилъ, что на лицахъ

нѣкоторыхъ изъ купцовъ мелькнули ѣдкія и злыя улыбки. Онъ услышалъ чей-то одобрительный и удивленный шопоть.

— Вотъ—здо-орово!

Этотъ шопоть придавъ силы Ѳомѣ, и онъ съ увѣренностью, страстно началъ швырять упреки, насмѣшки и ругательства въ тѣхъ, кто попадался ему на глаза. Онъ радостно рычалъ, видя, какъ дѣйствуютъ его слова. Его слушали молча, внимательно; нѣсколько человѣкъ подвинулись поближе къ нему.

Раздавались протестующія восклицанія, но не громкія, краткія, и каждый разъ, когда Ѳома выкрикивалъ чье-либо имя,—все молчали и слушали и злорадно, искоса поглядывали въ сторону обличаемаго товарища.

Бобровъ смущенно смѣялся, но его маленькіе глазки сверлили Ѳому, какъ буравчики. А Лупъ Рѣзниковъ, взмахивая руками, неуклюже подпрыгивалъ и, задыхаясь, говорилъ:

— Будьте свидѣтелями... Что такое? Нѣ-ѣтъ! Я этого не прощу! Я къ мировому... Что такое?—И вдругъ тонкимъ голосомъ завизжалъ, протянувъ къ Ѳомѣ руки:

— Связать его!..

Ѳома хохоталъ.

— Правду не свяжешь, врешь! Она и связанная не онѣмѣеть...

— Хо-орошо!—тянулъ Кононовъ глухимъ, надорваннымъ голосомъ.

— Вотъ, господа купечество!—звенѣлъ Маякинъ.—Прошу полюбоваться—вотъ онъ каковъ!

Купцы одинъ за другимъ подвигались къ Ѳомѣ, и на лицахъ ихъ онъ видѣлъ гнѣвъ, любопытство, злорадное чувство удовольствія, боязнь... Кто-то изъ тѣхъ скромныхъ людей, среди которыхъ онъ сидѣлъ, шепталъ Ѳомѣ:

— Такъ ихъ!.. Дай вамъ, Господи... Валяйте ихъ! Это зачтется...

— Робустовъ!—кричалъ Ѳома. Что смѣешься? Чему радъ? Быть и тебѣ на каторгѣ...

— Ссадить его на берегъ!—вдругъ заоралъ Робустовъ, вскакивая на ноги.

А Кононовъ кричалъ капитану:

— Назадъ! Въ городъ! Къ губернатору...

И кто-то внушительно, дрожащимъ отъ волненія голосомъ говорилъ:

— Это подстроено... Это нарочно... Научили его... напоили для храбрости...

— Нѣтъ, это бунтъ!

— Вяжи его! Просто—вяжи его!

Θома схватилъ бутылку изъ-подъ шампанскаго и взмахнулъ ею въ воздухъ.

— Суньтесь-ка! Нѣтъ, ужъ видно придется вамъ послушать меня...

Онъ снова съ веселой яростью, обезумѣвшій отъ радости при видѣ того, какъ корчились и метались эти люди подъ ударами его рѣчей, началъ выкрикивать имена и площадныя ругательства, и снова негодующій шумъ сталъ тише. Люди, которыхъ не знали Θома, смотрѣли на него съ жаднымъ любопытствомъ, одобрительно, нѣкоторые даже съ радостнымъ удивленіемъ. Одинъ изъ нихъ, маленькій, сѣдой старичекъ съ розовыми щеками и мышиными глазками, вдругъ обратился къ обиженнымъ Θомой купцамъ и сладкимъ голосомъ пропѣлъ:

— Это—отъ совѣсти слова! Это—ничего! Надо претерпѣть... Пророческое обличеніе... Вѣдь грѣшны! Вѣдь, правду надо говорить, о-очень мы...

На него зашипѣли, а Зубовъ даже толкнулъ его въ плечо. Онъ поклонился низко и—исчезъ въ толпѣ...

— Зубовъ!—кричалъ Θома.—Сколько ты людей по міру пустилъ? Снится ли тебѣ Иванъ Петровъ Мякинниковъ, что удалился изъ-за тебя? Правда ли, что каждую обѣдню ты изъ церковной кружки десять цѣлковыхъ крадешь?

Зубовъ не ожидалъ нападенія и замеръ на мѣстѣ съ поднятой кверху рукой. Но потомъ онъ завизжалъ тонкимъ голосомъ, странно подскочивъ на мѣстѣ.

— А! Ты и меня? И—и меня?

И вдругъ, надувши щеки, онъ съ яростью началъ грозить кулакомъ Θомѣ, визгливымъ голосомъ возглашая:

— Р-рече без-зумець въ сердцѣ своемъ—нѣсть Богъ!.. Къ архіерею поѣду! Фармазонъ! Каторга тебѣ!

Суматоха на пароходѣ росла, и Θома при видѣ этихъ озлобленныхъ, растерявшихся, обиженныхъ имъ людей чувствовалъ себя сказочнымъ богатыремъ, избивающимъ чудовищъ. Они суетились, размахивали руками, говорили что-то другъ другу—одни красные отъ гнѣва, другіе блѣдные, всѣ одинаково безсильные остановить потокъ его издѣвательствъ надъ ними.

— Матросовъ!—кричалъ Рѣзниковъ, дергая Кононова за плечо.—Что ты, Илья? А? Пригласилъ насъ на посмѣяніе?

— Противъ одного щенка...—визжалъ Зубовъ.

Около Якова Тарасовича Маякина собралась толпа и слушала его тихую рѣчь со злобой и утвердительно кивая головами.

— Дѣйствуй, Яковъ!—громко говорилъ Робустовъ.—Мы всѣ свидѣтели... валай!

И надъ общимъ гуломъ голосовъ раздавался громкій, карающій голосъ Оомы:

— Вы не жизнь строили—вы помойную яму съѣдали! Грязищу и духоту развели вы дѣлами своими. Есть у васъ совѣсть? Помните вы Бога? Пятакъ—вотъ вашъ Богъ! А совѣсть вы прогнали... Куда вы ее прогнали? Кровопійцы! Чужой силой живете... чужими руками работаете! За все это заплатите вы!.. Издыхать будете—все зачтется вамъ! Все—до капельки слезъ... сколько народу кровью плакало отъ великихъ дѣлъ вашихъ? И въ аду вамъ, сволочамъ, мѣста нѣтъ по заслугамъ вашимъ... Не въ огнѣ, а въ грязи кипящей варить васъ будутъ. Вѣками не избудете мученій... Бросятъ черти васъ въ котлы и нальютъ туда... ха-ха-ха! нальютъ! ха-ха-ха! Почтенное купечество... строители жизни... о дьяволы!..

Оома залился громкимъ хохотомъ и, схватившись за бока, закачался на ногахъ, высоко вскинувъ голову.

Въ этотъ моментъ нѣсколько человекъ быстро перемигнулись, сразу бросились на Оому и сдавили его своими тѣлами. Началась возня..

— По-опаль!—произнесъ кто-то задыхающимся голосомъ.

— А-а? Вы такъ?—хрипло крикнулъ Оома.

Съ полминуты цѣлая куча черныхъ тѣлъ возилась на одномъ мѣстѣ, тяжело топая ногами, и изъ нея раздавались глухіе возгласы:

— Вали его на-земь!..

— Руку держите... руку! О-ой!..

— За-а бороду?

— Салфетки дай... вяжи солфетками!..

— Кус-саться?!

— Та-акъ! Что-о? Ага-а!

— Не бей! Не смѣй бить!..

— Готовъ!..

— Здоровый!..

— Отнесемъ его сюда... къ борту!..

— На вѣтерокъ... хе-хе!

Оому волокомъ оттащили къ борту и, положивъ его къ стѣнкѣ капитанской каюты, отошли отъ него, оправляя костюмы и вытирая потныя лица. Онъ, утомленный борьбой и обезсиленный позоромъ своего пораженія, лежалъ молча, оборванный, выпачканный въ чемъ-то, крѣпко связанный по рукамъ и ногамъ салфетками и полотенцами. Налитыми кровью, круглыми глазами онъ смотрѣлъ въ небо, взглядъ его былъ тупъ и тусклъ, какъ у идіота, а грудь вздымалась нервно и тяжело!..

Теперь настала очередь издѣваться надъ нимъ. Началь Зубовъ. Онъ подошелъ къ нему, потолкалъ его ногою въ бокъ и сладкимъ голосомъ, весь вздрагивая отъ наслажденія мстить, спросилъ:

— Что, пророкъ громopodobный, ась? Ну-ка почувствуй сладость плѣна вавилонскаго, хе-хе-хе!

— Погоди...—хрипящимъ голосомъ сказала Оома, не глядя на него.—Погоди... отдохну... Языка вы мнѣ не связали...—Но говоря это, Оома уже понималъ, что больше онъ ничего не можетъ ни сдѣлать, ни сказать. И не потому не можетъ, что связали его, а потому, что сгорѣло въ немъ что-то, и темно, пусто стало въ душѣ...

Къ Зубову подошелъ Рѣзниковъ. Потомъ одинъ за другимъ стали приближаться другіе... Бобровъ, Кононовъ и еще нѣсколько человѣкъ съ Яковомъ Маякинымъ впереди ушли въ рубку, озабоченно и не громко разговаривая о чемъ-то.

Пароходъ на всѣхъ парахъ шелъ къ городу. Отъ сотрясенія его корпуса на столахъ дрожали и звенѣли бутылки, и этотъ дребезжащій жалобный звукъ былъ слышенъ Оомѣ яснѣе всего. Надъ нимъ стояла толпа людей и говорила ему злыя, обидныя вещи.

Но лица этихъ людей Оома видѣлъ какъ сквозь туманъ, и слова ихъ не задѣвали его сердца. Въ немъ, изъ глубины его души, росло какое-то большое, горькое чувство; онъ слѣдилъ за его ростомъ и хотя еще не понималъ его, но уже ощущалъ что-то тоскливое, что-то унижительное...

— Ты подумай, — шарлатанъ ты! — что ты надѣлалъ съ собой?—говорилъ Рѣзниковъ.—Какая теперь жизнь тебѣ возможна? Въдь теперь никто изъ насъ плюнуть на тебя не захочетъ!

— Что я сдѣлалъ?—старался понять Оома. Купечество стояло вокругъ него сплошной темной массой...

— Н-ну,—сказалъ Ящуровъ,—теперь, Оомка, твое дѣло кончено...

— М-мы тебя...—тихо промывчалъ Зубовъ.

— Развяжите!—сказалъ Оома.

— Ну, нѣтъ! Покорнѣйше благодаримъ!

— Развяжите...

— Ладно! Полежишь и такъ...

— Позовите крестнаго...

Но Яковъ Тарасовичъ самъ пришелъ въ это время. Подошелъ, остановился надъ Оомой, пристально, суровыми глазами оглядѣлъ его вытянутую фигуру и—тяжело вздохнулъ.

— Ну, Оома...—заговорилъ онъ.

— Велите развязать меня...—тихо, убитымъ голосомъ попросилъ Оома.

— Опять буйнить будешь? Нѣтъ ужъ, лежи такъ...—отвѣтилъ ему крестный.

— Я больше слова не скажу... клянусь Богомъ! Развяжите... стыдно мнѣ! Христа ради... вѣдь я не пьяный... Ну, не развязывайте рукъ...

— Божишься, что не будешь буйнить?—спросилъ Маякинъ.

— О Господи! Не буду... не буду...—простоналъ Оома.

Ему развязали ноги, но руки оставили связанными. Когда онъ поднялся, то посмотрѣлъ на всѣхъ и съ жалкой улыбкой сказалъ тихонько:

— Ваша взяла...

— Всегда возьметъ!—отвѣтилъ ему крестный, сурово усмѣхаясь.

Оома, согнувшись, съ руками связанными за спиной, молча пошелъ къ столу, не поднимая глазъ ни на кого. Онъ сталъ ниже ростомъ и похудѣлъ. Растрепанные волосы падали ему на лобъ и виски; разорванная и смятая грудь рубахи высунулась изъ-подъ жилета, и воротникъ закрывалъ ему губы. Онъ вертѣлъ головой, чтобъ сдвинуть воротникъ подъ подбородокъ, и—не могъ сдѣлать этого. Тогда сѣденькій старичокъ подошелъ къ нему, поправилъ, что нужно, съ улыбкой взглянулъ ему въ глаза и сказалъ:

— Надо претерпѣть...

Теперь, при Маякинѣ, люди, издѣвавшіеся надъ Оомой,—молчали, вопросительно и съ любопытствомъ поглядывая на старика и ожидая отъ него чего-то. Онъ былъ спокоенъ, но глаза у него поблескивали какъ-то несообразно событію,—довольно, свѣтло...

— Дайте водки мнѣ...—попросилъ Оома, усѣвшись за столъ и опершись о край его грудью. Его согнутая фигура была жалка и беспомощна. Вокругъ него говорили вполголоса, ходили съ какой-то осторожностью. И всѣ поглядывали то на него, то на Маякина, усѣвшагося противъ него. Старикъ не сразу далъ водки крестнику. Сначала онъ пристально осмотрѣлъ его, потомъ неторопясь налилъ рюмку и наконецъ, молча, поднесъ ее къ губамъ Оомы. Оома высосалъ водку и попросилъ:

• — Еще!

— Будетъ!..—отвѣтилъ Маякинъ.

И вслѣдъ затѣмъ наступила тяжелая для всѣхъ минута полнаго молчанія. Къ столу подходили безшумно, на ципочкахъ и, подойдя, вытягивали шеи, чтобъ увидать Оому.

— Ну, Оомка, понимаешь ты теперь, что надѣлалъ?—спро-

силъ Маякинъ. Говорилъ онъ тихо, но все слышали его вопросъ.

Ома качнулъ головой и промолчалъ.

— Прощенья тебѣ—нѣтъ!—продолжалъ Маякинъ твердо и повышая голосъ.—Хотя все мы—христиане, но прощенья тебѣ не будетъ отъ насъ... Такъ и знай...

Ома поднялъ голову и задумчиво сказалъ:

— А про васъ, папаша, я забылъ... Ничего вы не услышали отъ меня...

— Вотъ-съ!—съ горечью вскричалъ Маякинъ, указывая рукой на крестника.—Видите?

Раздался глухой протестующій ропотъ.

— Ну, да все равно!—со вздохомъ продолжалъ Ома.—Все равно! Ничего... никакого толку не вышло...

И онъ снова согнулся надъ столомъ.

— Чего ты хотѣлъ?—спросилъ крестный сурово.

— Чего?—Ома поднялъ голову, посморѣлъ на купцовъ и усмѣхнулся.—Хотѣлъ ужъ...

— Пьяница! Мерзецъ!

— Я— не пьянъ!—угрюмо возразилъ Ома.—Я всего выпилъ двѣ рюмки... Я совсѣмъ трезвый былъ...

— Стало быть,—сказалъ Бобровъ,—твоя правда, Яковъ Тарасовичъ: не въ умъ онъ...

— Я?—воскликнулъ Ома.

Но на него не обратили вниманія. Рѣзниковъ, Зубовъ и Бобровъ наклонились къ Маякину и тихо начали о чемъ-то говорить.

„Опека...“—уловилъ Ома одно слово...

— Я въ умъ!—сказалъ онъ, откидываясь на спинку стула и глядя на купцовъ мутными глазами.—Я понимаю, чего хотѣлъ. Хотѣлъ сказать правду... Хотѣлъ обличить васъ...

Его вновь охватило волненіе, и онъ вдругъ дернулъ руки, пытаясь освободить ихъ.

— Э-э! Погоди!—воскликнулъ Бобровъ, хватая его за плечи.— Придержите-ка его.

— Ну, держите!—съ тоской и горечью сказалъ Ома.—Держите... А на что я вамъ?

— Сиди смирно!—сурово крикнулъ ему крестный.

Ома замолчалъ. Онъ уже понялъ, что все, что онъ сдѣлалъ,—ни къ чему не повело, что его рѣчи не пошатнули купцовъ. Вотъ они окружаютъ его плотной толпой, и ему даже не видно ничего изъ-за нихъ. Они спокойны, тверды, относятся къ нему, какъ къ пьяницѣ и буяну, и что-то замышляютъ противъ него. Онъ чувствовалъ себя жалкимъ, ничтожнымъ, раздавленнымъ этой темной массой крѣпкихъ духомъ, умныхъ и солидныхъ людей... Ему казалось, что

съ той поры, какъ онъ ругалъ ихъ, прошло уже много времени, такъ много, что онъ самъ себѣ казался теперь какимъ-то чужимъ и непонимающимъ того, что онъ сдѣлалъ этимъ людямъ и зачѣмъ сдѣлалъ. Онъ даже чувствовалъ въ себѣ обидное что-то, похожее на стыдъ за себя предъ собой. У него першило въ горлѣ, и въ груди онъ чувствовалъ что-то постороннее—точно какая-то пыль или пепель осыпалъ сердце его, и оно билось тяжело, неровно. Желая объяснить свой поступокъ себѣ самому, онъ медленно и раздумчиво заговорилъ, не глядя ни на кого:

— Хотѣлъ сказать правду... Развѣ это жизнь?

— Дуракъ! — презрительно сказалъ Маякинъ. — Какую ты можешь сказать правду? Что ты понимаешь?

— У меня сердце изболѣло... я понимаю! Какое всѣ вы имѣете передъ Богомъ оправданіе? Для чего живете? Нѣтъ, я чувствую... я правду чувствовалъ!

— Кается! — сказала Рѣзниковъ съ усмѣшкой.

— Пускай его! — пренебрежительно отозвался Бобровъ.

Кто-то добавилъ:

— И по рѣчамъ его очень видно, что помутился онъ разумомъ...

— Правду говорить—не всякому дано!—сурово и поучительно заговорилъ Яковъ Тарасовичъ, поднявъ руку кверху. Ее, правду, не сердцемъ, а умомъ ловятъ... понимаешь ты это? Ежели ты почувствовалъ — это пустяки! И корова чувствуетъ, когда ей хвостъ ломаютъ. А ты — пойми! Все пойми! И врага пойми... Ты догадайся, о чемъ онъ во снѣ думаетъ, тогда и валяй!

По обыкновенію Маякинъ увлекся было изложеніемъ своей практической философіи, но во-время понявъ, что nobъяденнаго бою не учать, остановился. Ома тупо посмотрѣлъ на него и странно закачалъ головой...

— Баранъ! — сказалъ Маякинъ.

— Отстань отъ меня!—жалобно попросилъ Ома.—Все ваше! Ну—чего еще вамъ? Ну, смяли... разбили... такъ меня и надо! Кто я? О Господи!..

Всѣ внимательно прислушивались къ его рѣчамъ, и въ этомъ вниманіи было что-то предубѣжденное, зловѣщее...

— Жиль я, — говорилъ Ома глухимъ голосомъ. — Смотрѣлъ... Думалъ. Нарвало у меня въ сердцѣ отъ думъ! И вотъ—прорвался парывъ... Теперь я — обезсилѣлъ совѣмъ! Точно вся кровь вытекла... До этого дня жилъ... все-таки думалъ, что... вотъ, моль, правду скажу... Ну, сказалъ...

Онъ говорилъ однотонно, безцвѣтно, и рѣчь его походила на бредь...

— Сказаль... и только себя опустошил... больше ничего! Никакого знака не осталось отъ моихъ рѣчей... Все цѣло!.. А во мнѣ—вспыхнуло... сгорѣло и—нѣтъ ничего больше... На что теперь надѣяться?.. И все — какъ было, такъ и осталось...

Яковъ Тарасовичъ ѣдко засмѣялся.

— Что же, — ты думаль языкомъ гору слизать? Накопиль злобы на клопа, а пошелъ на медвѣдя? Такъ что ли? Юродивый!.. Отецъ бы твой видѣлъ тебя теперь... эхъ!

— А все-таки,—вдругъ увѣренно и громко сказаль Ѳома, и вновь глаза его вспыхнули, — все-таки — ваша во всемъ вина! Вы испортили жизнь! Вы все стѣснили... отъ васъ удушье... отъ васъ! И хоть слаба моя правда противъ васъ... а все-таки — правда! Вы — окаянны! Будь вы прокляты всѣ...

Онъ забился на стулѣ, пытаясь освободить руки, и закричаль, свирѣпо сверкая глазами:

— Развяжите рѹки!

Его окружили тѣснѣе; лица купцовъ стали строже, и Рѣзниковъ внушительно сказаль ему:

— Не шуми, не буйнь! Скоро въ городѣ будемъ... Не срамись... да и насъ не срами... Не прямо же съ пристани—въ сумасшедшій домъ тебя...

— Да-а?!—воскликнулъ Ѳома.—Такъ вы меня въ сумасшедшій до-омъ?

Ему не отвѣтили. Онъ посмотрѣлъ на ихъ лица и поникъ головой.

— Веди себя смирно!.. развяжемъ!.. — сказаль кто-то.

— Не надо!—тихо заговориль Ѳома.—Все равно... Наплевать! Ничего не будетъ...

И рѣчь его снова приняла характеръ бреда.

— Я пропаль... знаю! Только не отъ вашей силы... а отъ своей слабости... да! Вы тоже черви передъ Богомъ... И — погидите! Задохнетесь... Я пропаль — отъ слѣпоты... Я увидаль много и ослѣпъ... Какъ сова... Мальчишкой, помню... гоняль я сову въ оврагѣ... она полетить и треснется обо что-нибудь... Солнце ослѣпило ее... Избилась вся и—пропала... А отецъ тогда сказаль мнѣ: вотъ такъ и человѣкъ: иной мечется, мечется, изобьется, измучается и бросится, куда попало... лишь бы отдохнуть... Эй! развяжите мнѣ руки...

Лицо его поблѣднѣло, глаза закрылись, плечи задрожали. Оборванный и измятый, онъ закачался на стулѣ, ударяясь грудью о край стола, и сталъ что-то шептать.

Купечество многозначительно переглядывалось. Иные, толкая другъ друга подъ бока, молча кивали головами на Ѳому. Лицо

Якова Маякина было неподвижно и темно, точно высѣченное изъ камня.

— Можетъ, развязать?—прошепталъ Бобровъ.

— Вотъ ужъ поближе подѣдемъ...

— Нѣтъ, не надо... — вполголоса сказалъ Маякинъ.— Оставимъ его здѣсь... а кто-нибудь пусть пошлетъ за каретой... Прямо въ больницу...

— А гдѣ мнѣ отдохнуть?—вновь забормоталъ Ома.—Куда я кинусь?—И онъ замеръ въ изломанной, неудобной позѣ, весь искривившись, съ выраженіемъ боли на лицѣ...

Маякинъ всталъ съ мѣста и пошелъ къ рубкѣ, тихо сказавъ:

— Постерегите... какъ бы, чего добраго, въ воду не прыгнулъ...

— А жалко парня... — сказалъ Бобровъ, посмотрѣвъ вслѣдъ Якову Тарасовичу.

— Никто въ дурости его неповиненъ... — хмуро отвѣтилъ Рѣзниковъ.

— Яковъ-то...—кивнувъ головой вслѣдъ Маякину, шопотомъ сказалъ Зубовъ.

— Что Яковъ? Онъ тутъ не проигралъ...

— Н-да-а... онъ теперь...хе-хе...

— Опечеть... хе-хе-хе!

Ихъ тихій смѣхъ и шопотъ сливались со вздохами машины и должно быть не достигали до слуха Омы. Онъ неподвижно смотрѣлъ предъ собой тусклымъ взглядомъ, и только губы у него чуть вздрагивали...

— Сынъ къ нему явился... — шепталъ Бобровъ.

— Я его знаю, сына-то,—сказалъ Ящуровъ.— Встрѣчалъ въ Перми...

— Что за человѣкъ?

— Дѣловой... умный парень...

— Ну?

— Большимъ орудуетъ дѣломъ въ Усольѣ...

— Стало быть—этотъ Якову не нужень... Н-да... вонъ оно что!

— Глядите—плачетъ!

— О?

Ома сидѣлъ, откинувшись на спинку стула и склонивъ голову на плечо. Глаза его были закрыты и изъ-подъ рѣсницъ одна за другой выкатывались слезы. Онѣ текли по щекамъ на усы... Губы Омы судорожно вздрагивали, и слезы падали съ усовъ на грудь. Онъ молчалъ и не двигался, только грудь его вздымалась тяжело и неровно. Купцы посмотрѣли на блѣдное, страдальчески осунувшееся, мокрое отъ слезъ лицо его съ опу-

ценными книзу углами губъ и тихо, молча стали отходить прочь отъ него...

И вотъ Ома остался одинъ со связанными за спиной руками предъ столомъ, покрытымъ грязной посудой и разными остатками пира. Порой онъ медленно открывалъ тяжелыя опухшія рѣсницы, и глаза его сквозь слезы, тускло и уныло смотрѣли на столъ, гдѣ все было грязно, опрокинуто, разрушено...

Прошло года три.

Съ годъ тому назадъ Яковъ Тарасовичъ Маякинъ умеръ. Умирая въ полномъ сознаніи, онъ остался вѣренъ себѣ и за нѣсколько часовъ до смерти говорилъ сыну, дочери и зятю:

— Ну, ребята, — живите богато! Поѣлъ Яковъ всякихъ злаковъ, значить Якову пора долой со двора... Видите—умираю, а не унываю... И это мнѣ Господь зачтетъ... Я Его Всеблагото, только шутками безпокоилъ, а стономъ и жалобами — никогда! Охъ!.. Господи! Радъ я, что умѣючи пожилъ... по милости Твоей! Прощайте, дѣтушки... Живите дружно... и не мудрствуйте очень-то. Знайте, — не тотъ святъ, кто отъ грѣха прячется, да покойненько лежить... Трусовъ отъ грѣха не оборонишь... про это и говорить притча о талантахъ... А кто хочетъ отъ жизни толку добиться — тотъ грѣха не боится... Ошибку Господь ему простить... Господь назначилъ человѣка на устройство жизни... а ума ему не такъ ужъ много даль... значить, строго—искать недоимокъ не станетъ... Ибо святъ Онъ и много-милостивъ...

Умеръ онъ послѣ краткой, но очень мучительной агоніи...

Ежова за что-то выслали изъ города, вскорѣ послѣ происшествія на пароходѣ.

Въ городѣ возникъ новый крупный торговый домъ подъ фирмой „Тарасъ Маякинъ и Африканъ Смолинъ“...

За всѣ три года о Омѣ не слышно было ничего. Говорили, что послѣ выхода изъ больницы Маякинъ отправилъ его куда-то на Уралъ къ родственникамъ матери.

Недавно Ома явился на улицахъ города. Онъ какой-то истертый, измятый и полуумный. Почти всегда выпивши, онъ появляется — то мрачный съ нахмуренными бровями и съ опущенной на грудь головой, то улыбающийся жалкой и грустной улыбкой блажененькаго. Иногда онъ буянитъ, но это рѣдко случается. Живетъ онъ у сестры на дворѣ, во флигелькѣ...

Знающіе его купцы и горожане часто смѣются надъ нимъ. Идетъ Ома по улицѣ, и вдругъ кто-нибудь кричитъ ему:

— Эй ты, пророкъ! Подъ сюда!

Ома очень рѣдко подходитъ къ зовущему его, — онъ избѣгаетъ людей и не любитъ говорить съ ними. Но если онъ подойдетъ, — ему говорятъ:

— Ну-ка, насчетъ свѣтопреставленія скажи слово, а? Хе-хе-хе! Про-орокъ!

Издание О. Н. Поповой.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Бончъ-Бруевичъ, В. Избранныя произведенія русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній. Изд. 2-е, значит. дополн. Стр. XX+675. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.

А. С. Пушкинъ, К. О. Рылъевъ, Князь А. И. Одоевскій, Е. А. Баратынскій, Н. М. Языковъ, Ф. И. Тютчевъ, А. И. Полежаевъ, А. В. Кольцовъ, М. Ю. Лермонтовъ, Н. Н. Огаревъ, Графъ А. Толстой, Я. П. Полонскій, А. Н. Майковъ, Л. А. Мей, И. С. Аксаковъ, Н. А. Некрасовъ, А. М. Жемчужниковъ, А. Н. Яхонтовъ, А. Н. Плещеевъ, И. С. Никитинъ, В. С. Курочкинъ, Д. Д. Минаевъ, Н. А. Добролюбовъ, Оммулевскій, И. В. Фодоровъ, А. Н. Апухтинъ, И. З. Суриковъ, Л. И. Пальминъ, С. Д. Дрожжинъ, А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, С. Я. Надсонъ, С. Г. Фругъ, Н. М. Минскій, П. Я. (М. Рамшевъ), А. Н. Трефоловъ, К. М. Фофановъ, Д. С. Мережковскій, К. Д. Вальмонъ, А. М. Фодоровъ, А. А. Коринфскій, О. Н. Чюмина и друг.

Бульверъ-Литтонъ, Э. Ренци, послѣдній изъ римскихъ трибуновъ. Перев. съ англ. С. А. Гулишамбаровою. Стр. III.—518. Спб. Ц. 1 руб.

Учебн. Комит. М. Н. Пр. одобрена для ученич. библ. средн. учебн. заведеній, и допущена въ безпл. народн. читал. и библіотеки.

Бунинъ, Ив. Разказы. Спб. Стр. 254. Ц. 1 р., „На край свѣта“.—„На дачѣ“.—„Фантазеръ“.—„Вѣсти съ родины“.—„Танька“.—„На чужой сторонѣ“.—„Кастрюкъ“.—„Тарангела“.—„На Донцѣ“.

Гауптманъ, Гергардъ. Одинокіе люди. Драма въ 5 д. Посвящается тѣмъ, кто ее пережилъ. Пер. съ нѣм. О. Н. Поповой. Спб. Стр. 132. Ц. 1 р.

Дживанюли, Спартакъ. Перев. съ итал. А. Каррикъ и С. А. Гулишамбаровою. Спб. Стр. 530. Ц. 1 р.

Зола Э. Плодовитость (Fécondité) Ром. въ 6 кв. Пер. О. Н. Поповой. Спб. 576. Ц. 1 р. 50 к.

Ли, Ионасъ. Ниобея. Ром. Пер. О. Н. Поповой. Спб. Стр. 235. Ц. 60 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Три конца. Уральская лѣтопись. Спб. Стр. 558. Ц. 2 р.

А. Манцони. Обрученные (Promessi sposi). Романъ. Переводъ съ итальянскаго Е. Некрасовой. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Уч. К. М. Нар. Пр. одобр. для библ. всѣхъ средн. учебн. зав., допущ. въ учит. библ. всѣхъ низшихъ училищъ и въ безпл. народн. читальни и библіотеки.

Наумовъ, Н. И. Собраніе сочиненій. 2 т. Спб. Стр. 514+377. Ц. 3 р.

СОДЕРЖАНІЕ I-го т.: Умалитенный.—Поскотникъ.—Паутина.—Послѣднее прости.—Кающійся.—Ядичникъ.—У перевоза.—Куда ни кинь—все клинъ.—Зажора.—Юрвая.—Горная идилія.—Крестьянскіе выборы.

СОДЕРЖАНІЕ II-го т.: Деревенскій аукціонъ.—Мірской учетъ.—Ночь на озерѣ.—Погорѣльцы.—Одинъ изъ способовъ сближенія съ народомъ.—Святое озеро.—Фургонщикъ.—Ежъ.—Какъ аукнется, такъ и откликнется.—Деревенскій торгашъ.—Нефедовскій починокъ.—Сарбыска.—Эскизы безъ тѣней.—Картинка съ природы.

Номировичъ-Данченко, Вас. И. Волчья сыть. Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. Стр. 387. Ц. 1 р. 50 к.

Станюковичъ, К. Морскіе силуэты. Спб. Стр. 216. Ц. 1 р.

СОДЕРЖАНІЕ: Нянька.—Матроска.—Генераль-арестантъ.

Книжный магазинъ О. Н. Поповой составляетъ **бесплатно** каталоги общественныхъ и народныхъ библіотекъ и читаленъ. Льготныя условія частнымъ лицамъ и общественнымъ учрежденіямъ. Картины для волшебныхъ фонарей. Всякаго рода книги и учебныя пособия, публикованныя въ періодическихъ изданіяхъ и каталогахъ другихъ фирмъ.

ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

При требованіи наложеннымъ платежемъ свыше 10 р., необходимо представленіе задатка въ размѣрѣ четверти стоимости книгъ.

При книжномъ магазинѣ волшебные фонари Парижской фирмы Мазо, для школь и для дома. Названіе фонаря—„Сціоптиконъ“. Цѣна фонаря (въ жестяномъ футлярѣ) **30 руб.** Пересылка за счетъ покупателя.

Пересылка изданій О. Н. Поповой **бесплатно**, исключая выходящихъ по подпискѣ и сочин. Добролюбова.

По первому требованію высылаются

БЕЗПЛАТНО КАТАЛОГИ:

изданій и книжнаго магазина О. Н. Поповой, періодическихъ изданій и картинъ для волшебнаго фонаря.

„ЖИЗНЬ“

VERIFICAT
2017

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ. Въ каждой книжкѣ помѣщаются иллюстраціи, отпечатанныя на отдѣльныхъ листахъ.

Въ журналѣ ближайшее участіе принимаетъ М. Горькій.

Составъ редакціи и постоянныхъ сотрудниковъ остается тотъ же, какъ и въ 1899 году.

Въ теченіе 1900 года предполагается помѣстить, между прочимъ, слѣдующія *беллетристическія* произведенія: Мужикъ. Повѣсть М. Горькаго.—Дачники. Очерки Его же.—Рядъ рассказовъ Его же.—Изъ лѣтнихъ встрѣчъ. Очерки В. Вересаева.—Рядъ рассказовъ Е. Чирикова.—Повѣсти В. Л. Стрѣшевскаго и Ант. П. Чехова.—Сумерки духа. Романъ З. Гиппіусъ.—Большая кровь. Романъ Н. С. Баранцевича.—Воскресники. Повѣсть В. Я. Муринова.—Контрасты. Романъ изъ лондонской жизни Р. Уайтинга.—Броженіе. Романъ изъ парижской жизни Э. Эстонье и др.

Кромѣ того въ *беллетристическомъ* отдѣлѣ общали свое участіе М. Н. Альбовъ, И. А. Бунинъ, А. А. Вербицкая, Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), Л. Я. Гуревичъ, К. Ельцова, А. Р. Крандѣвская, Д. С. Мережковскій, А. О. Недолинъ, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, Н. А. Танъ, Н. Д. Телешовъ, Н. И. Тимковскій, Алекс. С. Шабельская и др.

Въ отдѣлѣ критики и исторіи литературы принимаютъ участіе Д. Н. Овсянко-Куликовскій, Е. А. Соловьевъ и др.

Въ научномъ отдѣлѣ будетъ помѣщенъ рядъ статей русскихъ и иностранныхъ ученыхъ по естествознанію, исторіи, философіи, обществовѣднью и т. д. Въ этомъ отдѣлѣ редакція стремится ознакомить читателей съ новѣйшими научными теченіями.

Ставя одной изъ своихъ задачъ популяризацию искусства, редакція помѣститъ въ будущемъ году на страницахъ „Жизни“ обстоятельныя характеристики Микель-Анджело, Леонардо-да-Винчи и Рафаэля со множествомъ иллюстрацій, клише для которыхъ готовятся за-границей.

Постоянные отдѣлы: Очерки современной русской литературы Андреевича.—Новости иностранной литературы Л. Я. Гуревичъ.—Библиографія.—Изъ области знанія и жизни.—Вопросы дня Д. Д. Протопопова.—Хроника внутренней жизни.—Провинціальныя картинки. Е. Чирикова.—Иностранное обозрѣніе В. П.—Письма изъ-за границы: изъ Франціи Е. Смирнова, изъ Англіи Д. Сатурина, изъ Бельгіи Г. Лагорделля, изъ Германіи А. Коврова, изъ Италіи Артура Лабріола, изъ Австріи П. Звѣздича, изъ С. Америки И. Гурвича, съ Балканскаго полуострова Д. Григорьева.—Письма изъ провинціи.

Годовыя подписчики получаютъ въ видѣ бесплатнаго приложенія переводный романъ, напечатанный отдѣльной книгой.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой — 7 рублей.

За границу — 10 рублей.

Для подписывающихся черезъ главную контору допускается разсрочка отъ 1 рубля въ мѣсяць. Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать 35 коп. съ годового экземпляра.

Редакторъ-издатель М. С. Ермолаевъ.

Главная контора: С.-Петербургъ, Знаменская, № 20.